

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XIX

Москва
ИДВ РАН
2014

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. *Н.Л. Мамаева*, к. и. н. *В.Н. Павлятенко*, к. э. н. *И.В. Ушаков*

Редколлегия:

к. э. н. *Е.И. Сафронова* (отв. редактор, составитель), *О.У. Муфаззалова*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX: ежегодное издание / сост., отв. редактор Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2014. — 408 с.

ISBN 978-5-8381-0285-0

XIX выпуск ежегодного издания включает статьи сотрудников трех исследовательских центров ИДВ РАН — Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией. В книгу также включены работы соискателей ИДВ РАН и приглашенных специалистов. Сборник посвящен анализу проблем, сохраняющих свою актуальность на протяжении многих лет, и ряда недавно проявившихся моментов во внешней политике и внешнеэкономических связях Китая. Особенностью XIX выпуска стал анализ новых акцентов в международных отношениях КНР в США, в зоне Восточно-Китайского моря, в китайско-российском диалоге в свете украинских событий, на американском, западноевропейском и индийском направлениях и др. Сборник также содержит статьи по экономическому и гуманитарному сотрудничеству стран ШОС и по вопросам истории внешнеполитических связей Китая.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0285-0

© Сафронова Е.И., составление, 2014
© ИДВ РАН, 2014

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

Портяков В.Я.

К вопросу о комплексной мощи Китая:
подходы к оценке, структура, динамика, перспективы 6

Лузянин С.Г.

Китай в системе глобальной и региональной безопасности 22

Клименко А.Ф.

Россия и Китай в системе безопасности
Северо-Восточной Азии 31

Ларин А.Г.

К анализу новых моментов во внешней политике КНР 51

Морозов Ю.В.

Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма
на российском Дальнем Востоке и в Китае 72

Васильев Л.Е.

Российско-китайское сотрудничество в борьбе
против терроризма 93

Петровский В.Е.

Участие в работе институтов глобального управления
и их реформировании: сравнительный анализ опыта
России и Китая 104

Давыдов А.С.

Китайско-американские отношения «нового типа»
и фактор России в глобальном и региональном измерениях . . . 121

<i>Уянаев С.В.</i> Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений	135
<i>Виноградов А.О.</i> Европейский визит Си Цзиньпина: новая китайская дипломатия в действии	154
<i>Гордиенко Д.В.</i> Защищенность Китая от военных угроз и сравнительная оценка уровней военной безопасности государств Центральной и Северо-восточной Азии	163
<i>Сафронова Е.И.</i> Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России	183
<i>Болятко А.В.</i> Тенденции развития ситуации в зоне Восточно-Китайского моря	204
<i>Исаев А.С.</i> Китай и «украинский кризис»: выбор стратегии	213
<i>Тимофеев О.А.</i> Украинский кризис и его влияние на российско-китайские отношения	237
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Китайский фактор в современном внешнеполитическом выборе Украины и Армении в условиях полицентричности мира	248
 ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР	
<i>Матвеев В.А.</i> Российско-китайская кооперация в экономике, торговле, инвестициях, энергетике и транспорте ШОС: современные тренды	270

<i>Балакин В.И.</i> Государственно-частное партнерство в зарубежных интеграционных проектах КНР	281
<i>Смирнова Л.Н.</i> Об адаптации антикоррупционной системы КНР к международным вызовам	291
<i>Лузянин С.Г., Гордиенко Д.В.</i> Об оценке уровня экономической безопасности приграничных регионов ДВФО России в свете развития обстановки в США	306
 ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ	
<i>Ли Суйань</i> История изучения внутренней и внешней политики СССР/РФ в провинции Хэйлунцзян	326
<i>Александрова М.В.</i> Японский капитал и его значение в развитии промышленности Северо-восточного Китая (конец XIX в. — 1945 г.)	336
<i>Саркисова Г.И.</i> Некоторые аспекты формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам)	359
<i>Ян Юйхэн</i> Исторические корни концептуального обоснования современного внешнеполитического курса КНР	380
Summary	400

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

В.Я. Портяков*

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ МОЩИ КИТАЯ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассмотрены подходы ученых различных стран к оценке показателя «комплексной мощи государства». Проанализирован современный уровень комплексной мощи Китая, ее структура и перспективы дальнейшей эволюции.

Ключевые слова: комплексная мощь государства; Китай; США; современный уровень; перспективы.

I
В последнее время целый ряд факторов и процессов заметно актуализировал вопрос о комплексной мощи Китая — ее динамике, современном уровне и перспективах дальнейшего наращивания, сравнении с комплексной мощью дру-

гих держав, прежде всего США, Японии, Индии. Упомянем в данном контексте беспрецедентный экономический рост Китайской Народной Республики в период пребывания у власти четвертого поколения лидеров страны во главе с Ху Цзиньтао, обеспечивший выход страны на 2-е место в мире вслед за США по общему размеру валового внутреннего продукта и увеличение ее доли в мировой экономике с 3,7 % в 2003 г. до 10 % и более, начиная с 2010 г. В 2013 г. КНР вышла на 1-е место в мировой торговле товарами. С приходом к власти пятого поколения лидеров государства во главе с Си Цзиньпином был выдвинут лозунг осуществления «китайской мечты», подразумевающей реализацию долгосрочных ориентиров развития страны и повышения ее международного влияния. Данный лозунг подкреплен существенной активизацией деятельности Китая на мировой арене, открыто декларированным курсом на усиление его военно-морской и в целом оборонной мощи.

Важные подвижки, непосредственно затрагивающие Китай, произошли и в международных отношениях. В их числе — провозглашенный администрацией Б. Обамы курс на «возвращение США в Азию», существенное усиление борьбы между Китаем и Японией за лидерство в Восточной Азии, усугубляемое спором о принадлежности островов Дяоюйдао—Сенкаку, притязания ряда стран Юго-Восточной Азии на острова Южно-Китайского моря, которые Китай исторически считает своими, периодически усиливающаяся взаимная настороженность в китайско-индийских отношениях.

В этой ситуации по-своему естественно, что ссылки на «комплексную мощь Китая» стали чаще, чем ранее встречаться и в китайских, и в иностранных СМИ. Так, известный китайский ученый-международник Ма Чжэньган завершил свою статью о новых особенностях дипломатии Си Цзиньпина выводом, что «дипломатия является воплощением комплексной мощи государства и служит развитию страны»¹. А российский китаевед А.Г. Ларин, комментируя различия в подходе США к Китаю и России, отметил: «По ядерным вооружениям Россия пока значительно превосходит Китай. Но ядерные вооружения ничего не решают. Все решает комплексная национальная мощь»².

* Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН.

II

Что же понимается под «комплексной мощью государства» (КМГ), какова ее структура, кто и как исследует комплексную мощь различных стран, включая Китай?

Выдвижение понятия «комплексной мощи государства» отразило объективную потребность принимающих решения политических кругов ведущих держав мира и осуществляющих научное сопровождение процесса принятия решений экспертных кругов в какой-либо обобщенной количественной оценке иерархии и соотношении мощи основных международных акторов.

Согласно одному из имеющихся определений, «комплексная мощь государства» есть интегральный показатель экономического, политического, военного, научно-технического и других потенциалов страны, включающий в себя совокупность факторов, определяющих способность страны развиваться, сопротивляться трудностям, внешнему давлению, дезинтеграционным процессам, отстаивать свою систему ценностей³. Еще одно определение, близкое по сути к приведенному, характеризует «международную мощь» (в данном случае — синоним КМГ) как «способность государства каким-либо образом влиять на международный контекст своего существования, в том числе менять этот контекст или, напротив, сопротивляться происходящим там переменам»⁴.

Первые исследования понятия «комплексной мощи государства» восходят к эпохе противостояния США и СССР в условиях биполярного мира. Пионером в разработке данной темы считается американский исследователь Рэй Клайн, а в СССР, судя по всему, таковым является В.С. Дадаян, опубликовавший в 1989 г. монографию «Орбиты планетарной экономики». На рубеже 1980—1990-х годов свою методику расчета и оценки КМГ предложил сотрудник Академии военных наук НОАК Хуан Шофэн⁵.

С начала 1990-х годов к исследованию данной проблематики подключаются институты Академии общественных наук Китая — Институт мировой экономики и политики и Институт математической и технической экономики, а затем и другие ученые: из Университета Цинхуа (Ху Аньган) и Китайского института современных международных отношений.

Имеются свидетельства разработки сходного круга проблем в США в середине первого десятилетия XXI в. Речь, во-первых, идет о проекте «Военные соотношения», в рамках которого был разработан Сводный индекс национальных материальных возможностей (The Correlates of War Composite Index of National Capabilities)⁶, и, во-вторых, о разработке корпорации РЭНД «Измеряя национальную мощь»⁷. Встречаются упоминания о похожих исследованиях применительно к Китаю в Австралии и Великобритании.

В России наиболее близко примыкают к анализу комплексной мощи государства некоторые работы Института экономических стратегий, анализирующие критерии «державности»⁸, и подготовленный в МГИМО (У) МИД РФ «Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств» (2007), где представлены оценки «потенциала международного влияния» стран мира.

Китайские методики расчета КМГ построены на математических моделях, учитывающих несколько десятков «твердых» статистических данных и «мягких» экспертных оценок. Показательно, что последние использовались в КНР еще до широкой популяризации понятия «мягкая сила», впервые предложенного Дж. Наем в 1990 г. Так, в своих исследованиях Хуан Шофэн оперировал такими понятиями, как «сила согласованности», рассматривавшуюся как способность правящей элиты проводить оптимальную скоординированную внутреннюю и внешнюю политику, и «сила сцепления народа» («ницзюй ли»), которую, впрочем, он применительно к СССР существенно переоценил...

Среди «твердых» показателей отбираются те конкретные данные, которые могут достаточно репрезентативно отразить достигнутый уровень и потенциал страны в экономике, трудовых и природных ресурсах, инвестиционной деятельности, научно-техническом развитии, военной сфере. Большое значение имеет адекватная экспертная оценка значимости того или иного конкретного показателя. Например, чрезмерный акцент на производстве стали, по которому в мире с огромным отрывом лидирует Китай, при расчете упоминавшегося выше сводного ин-

декса национальных материальных возможностей обусловил отведение авторами Китая 19,9 % совокупной международной мощи при определении соответствующей доли США всего лишь в 14,2 %⁹.

Что касается показателей «мягкой силы», то в этом качестве обычно фигурируют экспертные оценки политической системы, дипломатии, уровня управления в государстве. Все чаще в число оцениваемых факторов «мягкой силы» попадают культура той или иной державы (нередко ранжируемая по объему экспорта продукции культурного назначения — фильмов, книг и т. п.) и наиболее типичный образ страны в массовом восприятии за рубежом. Как полагает известный политолог, директор Академии современных международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтуан, «твердые» и «мягкие» компоненты КМГ должны не суммироваться, а перемножаться, в этом случае становится очевидной высокая зависимость итогового показателя от слабейшего фактора.

Необходимо подчеркнуть, что представление о факторах и компонентах, требующих обязательного учета при оценке КМГ, эволюционируют. Так, в 2009 г. американские политологи выдвинули тезис, что центральное положение США в различных системах международных связей играет важную роль в обеспечении стране ведущих позиций в мире. Как полагает Анн-Мари Слотер, именно уникальная способность США «капитализировать» свои обширные разнообразные связи «сделает XXI век американским веком»¹⁰.

В определенной мере перекликаются с этой идеей расчеты индекса глобализации, выполняемые в США (A.T. Kerney's Globalization Index) и в Швейцарии (KOF Index of Globalization). Важно отметить, что в индексе глобализации А.Т. Керни в качестве одного из ведущих компонентов учитываются показатели экономической интеграции, включая объем международной торговли, торговые потоки, международные инвестиции и трансферты¹¹. Хотя, возможно, отследить и оценить прямое влияние участия страны в интеграционных объединениях на показатели ее комплексной мощи достаточно сложно, однако наличие здесь существенного косвенного воздействия несомнен-

но. Так, учреждение зоны свободной торговли КНР—АСЕАН на глазах увеличивает влияние Китая в регионе, причем не только в Юго-Восточной Азии, но и в Азии в целом. Кроме того, интеграция, выводящая экономические интересы страны за ее территориальные рамки, стимулировала постановку в Китае вопроса о необходимости обеспечения безопасности морских маршрутов перевозки грузов путем наращивания военно-морского флота.

В то же время, на взгляд автора, вряд ли в целом стоит увлекаться бесконечным дополнением более-менее сложившихся представлений о структуре ведущих компонентов показателя комплексной мощи государства все новыми и новыми индексами, агрессивно завоевывающими себе нишу в политологии в последние годы, — различные индексы конкурентоспособности, индекс процветания Legatum, индекс миролюбия, индекс Бертельсмана для переходных экономик и т. д., и т. п. ... Пожалуй, главное возражение здесь состоит в том, что показатель КМГ имеет практическое значение для десятка, максимум двадцати ведущих государств, тогда как подавляющее большинство индексов рассчитывается для сотни и более государств, и в лидерах здесь нередко оказываются небольшие страны, что, однако, почти никак не влияет на общую международную архитектуру и расстановку сил в мире.

Складывается ощущение, что именно появление большой группы разнообразных индексов, без конца ранжирующих страны мира «по горизонтали и вертикали», несколько снизило в последние годы интерес экспертного сообщества к расчетам и сравнительному анализу показателей комплексной мощи ведущих мировых держав. Похоже, что в КНР продолжают вплотную изучать эту проблему лишь в Университете Цинхуа. Ученые из Института мировой экономики и политики АОН Китая, с которыми автору довелось побеседовать в апреле 2014 г., акцентировали внимание на высокой субъективности значительной части экспертных оценок, учитываемых в расчетах КМГ, что каждый раз делает получаемые итоговые данные скорее индивидуализированными, нежели сопоставимыми с результатами предыдущих интегральных оценок.

Тем не менее «справочная» («цанькао») и даже «ориентирующая, индикативная» («чжидоосин») ценность показателя комплексной мощи государства признается практически всеми китайскими специалистами.

III

Каковы же конкретные параметры комплексной мощи Китая в настоящее время?

Сразу оговоримся, что какие-то абсолютно свежие оценки данного показателя автору неизвестны. Это, однако, не мешает составить обобщенное представление о динамике роста и нынешнем уровне китайской комплексной мощи.

Китаезычные сайты на запрос о «цзунхэ голи» предоставляют несколько вариантов информации о комплексной мощи ведущих государств, включая Китай. К числу наиболее часто воспроизводимых в Интернете относятся расчеты КМГ на 2005 г., выполненные в Институте мировой экономики и политики АОН Китая. Согласно им, 1-е место занимали США (90,65 балла) с солидным отрывом от Великобритании (65,06), России (63,03), Франции (62,00) и Германии. Далее следовали Китай (59,10), Япония (57,84), Канада, Республика Корея, Индия (50,43 балла)¹². Представляют интерес и оценки отдельных компонентов КМГ (табл. 1).

Как видим, Китай в 2005 г. был помещен по КМГ лишь на 6-е место, лидируя только по одному компоненту — трудовым ресурсам.

В другом материале, размещенном на Интернет-сайте «shenmeshi.com» («что представляет собой?», «что означает?» и т. п.) приведена сводная таблица КМГ мировых лидеров и ее структурной разбивки по состоянию на 2007 г. (табл. 2).

Здесь Китай также оказался на 6-м месте, но уже впереди России и в качестве лидера по темпам годового прироста КМГ — почти на 3 %. Согласно оценкам, приведенным в табл. 2, США оставались безоговорочным лидером по большинству параметров КМГ с особенно солидным отрывом от других держав по во-

Таблица 1. Оценка отдельных компонентов комплексной мощи государства десяти ведущих стран мира (в условных расчетных баллах)

Страна	Технологии	Трудовые ресурсы	Капитал	Информация	Природные ресурсы	Военная мощь	ВВП	Дипломатия	Контрольно-регулятивная мощь правительства
США	97,42	73,38	99,59	87,06	79,34	91,85	100,0	98,64	76,11
Великобритания	73,75	71,77	65,63	79,29	60,36	54,26	56,87	78,52	63,61
Россия	56,33	67,05	52,44	56,77	89,84	84,79	50,00	87,46	52,14
Франция	73,50	68,12	62,33	74,81	56,39	56,29	56,42	82,12	58,61
Германия	77,35	66,46	59,71	80,02	53,66	54,03	59,49	72,25	59,93
Китай	61,42	76,36	59,29	56,20	73,62	54,69	54,76	78,24	63,40
Япония	86,31	71,93	66,13	81,15	50,78	52,34	68,30	66,57	54,79
Канада	65,51	71,15	59,58	76,66	83,84	50,00	51,82	61,14	96,90
Респ. Корея	69,19	65,06	52,80	80,88	50,02	50,72	50,41	54,35	57,18
Индия	50,00	65,09	50,59	51,40	61,80	51,13	50,19	50,42	53,59

Источник: URL: <http://iask.sina.com.cn/b/4319313.html> (дата обращения 18.04.2014).

енной и научно-технической мощи, а в целом по КМГ опережали Китай в 2,77 раз.

Однако уже вскоре вследствие мирового финансово-экономического кризиса в иерархии стран по показателю КМГ произошли существенные подвижки. Главной из них стало перемещение на 2-е место Китая. Такая оценка была дана корейскими СМИ, проводившими ранжирование государств «Большой двадцатки», которая сформировалась как международный институциональный инструмент для противодействия кризису. По состоянию на август 2009 г. лидером оставались США (69,15 балла), возглавлявшие рейтинги по семи из 13 учитываемых показателей (оборона, экономика, наука и техника, образование, информация, дипломатия, способность противостоять макроэкономиче-

Таблица 2. Комплексная мощь ведущих стран мира и ее структура по состоянию на 2007 г. (в условных расчетных единицах)

Наименование	Экономическая мощь	Научно-техническая мощь	Военная мощь	Ресурсы	Социальное развитие	Контрольно-регулятивная мощь правительства	Сила дипломатии	Годовой прирост КМГ, %	Комплексная мощь
США	3251	1718	2249	547	559	185	131	0,43	8639
Япония	2158	1111	806	226	416	169	100	0,26	4906
Франция	1588	994	814	201	419	184	119	0,31	4319
Великобритания	1602	856	830	217	400	171	112	0,75	4188
Германия	1762	854	623	191	419	184	107	0,48	4139
Китай	1321	312	508	483	245	133	116	2,98	3119
Россия	598	504	863	521	332	157	118	2,20	3092

Источник: URL: http://www.shenmeshi.com/Social/Social_20070524212257.html (дата обращения 24.04.2014).

ским изменениям) и обладавшие очевидными преимуществами как в «твердой», так и в «мягкой силе».

Китай был поставлен на 2-е место, хотя и с крайне незначительным отрывом от следующей за ним группы стран (соответственно, 54,73 балла у КНР, 53,45 — у Японии, 53,05 — у Великобритании, 52,92 — балла у Германии). При этом Китай был охарактеризован как мировой лидер в трех сферах проявления «мягкой силы» — политика, культура, социальный капитал, но был поставлен лишь на 18-е место по управлению окружающей средой.

Россия, особенно тяжело пережившая мировой кризис 2008—2009 гг., с 48,67 балла оказалась на 12-м месте — даже ниже стоящей перед ней Индии. Крайне низкие оценки получили существующие в России уровни государственного административного управления (19-е место из 20 стран), способности противостоять макроэкономическим изменениям (18-е место) и социального капитала (17-е место)¹³.

За время, прошедшее после выставления вышеприведенных оценок, комплексная мощь Китая заметно возросла как минимум по четырем компонентам. Валовой внутренний продукт страны в сопоставимых ценах вырос в 2013 г. в 1,97 раза по сравнению с 2005 г.¹⁴

В последнее десятилетие существенно укрепилась военная мощь Китая. Официальные бюджетные расходы на оборону в стране с 244,65 млрд юаней в 2005 г. выросли до 808,23 млрд юаней по плану на 2014 г., увеличившись в 3,3 раза. В долларовом эквиваленте с учетом повышения курсовой стоимости юаня с 8,27 до 6,2 юаня за доллар США, военные расходы выросли в 4,3 раза — с 30 млрд долл. в 2005 г. до планируемых на 2014 г. 131,6 млрд долл. (в 2012 г. 106,4 млрд долл., в 2013 г. 117 млрд долл.)¹⁵. Заметно усилились новыми видами вооружений и боевой техники военно-воздушные и военно-морские силы КНР.

Весомый прогресс достигнут Китаем в научно-технической сфере. Здесь сыграли свою роль последовательные усилия руководства страны по наращиванию доли расходов на НИОКР с 1,3 % ВВП в середине прошлого десятилетия до 2,09 % по итогам 2013 г., поступательная реализация «Основных положений государственного плана научно-технического развития КНР» на период 2006—2020 гг., практические шаги по развитию новых стратегических отраслей промышленности и наращиванию экспорта высокотехнологичной продукции. В результате китайский индекс инноваций, рассчитываемый в Государственном статистическом управлении КНР, достиг в 2012 г. значения в 148,2 пункта (2005 = 100). При этом расходы на каждого работника, занятого в сфере НИОКР, выросли в 2,06 раза. Вместе с тем за тот же период доля вклада фактора научно-технического прогресса в прирост ВВП увеличилась лишь в 1,2 раза¹⁶. Эти данные можно интерпретировать следующим образом: накопление «критической массы» совокупных усилий для обеспечения прорыва в инновационной сфере неуклонно идет, но пока количественный рост еще не трансформировался в радикальные качественные сдвиги. В любом случае, однако, реальные крупные достижения Китая в космической программе в целом и в «лунной» программе в частности, в глубоководных океанских иссле-

дованиях, в развитии низкоуглеродных и Интернет-технологий, активном использовании возобновляемых источников энергии позволяют предположить, что существовавшее ранее отставание КНР от других держав в научно-технической сфере существенно сокращено, а то и близко к окончательному преодолению.

Несомненно, на взгляд автора, и свершившийся в последнее десятилетие рост практически «по всем азимутам» «мягкой силы» Китая. Наиболее очевиден он, пожалуй, в сфере культуры. Здесь, разумеется, присутствует элемент интенсивной, а подчас и назойливой рекламы, исходящей от самого Пекина, но есть и объективные факты, свидетельствующие о растущей популярности брэнда «китайская культура» в мире. Это, в частности, рост популярности во всем мире китайского языка, современного китайского искусства, прежде всего живописи, присуждение Нобелевской премии по литературе писателю из КНР Мо Яню.

Что касается такого важного компонента «мягкой силы», как дипломатия, то присутствие Китая в мировой политике стабильно растет. Ширится география стратегических интересов Китая, множится число его инициатив по вопросам экономического сотрудничества, разрешению кризисных ситуаций и т. п.

Китай все ошутимее ведет себя на международной арене как одна из ведущих мировых держав. Каковы бы ни были те или иные современные расчеты комплексной мощи Китая, в общественном мнении большинства государств он устойчиво воспринимается как держава номер два, уступающая лишь США.

IV

Закономерно встает вопрос: сумеет ли Китай по комплексной мощи догнать США и если да, то когда. Ряд западных экспертов отвечают на этот вопрос утвердительно, однако диапазон возможных сроков варьирует от 2015 до 2040 г.¹⁷ Другие, напротив, указывают на многочисленные препятствия для Китая в виде его невысоких позиций в глобальных цепочках создания добавленной стоимости, недостаточном уровне человеческого и социального капитала, нехватке свободы, многочисленных управленческих вызовах, критической экологической ситуации

и т. п. На взгляд автора, бесспорным можно считать долгосрочное лидерство США по военной мощи и «мягкой силе» культуры, представленной показателем экспорта продукции культурного назначения.

Наилучшие шансы опередить США у Китая имеются в сфере экономики, включая годовой объем ВВП и экспорт высокотехнологичной продукции широкого диапазона.

Как известно, в предыдущие годы прогнозы экономического роста Китая затрагивали главным образом дальнюю перспективу до 2030 г. (в том числе прогнозы Ху Аньгана и Всемирного банка). С приходом к власти пятого поколения руководителей страны во главе с Си Цзиньпином фокус прогнозов переместился на ближайшее десятилетие.

Согласно прогнозу экономического роста Китая на период 2014—2023 гг., подготовленному в Центре исследования проблем развития при Госсовете КНР, даже в случае постепенного снижения годовых темпов прироста ВВП страны с 7,5 до 5,5 % его номинальный объем увеличится за десятилетие в 2,7 раза в ценах 2013—2014 гг. С учетом инфляции реальный рост будет несколько меньше (табл. 3).

Таблица 3. Оценка экономического роста в КНР в 2014—2023 гг.

Наименование	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Население	млн чел.	1361	1368	1374	1378	1384	1389	1394	1399	1420	1406	1408
ВВП	млрд юаней	57448,6	64052,3	71325,1	79125,1	87697,7	97105,0	107330,1	118420,3	130063,1	142584,7	156159,6
ВВП	млрд долл.	9265,9	10500,4	11887,5	13410,0	14864,0	16742,2	18505,2	20775,5	23225,6	25461,6	28392,7
Прирост ВВП	%	7,7	7,5	7,4	6,9	6,8	6,7	6,5	6,3	5,8	5,6	5,5

Источник: Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) : [Чжунго цзинцзи шинянь чжаньван (2014—2023)]. Пекин, 2014. С. 41. В расчетах использованы нынешние курсы юаня и доллара.

В долларовом эквиваленте ВВП КНР в 2023 г. вырастет по прогнозу до 28,4 трлн долл. (в пересчете из юаней в доллары по нынешнему курсу). В то же время абсолютный размер ВВП

США при среднегодовом приросте в 2–3 % с 16,8 трлн долл. в 2013 г. вырастет в сопоставимых ценах до 20–22 трлн долл. в 2023 г. (с учетом инфляции он будет в текущих ценах несколько выше). То есть по объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по рыночному курсу, Китай к 2023 г. несколько опередит США. А по объему ВВП, оцененному по паритету покупательной способности национальных валют, такое опережение, согласно прогнозу МВФ, произойдет уже в 2019 г. (табл. 4).

Таблица 4. Прогноз Международного валютного фонда о динамике ВВП Китая и США в 2014–2019 гг.

Наименование	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай ВВП	трлн юаней	56,88	62,78	69,14	75,73	82,96	90,68	99,03
ВВП	трлн долл. (рын. курс)	9,18	10,03	10,94	11,88	12,91	13,99	14,84
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	13,39	14,62	15,97	17,40	18,95	20,66	22,40
Доля в мировом валовом продукте	%	15,34	16,05	16,59	17,08	17,55	18,01	18,47
США ВВП	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
Доля в мировом валовом продукте	%	19,31	19,24	19,08	18,92	18,74	18,50	18,21

Источник: база данных World Economic Outlook, April 2014. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx> (дата обращения 26.04.2014).

Разумеется, по среднелетним показателям КНР через 10 лет будет по-прежнему значительно отставать от США. Центр исследования проблем развития при Госсовете КНР прогнозирует, что среднелетней ВВП (по паритету покупательной способности) в Китае с 31 % от уровня США возрастет в 2023 г. до 49,6 %¹⁸.

Пожалуй, главным неизвестным остается способность или неспособность Китая совершить в обозримой перспективе качественный технологический рывок, перейти от главенства заимствованных технологий к опоре на разработки, базирующиеся на своей интеллектуальной собственности. В последнее время в России неоднократно высказывался тезис, что после 2020 г. США уверенно продемонстрируют свое преимущество в сфере НИОКР и уйдут в отрыв от Китая. В частности, бывший президент Киргизстана, ныне профессор МГУ А. Акаев полагает, что ключевое значение будет иметь способность тех или иных стран нарастить долю технологий нового цикла — «нано—био—инфо—когнио» (NBIC), а здесь Китай заметно отстает от США и ведущих государств Европы¹⁹. Однако китайские ученые реагируют на такого рода прогнозы довольно спокойно, ссылаясь как на действующую программу развития новых стратегических отраслей, в значительной мере как раз базирующихся на новейших технологиях, так и на практические успехи в развитии Интернет-экономики, создании новых материалов и т. п.

В то же время ряд экспертов выводят проблему китайско-американского соперничества по параметрам комплексной мощи за пределы действия тех или иных материальных факторов. Как отмечает молодой шведский исследователь Бьорн Йерден, «если бы влияние США в Восточной Азии базировалось лишь или преимущественно на военной мощи или экономических ресурсах, мы могли бы ожидать его существенного уменьшения вслед за мировым экономическим кризисом. Вместо этого случилось противоположное: США оказались способны успешно запустить перебалансировку в ответ на китайскую “новую напористость” и тем самым усилить свое региональное влияние. Это предполагает, что влияние США не может быть объяснено только материальными факторами»²⁰.

Вполне очевидно, что одним из главных нематериальных факторов, повышающих при прочих равных условиях комплексную мощь США, является система союзов. Фактическая поддержка Б. Обамой японской стороны в конфликте с Китаем в споре о принадлежности островов Дяюйдао—Сенкаку, высказанная им в ходе визита в Японию в апреле 2014 г. при пол-

ном понимании неприятия такого шага Пекином, показывает готовность США в настоящее время до определенной степени жертвовать поступательным развитием отношений с Китаем ради укрепления сдерживающей его системы союзов в Восточной Азии.

Это прекрасно понимают и в Китае, в связи с чем один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтунь предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза²¹.

Примечания

¹ Ма Чжэньган. Новые особенности внешнеполитической стратегии председателя Си Цзиньпина : [Си Цзиньпин чжуси вайцзяо чжаньлюэ синь тэдянь]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0320/c1001-24688444.html>.

² Скосырев В. Вашингтон сделал Пекину серьезное предупреждение // Независимая газета. 09.04.2014.

³ Портяков В. «Он уважать себя заставил...» // Китай и Россия в экономическом измерении. Pro et Contra. Москва. 1998. Том 3. № 1. Зима. С. 26—40. Здесь С. 40.

⁴ Gilley, Bruce. Beyond the Four Percent Solution: explaining the consequences of China's rise. Journal of Contemporary China. Denver, 2011. November. P. 795—811. Здесь P. 796.

⁵ Поначалу разработкам Хуан Шофэна были посвящены несколько статей в центральной китайской печати, а в 1992 г. вышла в свет его монография Цзунхэ голи лунь : [Теория комплексной мощи государства]. Пекин, 1992.

⁶ Цит. по: Gilley Bruce. Op. cit. P. 796.

⁷ Trevorton G., Jones S. Measuring National Power. Santa Monica. CA: RAND, 2005. Цит. по: Gilley Bruce. Op. cit. P. 796.

⁸ См.: Кузык Б.Н., Агеев А.И., Добродеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. Россия в пространстве и времени (история будущего). М., 2004. Для оценки уровня «державности» авторы использовали экспертную количественную шкалу по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика.

⁹ Gilley Bruce. Op. cit. P. 796.

¹⁰ Slaughter Anna-Marie. America's Edge: Power in the Networked Century / Foreign Affairs. 2009. January-February.

¹¹ Каница Л.М. Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 76—82.

¹² См.: Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М. ИДВ РАН, 2013. С. 99.

¹³ URL: <http://news.sohu.com/20090816/n265992810.shtml>.

¹⁴ Расчет по: Чжунго тунци чжайяо 2013 : [Краткая статистика Китая—2013]. Пекин, 2013. С. 22; Коммюнике ГСУ КНР об итогах экономического и социального развития страны в 2013 г.

¹⁵ Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М., 2006. С. 46; Реутов А. Пекин отчитался по-военному. Коммерсант, 05.03.2010; Доклад Министерства финансов КНР об исполнении центрального и местных бюджетов за 2011 г. и проекта центрального и местных бюджетов на 2012 год. (5 марта 2012 г.). Пекин, 2012. (на рус. яз.); URL: <http://lenta.ru/news/2014/03/05/military> (Дата обращения 25.04.2014).

¹⁶ Показатель Китайского индекса инноваций в 2012 г. составил 148,2 пункта (2012 нянь Чжунго чуаньсинь цзиньсу вэй 148,2). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html (Дата обращения 18.02.2014).

¹⁷ Брюс Джилли цитирует различные оценки американских, австралийских и британских экспертов — см.: Gilley, Bruce. Op. cit. P. 796.

¹⁸ Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) : [Чжунго цзинци цзэнчжан шинянь чжаньван. (2014—2023)]. Пекин, 2014. С. 222.

¹⁹ Эта мысль была подчеркнута в выступлении А. Акаева на 2-м Московском экономическом форуме 26 марта 2014 г. См. также: А. Акаев. У России немалые шансы создать новую индустрию // Мир перемен. М., 2014. № 1. С. 15—20.

²⁰ Jerden Bjorn. The Assertive China Narrative: Why it is Wrong and How So Many Still Bought into it. The Chinese Journal of International Politics. Spring 2014. P. 47—88. Здесь — P. 86.

²¹ Янь Сюэтунь. Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе : [Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет]. Пекин, 2013. С. 206—209.

С.Г. Лузянин*

КИТАЙ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется китайское глобальное и региональное позиционирование в мире, российско-китайские отношения после майского (2014 г.) визита российского президента В.В. Путина в КНР (Шанхай), возможности создания РФ и Китаем так называемой Большой двойки в целях противодействия американскому доминированию.

Ключевые слова: Китай; РФ; безопасность; глобальные проблемы; российско-китайское стратегическое партнерство; США; региональное сотрудничество.

Китайское ощущение безопасности. 200-летний «срез»

Исторически, начиная с середины XIX в. (первых неравноправных договоров), в китайский менталитет прочно вошла «западная колониальная фобия», т. е. страх превратиться в колонию Запада (по модели Британской Индии). XX в. прошел уже под «прессом» японского вызова — сначала военного (1931—1945 гг.), когда 80 % китайской территории оказалось

* Лузянин Сергей Геннадьевич, д.и.н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

под пятой милитаристской Японии и были уничтожены десятки миллионов мирных китайцев, разрушено народное хозяйство Китая, а затем и мирного: «японское экономическое чудо» 1970-х годов и американо-японский военно-политический союз доминировали в Азии, выдавливая КНР на «обочину» истории.

К слову, в эти годы китайцы и сами, своими собственными руками через маоистские эксперименты, включая «культурную революцию» и пр., разрушали внутреннее поле безопасности. И только 30-летний период экономических реформ помог полностью восстановить баланс между стабильностью и поступательным развитием страны, показав миру начало «возрождения величия китайской нации».

Российское ощущение угроз

У России историческое ощущение угроз всегда было связано с Западом (Европой). Обе мировых войны пришли именно оттуда, не считая походов Наполеона и других европейских завоевателей. Акценты сместились в конце XX в., когда на первый план вышли южные (исламо-фундаменталистские) вызовы со стороны Афганистана и Северного Кавказа. Однако в настоящее время вновь происходит стремительная реанимация западной угрозы для России через события на Украине. Фактически РФ оказалась втянутой в новую «холодную войну» с США и с Западом в целом, результаты которой могут быть самыми разными.

Концепция безопасности. Что делать с США?

В этих условиях китайское предложение азиатской безопасности чрезвычайно своевременно и актуально. Внешняя (официальная) часть выдвинутой концепции известна — это соблюдение равной и неделимой безопасности для всех участников процесса, пять принципов мирного сосуществования и др. Оче-

видно, что существует и некий подтекст проекта, т. е. то, что открыто не обсуждается, но подразумевается.

Так, все чаще в дискуссиях китайских экспертов поднимаются проблемы глобальной безопасности. То есть как глобализация и тесные экономические отношения с США могут реально ударить по национальным интересам КНР. И где проходит «граница» китайско-американского сближения, за которую переходить нельзя? Часть радикально настроенных ученых и бывших военных, например, считают, что необходимо готовить «валютно-финансовый обвал американской экономики», используя полученные Китаем за годы активного взаимодействия с США преимущества. Другие — вообще говорят о неминуемой войне с Америкой.

Региональная безопасность.

Как ослабить «враждебную дугу»?

Не менее важна для Китая региональная безопасность, особенно в Восточной Азии. Китайские ощущения можно сравнить с неким «слоеным пирогом», состоящим из толстого «пласта» японофобии, перемешанного с антияпонскими настроениями, «слоя» островных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, «частей» американских военных баз (Южная Корея, Япония и др.), американской системы ПРО, «горьких начинок» из несговорчивых тайваньцев, северокорейцев, вьетнамцев и пр.

Другими словами, регионально Китай сегодня окружен «враждебной дугой» с Юга и частично — с Запада (индийско-китайская граница). Поэтому нынешняя инициатива Си Цзиньпина по выдвиганию новой концепции безопасности — это попытка, в том числе, разбавить «региональный пирог», сделать его менее острым. Тем более что в Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) входят и Индия, и Афганистан, и ряд других проблемных для КНР государств.

К слову, США, Япония и Украина — наблюдатели в СВМДА. Понятно, что КНР будет пытаться использовать свое председа-

тельство в этом форуме именно на треке региональной безопасности. То есть происходит некое смещение нацеленности проекта от Центральной Евразии (в изначальной версии Н. Назарбаева — его отца-основателя) к Восточной Азии.

Очевидно, что, при всей важности предложений китайского лидера, проект СВМДА по своим функциональным и институциональным возможностям не может быть инструментом реализации новой концепции безопасности. Это, скорее, средство информации и «пиаровского» оформления проекта.

Логика создания почти «военного альянса»

Теоретически есть и иной вариант укрепления региональной безопасности: возрождение российско-китайской военно-стратегической «оси» как противовеса американской (жесткой) системе безопасности в Восточной Азии, явно продвигающейся к созданию коллективного «азиатского НАТО». Для этого Москве и Пекину сначала будет необходимо взаимно признать наличие островных споров с третьими странами и активно включиться в процесс «возвращения островов». Хотя это положение многими экспертами РФ и КНР не приветствуется. Затем пойти на переформатирование отдельных статей Большого договора между РФ и КНР 2001 г. о стратегическом партнерстве и взаимодействии: в частности, ст. 9 о режиме взаимных консультаций в случае возникновения угрозы для одной из сторон. То есть провести некий «апгрейд» содержания Договора, приблизив к его реалиям и вызовам 2014 г., которых не было и в помине в 2001 г.

И заключительный шаг совместной безопасосберегающей активности двух стран мог бы быть связан с их выходом на почти военный альянс. Слово «почти» в данном контексте играет принципиальную роль, поскольку представляется целесообразным (и тактически, и стратегически) все-таки оставаться в формате «стратегического партнерства и взаимодействия». Тем более что институт двусторонних ежегодных военно-морских и су-

хопутных учений армий и так является механизмом некоей силовой аргументации.

Для большинства экспертов в РФ и КНР очевидно, что полюса региональной безопасности будут и дальше концентрироваться вокруг «американо-японского» и «российско-китайского» центров. При этом уже неважно, как эти «полюса» де-юре оформлены. Главное, что базовые тенденции будут, скорее всего, связаны с обострением отношений между указанными центрами силы. Вспоминая опыт длительного советско-американского противостояния, данный сценарий не представляется катастрофичным. Он предполагает развитие, взаимодействие и модернизацию всех государств. Один из китайских ученых заметил, что лучше управлять взаимным сдерживанием, чем жить в условиях непредсказуемой конфликтности. И в этих словах есть немалая доля правды. Видимо, приходит время выработки новых «правил игры» не только в условиях тотальной глобализации, но и локального/глобального противостояния.

«Час икс» для Китая и России. Будет ли союз?

В последние 5—7 лет в среде ведущих китайских политологов, определяющих «мэйнстрим» геополитической мысли, доминировал тезис: «умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». После саммита в Шанхае 2014 г. и подписания известных российско-китайских документов данный вариант будет, скорее всего, скорректирован.

Неизменной остается идея «опоры на Север» — т. е. на Россию. Причем, российский вектор Китая из энергетического (сырьевого) все больше превращается в геополитический, ибо неформальное создание военно-политического союза. Не случайно в принятом В. Путиным и Си Цзиньпином в Шанхае Совместном заявлении фактически просматриваются элементы договора о военно-политическом союзе, правда, без его юридического оформления. И если для России и Китая «час икс» все-таки настанет, то процедура оформления такого договора

может занять немного времени. Главное, что базовые принципы и общее видение мироустройства у двух стран едины.

Тезис «бороться за Восток и Юг» для КНР чрезвычайно широк. Он вбирает в себя и усиление экономико-политических позиций в странах Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, и усиление давления на отдельные страны АСЕАН (Вьетнам и др.) по спорным островам в Южно-Китайском море, и давление на своего регионального конкурента и соперника — Японию — в Восточно-Китайском море.

Изменения, скорее всего, произойдут в части «умиротворения Запада». Несмотря на сохраняющуюся экономическую взаимозависимость, Китай явно переходит от умиротворения Запада к его активному сдерживанию. И это касается, прежде всего, сдерживания США. Пекин (как и Москву) раздражает гегемонистская, а порой и «мессианская» политика Вашингтона по поводу всего, что происходит в мире.

При этом украинские события объективно усилили китайско-американские геополитические противоречия. Китайцы прекрасно понимают, что Америка, «разбираясь» с Россией, своей второй жертвой определила Китай. И если Пекин и Москва сегодня не создадут собственную «Большую двойку», то завтра может быть уже поздно ее создавать: известно, что в одиночку противостоять большой силе чрезвычайно трудно.

Итоги Второй мировой войны. Восстановление правды

Новые акценты проявились в российско-китайском диалоге во время Шанхайской встречи и в связи с приближающимся (в будущем году) 70-летием окончания Второй мировой войны. В нынешних условиях, когда неонацисты готовят исторические «ремэйки» на Украине, а США убеждает весь мир, что западные союзники чуть ли не в одиночку расправились с нацистской Германией, совместные заявления лидеров РФ и КНР важны не только с исторической, но и геополитической точки зрения.

Россия и Китай делают акцент на том, что на Западе решающий вклад в разгром Германии принадлежит, безусловно,

СССР, а на Востоке (японо-китайский фронт) — Китаю. Последний тезис — китайский вклад — либо замалчивался, либо искажался. Между тем, историкам хорошо известно, что Квантунская армия не двигалась в Сибирь и на советский Дальний Восток потому, что увязла в масштабных боях в Китае, причем в глубине его территории.

Что касается китайских потерь, то они превышают советские и германские вместе взятые. Поэтому безусловно, что в данных сюжетах просто необходимо восстановление исторической правды.

Обновление евразийской геополитики

Ведущие китайские политологи, рассматривающие перспективу создания «Большой двойки», предлагают различные сценарии и варианты ее формирования. Но большинство едины в том, что КНР и РФ акцент необходимо делать на активизацию усилий в Евразии при подключении к их партнерству Индии, и в отдельных случаях используя противоречия между ЕС и США (мнение профессора Е Цзычэна). Геополитическая «игра» на море, считают многие, — не самый сильный козырь Китая.

Подобный подход выглядит логичным, поскольку на евразийское «возвышение» уже объективно работают запущенные Китаем и Россией проекты: «Экономический пояс Великого шелкового пути» и «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС). Принципиально важным в этом плане является поиск и реализация общих «стыкующих механизмов» между этими двумя проектами.

На данном треке еще не все свои возможности и ресурсы показала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая теоретически может выступить связующим «мостом» между Великим шелковым путем и ЕАЭС. Подобная интеграция, скорее всего, пойдет на пользу всем трем проектам и даст новую жизнь ШОС, которая в последние годы явно застыла в своем развитии.

КНР в четырех лицах.

Между сверхдержавой и развивающимся государством

Российско-китайское сближение происходит в условиях явного и радикального обновления нынешней структуры международных отношений. Если раньше речь шла об исключительно одной сверхдержаве — США, и с этим были все согласны, то сегодня монополия на их сверхдержавность Китаем стремительно разрушается, и с американской гегемонией далеко не все согласны, даже в стане союзников США.

Правда, сам Китай пока до конца не определился со своим геополитическим статусом. Так, один из ведущих китайских политологов дал достаточно оригинальное определение КНР в мире как «четыре в одном» (Юань Пэн). То есть в Китае, по его мнению, одновременно сочетаются (и проявляются во внешней политике) четыре типа государства — развивающегося (официального), поднимающегося государства, глобального и «квази-сверхдержавы».

По поводу первых трех в мире имеются некоторые представления. А вот по поводу последнего — достаточно смутное. Причем не только в мире, но и в самом Китае.

Не разъяснил эту загадку и другой известный политолог Лю Липин, который выделяет четыре типа государств в современном мире: сверхдержава (США), сильные державы — Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия, — средние и слабые государства.

В любом случае ясно одно: даже исходя из представленных вариантов, Китай, позиционирует себя «рождающейся сверхдержавой», но с официальным статусом «большого развивающегося государства». Хотя и без экспертных изысков очевидно, что Поднебесная на подходе к тому, чтобы примерить «майку мирового лидера» в гонке за глобальное первенство. Это косвенно подтверждает другой исследователь — Ван Хунган, считающий, что, поскольку глобальное регулирование становится все более разбалансированным, главными регуляторами выступают и США, и КНР.

Очевидно, что процесс глобального регулирования в Пекине и Вашингтоне видят с альтернативных позиций. А за рулем машины, как известно, должен быть только один водитель (регулятор). Тем более, такой большой и сложной, как наш противоречивый и взрывоопасный мир.

Итак, поворот России на Восток, в сторону Китая, в широком (геополитическом) смысле — это начало формирования новых вариантов мироустройства. Теоретически «связка» Москва—Пекин может объединить вокруг себя «неамериканский мир», основанный на международном праве, равной и неделимой безопасности.

А.Ф. Клименко*

РОССИЯ И КИТАЙ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определяющие возрастание значимости Северо-Восточной Азии (СВА) в системе международно-политических отношений. Раскрывая ситуацию в этом субрегионе Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), автор показывает как неприемлемость существующей здесь системы безопасности, построенной на двусторонних военно-политических союзах, так и неэффективность вновь созданных других структур, объединяющих большое количество азиатских государств с различающимися, порой конфликтными интересами. В работе оцениваются вызовы и угрозы интересам РФ в Северо-Восточной Азии на фоне становления тенденции «новой биполярности» в СВА, грозящей восстановлением разделительных линий в субрегионе, их влияние на безопасность нашей страны, показываются усилия России, направленные на строительство приемлемой для всех государств СВА системы безопасности, излагаются рекомендации по защите российских интересов в этом беспокойном субрегионе АТР.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион; система безопасности; национальные интересы России; вызовы и угрозы; «новая биполярность» в СВА; США; Япония; Китай; Индия; Восточная Сибирь и Дальний Восток; защита интересов России.

* Клименко Анатолий Филиппович, к.воен. н., зам. руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

Введение

Интересы России в сфере обеспечения безопасности в АТР определены в утвержденной президентом В.В. Путиным в феврале 2012 г. Концепции внешней политики России. В их основе:

- общее оздоровление военно-политической обстановки в регионе;
- укрепление позиций России в этом динамично развивающемся геополитическом пространстве, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики;
- активное участие в интеграционных процессах в АТР, использование его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока;
- урегулирование всех имеющихся межгосударственных разногласий политико-дипломатическими средствами при строгом соблюдении основополагающих принципов международного права;
- формирование и продвижение в АТР партнерской сети региональных объединений, укрепление роли ШОС в региональных и глобальных делах, активность в других форматах сотрудничества в регионе;
- создание в АТР транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах;
- формирование в субрегионе СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в АТР.

С учетом данных внешнеполитических установок и рассмотрим непростые, порой противоречивые процессы формирования системы коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии, а также роль России и Китая в этих процессах.

1. Эволюция системы безопасности в СВА

Северо-Восточная Азия — это субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона, включающий в себя Китай (в том числе Тай-

вань), Японию, Корею (Северную и Южную) и Монголию. При этом Китай, Япония и обе Кореи часто рассматриваются как географическое, историческое и культурное «ядро» СВА. Россия, прежде всего в силу обладания дальневосточными и восточно-сибирскими территориями, тоже является частью региона. Соединенные Штаты Америки географически находятся за пределами субрегиона, хотя и в непосредственном соседстве с ним (Аляска, Гавайи, о. Гуам). Однако они глубоко вовлечены в его политические и экономические дела, располагают здесь значительным военным потенциалом, поэтому имеются все основания согласиться с их принадлежностью к СВА¹.

Северо-Восточная Азия является геополитическим и геоэкономическим «центром тяжести» всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Здесь соприкасаются интересы крупнейших стран: США, быстро развивающегося Китая с мощной экономикой и пока еще сравнительно дешевой рабочей силой, России с богатыми природными ресурсами, Японии и Южной Кореи с передовыми технологиями и огромными финансовыми средствами. На этом фоне ведущая роль СВА в мировой политике и экономике становится все яснее и четче. Но при этом нельзя не учитывать и то, что СВА активно взаимодействует с внешними субъектами, в первую очередь с соседними странами Юго-Восточной Азии и Индией, которые оказывают влияние на состояние стратегического баланса внутри СВА.

Индия является геополитической силой, до некоторой степени уравновешивающей Китай. Страны же ЮВА выполняют двоякую роль. С одной стороны, они, как и Индия, выступают контрбалансиром влияния крепнущего Китая. С другой — их можно рассматривать как ресурс, с помощью которого Пекин способен усиливать свои политические и экономические позиции на международной арене².

Сегодня в СВА остаются нерешенными сложнейшие проблемы: территориальные, военные, экологические, энергетические и др. В регионе до сих пор сохраняется целый ряд дестабилизирующих обстоятельств: неконтролируемая гонка вооружений, проблема во взаимоотношениях двух корейских государств, северокорейская ядерная и тайваньская проблемы, территориаль-

ные споры и др. Все они относятся к проблемам традиционной опасности. Однако с начала текущего столетия все громче заявляют о себе новые факторы: распространение наркотиков, терроризм, пиратство, демографические проблемы, ухудшение окружающей среды и др., относящиеся к нетрадиционным угрозам безопасности.

Перечень этих угроз дополняется нарастающими проблемами энергетической безопасности на фоне растущих потребностей в углеводородах Китая с его бурно развивающейся промышленностью и энергопотреблением, а также Японии после вывода из строя мощностей атомных электростанций, связанного с аварией на АЭС в Фукусиме.

Наращение различных по характеру вызовов и угроз все больше входит в противоречие с тем, что в регионе отсутствует всеобъемлющая система безопасности в классическом понимании этого термина. Существующая система, доставшаяся в наследство практически со времен Второй мировой войны, представлена военно-политическими союзами США с различными государствами. Она не уравновешена аналогичными союзами с стороны потенциальных противников, как это было в Евро-Атлантическом регионе в годы холодной войны, и все больше становится провоцирующим фактором гонки вооружений.

Проблема состоит в том, что структуры, охватывающие лишь часть региона, вряд ли могут служить фактором стабильности для остальных стран, не входящих в них. Противопоставляя одни государства другим, они никогда не будут способны обеспечить равную для всех региональную безопасность. В этом заложен источник «разделительных линий», взаимного недоверия и подозрительности, что вынуждает страны, находящиеся вне американского «зонтика», искать иные возможности укрепления безопасности.

Поэтому совершенствование, а вернее, создание альтернативной системы безопасности, представляет собой одну из важных задач для СВА, ее решение обеспечило бы защищенность от рисков и угроз внутренней и внешней среды всех расположенных здесь государств с учетом их жизненно важных интересов.

Конечно, не стоит ожидать, что сегодня или завтра США и их союзники откажутся от системы военных баз и союзов, созданной под эгидой Вашингтона. Но осознание ущербности двусторонних оборонительных альянсов привело к тому, что они стали постепенно дополняться элементами многостороннего диалога по вопросам региональной безопасности. Этот процесс заложил основы формирования в СВА режимов безопасности, направленных на углубление мер доверия, предусматривая открытость военной деятельности государств региона, или на ограничение определенных видов военной деятельности: это, например, режим нераспространения.

Одним из таких режимов безопасности является Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Этот международный форум пока не получил широкой известности, возможно, из-за недостаточной реализации установок, которые заложены в его основополагающих документах.

Между тем СВМДА объединяет многие государства азиатского континента и ставит перед собой задачу расширения их взаимоотношений и сотрудничества в целях обеспечения стабильности и безопасности в регионе. Идея о созыве Совещания была впервые представлена президентом Казахстана Н. Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в октябре 1992 г.

Основными документами СВМДА являются Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами — членами Совещания, принятая на первой встрече министров в 1999 г. в Алма-Ате, и Устав, принятый в ходе первого саммита в 2002 г.³ Почему это произошло через 7 лет после образования организации? Скорее всего, решающим фактором стала победа талибов в Афганистане и угроза распространения радикального исламизма в Центральной Азии. Тогда эта угроза считалась более чем вероятной и заставляла объединяться перед ее лицом. Тем не менее эти два документа стали ключевыми для дальнейшей эволюции СВМДА.

В основу политики Совещания положены отраженные в названных выше документах принципы верховенства права, невмешательства во внутренние дела государств-членов, а также

их экономического, социального и культурного взаимодействия для достижения главной цели — расширения сотрудничества через выработку многосторонних подходов, направленных на продвижение мира, безопасности и стабильности в Азии. Все решения в рамках СВМДА принимаются консенсусом.

На сегодня членами СВМДА являются 24 азиатских государства: Азербайджан, Афганистан, Бахрейн, Вьетнам, Египет, Израиль, Индия, Хашимитское Королевство Иордания, Ирак, Иран, Казахстан, Камбоджа, Китай, Республика Корея, Кыргызстан, Монголия, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Палестина, Россия, Таджикистан, Таиланд, Турция, Узбекистан, а наблюдателями — 9 стран: Бангладеш, Индонезия, Катар, Малайзия, США, Украина, Шри-Ланка, Филиппины, Япония. Следует заметить, что половина из них является участниками Шанхайской организации сотрудничества. Таким образом, в азиатском регионе появилась охватившая почти все его государства организация, которая, подобно ОБСЕ, призвана заниматься вопросами обеспечения общей безопасности и развития отношений.

Но, по мнению многих экспертов, в таком разнообразии представленных в СВМДА стран заложены не только сила, но и слабость этой организации. Так, между 16 государствами сохраняются многочисленные противоречия и конфликты: например, по линиям Израиль—Палестина, Индия—Пакистан, Индия—Китай. Этот список можно продолжить.

Несмотря на то что «Декларация принципов» была выдержана в самом миролюбивом духе и устанавливала принципы сотрудничества, взаимного уважения, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, разоружение и др., в тот момент один из подписантов — Афганистан — не контролировал территорию своей страны, а другой — Пакистан — оказывал военную поддержку «Талибану». Он самым активным образом вмешивался во внутренние дела Афганистана, вплоть до отправки кадровых дивизий, авиации, предоставлял базы для талибов, военное снабжение и транспорт, разжигая там войну⁴.

Можно привести и другие примеры, когда провозглашенные в документах принципы входят в явное противоречие с существ-

ующим положением дел. Так, «Декларация принципов» провозглашает: «Государства-члены обязуются поддерживать усилия по глобальной ликвидации всех видов оружия массового уничтожения, и поэтому они обязуются усиливать сотрудничество по предотвращению распространения всех видов подобного оружия, включая ядерное, которое представляет определенную угрозу международному миру и безопасности»⁵. Между тем, Пакистан и Индия обзавелись своим ядерным оружием, испытали его и поставили на вооружение, а Израиль имеет ядерный арсенал, но не признает себя ядерным государством. В опубликованных документах нет ни слова об этой проблеме, разрушающей международный режим нераспространения, равно как не упоминаются никакие инспекции, призванные исследовать этот вопрос и сформулировать предложения по его решению.

Далее, «Декларация принципов» провозглашает: «Государства-члены не будут поддерживать на территории другого государства-члена любые сепаратистские движения и образования, и если такие существуют, не устанавливать политических, экономических и иных отношений с ними, не предоставлять территорий и коммуникаций государств-членов для использования вышеназванными движениями и образованиями и не оказывать им никакой экономической, финансовой и иной помощи»⁶. Однако в Сирии Турция активно поддерживает повстанцев, предоставляя им базы на своей территории и обеспечивая проход через границу, направляет офицеров и советников (об этом свидетельствует тот факт, что несколько турецких офицеров были убиты, а их документы захвачены сирийской армией), оказывает им другую поддержку. При том что СВМДА декларирует невмешательство во внутренние дела, уважение к суверенитету и признание Устава ООН и международного права в качестве основы деятельности организации, никаких конкретных мер, инспекций или иных действенных мер реагирования на эти нарушения в ее уставных документах также не прописано.

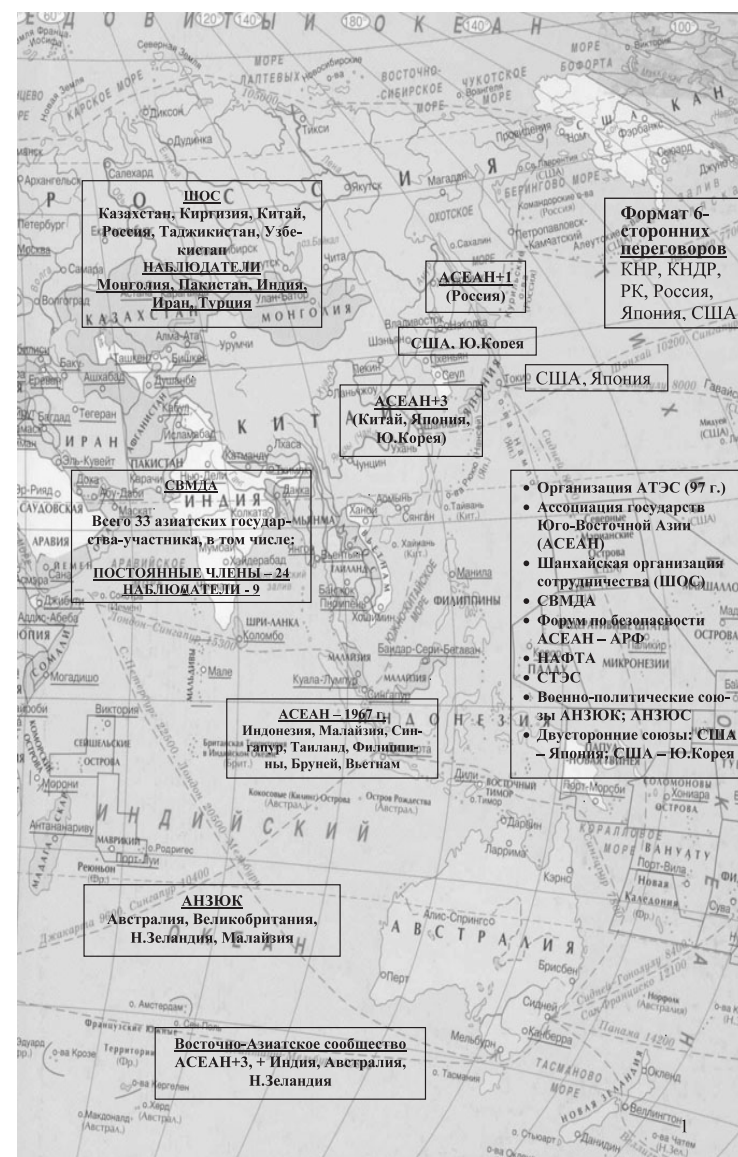
Таким образом, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, по сути дела, относится индеферентно к вопросу разрешения конфликтов. Во всяком случае, результатов от провозглашенного принципа доверия между странами не просмат-

ривается. И, оценивая дееспособность этой организации, можно провести параллель с ШОС. Наглядный пример — длительный водно-энергетический спор между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу строительства ГЭС, который уже много лет усложняет отношения в Центральной Азии. Каждая сторона твердо отстаивает свои интересы: Таджикистан — за ГЭС и гидроэнергию, Узбекистан — за нерегулируемый сток рек. В течение многих лет этот конфликт так и не приблизился к разрешению. Узбекистан держит своего соседа в транспортной блокаде, задерживает грузы, пользуясь тем, что все железные дороги из Таджикистана проходят через территорию Узбекистана.

В марте 2012 г. Узбекистан прекратил поставку газа в Таджикистан, а в 1999 г. заминировал границу со своим соседом. За прошедшие годы на минных полях погибли 100 человек и 93 получили тяжелые увечья⁷. Иными словами, налицо длительный конфликт и полное отсутствие доверия между двумя странами, при том что оба государства состоят в СВМДА. Однако не удалось найти никаких свидетельств тому, что эта организация (равно как и ШОС) сделала что-либо для установления климата доверия между Узбекистаном и Таджикистаном. Конфликт между этими государствами даже усугубляется.

Столь явное противоречие реально сложившегося положения дел с принципами организации позволяет сказать, что в этих принципах нет реального политического содержания. Это развязывает руки многим участникам Совещания. С одной стороны, они реализуют собственные интересы, а с другой — провозносят речи за мир, сотрудничество и доверие. То есть, добиваясь своих целей, одновременно стремятся поддерживать собственную политическую репутацию. Все это свидетельствует об отсутствии реалистичной оценки ситуации в регионе. И именно в этом проявляется недееспособность СВМДА.

Если подводить итоги 22-летия Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии как форума, призванного способствовать обеспечению региональной безопасности, то надо сказать, что идея его создания изначально была хорошей, но исполнение себя не оправдало. Возможно, положение будет меняться с передачей председательства от Турции Китаю на предстоящем в этом

году саммите глав государств и правительств данной организации, который настроен на решительные действия по укреплению дееспособности СВМДА. Этому, по нашему мнению, будет способствовать и крепнувший авторитет КНР в системе международно-политических отношений. Но пока доверия и взаимодействия в Азии не прибавилось. Неслучайно поиски в этом направлении продолжаются.

К началу XXI в. в СВА сложилась ситуация, когда решение ключевых проблем безопасности в значительной степени зависит от ведущих государств субрегиона, прежде всего от США, КНР и России. При этом именно экономика является определяющей сферой международного сотрудничества для крупнейших государств Северо-Восточной Азии.

Однако не утрачивают своего значения военная сила и политическое влияние. Поэтому решение проблем безопасности «стихийно» осуществляется в виде поэтапного многостороннего диалога, дополняющего двусторонние оборонительные союзы. Такой диалог, ведущийся в рамках различных структур, гибок по форме и составу участников и позволяет обсуждать самый широкий спектр проблем безопасности и стабильности как традиционных, так и нетрадиционных, наряду с проблемами взаимодействия в экономической, гуманитарной и иных сферах. Это наглядно видно на приводимой карте.

Следует заметить, что представленные на этой карте структуры, охватывая весь Азиатско-Тихоокеанский регион, должны были бы в полной мере обеспечивать безопасность всех расположенных здесь стран. Но не все так просто.

2. Развитие «новой биполярности»

и ее влияние на ситуацию в СВА и безопасность России

В начале второго десятилетия XXI в. среди российского экспертного сообщества все настойчивее поднимается вопрос о нарастающей тенденции — формировании «новой биполярности» (рис. 1). Причем отмечается, что в Восточной Азии эта тенденция имеет двойственную природу⁸.

Актуальные тенденции	
1. Стремление США удержать позиции американского доминирования в АТР	<p>Факторы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Смещение в АТР вектора национальных интересов и военной мощи США 2. Стремление США к стратегическому окружению и сдерживанию КНР 3. Укрепление Вашингтоном существующих военно-политических союзов 4. Создание системы стратегического партнерства со странами, опасющимися роста военной мощи и влияния КНР 5. Поддержка национально-этнического сепаратизма и противоречий внутри китайской элиты
2. Усиление роли КНР в системе международных экономических и политических отношений	<p>Факторы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Рост комплексной мощи Китая и его влияния в регионе и в мире 2. Увеличение потребности КНР в энергетических ресурсах, значительная часть которых поставляется по морским коммуникациям и находится в островных и шельфовых зонах прибрежных морей 3. Усиление претензий КНР на ряд островных зон и морских шельфов, богатых природными ресурсами 4. Проецирование Китаем военной мощи на прибрежные моря, с выходом в океанскую зону
Нарастающая тенденция биполярности	
Выход на новый уровень латентного ранее противоречия регионального масштаба между утрачивающими свои позиции США и крепнущим Китаем, расширение масштаба и углубление этого противоречия.	

Рис. 1. Некоторые факторы и тенденции в американо-китайских отношениях, усиливающие нарастание биполярности в АТР

Анализ этого рисунка дает основание сделать вывод, что, с *одной стороны*, очень многие процессы в регионе проходят под знаком американо-китайского противостояния, обостряющегося, несмотря на глубокое взаимопроникновение экономик двух стран. Эта биполярность, имея открыто конфронтационный характер, принимает самые различные формы: нарастание гонки военно-морских вооружений на Тихом океане, обострение территориальных конфликтов между Китаем и союзниками США, создание Вашингтоном системы стратегической и тактической ПРО в Восточной Азии и проявление трудностей в установлении взаимопонимания по вопросу межкорейского урегулирования.

С *другой стороны*, подобная биполярность воспроизводит стереотипы «холодной войны», которые распространяются в экспертном сообществе, как Китая, так и США. Причем не только военные, но и дипломаты, политики, научная элита, формирующие общественное мнение в обоих государствах, начинают верить в «образ врага», угрожающего их национальным интересам.

Таким образом, очевидным становится то, что в Северо-Восточной Азии назревают перемены в расстановке сил. Конфликтный потенциал внутри и вокруг нее нарастает. Субрегион сталкивается с увеличивающимся числом вызовов и угроз. Тенденция «новой биполярности», грозящая восстановлением «разделительных линий» в субрегионе, еще больше входит в противоречие с недостаточной эффективностью сложившейся инфраструктуры обеспечения безопасности. Вспышка любого из «дремлющих» конфликтов — будь то напряженность на Корейском полуострове, тайваньская проблема или территориальный спор в Южно-Китайском море — способна подорвать благоприятную экономическую динамику субрегиона.

Подтверждением этому является новое резкое обострение ситуации на Корейском полуострове в начале апреля этого года, когда Вашингтон и Сеул дали старт новым совместным военно-морским учениям Foal Eagle. Можно сказать, что американо-южнокорейские маневры в регионе проводятся регулярно на протяжении многих лет. Но отличие нынешних состоит в том, что они — крупнейшие учения за всю 20-летнюю

историю их проведения. В них приняли участие 11 тыс. морских пехотинцев. Обращают на себя внимание и «провоцирующие элементы» учений: «учебные бомбометания с использованием стратегических бомбардировщиков, отработка десантных операций по захвату административных центров иностранных государств и др.»⁹

Северная Корея, воспринимающая всплеск военной активности США и Южной Кореи как прямую угрозу своей безопасности, пытается оказать на них встречное давление. В последнее время Пхеньян провел ряд испытаний баллистических ракет, которые осудил Совет Безопасности ООН. Но КНДР лишь подняла ставки: ее МИД предупредил, что в Пхеньяне не исключают проведения нового ядерного испытания. Власти КНДР уведомили Сеул о намерении провести учебные артиллерийские стрельбы в Желтом море, не сообщив точного времени. После этого в течение дня северокорейцы произвели более 500 артиллерийских залпов, около 100 снарядов упало в территориальных водах Южной Кореи. В связи с этим южнокорейским властям пришлось спешно эвакуировать жителей острова Пэннендо в Желтом море. В ответ на действия Пхеньяна южнокорейские вооруженные силы выпустили в сторону Северной Кореи около 300 снарядов, упавших в территориальных водах КНДР¹⁰.

Конечно, специальных международных правил, регламентирующих проведение учений в СВА, нет. Но, как совершенно справедливо отмечают эксперты, «очень многое зависит от сценария и количества вовлеченных сил и средств. Именно в этом состоит политический сигнал любых учений. США и Южная Корея отрабатывают практические навыки, связанные с возможными операциями на Корейском полуострове. Оборонительные они или наступательные — вопрос трактовки, но это явно выглядит как планирование возможности военных действий против КНДР»¹¹.

Кризис на Корейском полуострове вовлекает в свою орбиту соседние страны. Факт возможного наличия ядерного оружия у Пхеньяна заставляет государства, находящиеся в зоне потенциального ядерного поражения — Тайвань, Южную Корею, Японию, — наращивать вооружения, что препятствует стабилиза-

ции обстановки и дает новый повод для расширения американской системы ПРО.

В случае резкого обострения ситуации безопасность дальневосточных областей России также окажется под угрозой. Конфликты в этой части мира неизбежно повлияют на развитие Сибири и Дальнего Востока, поставив под вопрос реализацию ряда важнейших международных проектов, имеющих значение для всей страны. К ним относятся: строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО), добыча газа на сахалинском шельфе, соединение Транссибирской и Транскорейской железных дорог¹².

С другой стороны, сегодня нельзя не отметить и стратегическую уязвимость наших восточных границ.

Во-первых, здесь отсутствует буферная зона, а в постсоветский период значительно сократился российский военный потенциал.

Во-вторых, дальневосточные регионы удалены от стратегического центра России при ее относительно слабой промышленно-экономической базе и низкой плотности населения.

В-третьих, Дальний Восток России — объект зачастую незаконной миграции из соседних стран.

В-четвертых, укрепился стратегический альянс между Токио и Вашингтоном, не прекращается давление со стороны Японии в споре о принадлежности четырех островов Курильской гряды. Хотя в последнее время Токио вбрасывается некоторая вариативность в реализации территориальных претензий.

Наконец, «пороховой бочкой», готовой в любой момент детонировать, является Корейский полуостров.

Все это не может не учитываться Россией в обеспечении планов развития российского Дальнего Востока и интересов ее национальной безопасности. По мнению многих экспертов и политологов в России, в Китае, равно как и в других странах, нарастающая тенденция «новой биполярности» актуализирует задачу и активизирует деятельность по строительству собственной архитектуры сотрудничества в СВА. Такой архитектуры, которая позволила бы не только предотвращать и преодолевать конфликты, но и создавала стимулы для взаимодействия в со-

циально-экономической, гуманитарной, политической, информационной и иных сферах жизнедеятельности государств субрегиона, что и определено в упомянутой во введении Концепции внешней политики России.

Российская сторона неоднократно ставила вопрос о структуре диалога, который охватывал бы самый широкий комплекс вопросов — от экономики, энергетики, экологии до разоруженческой тематики, противодействия терроризму, выработки мер доверия в СВА и многим другим проблемам безопасности.

Основой такой структуры обеспечения мира, безопасности и развития в СВА мог бы стать механизм шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. Заметим, что эта идея не оригинальна. Вопрос об этом поднимался в экспертных сообществах не только в России, но и в Японии¹³, и в США, и в Южной Корее. Например, по мнению Ф. Фукуямы (профессор международной политэкономии Школы перспективных международных исследований имени П. Нитце при Университете Дж. Хопкинса, США), «когда минует кризис вокруг северокорейской ядерной программы, постоянная организация шести держав может послужить прямым каналом связи между Китаем, Японией, Южной Кореей, Россией и США в деле решения других проблем безопасности на уровне субрегиона Северо-Восточной Азии»¹⁴. С таким подходом согласны и многие эксперты в России.

К сожалению, в ходе начавшегося в 2003 г. взаимодействия в рамках «шестисторонних переговоров» по ядерной проблеме на Корейском полуострове с участием КНР, Северной и Южной Кореи, России, США и Японии решить ядерный вопрос не удалось. Тем не менее, «шестисторонние переговоры», по мнению многих, способны в перспективе привести к созданию региональной организации по поддержанию политико-стратегической стабильности и безопасности.

В свое время в формате переговоров «шестерки» РФ представила проект «Руководящих принципов обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии». Важно использовать тот факт, что за Россией закреплено руководство группой по механизму мира и безопасности в этом регионе.

Настораживает, однако, что США, разочарованные провалом попыток сколотить «антисеверокорейскую коалицию», охладели к идее регионального механизма в СВА. В то же время многие китайские специалисты уже выступают за более активное привлечение России к усилиям по созданию механизма безопасности в этом субрегионе. Это тем более актуально, что в СВА, наряду с механизмом «шестерки», наблюдается тенденция к формированию второго уровня многостороннего сотрудничества — трехстороннего взаимодействия государств, образующих «ядро» СВА, — Японии, Китая и Республики Корея.

В отличие от «шестисторонних переговоров» с их политико-стратегической проблематикой, трехстороннее взаимодействие Китая, Кореи и Японии сосредоточено в основном в экономической, технологической, экологической и культурно-гуманитарной областях. С 1999 г. было учреждено 15 диалоговых механизмов на министерском уровне¹⁵. Проводятся и неофициальные форумы, в которых участвуют ученые, эксперты, представители бизнеса, общественных организаций и СМИ трех стран.

Разумеется, процесс институционализации трехстороннего взаимодействия находится еще на ранних стадиях, и пока рано говорить о том, что в СВА оформился новый региональный блок. Однако налицо вектор движения в направлении создания подобной группировки, куда могла бы при содействии Китая войти и Россия. И даже беглый анализ функционала этих двух уровней многостороннего сотрудничества свидетельствует об их взаимодополняемости и всесторонности, что могло бы составить хорошую основу для строительства на их базе всеобъемлющей системы безопасности СВА.

Поэтому целесообразно постепенно вести дело к преобразованию действующей в СВА «тройки» на высшем уровне (Китай — Япония — Южная Корея) в механизм, охватывающий все страны региона, включая Россию.

Понятно, что в создавшихся сегодня непростых международно-политических условиях настаивать на немедленном создании в СВА архитектуры безопасности на базе механизма шестисторонних переговоров или преобразования «тройки» в более

представительную структуру было бы преждевременно. К этой цели следует двигаться осторожно и поэтапно.

И, наконец, нужно учесть опыт АТР, где в условиях отсутствия эффективных механизмов безопасности роль клапанов, не позволяющих чрезмерно напряженной ситуации перерасти в полноценный военный конфликт, все активнее играют группировки экономической интеграции. Восточноазиатский саммит (ВАС), АТЭС, формат АСЕАН+6 и иные организации, создаваемые, казалось бы, чисто для экономических целей, становятся реальными диалоговыми форматами по вопросам международной безопасности.

Поэтому и в СВА к своей системе безопасности можно было бы идти посредством развития партнерской сети международных структур (вспомним, что с инициативой налаживания связей между многосторонними объединениями в Азии еще в 2004 г. выступила ШОС в Ташкентской декларации глав государств — членов этой организации). Опорными звеньями здесь могли бы служить ШОС и ОДКБ (в ЦАР), а также СВМДА. Но это потребует активизации их деятельности и повышения роли в делах Центральной и Северо-Восточной Азии.

Принципиально важную роль в плане укрепления позиций России в СВА играет развитие российско-китайского взаимодействия, где интересы двух стран во многом совпадают. Для обоих государств отношения между ними представляют прочный тыл в противостоянии непростым международным реалиям. И российско-китайское сотрудничество является важным звеном, способствующим упрочению безопасности двух стран, содействует расширению экономического присутствия России в АТР, подъему Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем необходимость защиты и обеспечения интересов России должна быть поставлена во главу угла в действиях всех органов власти, вовлеченных во взаимодействие с Китаем. Нужно помнить о том, что КНР на первое место при любых схемах сотрудничества ставят ее собственные интересы, а затем только вспоминается принцип взаимной выгоды.

Осознавая важность упрочения отношений с Пекином, необходимо подумать и о том, что означает для нас тезис Си

Цзиньпина «о построении справедливого общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутым этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь»¹⁶.

Вырабатывая взвешенный курс, позволяющий укреплять дружественные связи с КНР, нужно в то же время учитывать возможность появления нежелательных поворотов в политике Пекина, проанализировать, что скрывается за провозглашенной Китаем задачей освоения внешнего пространства в интересах страны.

Нелишне, разрабатывая региональную политику России, придерживаться многовекторного курса, развивать взаимодействие и сотрудничество с другими странами, которые к этому готовы. Следует учитывать, что тихоокеанское направление несет для нас не меньшие вызовы, чем западное. Ускоренное развитие сибирских и дальневосточных регионов России, эффективные меры по укреплению наших восточных рубежей, по усилению и модернизации расположенной здесь российской военной группировки приобретают стратегический характер в условиях нарастающего в мире дефицита сырьевых, земельных, водных и продовольственных ресурсов.

В заключение можно отметить преимущества, которые может создать для России система региональной безопасности с ее активным участием.

Во-первых, такая система международной безопасности в СВА станет для России своеобразным плацдармом в Азии, способствует восстановлению утраченного в постсоветский период дипломатического влияния.

Во-вторых, в случае возникновения регионального конфликта РФ как государство-посредник сможет расширить сферу своего геополитического влияния. Не имея достаточных финансовых резервов, проводить самостоятельную политику в регионе экономически обременительно, а в случае формирования многостороннего режима Россия будет в состоянии более эффективно защищать свои восточные границы при меньших затратах.

В-третьих, сокращение военного потенциала и военных расходов привело к появлению слабых мест в защите дальневосточ-

ных рубежей, а механизм многосторонней безопасности мог бы это сгладить.

В-четвертых, системный контроль и поддержание мира и стабильности в СВА позволит России сфокусироваться на развитии Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, система международной безопасности позволит укрепить доверие во взаимоотношениях с Китаем, избежать столкновений с Вашингтоном, а также ограничить военное превосходство США, которые в настоящий момент находятся в более выгодном положении на уровне двусторонних отношений.

С учетом вышеизложенного важнейшим условием обеспечения мира и безопасности России на восточном направлении являются: укрепление политических отношений со всеми значимыми игроками, активное участие в многосторонней дипломатии в регионе, а также в совершенствовании региональной системы безопасности. Но при этом нельзя забывать и об укреплении своего оборонного потенциала на востоке страны. Принцип «хочешь мира — готовься к войне» сохраняет свою актуальность и в XXI в.

Примечания

¹ Лукин А. Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Международные процессы. Том 11. 2013. № 1 (32). Январь—апрель.

² Там же.

³ URL: http://www.s-sica.org/admin/upload/files/Almaty-Act_rus.doc

⁴ URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7471&print=1>

⁵ URL: http://www.akorda.kz/ru/page/deklaratsiya-printsipov-reguliruyushchikh-otnosheniya-mezhdu-gosudarstvami-uchastnikami-svmdu_1337057030

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://www.fergananews.com/news.php.id=15862>

⁸ URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document229006.phtml> и интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 23.10.2012 (URL: <http://www.ru.journal-neo.com>).

⁹ URL: <http://news.mail.ru/politics/17667553/?frommail=1>; Коммерсант. 03.04.2014

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Pochemu-Rossiya-neobkhdima-Severo-Vostochnoi-Azii-16180>

¹³ Клименко А.Ф. и др. Российско-японский исследовательский проект: Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: М., 2007. 142 с.

¹⁴ Фукуяма Ф. Новый взгляд на Азию // Независимая газета. 07.02.2005.

¹⁵ A milestone & new starting point for China, Japan, ROK // Xinhua. 11.10.2009.

¹⁶ Цит. по: URL: <http://review.chita.ru/48058>

А.Г. Ларин*

К АНАЛИЗУ НОВЫХ МОМЕНТОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Аннотация. Активизация внешней политики КНР — ее «выход из тени», обусловленный увеличением национальной мощи, рассматривается на двух примерах: 1. Китай значительно расширил экономическое сотрудничество с европейскими странами и создал благоприятные предпосылки для наращивания своего присутствия на Украине; в результате украинского кризиса он оказался в выигрыше в отношениях с Россией. 2. В АТР увеличение влияния Китая ведет к маргинализации Тайваня, для которого интеграция с материком (всячески им стимулируемая) оказывается единственно возможным способом выжить. Это порождает на Тайване представления о неизбежности воссоединения с материком, а в США — о нецелесообразности долгосрочного курса на поддержку статус-кво Тайваня.

Ключевые слова: продвижение на Запад; Китай и Европа; Китай и Украина; воссоединение Тайваня с материком.

Последние несколько лет в китайских политологических кругах становится все более популярной концепция «продвижения на Запад» (*си цзинь*). Совокупность ее многочисленных трактовок охватывает два измерения: внутри страны она

* Ларин Александр Георгиевич, к. филол. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

означает освоение западных районов, в международном плане — активизацию внешней и внешнеэкономической политики на всей той части евразийского континента, которая лежит на запад от Китая. В ходе дискуссий эксперты то и дело напоминают, что, сосредоточивая внимание на западном направлении, нельзя принижать и значение «выхода на Восток» (*дун чу*), да и вообще необходимо действовать во всех направлениях, учитывая, разумеется, специфику каждого. Полная формула в одном из вариантов выглядит следующим образом: «Обеспечить стабильность на Востоке, держаться крепко на Севере, продвигаться на Запад, спускаться на Юг» (*дун вэнь, бэй цян, си цзинь, нань ся*)¹. Тезис относительно Севера расшифровывается как «укрепление стратегического партнерства с Россией». Излагая смысл этих лозунгов, эксперты, как правило, апеллируют к торгово-экономическим потребностям страны и нередко обращаются к задаче стратегического противостояния политике Соединенных Штатов. Фактически все это свидетельствует о происходящей модернизации внешнеполитической идеологии и стратегии Китая, обусловленной тем, что он почувствовал свою возросшую мощь и теперь намерен использовать ее, отказываясь от прежнего принципа «держаться в тени».

Переход КНР к новой стратегии, по сути дела, является глобальным, он ощущается на всех азимутах его международной деятельности и требует тщательного всестороннего исследования. В предлагаемой статье мы ставим перед собой существование более скромную задачу: вкратце рассмотреть в качестве примеров политику Китая на западе евразийского континента — в Европе — и в одной из его крайних восточных частей — на Тайване.

Успехи Китая в Европе

Последние 10 лет Европейский Союз занимает 1-е место среди торговых партнеров Китая, ранжированных по уровню товарооборота, а Китай — 2-е место среди партнеров ЕС. За этот период объем двусторонней торговли учетверился, составив в 2013 г. 559,1 млрд долл.². Однако возросшие возможности

и потребности Китая открывают новые перспективы для сотрудничества сторон. Он надеется получить в Европе современные плоды научно-технического прогресса: технологии, машины, «ноу-хау». Пребывающая в долгом и финансовом кризисе Европа готова расширить торговлю с КНР, чтобы преодолеть торговый дефицит (в 2013 г. — более 180 млрд долл.), а сверх того, рассчитывает на приток китайских капиталов, пока крайне незначительный — порядка 1 % от всех прямых иностранных инвестиций против 21 % из США³.

Крупный шаг в расширении экономического сотрудничества был сделан в апреле 2014 г. во время поездки Председателя КНР Си Цзиньпина: стороны подписали более 120 соглашений на десятки миллиардов долларов, охватив такие важнейшие отрасли, как финансы, энергетика, транспорт, агропромышленный сектор, культура, образование и т. д. В числе сделок — договор стоимостью 1 млрд долл. между германской и китайской автомобилестроительными компаниями, межбанковское соглашение о создании в Германии расчетного финансового центра по работе с юанями, договор о поставке в КНР 70 широкофюзеляжных самолетов из Франции на 10 млрд долл. Си Цзиньпин предложил довести товарооборот с ЕС до 1 трлн долл. к 2015 г. и инвестировать 100 млрд долл. в экономику восточноевропейских стран.

Однако китайские идеи относительно экономического пояса Шелкового пути были встречены хотя и позитивно, но отнюдь не с таким энтузиазмом, как ранее в странах Центральной Азии. В Совместном заявлении об углублении китайско-европейских взаимовыгодных и обоюдно выигрышных отношений всестороннего стратегического партнерства лишь скупое и расплывчатое отмечалось: «Транспортные связи Китай—Европа обладают огромным потенциалом. Обе стороны решили совместно выявлять точки соприкосновения китайской инициативы, касающейся Шелкового пути, и политики ЕС; изучить выдвинутые в порядке общей инициативы вопросы развития сотрудничества вдоль “экономического пояса Шелкового пути”»⁴.

Еще более прохладно отнеслись в ЕС к призыву Си Цзиньпина «стремиться к созданию зоны свободной торговли». Как

отмечала китайская пресса, «Европейская Комиссия пока еще не убеждена, что настало время подписать соглашение о свободной торговле между Китаем и ЕС»⁵. По-видимому, в Европе, как и в странах Центральной Азии, опасаются, что появление зон свободной торговли может привести к неконтролируемому наплыву дешевых китайских товаров (и, возможно, рабочей силы), а это чревато подрывом национальных экономик.

Со своей стороны, Пекин едва ли готов пойти навстречу претензиям европейского бизнеса, недовольного недоступностью для иностранных инвесторов больших секторов китайского рынка, таких как транспорт, телекоммуникации, здравоохранение. К тому же китайское правительство пока не в состоянии взять под контроль распространенное в стране нарушение интеллектуальных прав.

Неудивительно, что в цитированном выше Совместном заявлении тема свободной торговли прозвучала предельно глухо: Китай и ЕС обязались «впредь стоять за мировую экономику открытого типа, за справедливые, прозрачные, основанные на четких принципах условия торговли и инвестиций, против протекционизма».

Помимо всего этого, отношения между КНР и ЕС осложняются вследствие государственного субсидирования китайских компаний, позволяющего им демпинговать на рынках Старого Света. В 2013 г. между Китаем и ЕС развернулась торговая война: Еврокомиссия приняла жесткие антидемпинговые меры в отношении китайских солнечных батарей, в ответ Пекин начал расследование в отношении европейских экспортеров химических компонентов для батарей⁶.

Тем не менее визит лидера КНР в Европу как и до того, в сентябре 2013 г., в страны Центральной Азии под лозунгами «экономического пояса Шелкового пути» — знаменуют собой триумфальное шествие китайской экономической дипломатии по евразийскому континенту.

Особый случай представляет собой Украина.

В декабре 2013 г. в ходе визита президента Украины В. Януковича в КНР стороны, согласно сообщениям прессы, заключили соглашение о строительстве в Крыму в течение двух лет глу-

боководного порта, в который могли бы заходить суда с грузами из Китая вместо того, чтобы идти через Гибралтар вокруг всей Западной Европы. Предполагалось, что из Крыма китайские товары будут расходиться по всей европейской части континента⁷. Создание нового крупного перевалочно-логистического узла китайская пресса прямо связывала с возрождением Шелкового пути.

Украина не принадлежит к числу ведущих торгово-экономических партнеров Китая, однако Пекин придает ей важное геополитическое и стратегическое значение в рамках постсоветского пространства, что нашло свое отражение в выдвинутой им формуле: «Россия — ось СНГ, Казахстан и Украина — две его опоры». Заключенное в этой формуле представление о «многополярном» устройстве СНГ, признающее за Россией положение скрепляющей силы, но не обладателя абсолютной монополии на лидерство, следует признать справедливым. Подчеркивание значимости Украины вполне отвечает ее собственному стремлению играть для Китая роль «ворот в Европу», заявленному почти сразу после превращения ее в самостоятельное государство. В 2011 г. стороны подписали Совместную декларацию об установлении и развитии отношений стратегического партнерства.

Китайско-украинская торговля невелика по объему и носит характер, в настоящее время типичный для торгового обмена КНР с постсоветскими государствами: в экспорте КНР на первом месте стоят машины, оборудование, механизмы; в экспорте Украины — сырьевые материалы. Но Украина представляет для Пекина высокую ценность как перспективное поле приложения инвестиций и источник некоторых современных технологий, особенно в военной и аэрокосмической областях. Пекин и Киев заключили соглашения не менее чем о двух десятках проектов, в сумме способных поднять их экономические отношения на качественно новую высоту. В Крыму, помимо названного выше нового порта, предполагались также реконструкция севастопольского порта и возведение завода по производству сжиженного газа.

К моменту возникновения украинского кризиса все эти проекты находились на различных этапах обсуждения, разработки,

реализации, однако ни один не был завершен. Для большинства из них не были определены ни сроки, ни объемы, ни источники финансирования. Что же касается последнего, крымского проекта, то он с самого начала вызвал недоуменные вопросы, например:

- для чего вкладывать огромные средства в строительство нового порта, если неподалеку находится другой большой морской торговый порт — Одесса, который китайцы уже взялись модернизировать⁸? Не говоря уже о том, что греческий порт Пирей, частично принадлежащий Китаю, уже интенсивно используется для доставки грузов в Европу, а морской путь до него короче, чем до Крыма;

- какой газ предполагается сжигать и вывозить из Крыма, если Украина импортирует газ из России и испытывает огромные трудности с его оплатой?

Возникает впечатление, что проект индустриализации Крыма был совершенно не проработан, перспективы его реализации крайне сомнительны и, следовательно, его подписание преследовало чисто политические цели. Такой целью для Китая могло быть оказание поддержки курсу украинского президента, который отдал предпочтение ЕС перед Таможенным союзом, воздвигшем тарифные барьеры на пути экспорта китайских товаров. Возможно также, Пекин стремился в очередной раз громко заявить о себе как о сильном и перспективном участнике экономического строительства в Восточной Европе.

Для Януковича же важно было поднять свой престиж в глазах как внешних партнеров, так и оппозиции внутри страны, не говоря уже о собственном народе. Таким образом, экономические взаимоотношения Китая с Украиной стали деформироваться под воздействием политического фактора. В пользу этого предположения говорит и заключенное несколько раньше сенсационно прозвучавшее китайско-украинское соглашение о передаче Китаю в аренду 3 млн га пехотной земли на территории нескольких украинских областей. Прошло немного времени, и министр аграрной политики и продовольствия Украины Н. Присяжнюк заявил: «Об аренде земли китайскими компаниями речь не идет ни на каком уровне»⁹.

Присоединение Крыма к России сняло проект его индустриализации с повестки дня, а экономическое сотрудничество Киева с Пекином вне Крыма затормозилось в связи с украинским кризисом. Вместе с тем КНР, заняв, по сути дела, нейтральную позицию в противостоянии России и Запада (на неофициальном уровне эта позиция выглядит несколько более пророссийской), энергично подключилась к процессу урегулирования кризиса и выступила с пакетом собственных предложений. Тем самым она в очередной раз демонстрирует евроазиатский размах своих амбиций и возможностей в международных отношениях и одновременно готовит почву для последующего сближения с Киевом. А Киев, по всей видимости, охотно пойдет навстречу Пекину, в лице которого приобретет сильного и дружелюбно настроенного партнера, и после нормализации обстановки на Украине их совместные проекты (помимо Крыма) смогут быть возобновлены. Таким образом, в конечном счете Китай оказался в выигрыше. В СМИ появилась даже версия, что он уже сейчас получит своего рода утешительный приз, приняв участие в строительстве транспортного перехода через Керченский пролив¹⁰. Однако, как нам кажется, Китай едва ли согласится на этот шаг, фактически вовлекающий его в российско-украинский конфликт.

(Заметим в скобках, что Россия, наоборот, проиграла: ее отношения с Украиной приобрели антагонистичный характер, с Западом — конфронтационный, в Европе усилилось стремление избавиться от энергетической зависимости от России, а перспектива расширения Таможенного союза за счет присоединения к нему Украины перечеркнута навсегда. Вследствие всего этого ее позиции в диалоге с Китаем сделались более слабыми.)

Тайваньская проблема: новый этап, новейшие акценты

Современный этап отношений между берегами Тайваньского пролива качественно отличается от предшествующего: от военно-политической конфронтации стороны перешли к сотрудничеству и активному диалогу, а в рамках этого этапа последнее

время наметились новые тенденции. Ниже мы хотим рассмотреть содержание данного этапа как процесс, закономерным следствием которого стали характерные подвижки, пока еще небольшие, не только в обстановке в проливе, но и в ее восприимчивости в США.

Фундаментальная и, пожалуй, решающая черта сегодняшних отношений «через пролив» — это глубокая и непрерывно растущая интеграция Тайваня в экономику материкового Китая. Процесс интеграции развивается по нескольким направлениям.

Первое. Интеграция в сфере торгового обмена. О ней заговорили еще в первой половине «нулевых» годов, когда межбереговая торговля начала бурно развиваться и материковый Китай стал превращаться в одного из ведущих торговых партнеров острова. За 2008—20013 гг. прирост торгового оборота составил 52,7 %, увеличение тайваньского экспорта — на 51,6 %, импорта — на 57,0 % (табл. 1).

Таблица 1. Объем межбереговой торговли (2008—2013 гг.), млрд долл.

Годы	Оборот	Тайваньский экспорт	Тайваньский импорт
2008	129,22	103,34	25,88
2009	106,22	85,72	20,50
2010	145,41	115,74	29,67
2011	160,02	124,92	35,10
2012	168,98	132,21	37,77
2013	197,28	156,64	40,64

Источники: Чжун хуа жэньминь гун хэ го гоцзя тунцзи цзюй : [Государственное бюро статистики КНР]. 2008—2012. URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?sessionId=480C0531DF8743FA75E0E19A32729B5A?m=hgnd>

Ministry of Commerce. People's Republic of China // Mainland-Taiwan Trade And Investment During January-December 2013. 2013. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statastics/lanmubb/hkmacaotaiwan/201402/20140200485384.shtml>

Более значительному росту межбереговой торговли, по мнению специалистов КНР, препятствовали: перестройка экономической модели на материке, в результате которой сократилась потребность в тайваньских товарах; ухудшение международной экономической обстановки, что привело к сокращению заказов на продукцию предприятий материка, а отсюда — и заказов этих предприятий на тайваньскую продукцию; создание на материке в ходе экономического развития собственного производства товаров, аналогичных тайваньским, что опять-таки неблагоприятным образом сказывается на закупках тайваньской продукции¹¹.

Тем не менее статистика показывает, что материковый Китай прочно занял место главного торгового партнера Тайваня. По тайваньским данным, в 2013 г. доля материкового Китая (вместе с Сянганом и Аомэнем) в общем объеме внешней торговли Тайваня составила 28,8 %, в экспорте — 39,7 %, в импорте — 16,4 %¹². Высокая доля Китая в тайваньском экспорте имеет особое значение, поскольку 70 % ВВП Тайваня дает именно экспорт его продукции.

Нелишне отметить, что китайское правительство проводит политику содействия тайваньским компаниям, помогая им расширить рынки сбыта на материке, закупая у них продукцию сельского хозяйства и рыболовства¹³.

В успешном развитии межбереговой торговли огромную роль сыграло установление еще в 2008 г. прямых связей через Тайваньский пролив — торговых, транспортных и почтовых. Вскоре после этого частота авиарейсов достигла нескольких сотен в неделю, т. е., по сути, дела между берегами был выстроен воздушный мост, который в 2013 г. связал остров даже с городами западного Китая¹⁴. Стали создаваться новые морские пути, и в 2013 г. вслед за маршрутом Цзиньчжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район) — Гаосюн был открыт контейнерный маршрут Бэйхай (пров. Гуанси) — Гаосюн.

Второе. Были ослаблены ограничения на инвестиции тайваньских компаний на материке. Прежний потолок, зависевший от величины чистых активов компании и составлявший от 20 до 40 % их стоимости, был повышен до 60 % для всех

компаний¹⁵. Получили доступ на материк финансовые институты Тайваня. По китайским данным, на конец 2013 г. администрацией материка было одобрено 90 018 проектов с тайваньскими инвестициями, а объем реально использованных тайваньских инвестиций достиг 59,13 млрд долл., что составило 4,2 % от общего объема реально использованных иностранных инвестиций. (Правда, в 2013 г. число одобренных проектов с тайваньским капиталом — 2017 — сократилось по сравнению с предыдущим годом на 9,5 %, а объем реально использованных тайваньских капиталов сократился на 26,7 % и составил 2,09 млрд долл.¹⁶)

В пров. Фуцзянь была создана новая экономическая зона — экспериментальный проект с прицелом на привлечение тайваньских инвестиций и, возможно, на экономическое сращивание с Тайванем по модели Шэньчжэнь — Сянган¹⁷.

Третье. Тайваньские власти решили ослабить существовавшие для китайских компаний запреты и ограничения на инвестиции в тайваньскую промышленность, размещение средств в тайваньских банках и приобретение собственности на острове. Первоначально капиталы с материка не допускались на Тайвань, но с 2009 г. для них были открыты 64 сегмента тайваньской промышленности — это 30 % всех ее сегментов — и 11 областей инфраструктурного строительства с тем условием, что при строительстве аэропортов и морских портов доля материковых компаний не будет превышать 50 % суммарных инвестиций¹⁸. К середине 2012 г. инвестиции с материка были вложены в 408 проектов¹⁹: в современные технологии, обрабатывающую промышленность, сферу обслуживания, строительство²⁰. И если в 2011 г. инвестиции с материка составляли всего 43,74 млн долл., то в 2012 г. — на порядок выше: 327,07 млн²¹.

Таким образом, если прежде только тайваньские компании работали на материке, то теперь начался процесс взаимопроникновения сторон на рынки друг друга.

Четвертое. С начала нынешнего этапа межбереговых взаимоотношений до конца 2013 г. стороны подписали 18 экономических соглашений, в том числе: о расчетах в юанях; о торговле услугами (соглашение расширяет или открывает тайваньским

компаниям доступ в такие сектора бизнеса, как банковский, больничный, строительный, туристический); о защите инвестиций; о таможенном сотрудничестве.

Было заключено (2010 г.) имеющее принципиально важное значение так называемое Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (на обоих берегах его часто обозначают английской аббревиатурой ECFA — Economic cooperation framework agreement). Министерство коммерции КНР заявило, что Рамочное соглашение «открыло новую эру в отношениях через пролив»²². Основной смысл соглашения состоит в следующем.

Последние годы страны АТР стали создавать сеть преференциальных экономических отношений друг с другом, заключая соответствующие соглашения и образуя зоны свободной торговли. Наиболее продвинутые в этом отношении страны участвуют в двух-трех десятках соглашений о свободной торговле, в том числе Китай — в 22, Тайвань же участвовал всего в семи²³. Дело в том, что его специфический международный статус, а возможно, и непубличные сигналы из Пекина заставляют региональных игроков держаться в некотором отдалении от Тайбэя, который, таким образом, оказывается окруженным высокими таможенными барьерами, теряет конкурентоспособность и отесняется на обочину процесса регионализации. Вступившее в силу 1 января 2010 г. соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН+Китай сделало положение Тайваня на рынках этих стран чрезвычайно уязвимым.

Рамочное соглашение позволило в значительной мере уравнять позиции Тайваня на китайском рынке с позициями его конкурентов — стран АСЕАН и Южной Кореи: с 2011 г. в три приема были снижены тарифы на экспорт 539 видов продукции с Тайваня на материк и на 267 видов товаров — с материка на Тайвань, а с января 2013 г. тарифы были полностью отменены²⁴. В Тайбэе надеялись, далее, что подписание Рамочного соглашения позволит ему выйти из изоляции и шире интегрироваться в региональную экономику. И действительно, в 2013 г. Тайвань подписал Соглашение об экономическом сотрудничестве с Новой Зеландией и Соглашение об экономическом партнерстве с Сингапуром. По оценке тайваньских экспертов, собственно хо-

зыйственный эффект от этих соглашений будет не столь уж велик (прирост ВВП на 300 млн и 700 млн долл. соответственно), однако сам факт их подписания послужит примером для других стран²⁵.

Прогресс в межбереговых отношениях не ограничился, однако, сферой экономики. В 2008 г. после почти 10-летнего перерыва главный канал связи материка и острова — переговоры квази-правительственных организаций: материковой Ассоциации связей через пролив и тайваньского Фонда обменов через пролив — возобновил свою работу и приобрел характер постоянного консультационного механизма. В 2013 г. впервые было решено организовать регулярные прямые контакты между государственными учреждениями высокого уровня: Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материка²⁶. Стало развиваться сотрудничество специализированных административных структур, включающее в себя взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью, функционирование «горячей линии» в целях оказания срочной медицинской помощи, совместные учения морских спасательных служб и т. п.

В 2011 г. тайваньские университеты впервые открыли двери для студентов с материка, число которых в тот же год приблизилось к тысяче²⁷. В 2013 г. было объявлено, что китайское правительство будет оказывать поддержку тайваньцам — выпускникам вузов на материке, желающим открыть собственный бизнес, и будет предоставлять им субсидии для прохождения бизнес-курсов²⁸.

Количество туристов с Тайваня, посетивших материк в 2012 г., составило 5,34 млн человек. В том же году на Тайване побывали 2,53 млн туристов с материка, что означало двукратный прирост по сравнению с предыдущим годом²⁹.

Вообще, на берегах Тайваньского пролива воцарилась небывалая прежде атмосфера, пусть и сдерживаемая наличием серьезных нерешенных проблем. Приметами нового времени стали частые и разнообразные двусторонние форумы, обмены визитами, культурные мероприятия и т. д., широко освещаемые в СМИ. Специалисты неожиданно для себя обнаружили, что

«тайваньская массовая культура входит в моду в континентальном Китае, где во многих городах возникают «тайваньские улицы», а Тайвань становится образцом для подражания в развлекательной индустрии»³⁰.

Неоднократно поднимавшаяся в прошлом тема возможного применения силовых мер в ответ на откровенно сепаратистские действия сторонников «независимости Тайваня» теперь перестала звучать. Руководители КНР демонстрируют максимальное уважение к тайваньскому партнеру, они настойчиво убеждают тайваньцев, что не ищут для материка особых выгод, а движет ими забота об общем благе обоих берегов пролива.

Все это вместе взятое в сочетании с признанием принципа «одного Китая» (в качестве одной из форм которого выступает «консенсус 1992 г.») и единства китайской нации и составляет новый облик отношений между берегами тайваньского пролива. На XVIII съезде КПК в 2012 г. председатель КНР Ху Цзиньтао говорил: «Между берегами сложилась система всеохватывающих обменов, создана новая ситуация — ситуация мирного развития». Там же он подтвердил основные установки тайваньской политики Пекина:

«Решение тайваньской проблемы, полное объединение родины — это неостановимый исторический процесс. Мирное объединение наилучшим образом соответствует коренным интересам китайской нации, в том числе тайваньских соотечественников».

«Необходимо придерживаться курса на мирное объединение по формуле “одно государство, два строя”».

«Оба берега должны последовательно выступать против “независимости Тайваня”, стоять на общей платформе “консенсуса 1992 г.”».

В то же время во взаимоотношениях двух берегов еще остаются сложные нерешенные проблемы. Более того, по мнению некоторых китайских специалистов, «межбереговые отношения постепенно переходят от мелких и легких проблем к глубоким и трудным»³¹. Это относится, прежде всего, к налаживанию диалога по политической тематике. Если Пекин держит курс на открытие такого диалога, то Тайбэй предпочитает его отклады-

вать, предполагая, что диалог непременно повернет к дискуссии относительно объединения, на которое он пока не готов пойти, считая за лучшее сохранение статус-кво острова.

В настоящее время объединение не стоит непосредственно в повестке дня, руководители КНР выдвигают в качестве более близкой задачи заключение мирного соглашения, что позволило бы сделать огромный шаг вперед в деле укрепления доверия и обеспечения безопасности в Тайваньском проливе. На Тайване мысли о подобном соглашении высказывались уже давно. Но в реальности это — шаг сложнейший и в высшей степени деликатный, поскольку затрагивает область военных приготовлений и военного баланса. На XVIII съезде КПК Ху Цзиньтао выдвинул эту идею в самых недвусмысленных выражениях: «Надеюсь, что стороны, объединив свои усилия, обсудят межбереговые отношения применительно к специфическим условиям, когда страна еще не объединилась, и примут соответствующие разумные решения; надеюсь также, что они проведут консультации относительно создания механизма взаимного доверия в сфере военной безопасности»³². Вместе с тем председатель КНР Си Цзиньпин в одной из бесед с представителями тайваньской стороны подчеркнул: «Проблема существующих между нами политических расхождений, в конце концов, шаг за шагом должна быть решена, она не может передаваться из поколения в поколение»³³.

По мнению китайских политологов, благодаря активной политике китайского руководства в позиции тайваньского президента Ма Инцзю последнее время произошли небольшие, но характерные позитивные подвижки: он теперь подчеркивает, что «отношения двух берегов являются не международными отношениями, а отношениями особого типа»; не выдвигает требования, чтобы в межбереговых взаимоотношениях сначала решались экономические вопросы, а политические — позже; он стал с большим интересом относиться к идее встречи с Си Цзиньпином³⁴.

Эти мелкие нюансы крайне важны потому, что имеют место на фоне далеко не простой политической обстановки на острове, где стоящему у власти Гоминьдану противостоит мощная по

местным меркам Демократическая прогрессивная партия с ее идеями «независимости» Тайваня. ДПП предъявляет главе нынешней администрации Ма Инцзю целый ряд серьезных обвинений, в том числе: в отношениях с материком он жертвует интересами и суверенитетом Тайваня, и подписанное им Рамочное соглашение ставит Тайвань в сверхзависимость от большого партнера; экономические связи через пролив идут не на пользу жителям острова; происходящий вынос производств на материк и в другие страны оборачивается для Тайваня опустошением промышленности и высоким уровнем безработицы; предусмотренный Рамочным соглашением свободный обмен услугами грозит тайваньцам разорением и т. д. Следует, как считает ДПП, сформировать сначала «тайваньский консенсус», который учитывал бы волю жителей острова, а затем, исходя из его положений, «консенсус двух берегов»³⁵.

Сила ДПП проистекает в значительной мере из того обстоятельства, что она является выразителем весьма значимой в местном обществе тенденции «тайваньской идентичности» — представления о том, что обитатели Тайваня являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой. Ощущение «тайваньской идентичности» исторически сложилось на острове как результат его окраинного положения в государстве, оторванности от страны в период японского колониального господства, наконец, как следствие конфликтов между гоминьдановским диктаторским режимом и местным населением после окончания Второй мировой войны. С конца XX в. «тайваньская идентичность» стала подпитываться ростом благосостояния населения и привычкой жить в условиях демократических свобод. Гоминьдан в это время стал «тайванизироваться», однако недоверие к гоминьдановским чиновникам как к «пришлым» в народе сохранилось. В настоящее время определенные особенности жителей Тайваня в образе жизни, мышления, в культуре и языке являются объективным фактом. Очередной опрос на тему национального самосознания, проведенный в июне 2010 г. университетом Чжэнчжи, дал такие результаты: 52,4 % респондентов объявили себя тайваньцами; 40,4 % — тайваньцами и китайцами одновременно, и только 3,8 % — китай-

цами. При этом, как отмечают эксперты, «политическая разрядка, экономическая интеграция, растущее число туристов из КНР, посещающих Тайвань, допуск студентов из КНР в тайваньские колледжи и университеты сопровождаются нарастающей тенденцией тайванизации в культурной сфере и вопросах идентичности»³⁶. Это объясняет, почему подавляющее большинство населения Тайваня неизменно выступает за сохранение статус-кво острова.

В Пекине отчетливо осознают эту ситуацию и самым основательным образом учитывают ее в отношениях с Тайванем. На встрече с почетным председателем партии Гоминьдан Лянь Чжанем в феврале 2014 г. Си Цзиньпин, отмечая, что у жителей Тайваня имеется свой менталитет, обусловленный особенностями истории острова и его социальной среды, заявил: «Мы полностью понимаем чувства тайваньских соотечественников»³⁷. Гибкий подход Пекина проявился, в частности, в чувствительном для Тайбэя вопросе о равноправии сторон в процессе переговоров. Считая Тайвань провинцией КНР, руководство страны, тем не менее, устами Си Цзиньпина выразило готовность «проводить равноправные консультации с Тайванем по межбереговым проблемам на основании принципа “одного Китая” и принять для этого справедливые и разумные меры»³⁸.

Радикальное обновление отношений между двумя берегами внешне никак не отразилось на американо-тайваньских союзнических связях. США по-прежнему держат курс на укрепление вооруженных сил острова посредством поставок ему военной техники. В сентябре 2011 г. администрация Обамы обнародовала решение продать Тайваню большую партию военных товаров, правда на несколько меньшую сумму, чем планировалось ранее, — на 5,3 млрд долл. Вместо истребителей F-16 было решено предоставить Тайваню оборудование для модернизации имеющихся у него самолетов этой марки, а также техническую поддержку и логистическую помощь. В сделку вошла также программа подготовки пилотов. В ноябре 2013 г. на Тайвань была поставлена первая партия — 6 из 30 самых современных боевых вертолетов «Апач»³⁹, что вызвало резкий протест со стороны Пекина. Впрочем, в условиях роста военной мощи КНР и

старения тайваньского оружейного арсенала, пусть даже частично обновляемого с американской помощью, возникший в 2005 г. разрыв⁴⁰ между силами Пекина и Тайбэя неизбежно возрастает, и это обстоятельство служит для Пекина еще одним источником терпеливости в решении тайваньской проблемы.

Увеличение военного могущества Китая, а также происходящее сближение Пекина и Тайбэя — процессы, которым США на в силах противостоять, — не могут не оказывать «размягчающего» действия на американское общественное мнение. В публичном пространстве США стали появляться высказывания на тему о том, что пора «оставить Тайвань», поскольку он «уходит от США и идет к Китаю», к тому же «военный баланс между берегами нарушен», а все это снижает роль острова как американского опорного узла в сдерживании Китая. Зазвучали сомнения в полезности продажи Тайваню военной техники, в целесообразности поддержания его статус-кво⁴¹. «Хотя идея “оставить Тайвань” не стала вполне сформировавшейся, системной и не превратилась в преобладающее течение, ее появление и развитие заслуживают внимания»⁴², — отмечают китайские специалисты.

Самое же, пожалуй, интересное: на Тайване стало формироваться мнение, что дело идет к воссоединению с материком, и оно, весьма вероятно, произойдет, правда, не в нынешнем поколении, но в следующем. Подобные высказывания автор данной статьи слышал от весьма авторитетных тайваньских экспертов. Для Пекина, превосходно осведомленного о мельчайших подробностях в жизни тайваньского общества, появление таких настроений служит подтверждением эффективности его курса.

* * *

Обобщая результаты нашего исследования по двум столь разным темам, мы можем констатировать: Китай, опираясь на свое новое экономическое могущество, действует весьма последовательно и напористо, наращивая свое влияние в различных районах евразийского континента, как близлежащих, так и удаленных от его границ. Можно спорить о том, ставит ли он на прямую своей целью превратиться в мировую державу номер

один или же его движение к этой цели происходит как следствие решения других, более прагматичных задач, одухотворенных, впрочем, лозунгом возрождения китайской нации. Но в любом случае остается фактом, что процесс этот идет у нас на глазах.

Примечания

¹ Ли Чанцзю. Чжунго дэ цюань цю чжаньлюэ «дун вэнь, бэй цян, си цзинь, нань ся» // Синьхуа ван. 16.12.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-12/16/c_124095365.htm

² Investment to become the new engine of China-EU cooperation // People's Daily Online. 14.04.2014. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/98649/8597264.html>

³ Там же.

⁴ Гуань юй шэньхуа ху ли гун ин дэ Чжун Оу чжфньлюэ хопань гуаньми дэ лянхэ шэнмин : [Совместное заявление об углублении китайско-европейских взаимовыгодных и обоюдно выигрышных отношений всестороннего стратегического партнерства]. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2014/03-31/6013737.shtml>

⁵ Xi's visit reflects the trend of Sino-EU ties // People's Daily Online. 01.04.2014. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/8585036.html>

⁶ См. напр.: Павлов В. Китай одержал победу в солнечной войне // РБК Daily. 30.07.2013. URL: <http://rbcdaily.ru/world/562949988279958>

⁷ Возрождение Шелкового пути — Китай и Украина создают самый быстрый морской канал между Китаем и Европой // Жэньминь жибао он-лайн. 06.12.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8477323.html>

⁸ Все будет Китай! // SinoExport. URL: <http://www.sinoexport.ru/articles/vse-budet-kitai.shtml>

⁹ Вариант Киева с Китаем не прошел // Дальневосточный банк. 08.12.2013. URL: <http://www.odnako.org/blogs/variant-kieva-s-kitaem-ne-proshol>

¹⁰ См. напр.: Китайцы войдут в Крым по мосту // Коммерсант ru. 06.05.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2464879>

¹¹ Ван Цзяньминь. Тайвань цзинцзи: далу дэ ладун ли цзай жохуа : [Экономика Тайваня: притягательная сила материка слабеет] / Шизце чжиши. 2012. № 20. С. 43.

¹² Подсчитано по: Гоцзи маои цзюй. Чжун хуа минь го цзинь чу коу тунцзи : [Бюро внешней торговли. Статистика экспорта и импорта Китайской Республики]. URL: <http://cus93.trade.gov.tw/FSCI/>

¹³ Cross-Strait relations maintain sound momentum in 2012 // People's Daily Online. 16.01.2013. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90785/8095238.html>

¹⁴ Более 380 тыс. индивидуальных туристов из материкового Китая посетили Тайвань // Жэньминь жибао он-лайн. 09.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8280358.html>

¹⁵ К большей свободе — экономика задает тон // Тайваньская панорама. 2010. № 1. С. 3.

¹⁶ Mainland-Taiwan Trade and Investment During January-December 2013 / Ministry of Commerce. People's Republic of China. 10.02.2014. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistics/lanmubb/hkmacaotaiwan/201402/20140200485384.shtml>

¹⁷ Я Тай хэпин юэкань. 2009. Т. 1. № 11. С. 9.

¹⁸ К большей свободе — экономика задает тон. Указ. соч. С. 4.

¹⁹ Chun Yi-lee. Chinese Investment in Taiwan: Challenge or Opportunity? / China Policy Blog. 16.10.2013. URL: <http://blogs.nottingham.ac.uk/chinapolicyinstitute/2013/10/16/chinese-investment-in-taiwan-challenge-or-opportunity-for-taiwans-industrial-development/>

²⁰ Mishkin Sarah. Taiwan: Cross-Strait investment slowly pick up as political relations improve // Financial Times. 11.12.2012. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/49e1307a-3afc-11e2-bb32-00144feabdc0.html#axzz2qrNCLKkz>

²¹ ROC Yearbook 2013/ Executive Yuan. Taipei. 2013. URL: <http://www.ey.gov.tw/en/cp.aspx?n=3631FF42F7C43544>

²² URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zt/twwt/t712667.htm>

²³ Zhao Hong. Taiwan—ASEAN Economic Relations in the Context of East Asian Regional Integration // International Journal of China Studies. 2011. V. 2. № 1. P. 45.

²⁴ ROC Yearbook 2013/ Executive Yuan. Taipei. 2013. URL: <http://www.ey.gov.tw/en/cp.aspx?n=3631FF42F7C43544>

²⁵ У Миньцзюнь. Тай Нью, Тай Син цзинцзи хэпань седин дуй во чжи ин : [Влияние соглашений об экономическом сотрудничестве с Новой Зеландией и Сингапуром на Тайвань] // Я Тай хэпин юэ кань (Тайбэй). 2013. Т. 5. № 12. С. 7.

²⁶ Материковый Китай и Тайвань договорились создать механизм регулярных контактов через свои официальные структуры // Жэньминь ван. 12.02.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8533353.html>

²⁷ Taiwan relaxes admission rules for mainland students / Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/16/c_131363528.htm

²⁸ Материковый Китай объявил о принятии новых благоприятных мер в отношении Тайваня // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8286317.html>

²⁹ ROC Yearbook 2013/ Executive Yuan. Taipei. 2013. URL: <http://www.ey.gov.tw/en/cp.aspx?n=3631FF42F7C43544>

³⁰ *Yoshihisa Amai and Jens Damm*. “Whither Taiwanization?” State, Society and Cultural Production in the New Era // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2011. V.40. № 1. P. 4.

³¹ Ван Шушэнь. «Хо лу вайцзяо» шимела ма? : [Провалилась ли дипломатическая «дорога жизни»?] // Шицзе чжиши. 2013. № 24. С. 51.

³² Чжун Гун чжунян цзун шуцзи Ху Цзиньтао Чжунго Гунчаньдан ди шиба цы дайбяо дахуэй баогао цюань вэнь : [Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. Полный текст]. URL: <http://wenku.baidu.com/link?url=uxrfECQRvVTaxSYDpjsYYMTL-8gxVWZt6d0X-KWUc4vq232dCKAizbZIW7WAw0qI0fdmuQ580JMC-so5mLMLEizYvFBZ51XVXGWupdwLwy>

³³ China's Xi says political solution for Taiwan can't wait forever / reuters. 04.10.2013. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/10/06/us-asia-ap ec-china-taiwan-idUSBRE99503Q20131006>

³⁴ Ван Цзяньминь. Ма Инцзю лян ань гуань: бяньхуа юй тяочжэн : [Взгляды Ма Инцзю на отношения двух берегов: изменения и корректировка] // Шицзе чжиши. 2013. № 23. С. 43; Тайваньский лидер Ма Инцзю надеется на дальнейшее углубление отношений с материковой частью Китая // Жэньминь жибао он-лайн. 23.10.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8434412.html>

³⁵ Interview With Tsai Ing-wen. New York Times. 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-tsai-ing-wen.html?pagewanted=all>

³⁶ *Yoshihisa Amai and Jens Damm*. “Whither Taiwanization?” State, Society and Cultural Production in the New Era // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2011. V.40. № 1. P. 6.

³⁷ Материковая часть Китая уважает общественный строй Тайваня — Си Цзиньпин // Жэньминь ван. 9.02.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8539971.html>

³⁸ Чжун Гун чжунян цзун шуцзи Ху Цзиньтао Чжунго Гунчаньдан ди шиба цы дайбяо дахуэй баогао цюань вэнь : [Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. Полный текст]. URL: <http://wenku.baidu.com/link?url=uxrfECQRvVTaxSYDpjsYYMTL-8gxVWZt6d>

0X-KWUc4vq232dCKAizbZIW7WAw0qI0fdmuQ580JMC-so5mLMLEizYvFBZ51XVXGWupdwLwy

³⁹ Независимая газета. 06.11.2013.

⁴⁰ По оценке Ма Инцзю — см. Interview With Taiwan President Ma Yihg-jeou. New York Times 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-taiwan-president-ma-ying-jeou.html?pagewanted=all>

⁴¹ См. Ван Цзяньминь. Мэйго дуй Тай чжэнцэ юй лян ань чжэнцэ дэ чжэнь сян : [Реальная связь между тайваньской политикой США и политическими взаимоотношениями двух берегов] // Шицзе чжиши. 2013. № 17. С. 58.

⁴² Го Чжэньюань. Тайвань вэньти дуй Чжун Мэй фачжань синь син да го гуаньси дэ инсян : [Влияние тайваньской проблемы на развитие нового китайско-американских отношений нового типа] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2013. № 5. С. 31.

Ю.В. Морозов*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БОРЬБЫ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ СЕПАРАТИЗМА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В КИТАЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются проявления сепаратизма на Дальнем Востоке как угроза суверенитету и безопасности России и проводится анализ опыта борьбы с этим явлением в Китае. Предлагается ряд рекомендаций для центральной власти России по снижению сепаратистских настроений в стране с учетом китайского опыта.

Ключевые слова: Россия; Китай; Сибирь; Дальний Восток; сепаратизм; регионализм; глобализация; экономика.

С начала 2014 г. события на Украине прочно заняли первые полосы международных СМИ. Референдумы жителей Крыма и юго-востока Украины и присоединение полуострова к России были расценены западным сообществом как сепаратизм. При этом Запад словно «забыл» о том, что в феврале 2008 г., без проведения подобного референдума, независимость Косово от Сербии была немедленно признана США и рядом стран Евросоюза. И именно с этого момента право наций на са-

* Морозов Юрий Васильевич, к. воен. н., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-27-21002.

моопределение и нерушимость государственных границ, определенные Хельсинскими соглашениями, стали толковаться Западом двояко — то, что «можно было Приштине, не положено ни Симферополю, ни Луганску». Хотя, как и в Сербии, в основе украинского кризиса лежит в том числе и конфликт, вызванный, главным образом, противоречием между ростом самосознания жителей Украины, с одной стороны, и желанием сохранить киевской хунтой территориальную целостность страны — с другой. Таким образом, вопрос легитимности отделения от страны ее части вновь оказался на повестке дня для многих государств мира, включая РФ и КНР. Ибо, исходя из анализа дестабилизирующего воздействия сепаратизма на сложившийся геополитический порядок в мире, есть все основания включить это явление в число глобальных проблем человечества. Эксперты подсчитали, что 53 основных очага современного сепаратизма суммарно занимают территорию 12,7 млн кв. км., населенную приблизительно 220 млн человек¹.

Проявления тенденций сепаратизма как угроза суверенитету и безопасности России

Анализ складывающейся в России ситуации показывает, что опасность сепаратистских тенденций в нашей стране на сегодняшний момент до конца не преодолена. В РФ аналитики выделяют от 31 до 75 точек этнотерриториальных напряжений². Их основным центром является Северный Кавказ, где продолжается «вымывание» русских из ареалов их проживания. Отток русских происходит и из районов Сибири и Дальнего Востока. Причины такой миграции вызваны как социально-экономическими факторами, так и этнократическим давлением титульных наций. А образование этнической однородности в автономиях РФ в перспективе может усиливать потенциал центробежных процессов в России.

Существенное влияние на проявление тенденций сепаратизма в Сибири и на Дальнем Востоке оказывает их *экономическая регионализация*. Горные массивы Урала, крупные реки и другие

природные условия существенно затрудняют связи с ядром страны и приводят к определенной обособленности этих обширных земель. Из-за этого экономика региона естественным образом ориентируется на соседние страны, с которыми и ведется практически полностью товарообмен. Сохранение такой тенденции может привести к тому, что интересы субъектов России за Уральским хребтом войдут в конфликт и с экономическими интересами Центра, и с интересами государственной целостности.

Экономическая обособленность Сибири и Дальнего Востока дополняется иными факторами. Так, с точки зрения сохранения территориальной целостности страны у Дальнего Востока и Сибири есть еще две проблемы — *демографическая и цивилизационная*. Наиболее высокой плотностью населения отличается восточноазиатский ареал, включающий Китай, КНДР, РК и Японию. Здесь средняя плотность населения составляет около 200 человек на кв. км. А по России средняя плотность населения составляет 8,7 человек, сельского населения — лишь 2,3³. Поэтому территория за Уральским хребтом стала объектом легальной и нелегальной иммиграции из других стран. Так, на Дальнем Востоке велика вероятность дальнейшего укрупнения китайской диаспоры, которая в настоящее время и так весьма значительна. Существует угроза образования там диаспор и проявлений сепаратистских настроений отдельных районов, населенных корейцами, монголами, уйгурами и другими этносами. Это может способствовать созданию на территории России этнических анклавов наподобие «чайна-таунов», живущих не по российским, а по своим законам, что не способствует этническому добрососедству. Тому примеры — межэтнические столкновения в Кандапоге и в Читинской обл. (2006 г.), в Уральской обл. (2012 г.) и в Москве в 2013 г. В целом, ввиду несовершенства эмиграционной политики и практической «прозрачности» границ с Республиками Центральной Азии (ЦА), Россия вышла на 2-е место в мире по количеству мигрантов.

Проблема проявлений сепаратизма ряда областей РФ является актуальной и в силу особенностей ее *конфессионального состава*. В России проживают порядка 20 млн мусульман⁴ (12 %

населения), определенная часть которых придерживаются сепаратистских взглядов и получают поддержку со стороны зарубежных организаций. Важное место в распространении сепаратистских настроений занимают различного рода информационные центры и радиостанции. В Интернете также можно легко обнаружить немалое количество сайтов сепаратистских движений, которые нацелены на развал нашей страны под благовидными предложениями. И если миграцию из зарубежных стран можно блокировать полицейскими методами, то остановить продвижение идей и утверждение иного мироощущения представляется трудноразрешимой задачей.

Нельзя не упомянуть и о факторе *глобализации*, который отражает ведущую роль высокоразвитых стран в развитии технологий и в торговле, в первую очередь для установления экономического контроля над территориями, представляющими особую ценность в связи с перспективой истощения природных ресурсов, прежде всего энергетических. На этом фоне ресурсный потенциал одной только Сибири составляет: 77 % добываемой в РФ нефти; 85 % газа; 80 % угля; 45 % гидроэнергоресурсов; древесины — более 41 %; металлов платиновой группы — 99 %⁵.

Глобализация экономики РФ проявляется в создании свободных экономических зон (по аналогии с Магаданом), которые в ряде случаев содействуют научно-техническому прогрессу, выпуску наукоемкой продукции, насыщению внутреннего рынка качественными товарами и т. д. Экономическая эффективность этих зон создает иллюзию их абсолютной полезности для страны. Тем не менее они подрывают государственный суверенитет, так как способствуют ослаблению барьерной функции центральной власти. В том случае, если такие зоны будут создаваться в таких обособленных и удаленных регионах, как Сибирь и Дальний Восток, они могут послужить дополнительным фактором, ослабляющим государственный суверенитет и создающим предпосылки для деятельности сепаратистских сил.

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить пристальное внимание, — *несовершенство законодательной базы РФ*. В России, как и в любой другой классической федерации, присутствуют два законодательных уровня: федеральный (госу-

дарственный) и субъектный (региональный). При этом стремительное развитие законодательства на региональном уровне порождает множество юридических коллизий, по сути, являющихся проявлениями правового сепаратизма. Наиболее характерно подобные тенденции проявляются:

- в попытках принимать нормативно-правовые акты, относящиеся к исключительной компетенции РФ, на региональном уровне, в частности в области регулирования прав и свобод человека, установления государственной границы, обеспечения целостности территории России;
- в противоречивой практике заключения договоров на региональном уровне о разграничении предметов ведения и полномочий, положения которых грубо противоречат Конституции РФ, и в приостановлении действия указов президента РФ, федеральных законов и других правовых актов РФ, не соответствующих интересам субъектов Федерации.

В Уголовном кодексе РФ в его нынешнем виде нет ряда статей, по которым можно было бы привлечь к уголовной ответственности за сепаратизм, за публичные призывы к отделению какого-либо региона (области) от РФ, за распространение идей сепаратизма в СМИ, Интернете и т. д.

Названные проблемы обостряются ввиду неоднозначного понимания субъектами РФ характера такого государственного образования, как Российская Федерация, и их места в нем. Иногда увлечение самостоятельностью дальневосточных областей России принимает крайние формы.

Пример тому — попытка создания в 1993 г. «Уральской республики». Эта идея губернатора Э. Росселя была «на шаг впереди» позиции З. Бжезинского, который в 1997 г. в книге «Великая шахматная доска» отмечал, что «*России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче...*»⁶. Но не об облегчении системы управления Россией заботился этот последовательный русофоб. Им двигала идея дальнейшего дробления нашей страны по аналогу с некогда сильным государством — бывшей Югославией, распавшейся на

«удельные княжества» в результате реализации сепаратистских идей под влиянием третьих сил и гражданской войны.

Другой пример — действия жителей Курил, которые выдвигали идею о вхождении островов в состав Японии. До сих пор имеющаяся «территориальная проблема» в отношениях России и Японии косвенно способствует возникновению сепаратистских настроений в ряде субъектов Приморского края и Сахалинской области, региональные элиты которых порой не прочь разыграть «японскую карту» в своих требованиях максимальной автономии от федерального центра. Очевидно, что проявления тенденций сепаратизма дальневосточных регионов как фактор ослабления России будет активно использоваться геополитическими соперниками РФ в целях недопущения ее возрождения как великой державы.

Таким образом, основными факторами сепаратизма, несущими вызовы национальным интересам России в Сибири и на Дальнем Востоке и ослабляющими центральную власть, выступают:

- социально-экономическая обособленность этих регионов и их ориентированность на развитие связей с приграничными странами;
- миграция русских из Сибири и Дальнего Востока и стремление к перераспределению доступа соответствующих национально-этнических групп к власти и ресурсам, подкрепляемые историческим материалом, оправдывающими соответствующие притязания;
- создание свободных экономических зон в рамках глобализации;
- проявление сепаратистских тенденций в конституционно-правовой сфере государства, нарушающее единство правового пространства страны.

Нельзя сказать, что центральная власть РФ не борется с проявлениями сепаратизма. Но делается это, как правило, запоздало. Стабильность достигается или за счет грубого применения военной силы и «большой крови» (Чечня, Дагестан), либо гигантских финансовых вливаний в «мятежные территории», которые, как правило, «распиливаются» местными коррупцио-

нерами. В интересах выявления наиболее эффективных методов борьбы с проявлениями современного сепаратизма в отдаленных от Центра России регионах было бы целесообразно проанализировать зарубежный опыт борьбы с этим явлением в других государствах, в частности в КНР.

Борьба с проявлениями сепаратизма в Китае: возможные уроки для России

В настоящее время в Китае к наиболее проблемным территориям страны с точки зрения сохранения сепаратистских идей и движений относятся два из пяти автономных районов страны — Синьцзян-Уйгурский автономный и Тибетский автономный районы (СУАР и ТАР), а также о. Тайвань.

Наиболее активным и опасным для центральной власти КНР является *уйгурский вид сепаратизма*. СУАР имеет общую границу с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном, а также соседствует с одними из наиболее напряженных точек ЦА — Афганистаном и Кашмиром. Основной сепаратистской организацией уйгуров является «Исламское движение Восточного Туркестана», которое пользуется наибольшей поддержкой среди представителей этого этноса. Они желают создать независимое государство «Уйгурстан», куда предусматривается включение областей других государств ЦА, прежде всего тех, в которых есть значительная уйгурская диаспора (Казахстан, Киргизия, Узбекистан). Но не столько желание видеть это государство независимым движет сепаратистами. Они хотели бы единолично распоряжаться значительными природными ресурсами местных гор, разработка которых началась в 1950-х годах. Интересуют сепаратистов и транспортные коридоры из Китая в Европу, а также строящиеся газо- и нефтепроводы в центральные районы Китая.

Этому движению удалось не только добиться одобрения и финансовой поддержки уйгурских диаспор в ЦА и странах Запада, но и создания в них собственных организаций. Так, в ЦА действуют «Уйгурстанская организация свободы», ассоциация уйгу-

ров «Иттипак», «Объединенный национальный революционный фронт Восточно-Туркестанской организации» и «Уйгурская освободительная организация». На Западе это — «Восточно-Туркестанский союз», «Международная Такламаканская ассоциация прав человека» и «Восточно-Туркестанский национальный освободительный центр».

Обсуждая возможности обретения независимости СУАР, ряд организаций начинает склоняться к принятию на вооружение террористических методов достижения поставленных целей. Так, Исламское движение Восточного Туркестана насчитывает до 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Структура организации включает: религиозно-политический центр, центр оперативного управления, мобильные бандформирования, подразделения разведки и контрразведки, а также органы, отвечающие за пропаганду и материально-техническое обеспечение. Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали июльские события 2009 г. в г. Урумчи, в ходе которых погибли 186 человек, более 1000 были ранены, а 1400 участников беспорядков — арестованы.

В последние годы уйгурская проблема все более тесно прикасается с проблемами религиозного экстремизма и нестабильности в Афганистане. Власти КНР обеспокоены тем, что уход сил международной коалиции из Афганистана к исходу 2014 г. вызовет рост религиозного фундаментализма и террористической угрозы в СУАР и в других областях ЦАР⁷. Поэтому проблема сепаратизма СУАР рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. Именно этому вопросу Пекином постоянно уделяется большое внимание в рамках ШОС. Так, в области обуздания «трех сил зла» (сепаратизма, терроризма и экстремизма) и обеспечения региональной безопасности по инициативе Пекина была подписана (2001 г.) и введена в действие Конвенция о борьбе с этими явлениями. Также налажено взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти

выдали Китаю ряд уйгурских боевиков. Пекин также счел важным установить практические взаимоотношения с Москвой, дабы совместными усилиями предотвращать ситуации, угрожающие стабильности в ЦА.

Пекин проводит последовательную политику противодействия уйгурскому сепаратизму. Так, после распада Советского Союза китайские власти пошли на принятие ряда превентивных мер с целью пресечения поддержки уйгурских сепаратистских группировок в СУАР извне. С этой целью Китай усилил режим охраны границы с государствами ЦА. Было увеличено количество пограничных нарядов и постов, а на маршрутах перемещения «челноков и гастарбайтеров», которые в массовом порядке стали посещать СУАР, спецслужбы КНР установили за ними жесткий контроль. Может, и российским спецслужбам стоило бы перенять этот опыт в плане пресечения нелегальной миграции из приграничных стран, одновременно избавившись от коррупционеров в своих рядах, которым выгодно существование каналов поставок «рабсилы XXI века» в Россию?

Тезисы о запрещении деятельности уйгурских сепаратистских организаций на территории центрально-азиатских республик постоянно озвучиваются официальными лицами КНР в ходе переговоров на самых различных уровнях. В результате китайская сторона получила от руководителей этих государств заверения в том, что «они не допускают на своей территории направленную против КНР сепаратистскую деятельность организаций и сил».

Пекин также постоянно расширяет деятельность, направленную на дискредитацию представителей уйгурского радикального этноса путем использования информационных технологий. В этой области активно ведется работа, связанная с показом всему миру того, как уйгурский сепаратизм может повлиять на другие государства. КНР регулярно предоставляет СМИ и органам власти других стран информацию, приравнивающую уйгурское движение к терроризму и исламскому радикализму и свидетельствующую, что перспективы расширения географии уйгурского сепаратизма ведут к дестабилизации обстановки в мире.

Также центральная власть проводила и будет проводить в Китае политику ограничения рождаемости. Так как данный процесс уже длится более 25 лет, следует ожидать, что через 50 лет малочисленные этносы Китая или исчезнут, или ассимилируются. Очевидно, подобная демографическая политика поможет властям КНР избавиться как от проблемы сепаратизма в СУАР, так и от этнических меньшинств, которые в последнее время активизировались на окраинах Китая.

Кроме того, политика КНР направлена на развитие промышленности и инфраструктуры СУАР, что ведет к увеличению численности ханьцев в этом районе. Приток ханьцев на территорию СУАР не только «разбавляет» количество уйгуров, но и снимает напряжение в районе. При этом Пекину не грозит международное порицание, так как процесс индустриализации не может быть негативным, направленным против той или иной этнической группы. И, наконец, китайские спецслужбы продолжают вести последовательную борьбу с уйгурскими радикальными организациями и их лидерами.

Другим очагом напряженности в Китае является *Тибет*. В период «культурной революции» центральная власть Китая довольно жесткими мерами боролась с сепаратизмом в Тибете. Так, в тот период культура Тибета была практически полностью уничтожена. Из 3 тыс. монастырей (носителей тибетской культуры) все, за исключением трех, были разрушены. В ходе первой 100-дневной кампании (1996 г.) «против преступности» китайские власти арестовали около 2 тыс. тибетцев, из них 115 были расстреляны без суда, порядка 100 духовных школ — закрыто, более полумиллиона национальных печатных изданий — изъято у населения и сожжено⁸. Столь жесткие меры борьбы с сепаратизмом на Тибете вызвали неоднозначную реакцию международной общественности. В Тибете и за рубежом не прекращаются акции протеста тибетцев, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. Поскольку территория Тибета имеет военно-стратегическое значение (контроль границ и тыла Китая), то, преследуя свои геополитические интересы, ситуацию в ТАР используют и такие госу-

дарства, как Индия, Непал и США: негласная поддержка протестных выступлений может перевести фазу демонстраций и пикетов к восстанию с участием тибетцев, а также проживающих в Тибете мусульман-хуэй.

А на международном уровне в дискуссиях по поводу будущего обустройства Тибета до сих пор продолжают малопродуктивные споры: какая должна здесь превалировать власть — светская или духовная? Однако эти дебаты, имеющие мало общего с реальностью в ТАР, можно отнести к рудиментам прошлого. На нынешний день власть в районе — светская. Что касается свободы вероисповедания, традиций и культуры — центральная власть ничего не запрещает. В Тибете работают все монастыри, которые были восстановлены за счет государства.

Кроме того, усилия центральной власти Китая направлены на борьбу с экономическими причинами сепаратизма этого района. За время существования Тибета в составе Китая центральная власть вложила в инфраструктуру района огромные деньги, что значительно улучшило жизненный уровень тибетцев. Так, средняя продолжительность жизни тибетцев с 36 лет возросла до 65. Прежде в Тибете не было ни одной шоссейной дороги, сейчас в ТАР создана транспортная сеть дорог протяженностью свыше 20 тыс. км. В прошлом в Тибете не было электричества, ныне построено уже более 500 гидроэлектростанций, и их строительство продолжается⁹. Кроме того, как и в СУАР, на Тибете растет численность ханьского населения (благодаря развитию экономики района и присутствию там войск НОАК).

Другим направлением снижения сепаратистских настроений и поддержания стабильности в районе является реализация на практике основных положений Конституции КНР в ТАР. Тибетцы пользуются правом избирать и быть избранным, предусмотренными Конституцией КНР и другими законами. Они активно принимают участие в выборах Собраний народных представителей разных ступеней и через своих депутатов имеют возможность управлять делами государства и местными делами. Руководящие работники тибетской национальности и других нацменьшинств сегодня являются «костяком кадровой армии» ТАР. Они составляют 77,97 % в кадровом контингенте трех

уровней: районном, окружном (городском) и уездном, 69,82 и 82,25 % среди работников судов и прокуратур¹⁰.

В отношении далай-ламы, бежавшего за границу, правительство Китая заняло терпеливо-выжидательную позицию, что продиктовано интересами единства государства и национального сплочения. Руководство КНР согласно на продолжение переговоров с далай-ламой по статусу Тибета, но только после его отказа от сепаратистской деятельности и признания Тибета частью Китая, а правительства страны — единственной законной властью.

В Пекине *самоотделение о. Тайвань от материка* трактуется как сецессия, и признается неприемлемой для центральной власти КНР, которая разработала концепцию мирного воссоединения страны, получившую название «одно государство, два строя».

В противовес этому тайваньские сепаратисты неоднократно пытались различными способами сохранить отделение острова от материка «*de jure*», прибегая к таким уловкам, как наименование Тайваня «Республика Китай», объявлением «новой конституции Тайваня» и ее «легализации» на международном уровне. Для достижения цели по сохранению «разделенных народов Китая» они также прибегали к различным ухищрениям, чтобы прервать переговоры о воссоединении и спровоцировать конфликт между США и КНР.

В области идеологии и культуры сепаратисты пытаются сформировать у молодого поколения острова неправильное отношение к понятию «родина», тем самым стараясь оборвать культурные связи между соотечественниками по обе стороны Тайваньского пролива. Они неоднократно заявляли, что демократизация на Китайском материке является ключом к воссоединению Китая». По существу это представляет собой схему обмана соотечественников в Тайване и является поводом для того, чтобы отложить и ограничить воссоединение разделенного народа.

Главным идеологом тайваньских сепаратистских сил является Ли Дэн-Хуэй. В 1999 г. он опубликовал книгу «Дорога к демократии», в которой обосновал деление Китая на семь областей с

«полной автономией» каждой из них. В ней он назвал отношения между частями страны, разделенной проливом, «межгосударственными отношениями или, по меньшей мере, отношениями государств особого рода», пытаясь изменить статус Тайваня как части Китая и саботировать переговоры о мирном воссоединении¹¹.

Однако в качестве отклика на эту публикацию большинство официальных властей стран мира подтвердили свою позицию поддерживать политику единого Китая. Даже американское правительство засвидетельствовало свою приверженность политике «не поддержки двух». Хотя давно известно, что одной из наиболее влиятельных сил, не заинтересованных в присоединении к КНР Тайваня, является Вашингтон, который никогда не отрывался от военной поддержки Тайбея.

Новый виток конфронтации между Тайбэем и Пекином начался в 2000 г., когда президентское кресло на Тайване занял Чэнь Шуйбянь — представитель Демократической прогрессивной партии, самой мощной сепаратистской силы Тайваня. Тем не менее, будучи вынужден считаться с позицией Пекина и Вашингтона, он публично отказался от провозглашения независимости, которая увеличивала бы политическую дистанцию между островом и материком. Чэнь Шуйбянь стал реализовать сепаратистские устремления в иных формах. Так, процесс «тайванизации» охватил сферы образования, науки, массовой информации. Подотчетные Демократической партии СМИ энергично внедряли в сознание обитателей Тайваня мысль, что они являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой и собственным путем в будущее. Постоянно подогревались опасения, что сближение с континентальным Китаем рано или поздно поставит малую экономику Тайваня в одностороннюю зависимость от огромной экономической мощи материка и даже может привести к ее поглощению.

Стремясь предотвратить развитие событий в нежелательном для себя направлении по обе стороны Тайваньского пролива, Пекин всегда жестко реагирует на каждый сепаратистский шаг Тайбэя, напоминая о своей готовности применить силу в критической ситуации. Размещенные в пров. Фуцзянь 500 ракет, ко-

личество которых прибавляется каждый год¹², служили весомым аргументом, подкрепляющим демарши китайского руководства. Кроме того, оно устроило Тайбэю жесткий прессинг, добиваясь максимальной изоляции его на международной арене. Так, Пекин возражал против допуска Тайваня во Всемирную организацию здравоохранения, полагая, что участие Тайваня даже в *качестве наблюдателя* в организации, членами которой являются суверенные государства, послужит ободрением тайваньскому сепаратизму.

Помимо этих шагов, власти Китая разработали юридическую базу для мирного воссоединения страны. В 2005 г. был принят Закон о противодействии расколу государства, который фиксирует и развивает позицию КНР по тайваньской проблеме. Анализ его основных положений показывает что:

- он составлен в соответствии с Конституцией КНР и направлен на воспрепятствование отделению части Китая под лозунгом «независимости Тайваня». «*В мире существует только один Китай. Тайвань является частью Китая*», — говорится в Законе;
- решение тайваньской проблемы и достижение национального воссоединения являются *внутренним делом* Китая, не допускающим вмешательства извне: «*Государство никогда не позволит раскольническим силам — сторонникам “независимости Тайваня” под тем или иным именем, тем или иным способом отторгнуть Тайвань от Китая*»;
- объединение страны мирным путем отвечает коренным интересам соотечественников по обе стороны Тайваньского пролива: «*После мирного объединения страны Тайвань сможет иметь общественную систему, отличающуюся от системы на материке, и пользоваться высокой степенью автономии. Государство будет принимать меры в целях поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе и укрепления связей через пролив*».

Особого внимания заслуживает ст. 8 Закона, которая гласит: «*Если раскольнические силы тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая или возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны — государство прибегнет к немирным и другим необходимым мерам для защиты своего суверенитета и территориальной целостности*»¹³.

Содержание Закона не сводится к перечислению базовых положений и рассмотрению силовых аспектов позиции Пекина по тайваньской проблеме. В ст. 6 закона обозначены направления, по которым правительство КНР готово развивать связи с тайваньской стороной. Сюда входят: обмен персоналом в интересах лучшего взаимопонимания и укрепления доверия; экономическое сотрудничество, включая налаживание прямых связей через пролив (кстати, тайваньский бизнес уже вложил на материке свыше 200 млрд долл. инвестиций); обмены в области образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта и т. д.

Стремясь еще более склонить в свою пользу общественное мнение острова, Пекин стал предоставлять тем или иным группам его населения разного рода льготы, смягчать ограничения на их деятельность на материке. Такого рода тактика использовалась Пекином и раньше, однако она касалась, главным образом, тайваньских предпринимателей, работающих на материке. Теперь она в той или иной мере охватывает крестьян, учащихся, отставных военных и т. д. Этими положениями Закона Пекином реализуются на практике две тактики давления на Тайбэй: «и шан вэй чжэнь» (давление на политику с помощью предпринимателей) и «и минь би гу-ань» (принуждать чиновников, опираясь на народ).

Единственное условие применения Китаем военной силы обозначено в «Белой книге по национальной обороне»: «Если тайваньские власти зайдут настолько далеко, что предпримут безрассудную попытку объявить Тайвань независимым»¹⁴. Однако в настоящее время существует три фактора, сдерживающих применение военной силы.

Важнейший фактор: военное столкновение непредсказуемым образом может отразиться на экономике острова, а значит, и на экономике приморских районов Китая. То же можно сказать и о блокаде коммуникаций, и об экономических санкциях. Поскольку экономические связи приморских районов с Тайванем постоянно расширяются — будь то коммерция или инвестиции, — плата за применение «военных» средств против Тайваня будет возрастать. Второй сдерживающий фактор — опасение Пекина вызвать негативную реакцию со стороны США и других ве-

дущих держав мира, экономическое сотрудничество с которыми жизненно необходимо Китаю для успешной реализации стратегии своего развития. Возникновению вооруженного конфликта препятствует и третий — психологический фактор, в котором присутствуют элементы морали и национализма. В Законе о противодействии расколу государства правительству КНР введена обязанность заботиться обо всех соотечественниках, в том числе и о жителях Тайваня. И еще довод — тезис, входящий в «восемь пунктов Цзян Цзэминя», а именно: «*Китайцы не должны бить китайцев*»¹⁵.

Поэтому XVII съезд закрепил проводимый лидером КПК Ху Цзиньтао курс на урегулирование тайваньской проблемы «мягкими» методами. К этому следует добавить, что в 2008 г. Чэнь Шуйбянь был арестован тайваньскими властями, состоящими из лидеров партии Гоминьдан, которая сейчас находится во власти и согласна с воссоединением Тайваня с Китаем. В этом же направлении сосредоточены и усилия материкового Китая. КПК во главе с Си Цзиньпином ведет курс на дальнейшее развитие идеи «одна страна — две системы» и намерена вести диалог с любой политической партией Тайваня, «если она признает, что континентальный Китай и Тайвань принадлежат одному Китаю»¹⁶.

Какие же уроки могут извлечь центральные органы российской власти из анализа китайского опыта борьбы с сепаратизмом применительно к российским условиям?

Во-первых, центральная власть КНР борется с проявлениями сепаратизма одновременно по нескольким направлениям. К первому относится социальное и экономическое развитие проблемных, с точки зрения сохранения сепаратистских идей и движений, районов страны. Повышение жизненного уровня населения является одним из мощных рычагов положительного воздействия на этнополитическую обстановку в таких районах.

Во-вторых, развитие промышленности и инфраструктуры депрессивных районов увеличивает приток ханьцев, которые не только «разбавляют» коренное население, склонное к сепаратизму, но и снимают напряжение в этих районах.

Третьим направлением является реализация на практике основных положений Конституции КНР, Закона о национальной

районной автономии и Закона о противодействии расколу государства, определяющих политическую систему государства как демократический федерализм, сочетающий федеральную власть с широкими правами районов и местным самоуправлением.

Четвертое направление является комбинированным. Оно сочетает в себе как передовые информационные технологии в борьбе с идеями и лидерами сепаратизма, так и применение силы по отношению к ним либо угрозу ее применения, которая базируется на законодательстве КНР.

Некоторые предложения по снижению сепаратистских настроений и поддержанию стабильности в Российской Федерации

Анализ предпосылок сепаратизма на российском Дальнем Востоке и нормативно-правовой базы РФ, а также шагов, предпринимаемых органами центральной власти КНР в области борьбы с проявлениями сепаратизма в Китае, позволяет сформулировать ряд направлений и мер, направленных на снижение сепаратистских настроений и поддержание стабильности в стране.

Первое направление — усовершенствование действующего законодательства РФ. Оно включает необходимость реализации следующих мер.

Органам законодательной власти России нужно сократить отставание от тех стран, которые юридически обезопасили себя, введя в практику уголовную ответственность практически за любые попытки поставить под сомнение свою территориальную целостность. В этом ключе целесообразно разработать законопроект с рабочим названием «О противодействии сепаратистской деятельности». В нем необходимо дать определение сепаратизму, установить виды сепаратизма, отразить условия признания организаций и общественных движений сепаратистскими. Это позволит в рамках правового поля пресекать сепаратистскую деятельность и привлекать к ответственности граждан,

должностных лиц и организации за осуществление сепаратистской деятельности, а также СМИ за распространение сепаратистских материалов.

В плане преодоления существующих противоречий в нормативно-правовых актах РФ целесообразно ускорить принятие ряда федеральных законов, конкретизирующих положения Конституции по развитию федерализма. Проекты документов такого плана должны подлежать экспертизе на предмет учета этнополитического фактора и обеспечения национальной безопасности России.

Необходимо также внести изменения в Уголовный кодекс РФ, добавив в него новые статьи, которые предусматривали бы уголовную ответственность за распространение идей сепаратизма, за высказывания по отделению территорий от государства, за отрицание сохранения территориальной целостности России, за создание сепаратистских организаций и движений.

Все вопросы, касающиеся защиты территориальной целостности государства, а также вопросы, от решения которых зависит его целостность в экономическом, политическом, правовом, социально-культурном, экологическом и информационном отношениях, должны находиться в исключительном ведении Федерации. Конституции субъектов РФ не должны предусматривать институты, создающие субъектам Федерации условия для фактического противопоставления себя федеральной власти, которая должна обладать правом контроля за исполнением изданных законов и правом принуждать к их исполнению.

Все предлагаемые меры, направленные на противодействие угрозе правового сепаратизма и защите основ конституционного строя РФ, должны носить комплексный характер, причем приоритет должен принадлежать *именно превентивным мерам предотвращения этой угрозы*.

Необходимость претворения в жизнь этих мер обуславливает *второе направление* действий органов исполнительных власти РФ. Оно должно быть нацелено на разработку и реализацию следующих программ и мероприятий¹⁷:

- проведение исторического анализа опыта (удачного и неудачного) Российской империи и СССР по нейтрализации, по-

давлению и духовному разоружению сепаратизма. Взятие на вооружение успешных отечественных и зарубежных методов борьбы с сепаратизмом, адаптировав их к современным условиям РФ;

- периодическая организация представителями верховной власти общественных диалогов в регионах о желаемом «образе будущего» многонациональной России и соответствующей коррекции курса реформ на местах;

- изучение общественного мнения, выявление тенденций задолго до того, как они выплеснутся на улицы в виде массовых беспорядков. На базе анализа целесообразно составление и постоянное обновление «карты» очагов сепаратизма в России. Желательно, чтобы система сбора и обработки информации об общественном мнении, ее анализ были бы централизованными и находилась в ведении государства;

- на федеральном уровне — регулярное проведение «штабных игр» с беспристрастной оценкой мотивов и ресурсов всех сил сепаратизма и противостоящих им сил государства и общества. По результатам игр целесообразно разработать многовариантный план наиболее эффективных мероприятий по стабилизации обстановки в конфликтных районах РФ (в качестве приложения к «карте» очагов сепаратизма в России);

- разработка доктрины информационной войны с сепаратистами в условиях свободы слова, отсутствия цензуры и неэффективности авторитарных методов управления. Для ее создания необходим отбор мотивированных и способных гуманитариев и журналистов и организация коллектива для ведения контрпропаганды и параллельного исследования тенденций современного сепаратизма;

- постоянное проведение информационных кампаний по подрыву легитимности сепаратизма в соответствующих «группах риска» граждан РФ и влиятельных кругах мирового сообщества;

- подготовка и издание видео-лекций для «ликбеза» по проблемам национально-государственного устройства РФ, этнологии, межэтнического общежития, межэтнических конфликтов и сепаратизма. Проведение в регионах страны курсов для госчи-

новников и работников СМИ, связанных с этими проблемами. Аналогичные мероприятия целесообразно проводить в образовательных учреждениях и религиозных общинах, привлекая в общинах в качестве ведущих — светских богословов соответствующих конфессий;

- и последняя мера, хотя по важности она является ведущей: разработка министерствами по развитию Дальнего Востока, равно как и Северного Кавказа, чрезвычайной программы модернизации социально-экономической обстановки депрессивных районов и областей проживания нацменьшинств, склонных к сепаратизму. И надо сделать так (и материально, и морально), чтобы в менталитете русских, проживающих на Дальнем Востоке, ушло в прошлое понятие что «настоящая Россия сосредоточена до Уральских гор». А в тех местах, где все же будет не хватать рабочих рук для развития экономики региона, вместо этнических мигрантов целесообразно привлекать по контракту специалистов из центральных областей России, где наблюдается стагнация экономики.

Примечания

¹ URL: <http://www.dissercat.com/content/territorialnye-konflikty-na-sovremennoi-politicheskoi-karte-mira-ochagi-i-riski-separatizma>

² URL: <http://партиявеликоеотечество.рф/nuzhen-yuridicheskij-zasloneparatizm?print=pdf>

³ URL: <http://www.litmir.net/br/?b=136680&p=76>. С. 76.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ См.: Стратегии экономического развития Сибири. М. 2002.

⁶ Цит. по: URL: <http://topwar.ru/20861-zbignev-bzhezinskiy-vsya-politika-rossii-oznachaet-begstvo-ot-realnyh-problem.html>

⁷ Подробнее см.: *Морозов Ю.* Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центральном-Азиатском регионе? //Проблемы Дальнего Востока. 2013, № 2.

⁸ URL: <http://www.apn.kz/publications/print144.htm>

⁹ URL: <http://stud-baza.ru/problema-mejdunarodnogo-separatizma-na-pri-mere-sovremennogo-kitaya-diplomnaya-rabota-mejdunarodnye-otnosimere->

¹⁰ URL: <http://russian.china.org.cn/russian/115293.htm>

¹¹ Подробнее см.: *Титаренко М.Л.* Лекции в Санкт-Петербургском университете профсоюзов. URL: <http://www.gup.ru/events/news/lections/>

¹² URL: <http://stud-baza.ru/problema-mejdunarodnogo-separatizma-na-pri-mere-sovremennogo-kitaya-diplomnaya-rabota-mejdunarodnyie-otnoshimere;>
URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:4nCCiyg1jEsJ:stud24.ru/rerelations/mezhdunarodnyj-separatizm-v-atr-na/505799-2044917-page4.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

¹³ Цит. по: URL: <http://www.studsell.com/view/129339/200000>

¹⁴ Цит. по: URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:vqljCOZuCk0J:freepapers.ru/109/mezhdunarodnyj-separatizm-na-primere-knr/201110.1215717.list8.html+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

¹⁵ Цит. по: *Ларин А.Г.* Тайвань — социально-экономический, политический, идеологический феномен. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145569/>

¹⁶ Цит. по: *Титаренко М.Л.* Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПб ГУП. 2013. С. 20.

¹⁷ URL: <http://партиявеликоеотечество.рф/nuzhen-yuridicheskij-zaslons-eparatizm?print=pdf>

Л.Е. Васильев*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА**

Аннотация. Статья посвящена оценке степени эффективности взаимодействия России и Китая в их совместном противостоянии силам «трех зол» на пространстве Шанхайской организации сотрудничества, а также возможным вариантам развития событий в Центральной Азии в ближайшей перспективе и вероятной реакции этих двух государств на новые вызовы региональной безопасности.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Российская Федерация; США; безопасность; региональная безопасность; вызовы и угрозы безопасности; международный терроризм; сепаратизм; экстремизм; Шанхайская организация сотрудничества; пространство ШОС; антитеррористические учения; «международная антитеррористическая операция».

Сотрудничество России и Китая в сфере безопасности стало одним из основополагающих факторов, влияющих на выстраивание отношений между двумя государствами в новейшей истории. Так, например, потребность в создании Шанхайской пятерки, а затем Шанхайской организации сотрудниче-

* *Васильев Леонид Евгеньевич*, с. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-27-21002.

ства (далее — ШОС) обусловили проблемы, связанные с региональной безопасностью и межгосударственными отношениями. События сентября 2001 г. и их последствия стали катализатором расширения и углубления отношений двух государств в этой сфере. Борьба с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — является одной из приоритетных проблем ШОС, а их совокупное проявление в Центральной Азии наиболее масштабно и представляет собой одну из основных угроз безопасности в этом регионе.

Российско-китайское сотрудничество в борьбе против терроризма в основном осуществляется в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Конечно, сотрудничество государств в этой организации в сфере безопасности коррелируется с системой их взаимоотношений в других международных организациях (например, ООН, АСЕАН и т. п.) по данной проблеме. Однако следует отметить, что наиболее эффективно такое сотрудничество двух государств проявляется именно в формате ШОС.

Следует сказать также, что с самого начала в борьбе с силами «трех зол» Россией и Китаем был заложен концептуальный фундамент этого сотрудничества, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая базы. Именно ШОС стала первой из международных организаций, которая недвусмысленно поставила вопрос о всемирном развертывании борьбы с вышеназванными явлениями, причем еще до известных событий 11 сентября 2001 г. в США. Так, в начале лета 2001 г., в день образования ШОС, была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой давалось определение данным явлениям, намечались направления и возможные формы борьбы с ними.

Этот документ закладывал прочные, в том числе и правовые, основы для взаимодействия в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества¹. Нелишним будет отметить, что в современной политологии существует около 200 формулировок понятия «терроризм», и даже такая организация, как ООН, до сих пор не определилась по данному вопросу.

Важность постановки вопроса заключается в том, что смешение понятий позволяет объявлять любую политическую партию или религиозную группу, а иногда даже целую страну, террористической со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, в некоторых случаях такое смешение понятий позволяет прикрывать прямую военную агрессию против суверенного государства идеалами борьбы с международным терроризмом.

На наш взгляд, отсутствие четкой градации рассматриваемых явлений существенно снижает эффективность антитеррористической борьбы, так как затрудняет разработку целей этой борьбы, негативно сказывается на определении масштабов необходимого привлечения сил и средств, а также, как показала практика, довольно часто существенно увеличивает несоразмерность ответной реакции на выступления террористов, что в конечном итоге ведет к дальнейшему распространению терроризма на планете.

В целях расширения и углубления сотрудничества по данной проблеме на саммите глав государств — участников ШОС в Санкт-Петербурге было подписано Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (РАТС), представляющей собой межгосударственный институт Организации, который призван вырабатывать стратегические направления деятельности в этой области, рекомендовать порядок взаимодействия силовых структур и конкретные мероприятия для их совместного осуществления.

На РАТС возложено оказание содействия национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям. В сфере деятельности РАТС находится также анализ состояния и тенденций распространения терроризма и экстремизма, с одновременным сбором информации о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам².

Борьба против «трех зол» и впоследствии продолжала оставаться в центре деятельности ШОС. Так, были утверждены и подписаны:

- Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств — членов Шанхайской организации сотрудничества;
- Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о взаимодействии в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств — членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- Заявление глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества по международной информационной безопасности³.

Кроме того, в марте 2006 г. на заседании Совета РАТС в Ташкенте утверждены Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС, и Список лиц, объявленных спецслужбами и правоохранительными органами государств — членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера. В Перечне для каждого государства — члена ШОС указаны организации, которые официально признаны данным государством террористическими, сепаратистскими и экстремистскими и деятельность которых запрещена на его территории. Данные этих документов постоянно уточняются и корректируются.

В рамках РАТС также осуществляется информирование государств — членов ШОС о новых тенденциях в терроризме, формах и методах деятельности террористических и сепаратистских организаций, представляющих угрозу безопасности государств — членов ШОС; о мерах, принимаемых за рубежом, по противодействию терроризму и т. п. В соответствии с решениями Совета РАТС его Исполнительный комитет выпускает ежеквартальные и полугодовые бюллетени «О состоянии, тенденциях развития обстановки, связанной с проявлениями терроризма, сепаратизма

и экстремизма в государствах-членах ШОС», которые направляются в компетентные органы государств-членов ШОС.

Другим направлением сотрудничества России и Китая в антитеррористической деятельности является проведение совместных антитеррористических учений. Учения под кодовым названием «Мирная миссия» регулярно проводятся с 2005 г. Основными целями учений является повышение боевой готовности антитеррористических подразделений и укрепление оперативного взаимодействия между компетентными органами государств — членов ШОС. Учения, как правило, включают в себя анализ обстановки, проведение военно-политических консультаций на уровне руководства вооруженными силами, выработку совместного решения на проведение контртеррористической операции и отработку практического взаимодействия войск при ведении операции, включая проведение разведки, захват ключевых районов, блокирование и преследование террористов, их разоружение и ликвидацию на земле и с воздуха. Численность личного состава, привлекаемого к учениям, составляет до 10 тыс. человек, основная часть которых представлена воинскими подразделениями России и Китая. Время и координаты учений «Мирная миссия» представлены следующей таблицей.

Таблица

№ п/п	Время проведения	Место проведения
1	Август 2005 г.	г. Владивосток (Россия), п-ов Шаньдун и прилегающая к нему морская зона (Китай)
2	Август 2007 г.	г. Урумчи (Китай), полигон Чебаркуль (Челябинская обл., Россия)
3	Июль 2009 г.	г. Хабаровск (Россия), полигон Таонань (Китай)
4	Сентябрь 2010 г.	Алма-Ата, полигон Матыбулак (Казахстан)
5	Июнь 2012 г.	Полигон Чорух-Дайрон (Согдийская обл., Таджикистан)
6	Август 2013 г.	Полигон Чебаркуль (Челябинская обл., Россия)

Кроме серии учений «Мирная миссия» регулярно проводятся военно-морские учения флотов России и Китая, целью которых, среди прочего, является усиление совместных возможно-

стей борьбы с пиратством как одной из разновидностей терроризма. Подобные учения были проведены в 2005 г. в морской акватории, прилегающей к п-ову Шаньдун, в сентябре 2009 г. — в Аденском заливе. В апреле 2012 г. учения прошли в Желтом море у побережья пров. Шаньдун.

В июле 2013 г. были проведены крупнейшие за последнее время военно-морские учения флотов России и Китая «Морское взаимодействие — 2013». Самые крупные в новейшей истории военно-морские маневры с участием флотов двух стран в течение трех дней проходили в заливе Петра Великого.

Следует отметить, что экстремизм и сепаратизм в Центрально-Азиатском регионе, а также сопутствующий им терроризм, представляют собой сложные и многоаспектные явления, содержащие политический, экономический, социальный, криминальный и военный компоненты. Здесь оперируют международные террористические организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, что вызывает обеспокоенность как государств региона, так и всего мирового сообщества.

Важно учитывать и тот факт, что все они возникли на местной почве и имеют внутренние причины. В то же время их деятельность прочно связана с идейными течениями за пределами региона, а террористические организации Центральной Азии тесно сообщаются с международным криминальным сообществом, контролирующим торговлю оружием, наркотиками, людьми.

Таким образом, характеризуя особенности деятельности террористических, сепаратистских и экстремистских организаций в Центральной Азии и других, соседних с Россией и Китаем регионах, а также условий, способствующих ее продолжению, нельзя не отметить, что этой деятельности присущ трансграничный характер. Ею охвачены территории практически всех центральноазиатских государств, и она координируется международными террористическими центрами.

По ряду причин столь сложная и нередко деликатная проблема, как борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, особенно в условиях их интернационализации, может быть

наиболее эффективно решена только при международной кооперации, и в первую очередь между заинтересованными государствами. В этом плане Шанхайская организация сотрудничества во главе с ее лидерами — Россией и Китаем, имеющими опыт совместной деятельности в данной сфере и схожие внешнеполитические интересы, — является наиболее приемлемой структурой, в рамках которой подобная деятельность может быть наиболее эффективной в Центрально-Азиатском регионе.

В качестве основных составляющих политики России и Китая на пространстве ШОС, направленной на сужение базы терроризма, можно назвать:

- всестороннее изучение причин существования и распространения экстремистских идеологий и терроризма, а также создание предпосылок для их устранения;
- отказ от политики двойных стандартов в определении принадлежности тех или иных движений к экстремистским и террористическим организациям как внутри собственной страны, так и действующих в сопредельных государствах;
- оказание содействия региональному и международному сотрудничеству между соответствующими агентствами и структурами, работающими в смежных областях (борьба с организованной преступностью, незаконной миграцией, с производством и распространением наркотиков и т. п.), путем обмена информацией, создания объединенных баз данных, согласования розыскных действий и т. п.;
- углубление сотрудничества в противодействии террористическим угрозам на межгосударственном уровне и вовлечении в него неправительственных, общественных, религиозных, молодежных и иных организаций;
- активизация деятельности, направленной на повышение толерантности и уважения к правам человека в обществе, в том числе оказание широкой поддержки межцивилизационному и межконфессиональному диалогу;
- развитие секуляризма в светском государстве, проведение исследований путей развития ислама, организация общественных дискуссий с участием представителей органов власти, общественности, религиозных деятелей и ученых;

- систематическая подготовка военных структур государств для пресечения и нейтрализации наиболее крупных и скоординированных выступлений экстремистов.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на складывающуюся сегодня ситуацию в соседних с Россией и Китаем государствах. Начавшаяся после событий 11 сентября «мировая антитеррористическая операция», целями которой, на наш взгляд, являются новый передел мира и практическая реализация идеи установления его однополярности с ярко выраженной гегемонией США, в не столь отдаленной перспективе непосредственно затронет и Центрально-Азиатский регион. Причем в каких формах будет проводиться эта операция на так называемом Большом Ближнем Востоке, сказать пока сложно, так как начиналась эта операция с прямой военной агрессии в Афганистане, Ираке и Югославии, продолжалась с использованием «цветных революций» и «арабской весны», а в настоящее время осуществляется с использованием вооруженных сил и националистических формирований против так называемых сепаратистов и террористов на Украине.

При этом, анализируя характер проведения «мировой антитеррористической операции», уже сейчас можно выделить следующее:

1. Все события, связанные с ее проведением, осуществлялись в государствах, власти которых либо полностью не устраивали США (Афганистан, Ирак, Ливия), либо проводили достаточно самостоятельную политику, которая могла навредить интересам США в глобальном масштабе в ближайшей перспективе (Египет, Сирия, Тунис).

2. Свои действия США предпринимают в государствах, либо обладающих крупными энергетическими ресурсами, либо удачно расположенными с военной точки зрения географически. Например: Югославия, Грузия, Украина.

3. Одной из основных целей «мировой антитеррористической операции» является охват государствами — сателлитами США и их союзников России и Китая с последующим развертыванием на их территории военных баз, которые должны обес-

печить реальные военные преимущества США в возможном военном конфликте с Россией или Китаем.

4. В случаях, когда невозможно быстро привести к власти правительства, угодные США, организуется распад государства на несколько частей (Югославия, Ливия и др.), которые объективно не способны функционировать как самостоятельные без участия США и их союзников.

5. Реализуя свои планы, США полностью игнорируют любые моральные принципы и человеческие ценности, их интересует лишь практическое достижение результата любой ценой. Так, они, утверждая себя непримиримыми борцами с террористами, активно используют, когда им это выгодно, исламских фундаменталистов, организации которых признаны террористическими, организации экстремистов, явно пропагандирующие фашистскую идеологию и оправдывающие применение вооруженных сил против мирного населения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в обозримой перспективе события, аналогичные сопутствующим проведению «мировой антитеррористической операции», могут произойти и в Центрально-Азиатском регионе, в частности в государствах — членах ШОС. Такие государства, как Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, возможно и Казахстан, практически идеально подходят для реализации целей Соединенных Штатов. Ситуация осложняется еще и тем, что НАТО выводит свои войска из Афганистана, и дальнейшее развитие связанных с этим событий — многовариантно. Кроме того, США наверняка не откажутся от проводимой ими политики поддержки дестабилизирующих процессов внутривосточной обстановки в России и Китае в любых их проявлениях.

В связи с этим наши государства должны быть готовы к такому развитию событий, и для этого, на наш взгляд, необходимо:

1. Повысить эффективность деятельности РАТС, расширив ее возможности и полномочия аналогично принципам деятельности такой организации, как Интерпол.

2. Поручить РАТС выявление негосударственных иностранных организаций, действующих на территориях государств

ШОС, идеология которых позволяет использовать нелегитимные способы ведения политической борьбы.

3. Постепенно, но планомерно расширять масштабы и состав участников проведения антитеррористических учений под эгидой ШОС, создать постоянные воинские формирования в государствах-участниках, а также объединенное командование этих подразделений, которое смогло бы обеспечить решение задач в условиях жесткого лимита времени.

4. Таким государствам, как Россия и Китай, увеличить помощь другим государствам ШОС в плане военно-технического сотрудничества, а также совершенствования деятельности их национальных спецслужб, пограничных войск и органов внутренних дел.

Проведенный выше краткий анализ современного состояния террористических угроз и опыта наших государств по противодействию им свидетельствует, что борьба с терроризмом должна быть столь же многогранной, как и его современные проявления. *Это дает нам основание сделать следующие выводы:*

1. Экстремизм и терроризм экстерриториальны, география их деятельности постоянно расширяется. Поэтому объединение усилий различных государств в борьбе с этими явлениями становится объективной необходимостью.

2. В настоящее время становится все более актуальным оказание Китаем и Россией действенной помощи странам Центральной Азии в финансировании и материально-техническом обеспечении деятельности силовых структур, а также в подготовке кадров в интересах повышения эффективности решения общих для ШОС задач борьбы с экстремизмом и терроризмом.

3. Необходимо жесткое соблюдение принципа неотвратимости уголовного преследования активных экстремистов и террористов в каждом из государств ШОС, независимо от места совершения преступления. Это, как показывает опыт, нередко является сильным сдерживающим фактором для преступников всех мастей.

4. Обеспечение гласности судебных процессов против экстремистов и террористов способствует мобилизации общественности, демонстрирует решимость властей в искоренении этого

зла, а также побуждает правительства других стран следовать такому примеру.

5. Особое место в антитеррористической деятельности занимает ужесточение финансового контроля, включающего выявление и замораживание счетов и активов, принадлежащих как отдельным лицам, так и различным организациям, в отношении которых установлена связь с деятельностью экстремистских и террористических структур. Это требует расширения взаимодействия компетентных органов и финансовых институтов, как национальных, так и международных.

6. Необходима разработка правовых основ использования вооруженных сил в интересах проведения крупных антитеррористических операций. Прежде всего, это относится к порядку действий войск на территориях других государств. Кроме того, требуется отработка совместных планов таких действий, схем управления и элементов взаимодействия.

Примечания

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 15.06.2001. URL <http://www.memo.ru/hr/gosduma/49/15.html>

² См.: Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002. URL: <http://ecrats.org/upload/iblock/90a/2.pdf>

³ Информация с сайта Президента РФ. URL: <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2006/06/107132.shtml>

В.Е. Петровский*

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ ИНСТИТУТОВ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИХ РЕФОРМИРОВАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу опыта участия России и Китая в системе современного глобального управления и ее реформировании. Рассматривая участие в глобальном управлении как часть внешнеполитических стратегий и внешней политики РФ и КНР, автор выявляет сходства и различия концептуальных и практических подходов Москвы и Пекина к глобальному управлению, обусловленные экономическими и политическими факторами их конкретно-исторического развития, политической культурой и традициями двух стран.

На основе сопоставительного анализа дается прогноз дальнейшего участия двух стран в механизмах глобального управления в сфере мировой экономики и международной безопасности и координации их усилий в данной сфере.

Ключевые слова: концепция «гармоничного мира»; мировая экономика; международная безопасность; Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд; содействие международному развитию; координация политики; Шанхайская организация сотрудничества; БРИКС.

* *Петровский Владимир Евгеньевич*, д. полит. н., г. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, действительный член Академии военных наук.

Участие России и Китая в глобальном управлении — важный фактор мировой политики и неотъемлемая составная часть современной системы международных отношений. В целях анализа сравнительного опыта такого участия под глобальным управлением здесь, в соответствии с выработанными на международном уровне формулировками, понимается «процесс совместного руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей. Оно обеспечивает стратегическое направление и руководит коллективными усилиями по решению глобальных задач»¹.

В более широком смысле система глобального управления включает в себя все институты, режимы, процессы, партнерства и структуры, участвующие в коллективных действиях и решении проблем на международном уровне².

На концептуальном и доктринальном уровне и Россия, и КНР признают важность институтов глобального управления в решении ключевых задач международной безопасности и развития. Так, в Концепции внешней политики РФ отмечается, что глобальные вызовы и угрозы требуют адекватного ответа со стороны международного сообщества, его солидарных усилий при центральной координирующей роли ООН и с учетом объективной взаимосвязанности вопросов безопасности, обеспечения устойчивого развития и защиты прав человека³. Показательно, что в отчетном докладе на XVIII съезде Компартии Китая также было подчеркнуто значение продвижения реформы институтов глобального управления, стимулирование мира и экономического развития во всем мире в контексте построения «гармоничного мира».

Китайские ученые и эксперты отмечают, что будущее необходимое направление стратегии Китая в отношениях с великими державами — это участие в построении «гармоничного мира» и глобальном управлении. При этом, сравнивая концепции глобального управления и гармоничного мира, китайские (и российские) исследователи выделяют следующие преимущества последней:

во-первых, концепция «гармоничного мира» подчеркивает взаимоуважение, равноправие, совместное осуществление демократизации международных отношений;

во-вторых, она выступает за «взаимное сотрудничество, взаимное дополнение преимуществами, совместное продвижение экономической глобализации навстречу стабильному совместному развитию в экономической сфере»;

в-третьих, концепция «гармоничного мира» поощряет «взаимообмен, поиск общего, уважение мирового разнообразия, совместное содействие прогрессу культурного расцвета человечества в культуре»;

в-четвертых, призывает к «взаимному доверию, усилению сотрудничества, использованию только мирных методов и недопущению военных средств при решении международных споров, сохранению мировой стабильности в сфере безопасности»;

в-пятых, выступает за «взаимопомощь, сотрудничество, совместный уход за нашим домом — Землей — для существования человечества при сохранении окружающей среды»⁴.

На протяжении последних лет ученые западных стран предлагают различные подходы к осуществлению глобального управления, однако каждый из них можно подвергнуть критике, единого мнения на данную проблему не существует. В Китае же, по мнению российских ученых, была создана единая концепция, которая последовательно развивается и активно пропагандируется в стране и в мире. Она взаимосвязана с новыми глобальными идеями координации, новыми ценностями и новой логикой международных отношений, а также с объективными институциональными изменениями современного международного строя. Концепция может применяться в глобальном управлении и, более того, по своей эффективности может превзойти все предлагаемые западным миром модели⁵.

Президент Шанхайской академии международных исследований Ян Цзэминь отмечает, что усиление существующих международных институтов крайне важно для воплощения на практике принципа по-настоящему глобального управления. Однако связанный с этим вызов заключается в том, что международному сообществу не хватает консенсуса, необходимого для того, что-

бы выработать концепции, правила и подходы к решению связанных с этим вопросов.

Во-первых, крупные державы зачастую с неохотой идут на взаимодействие с менее заметными игроками, что делает выработку общих позиций и совместных усилий сложной задачей.

Во-вторых, так называемое сетевое управление среди государственных и негосударственных акторов прогрессирует медленно, потому что большая часть государственных бюрократий, из-за самосозерцания и системной инерции, по-прежнему предпочитает формальные институты, сосредоточенные на них самих.

Третий вызов связан с использованием усилий на региональном уровне для решения задач совместной деятельности на глобальном уровне. Обескураженные тупиком строительства глобального управления, многие страны и регионы все чаще обращаются к региональной и субрегиональной интеграции⁶.

В соответствии с классификацией, предложенной Ч. Грантом, позиции Пекина и Москвы в отношении участия в институтах глобального управления сходятся как минимум по пяти параметрам.

Во-первых, обе страны считают глобальное управление западной концепцией, которую Запад использует в собственных интересах. По их мнению, существующие международные нормы и правила отражают соотношение сил, т. е. служат интересам сильных. Поэтому Россия и Китай принимают участие в деятельности международных организаций в целях защиты своих национальных интересов.

Во-вторых, Россия и Китай сохраняют однозначную приверженность концепции многополярного мира и принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В-третьих, форма глобального управления, которой Россия и Китай отдают наибольшее предпочтение, — это дипломатический «концерт»: неформальные встречи представителей великих держав для решения проблем по образцу Венского конгресса 1814 г. «Концерт» держав никоим образом не предусматривает наднационального формата, т. е. передачи государствами части суверенитета международным институтам.

В-четвертых, Россия и Китай активно используют региональные организации для укрепления своих позиций в соседних странах и на мировой арене. Обе страны входят в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), остальные члены которой — Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Китай участвует в «АСЕАН + 3» (в «тройку» входят КНР, Япония и Южная Корея), региональном форуме АСЕАН и саммите Восточноазиатского сообщества. Россия состоит в Таможенном союзе с Беларуссией и Казахстаном и в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Все эти структуры можно охарактеризовать как региональные «концерты» государств, в которых Россия и Китай, будучи крупными державами, играют ведущую роль.

В-пятых, и в России, и в Китае наблюдаются борьба и споры между сторонниками двух общих тенденций: относительно либеральной, предусматривающей позитивное отношение к сотрудничеству с глобальными институтами, и более националистической, приверженцы которой относятся к такому сотрудничеству с подозрением. В обеих странах «либералы» имеют определенное влияние на выработку экономической политики, но в целом во власти (включая внешнеполитические и военные ведомства) преобладают националисты⁷.

При этом подходы России и Китая к вопросам глобального управления все же различаются. Одна из причин состоит в различном характере их экономик: для Китая большое значение имеет экспорт промышленных товаров, поэтому ему выгодно поддерживать международные нормы, обеспечивающие открытость рынков. В российском экспорте, однако, преобладают нефть и газ, для которых не существует международного режима торговли.

Другая причина имеет исторический характер. Китай, стратегический потенциал которого уступает американскому и российскому, не желает связывать себе руки какими-либо правилами в сфере вооружений и безопасности. Россия же, уступающая по мощи бывшему СССР, но по-прежнему обладающая грозным ядерным арсеналом, рассматривает международные инсти-

туты и режимы в сфере безопасности как свое постсоветское наследие и инструмент сохранения своего статуса.

В силу этих обстоятельств Китай не слишком сосредоточен на участии в глобальном управлении в сфере безопасности, но участвует в международном сотрудничестве экономического характера, когда считает, что это соответствует его интересам. Россия, напротив, готова поддерживать международные нормы в сфере безопасности, но не проявляет особой активности в экономических вопросах глобального управления. В отличие от Китая она, как полагает Ч. Грант, не славится тем, что направляет в международные экономические организации лучших специалистов. Кроме того, в большинстве этих структур она ведет себя сравнительно тихо и пассивно, редко выступая с инициативами, хотя в том, что касается энергоносителей, всегда энергично участвует в дискуссиях⁸.

Более детальный анализ сравнительного участия РФ и КНР в институтах глобального управления показывает, что и Россия, и Китай считают Организацию Объединенных Наций центральным звеном системы глобального управления. Обе страны поддерживают реформу Совета Безопасности ООН, идею верховенства решений Совета Безопасности в вопросах урегулирования конфликтов и поддержания мира.

Часть китайских экспертов выступают за радикальное реформирование ООН и расширение состава членов СБ, включая ее постоянных членов из числа крупных развивающихся стран. Другая часть, наоборот, призывает к большей осторожности при расширении этого института.

Само же руководство КНР, выступая за реформы, тем не менее достаточно сдержанно относится к каким-либо глубоким переменам в Организации. Объективно, большинство ооновских программ и проектов в настоящее время работает на мирное «возвышение» Китая. Сформировалась надежная российско-китайская «связка» в пятерке постоянных представителей СБ, которая является дополнительной гарантией многих китайских глобальных и региональных инициатив.

Для России такой расклад объективно выгоден. Китайское «возвышение» в ООН не противоречит российским целям и за-

дачам ни в рамках Организации, ни в отдельных регионах мира⁹.

Что касается участия в механизмах глобального управления, связанных с защитой окружающей среды, то и Россия, и Китай поддерживают международные договоренности по противодействию изменениям климата. Как участники Рамочной конвенции ООН по изменению климата и Киотского протокола они обязуются принимать меры по борьбе с изменением климата. Более того, китайская национальная программа по борьбе с изменением климата по ряду позиций предусматривает более амбициозные задачи, чем в рамках международных договоров¹⁰.

Можно констатировать сходство позиций и подходов России и Китая в отношении такого важного элемента системы глобального финансово-экономического управления, как Международный валютный фонд (МВФ). Китайские и российские финансовые власти считают МВФ важнейшим институтом, оказывающим содействие в выборе экономической политики, а также способствующим налаживанию экономических взаимосвязей между странами. Однако степень влияния России и Китая на принимаемые решения и квота в МВФ, согласно их официальной позиции, не соответствуют месту стран в мировой экономике. Вследствие этого и РФ, и КНР выступили за реформу квот и управления МВФ 2010 г.

В частности, эта реформа предполагала следующие меры:

- увеличение вдвое общего размера квот с приблизительно 238,4 млрд СДР до приблизительно 476,8 млрд СДР (около 720 млрд долл. по текущим обменным курсам);
- перераспределение более 6 % долей квот от государств-членов с чрезмерным представительством государствам-членам с недостаточным представительством;
- перераспределение более 6 % долей квот динамично растущим странам с формирующимся рынком и развивающимся странам;
- существенная реструктуризация долей квот, в результате которой Китай станет третьим по размеру квоты государством — членом МВФ, и четыре страны с формирующимся рын-

ком и развивающиеся страны (Бразилия, Индия, Китай и Россия) войдут в число 10 крупнейших акционеров Фонда¹¹.

Однако на данный момент у Москвы и Пекина пока нет оснований быть довольными тем, как осуществляется эта реформа. В январе 2014 г. должен был быть закончен не только 14-й раунд реформы, но и 15-й, основанный на новой формуле расчета квот стран — акционеров МВФ. Условия 14-го раунда были утверждены Советом управляющих МВФ 15 декабря 2010 г. с поручением всем государствам-акционерам завершить ратификацию этого решения в середине 2012 г. Страны, представляющие 76 % уставного капитала МВФ, включая Россию и Китай, сделали это. Однако США, на которых приходится 16,6 % уставного капитала, не осуществили ратификацию и затягивают реформу. Россия, Китай и их единомышленники из числа развивающихся стран все настойчивее ставят вопрос: где реформа МВФ? И все громче заявляют: не будет реформы — мы больше не сможем в прежних объемах поддерживать кредитные ресурсы МВФ¹².

Тема реформы МВФ традиционно стоит высоко в повестке дня «Большой двадцатки», в рамках которой Россия и Китай уже не первый год последовательно осуществляют координацию своих усилий по этому и другим вопросам, касающимся формирования и функционирования мировой финансовой архитектуры и борьбы с последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

Внешнеполитический экономический инструментарий глобального управления включает стимулирование международной торговли, использование экономических санкций, внешнего долга и прямых зарубежных инвестиций, создание региональных торгово-экономических блоков и режимов, управление международными финансовыми потоками, оказание экономической и гуманитарной помощи, манипулирование деятельностью международных финансовых организаций, использование коммерческой экспансии национального бизнеса в интересах внешней политики страны¹³.

Только странам с крупной экономикой, занимающим важное место в мировой и региональной торговле, таким как Китай и Россия, доступно использование этих инструментов. Поэтому

особенно интересен сравнительный опыт присоединения Китая и России к таким торгово-экономическим институтам глобального управления, как Всемирная торговая организация (ВТО).

В связи с этим стратегия и тактика присоединения Китая к ВТО весьма показательна (и поучительна для России). Китайский опыт присоединения к этой организации в целом следует признать креативным и весьма успешным. Начиная процесс присоединения к ВТО, в Пекине исходили из того, что действующие в ее рамках Соглашения, с одной стороны, признавая переходный к рыночному характер экономик развивающихся стран, наделяли их целым комплексом льгот и преимуществ перед развитыми странами. С другой стороны, они обязывали развитые страны оказывать развивающимся государствам разностороннюю экономическую, технико-технологическую, образовательную, процедурную и прочую помощь в целях менее болезненной интеграции последних в мировое рыночное хозяйство.

Опираясь на статус развивающейся страны и соответствующие положения Соглашений, Китай как член ВТО не только получил для себя принципиально новые, но и сохранил в трансформированном виде ряд прежних конкретных правомочий субъекта мирового хозяйства. В их числе следует выделить:

- право на переходный трех-пятилетний период для поэтапного открытия внутреннего рынка, снижения импортных пошлин, продолжения и активизации общего рыночного реформирования;
- полноправное участие в Соглашениях, действующих в рамках ВТО, что позволяет увеличить экспорт и выход за рубеж иными внешнеэкономическими методами;
- право в качестве развивающейся страны субсидировать свое сельское хозяйство в размере 8,5 % от стоимости продукции;
- право субсидирования всего внутреннего производства, не направленного на экспорт (в рамках договоренностей с ВТО);
- право сохранения системы государственной торговли, включая право государства устанавливать и регулировать цены на основные виды продукции;
- право на сохранение ограничений при открытии сферы услуг для иностранного капитала;

- право на экспортные пошлины на более чем 80 групп товаров, предполагающее охрану природных ресурсов КНР;
- право осуществления проверки качества экспортно-импортной продукции;
- право на защиту и соответствующее выведение из сферы рыночной конкуренции отраслей народного хозяйства, связанных с государственной безопасностью и в силу этого не подлежащих открытию для иностранного капитала (оборонная промышленность, издательское дело, кино-, видеоиндустрия и др.)¹⁴.

Проанализировав преимущества китайского подхода к вступлению в ВТО по сравнению с российским, китайские ученые и эксперты предложили своим российским коллегам следующие рекомендации (частично они были использованы российскими переговорщиками, частично, к сожалению, — нет):

- вступлению в ВТО страны с переходной экономикой должен предшествовать достаточно продолжительный период фундаментальной подготовки ее экономической структуры и национальных субъектов хозяйствования к конкурентной предпринимательской среде мирового рынка. Длительность такого периода во многом зависит от достигнутых страной уровней экономического и технологического развития, состояния рыночной инфраструктуры как экономики в целом, так и отдельных ее секторов и территориальных подразделений;
- вступая в ВТО, страна должна брать на себя только те обязательства, которые действительно соответствуют реальному уровню ее социально-экономического развития, исходить из трезвой, взвешенной оценки демографического и ресурсного потенциалов, степени рыночной зрелости конкретных отраслей экономики, учета многих других факторов, сопутствующих интеграции национальной экономики в мировое хозяйство в условиях глобализации;
- для крупных стран, отличающихся значительной межрегиональной дифференциацией экономики, в качестве одной из форм подготовки к вступлению в ВТО представляет несомненный практический интерес примененная Китаем модель развития территориально-экономической открытости, которая позволила обеспечить наименее болезненный, поэтапный и посте-

пенный переход к рынку и соответствующее ему включение в систему международного разделения труда регионов с различными стартовыми уровнями производительных сил;

- руководству страны, вступающей в ВТО, необходимо четко осознавать, что объективная степень ее готовности к такому вступлению — это во многом производная величина от достигнутой степени обеспечения правовых гарантий частной собственности;

- в процессе подготовки к вступлению в ВТО необходимо, следуя позитивному опыту Китая, организовать комплексные фундаментальные исследования национального предпринимательства, включающие, в частности, выявление его отраслевых приоритетов и сравнительных преимуществ, оценку реально достигнутых и перспективных уровней экспортной мотивации и конкурентоспособности. Одна из главных целей таких исследований — создание общенациональной системы поддержки и ориентации предпринимательства, адекватной выводам глобализации и задаче минимизации издержек вступления страны в ВТО;

- государственная поддержка национального бизнеса в условиях вступления в ВТО страны с переходной экономикой должна носить комплексный, многоуровневый, системный и институциональный характер. С одной стороны, она должна быть единой для всех форм предпринимательства, конкретизированной в общенациональных системах безопасности, законодательства, судопроизводства, охраны природы, информационных ресурсах, инфраструктурах транспорта и связи и т. д. С другой стороны, она может и должна быть избирательной, строго дифференцированной по секторам и конкретным отраслям экономики, типам и размерам предприятий, особенностям их сравнительных преимуществ, степеням достигнутой и перспективной экспортной ориентации хозяйствования, уровням совокупной рыночной конкурентоспособности и т. п.;

- в той степени, в какой конкурентоспособность отечественной продукции конкретной отрасли не дотягивает до среднемирового уровня, в течение определенного периода модернизации этой отрасли в государственной политике ее поддержки

вполне допустимо применение отдельных элементов протекционизма, не вступающих в очевидное противоречие с общими правилами и нормами ВТО;

- в политике поддержки национального предпринимательства необходимо сочетать ориентацию на развитие отраслей, имеющих сравнительные преимущества при выходе на мировой рынок, с учетом глобальной тенденции повышения во внешней торговле удельного веса готовых промышленных изделий с высокой добавленной стоимостью. В соответствии с этим необходимо стимулировать и всячески поощрять переток капитала из добывающих отраслей промышленности в обрабатывающие, техно- и наукоемкие отрасли;

- эффективное вступление страны в ВТО и соответствующая ему поддержка национального бизнеса невозможны без государственной защиты и поддержки развития нерыночной сферы, в частности науки и образования¹⁵.

Для того чтобы быть эффективным, глобальное управление должно быть комплексным, динамичным и способным охватить национальные и секторальные границы и интересы. Оно должно действовать путем применения «мягкой силы», а не «жесткой силы». Оно должно быть демократическим, а не авторитарным, действовать в рамках открытого политического, а не бюрократического процесса и носить, скорее, интегрированный, чем специализированный характер¹⁶.

Новая редакция Концепции внешней политики РФ больше акцентирована на использование «мягкой силы» и механизмов содействия международному развитию для реализации целей и задач внешнеполитической стратегии РФ. И тем не менее Россия пока остается новичком в этом жанре мировой политики (и в смысле опыта, и в смысле масштабов своего участия). Вот лишь несколько цифр: в 2010 г. общемировые расходы на нужды содействия международному развитию (СМР) превысили 130 млрд долл. Первенство по числу расходов оставили за собой США (30 млрд долл.) и страны Европейского союза (70 млрд долл.). Новыми активными игроками в сфере стали КНР (2,5 млрд долл.), Индия (1 млрд долл.), Турция (1 млрд долл.) и др. Для сравнения: ежегодные расходы России на нужды СМР

вышли на уровень 500 млн долл., что составляет приблизительно 0,035 % ВВП страны. Однако для того чтобы Россия, вслед за другими развитыми странами выполнила рекомендации ООН и вышла на уровень ежегодных ассигнований на нужды СМР в объеме 0,7 % ВВП, ее ежегодные расходы на эти цели должны составить 11 млрд долл.¹⁷

В такой ситуации России следует не пытаться догонять по масштабам расходов на СМР лидеров (включая Китай), но использовать свои возможности с максимальной эффективностью, выстраивая систему СМР с учетом международного опыта и своих конкурентных преимуществ (экономическое и политическое влияние и связи с соотечественниками на постсоветском пространстве, укрепление культурно-гуманитарных связей в зоне русского языка и пр.).

Китайский опыт СМР заслуживает самого внимательного изучения. Так, международные эксперты подвергают критике следующие аспекты китайского опыта:

- китайская помощь развитию нарушает сложившиеся принципы СМР;
- кредиты предоставляются в том числе недемократическим режимам;
- увеличивается задолженность стран-реципиентов;
- китайские компании преимущественно используют свою рабочую силу.

В то же время приводятся и весьма убедительные аргументы «за» китайскую модель СМР:

- содействие развитию стран-реципиентов дает ощутимые результаты (рост ВВП, внешней торговли, доходов госбюджета, улучшение условий торговли, сокращение бедности);
- без китайских кредитов ряд государств оказался бы в худшей ситуации, что увеличило бы угрозы для глобальной стабильности;
- создается основа для устойчивого развития стран-реципиентов (передача технологий, прежде всего аграрных, развитие промышленности, развитие свободных экономических зон);
- строительство инфраструктуры, увеличение притока инвестиций в НРС из других стран мира;

- Китай делится с получателями помощи собственным опытом ускорения экономического роста.

Весьма существенным обстоятельством является также то, что китайская деятельность в сфере СМР создает альтернативу кредитам Всемирного банка, МВФ и традиционных доноров, что ведет к переориентации ряда стран на китайские кредиты «без условий», уменьшает возможности со стороны традиционных доноров и международных институтов выдвигать требования либерализации и демократизации, а также ведет к росту влияния КНР в группе развивающихся стран и усилению Китая в международных институтах¹⁸.

В условиях децентрализации глобальной системы управления укрепляется ее региональный уровень как основа полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность. Новые центры экономического роста и политического влияния все чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах.

Важным приоритетом политики Китая и России, направленным на укрепление системы глобального управления, является расширение и углубление взаимодействия с соседними странами на двусторонней основе, а также расширение сотрудничества в рамках региональных международных институтов, таких как БРИКС. Очевидны растущая роль группы БРИКС и значение принимаемых в ее рамках решений в системе финансово-экономических механизмов глобального управления. Так, на саммите в Дурбане в марте 2013 г. по инициативе России и Китая было принято политическое решение о создании Банка развития БРИКС. В настоящее время разворачивается работа по реализации этого масштабного проекта. Согласован объем уставного капитала, принцип принятия решений; идут переговоры о распределении квот между участниками и о месте расположения штаб-квартиры. Согласованы также объем пула валютных резервов (100 млрд долл.) и принцип единогласия о принятии решений. Идут переговоры о механизме запуска действия этого пула в случае обращения за поддержкой тех или иных государств-участников БРИКС: какие параметры дефицита госбюджета или платежного баланса необходимо прини-

мать во внимание, какая должна быть максимальная и минимальная продолжительность кредитования, процентные ставки и т. д.¹⁹

Таким образом, Россия и Китай накопили богатый и, без преувеличения, уникальный опыт участия в институтах глобального управления. Он носит взаимообогащающий и взаимодополняющий характер, создавая основу для взаимодействия и координации усилий двух стран в данной сфере. Что касается прогнозов дальнейшего участия РФ и КНР в системе глобального управления, то прежде всего можно предвидеть усиление призывов международного сообщества к Китаю активизировать свою роль в глобальном управлении.

Так, исполнительный директор Института Лоуи по международной политике М. Фуллилав подчеркивает: «Если Китай хочет помочь делу управления международной системой, то он должен играть свою роль в ее усилении. Осмелюсь посоветовать: Китаю и другим новым державам необходимо прийти к новому балансу между своими традиционными интересами в экономике и безопасности и более широкими императивами, которым они должны соответствовать. Действует старый принцип: с большими возможностями приходит и большая ответственность»²⁰.

Смысл знаменитого призыва к Китаю стать «ответственным акционером», уточняет Ч. Грант, заключается в том, что он должен перейти от простой интеграции в международные институты к подлинному восприятию международных норм и тем самым к выработке новой идентичности, в рамках которой его действия будут основываться на ценностной ориентации, а не на логических расчетах выгод и издержек. Это наблюдение в полной мере относится и к России²¹.

Несмотря на то что Россия, Китай и другие страны БРИКС считают концепцию «ответственных акционеров» односторонней и прозападной, можно предвидеть дальнейшую активизацию участия КНР и РФ в механизмах глобального управления, а также усиление обмена опытом, координации и взаимодействия двух стран в сфере функционирования и реформы институтов глобального управления.

С большой долей вероятности можно также предположить, что, по мере усиления своей комплексной национальной мощи, КНР будет вносить все более весомый вклад в глобальные институты и режимы международной безопасности, а Россия, по мере более активного вхождения в систему мирохозяйственных связей, будет становиться более активным участником механизмов глобального управления в финансовой и торгово-экономической сферах.

Примечания

¹ Ботон Джеймс М. и Брэдфорд Колин И. мл. Глобальное управление: новые участники, новые правила. Почему модель XX века нуждается в модернизации. Финансы & развитие. 2007, декабрь. С. 11.

² Global Governance 2025: At a Critical Juncture. [S. l.]. Dec. 2010. Цит. по: Грант Чарльз. Россия, Китай и проблемы глобального управления. М., 2012. С. 9.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f>

⁴ Карпиевич Н.В., Колтакова Т.В. Сравнительный анализ китайской концепции «гармоничного мира» и западных концепций глобального управления. Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Выпуск 12. Чита, 2012. С. 12—13.

⁵ Там же.

⁶ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/76238/>

⁷ Грант Чарльз. Указ. соч. С. 17—22.

⁸ Там же. С. 26, 27.

⁹ Лузянин С. КНР в ООН: путь к глобальному управлению. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document246838.phtml>

¹⁰ Шелепов А.В. Китай и глобальное управление // Вестник международных организаций. 2012. № 4 (39). С. 102.

¹¹ URL: <http://www.imf.org/external/np/exr/facts/rus/quotasr.pdf>

¹² URL: <http://ria.ru/interview/20131224/986101139.html#ixzz2oTCA852P>

¹³ Братерский М. Примериваясь к механизмам глобального управления. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1950#top

¹⁴ Ван Ин. Присоединение Китая к Всемирной торговой организации: условия и последствия. Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Выпуск 1 (16). 2007, февраль. С. 20—21.

¹⁵ Там же. С. 41—43.

¹⁶ Ботон Джеймс М. и Брэдфорд Колин И. мл. Указ. соч. С. 11.

¹⁷ Wierzbowska — Miazga Agata, Kaczmarek Marcin. Russia's development assistance. OSW Commentary. Issue 62. 10.10.2011. P. 2, 4.

¹⁸ Попова Л.В. Китайская помощь развитию и ее влияние на систему глобального управления. Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы. С.-Петербург. 11—12.10.2012 (материалы международной конференции). URL: <http://worldec.ru/content/conference/october2012/Popova%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9E%D0%9F%D0%A0%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>

¹⁹ URL: <http://ria.ru/interview/20131224/986101139.html#ixzz2oTCA852P>

²⁰ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/76238/>

²¹ Грант Чарльз. Указ. соч. С. 146.

А.С. Давыдов*

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ «НОВОГО ТИПА» И ФАКТОР РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Аннотация. Автором предпринята попытка кратко описать причины, заставившие КНР и США достигнуть договоренности об установлении между двумя странами так называемых «отношений нового типа». Рассматривается влияние нового формата китайско-американских отношений на политику этих стран в отношении России на глобальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: КНР; США; Россия; отношения «нового типа»; формирование нового «треугольника».

В июне 2013 г. на встрече президента США Б. Обамы и председателя КНР Си Цзиньпина в усадьбе Анненберг (штат Калифорния, США) стороны объявили об установлении между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой отношений «нового типа». Что же стояло за этим заявлением?

В период с визита Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. и до появления в Белом доме администрации Б. Обамы произошло формирование устойчивой парадигмы противоречивых и кон-

* Давыдов Андрей Сергеевич, к. и. н., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

фликтных, но многоплановых и очень тесных китайско-американских связей. Ее базовым признаком является стабильность с тенденцией к постоянному углублению этих отношений, обусловленная обоюдным пониманием глобальной значимости двусторонних связей, при чередовании в них, однако, подъемов, порождаемых прочной экономической взаимозависимостью и обоюдовыгодной заинтересованностью друг в друге, и спадов в силу периодически возникающих кризисных ситуаций.

Проблемы, связанные с преодолением мирового финансово-экономического кризиса 2009 г., совпали по срокам с приходом Б. Обамы во власть, выдвинувшись на первый план и во взаимоотношениях США и КНР. Резко ухудшив ситуацию в Америке, кризис, наоборот, способствовал подъему Китая на качественно новый уровень: по сумме совокупных показателей он стал реально претендовать на место второй державы мира. Это привело к изменению характера американо-китайских отношений: США начали осознавать свои определенные слабости, а Китай — силу, что придало ему крепнущее чувство уверенности в себе.

Будучи не в состоянии помешать усилению КНР, Соединенные Штаты задались целью не оставить Китаю иного выбора, кроме как стать полноценным участником международной системы правил и институтов, созданных США и их союзниками, и обеспечить сдерживание комплексной мощи Китая в рамках этой системы. Но добиться этого Западу оказалось не под силу. Даже после органичного встраивания в глобальную экономическую систему свободного рынка и заверений мирового сообщества в отсутствии намерения посягать на ее основы, Китай дал понять, что политическому диктату подчиняться не будет. Не соблазнило его и предложение США разделить бремя мирового лидерства в формате некоего «дуумвирата», главенство в котором Америка безоговорочно оставляла за собой.

Таким образом, обе стороны, независимо друг от друга, пришли к пониманию необходимости новой конструкции их отношений с учетом качественных изменений глобального статуса одной из них и геополитических устремлений другой. Причинами или побудительными мотивами, выстраивания отношений «нового типа», таким образом, явились следующие.

Со стороны Китая:

1. Становление в качестве глобальной державы. Рост могущества КНР неизбежно отразился на ее внешнеполитическом поведении, претерпевшем качественные изменения. Его прежняя модель, обусловленная «заветами Дэн Сяопина» периода 1980-х годов, суть которых сводилась к необходимости накопления сил и сокрытия (до определенного момента) своих возможностей и потенциала, уступила место открытому, активному и прагматичному внешнему курсу, направленному исключительно на отстаивание своих экономических завоеваний и защиту любыми средствами, вплоть до военных, собственных региональных и глобальных стратегических интересов.

2. Ответ на прежние предложения США о «совместном управлении миром» в виде «двойки» или «Кимерики», но в отличие от них имеющий расширительное толкование и распространяющийся на все крупные государства.

3. Стремление подтвердить перевод отношений с США из категории «всестороннего конструктивного сотрудничества» на уровень «сотрудничества и партнерства на основе взаимоуважения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша»¹ путем преодоления перенасытивших их конфликтов и противоречий, имеющих многоплановый характер, в числе которых: а) финансовые и торгово-экономические разногласия; б) политико-идеологические расхождения; в) геополитическое соперничество; г) стратегические и военные противоречия; д) дипломатические расхождения и е) другие области разногласий, включая сферу экологии и гуманитарную область (права человека, охрана интеллектуальной собственности, культурные и ментальные нестыковки). А главное — важнейшая причина этих разногласий — взаимное недоверие.

4. Не исключено также, что кроме прочего инициатива КНР была нацелена отчасти и на нейтрализацию «американской перебалансировки в АТР». Оценив слабости Обамы во внешнеполитической сфере, китайцы могли затеять собственную «перебалансировку», смысл которой состоял в том, чтобы не отвечать «грубостью на грубость», а начать с Америкой более тонкую игру, активнее привлекая ее к взаимодействию. Тем более что основные «козыри» для такой игры находятся в руках у КНР. Это, пре-

жде всего, тесная зависимость США от Китая в торгово-экономической, валютно-финансовой и ряде других областей.

5. Весомым аргументом в пользу усиления позиции Китая в противостоянии с США могло стать и чисто внутреннее обстоятельство: ряд признаков указывал на то, что Си Цзиньпину удалось отладить отношения с военными, которые, судя по всему, не вполне складывались у Ху Цзиньтао.

Со стороны США:

1. Необходимость воспринимать КНР как новую глобальную державу; осознание своей торгово-экономической, производственной и финансовой зависимости от Китая.

2. Принятие к сведению заявления о том, что КНР не стремится к слову системы международных экономических и политических институтов, выстроенной США.

3. Озабоченность потерей рейтинга в результате множества «проколов» в первый срок пребывания Обамы у власти, среди них одним из наиболее серьезных на внешнеполитическом поприще стала неспособность наладить с КНР эффективные, но мягкие отношения.

4. Возможное стремление отодвинуть американо-китайские отношения от края обрыва, на котором они балансировали на протяжении нескольких последних месяцев 2012 — начала 2013 г. из-за обострения ряда двусторонних и региональных конфликтов (кибер-шпионаж, Сирия, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и др.).

Основным политическим итогом встречи в Калифорнии, по мнению российских и зарубежных наблюдателей, стало повышение уровня доверия между руководителями США и Китая. Стремление нового китайского лидера поддерживать отношения с Америкой в «нормальном и правильном русле» было подтверждено его важным заявлением о том, что в Тихом океане достаточно места для таких двух больших стран, как Китай и США. Кроме прочего, это означало, что по мере роста своей комплексной мощи КНР будет стремиться к большей сбалансированности отношений с Америкой и намерена играть роль мировой державы, но при этом — совместно с другими странами работать над решением общемировых проблем.

Год назад в Калифорнии сторонам в целом удалось договориться о необходимости укрепления сотрудничества в экономике и военной сфере путем обновления модели взаимоотношений между вооруженными силами двух государств, улучшения координации их экономической политики.

Важными достижениями при обсуждении вопросов региональной безопасности стали максимальное сближение подходов сторон к денуклеаризации Корейского полуострова и согласование позиций по урегулированию территориальных разногласий (в том числе по островам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях) исключительно политико-дипломатическими методами. К успехам саммита можно было отнести также договоренности о сокращении выбросов в атмосферу парниковых газов и совместной борьбе против кибер-угроз.

В числе сохранившихся противоречий остались: сирийский вопрос, проблема прав человека в Китае, экономические разногласия в связи с курсом юаня, торговым дефицитом США и пр.²

Встреча стала логическим итогом усилий Китая по убеждению США в целесообразности перевода взаимоотношений двух стран от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования, при взаимном учете ключевых интересов друг друга.

Чтобы уменьшить беспокойство США по поводу своей растущей мощи, Китай декларировал отсутствие у него намерения разрушить существующую под американским патронатом международную систему. Более того, он предложил создать некую двустороннюю структуру, выходящую за рамки «традиционных способов появления новых мировых держав»³.

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам со статусом мировых держав, что по существу означает формальное «закрытие Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за ним самим. К ней КНР, видимо, рассчитывает прибегнуть при необходимости, поскольку считает, что новое соотношение сил вовсе не значит, что обе стороны по всем вопросам будут придерживаться одинаковых позиций.

Таким образом, в ответ на прежние американские предложения о форматах взаимоотношений с КНР в виде «большой двойки» или «Кимерики» Пекин представил свой план выстраивания двусторонних связей, вокруг которого, очевидно, и будут разворачиваться поиски приемлемой для обеих сторон модели китайско-американского сосуществования и взаимодействия.

Встреча Б. Обамы и Си Цзиньпина в июне 2013 г. несколько разрядила накалившуюся атмосферу в отношениях двух стран, но в перспективе реальная разрядка отношений между США и КНР станет возможной лишь тогда, когда в результате геополитических маневров, которыми обе стороны заняты постоянно, они «нащупают» такую парадигму разграничения зон и сфер влияния, которая безоговорочно устроит обоим.

На практике, налицо не только различие в подходах США и Китая к урегулированию потенциально крупных региональных конфликтов, но и их неготовность пока к выработке общего критерия оценки факторов, подрывающих глобальную стабильность и устойчивое развитие. Каждый из соперников действует в сходном ключе — стремится укреплять свои экономические и военно-стратегические позиции путем расширения сотрудничества и налаживания связей.

Конфликты интересов между США и КНР могут возникать в достаточно удаленных от них регионах, например в Африке, Латинской Америке или на Ближнем Востоке. Ситуация на Украине наглядно демонстрирует, что и Европа, при определенных условиях, не станет исключением. Однако, как правило, наиболее остро они ощущаются там, где страны соприкасаются постоянно, т. е. не только экономически и геополитически, но и территориально. Таким «перекрестьем» на земном шаре является АТР.

В то же время события последних месяцев указывают, что в отношениях США и КНР заметно усилилась роль российского фактора. И в этом смысле трехсторонний баланс, влияние которого в последние годы становилось все менее заметным, начал восстанавливать свое былое значение. Зоной переплетения особых интересов сторон по-прежнему остается Северо-Восточная Азия, где противоречия в силу географического положения трех стран проявляются практически напрямую.

Недавние события в СВА свидетельствовали, что в процессе взаимодействия между группами «актеров» и отдельными странами элементы соперничества между ними усиливались, и противоречия продолжали нарастать. В регионе происходило как бы «наслоение конфликтов», усугублявшееся внутривнутриполитическими процессами и эксцессами в ряде стран (прежде всего, в КНДР) на фоне военного усиления Китая.

В отсутствие общей системы коллективной безопасности нагнетание вызовов региональной безопасности происходило в СВА быстрее, чем могли функционировать немногочисленные механизмы, призванные удерживать противоречия в рамках контроля. Механизмы, еще недавно считавшиеся основными средствами поддержания региональной безопасности, оказались малоэффективными.

После провозглашения американской администрацией концепции «возвращения в Азию» центром противоречий в ней, как и в СВА, стали взаимоотношения КНР и США, и возможность скоординированного влияния двух стран на урегулирование конфликтных ситуаций существенно уменьшилась.

На пути укрепления традиционных союзов и поиска новых партнеров в СВА Штаты реально могли рассчитывать в основном на прежние связи, кроме, пожалуй, Монголии, которая, однако, пока не вышла полностью из сферы китайских, да и российских интересов.

Китай в СВА традиционно надеется на поддержку России, не сбрасывая при этом со счетов и фактор КНДР. В АТР американо-китайское соперничество вылилось в инициацию создания под эгидой каждой из сторон крупных региональных экономических группировок — Транстихоокеанского партнерства с участием США, но, по возможности, без Китая, и Регионального всеобъемлющего экономического партнерства, исключаящего американское членство.

Реализация этих планов не столько приведет к расширению торгово-экономического взаимодействия, наращиванию инвестиционных, технологических и иных обменов, сколько увеличит число разграничительных линий в АТР, что, безусловно, негативно отразится и на ситуации в СВА.

Сохранение конфликтного потенциала в Восточной и Северо-Восточной Азии объективно требует активизации там роли и деятельности России, которая могла бы выступать отчасти в качестве «гасителя» существующих в регионе негативных тенденций. Углубление двусторонних отношений с каждой страной СВА и АТР по максимально возможному числу направлений взаимодействия — первейшая задача России в регионе. В том числе и потому, что именно по такому пути идут и все ее партнеры, включая Китай, и соперники во главе с США.

Итоги официальных визитов в Россию в марте 2013 г. председателя КНР, в октябре того же года в Китай председателя правительства РФ и двусторонние переговоры Си Цзиньпина и В. Путина в Шанхае в мае 2014 г. служат подтверждением того, что Китай и Россия оценивают свои двусторонние отношения как действенный рычаг повышения совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности обеих стран.

Однако до последнего времени партнерские отношения РФ и КНР были парадоксальны в том плане, что при исключительно хороших доверительных связях на уровне политического руководства их экономическая составляющая по объемам и насыщенности намного отставала от политической, не говоря уже о том, что катастрофически уступала китайско-американской. В частности, китайский экспорт в США превышал экспорт в Россию не только в абсолютных цифрах (в 9 раз), но и в относительных с учетом разницы американского и российского ВВП. Накопленные инвестиции России в Китае в размере 2,6 млрд долл. были крайне малы для инвестиционного сотрудничества экономик такого масштаба. При импорте из России нефти на уровне 6 %, а газа — 4 % от всех поставок соответствующих видов топлива в Китай последний в долгосрочном плане был более заинтересован не столько в российском топливно-энергетическом сырье, сколько в других видах ресурсов: минеральных полезных ископаемых, земле, пресной воде, древесине, рыбных ресурсах и т. п.

Подписание в ходе визита В. Путина в КНР газового контракта и целого ряда других межгосударственных и коммерческих соглашений нацелено на преодоление существующего раз-

рыва. Сбалансирование политических и экономических отношений между РФ и КНР — если его удастся достигнуть — станет важным шагом не только как дань, с точки зрения Китая, конфуцианской традиции гармонизации целого, но как существенная опора для политической основы российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства, ценимого обеими сторонами. Это особенно актуально, поскольку в самом стратегическом партнерстве сегодня сохраняются и пока, к сожалению, увеличиваются труднопреодолимые разрывы.

Так, хотя стратегически Россия для Китая — не только безопасный тыл, но и сторонница в процессе формирования на международной арене нового мирового и регионального порядка, в КНР, тем не менее, в последнее время стали как будто забывать о многополярности. Более того, Китай на деле солидаризировался с Америкой в вопросе о предоставлении большей ответственности и особых возможностей странам, которые приобретают статус мировых держав.

Он занял двойственную позицию по вопросу Крыма точно так же, как в свое время лавировал по проблемам Абхазии и Южной Осетии. Аргументация типа «морально мы с вами, если вам это важно, но формально не хотим ни с кем портить отношения» не вполне соответствует принципам и духу «стратегического партнерства». Боязнь в данном случае «сыграть на руку» собственным сепаратистам неоправданна хотя бы по причине различий в характере процессов, протекающих в национальных районах КНР и в Крыму.

В свою очередь, мы стремимся дистанцироваться от китайско-японского конфликта вокруг островов в Восточно-Китайском море. Со своей стороны, Китай, рассчитывая на нашу помощь в этом вопросе, тем не менее не готов, к примеру, четко заявить о поддержке нашей позиции в территориальном споре с той же Японией. Известно, что на многих китайских географических картах четыре острова южнокурильской гряды по традиции окрашены в японские цвета.

Не следует обольщаться и на предмет «родства душ, идеологической, ментальной и прочей близости», а тем более формирования некоего альянса двух стран. Это не отвечает интересам

Китая и не нужно России: КНР, прежде всего, не будет действовать вопреки курсу на самостоятельность и углубление отношений с США, а у России, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно возникнут сложности при укреплении связей с другими азиатскими странами и усилении влияния в СВА и АТР, где у Китая сегодня достаточно недоброжелателей.

Вместе с тем совместная российско-китайская демонстрация военной и военно-морской мощи выглядит порою резким диссонансом обоюдным заявлениям сторон о категорической неприемлемости создания двусторонних альянсов. Цель подобных акций в таком случае не очень ясна и может усиливать ненужное раздражение мирового сообщества в отношении обеих стран. При этом сама идея союза отнюдь не является ни актуальной, ни целесообразной. Китайские эксперты, например, считают, что она годится лишь на случай войны.

К сожалению, обеим сторонам до сих пор не удается запустить на полную мощность и максимально эффективно механизмы ШОС. Деятельность этой международной организации пока не вполне отвечает целям, ради которых она создавалась.

И, наконец, нельзя игнорировать возникшее в последнее время подозрительное отношение Китая к Евразийскому союзу, как и отношение России к китайским концепциям и проектам «шелковых путей». Фактически речь в них идет о задачах активного продвижения интересов КНР в Казахстане и бывших среднеазиатских республиках СССР, для чего поднимаются на щит определенные идеологические тезисы «общности судеб, конфуцианских ценностей» и т. п. Эти усилия могут привести к ощущению региональному соперничеству между Россией и Китаем не только в экономике, но и в общественно-культурной сфере, где пока преобладает российское влияние.

В то же время интересам России, безусловно, отвечает последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, на всемерный «уход» от антикитайских проявлений при стремлении, несмотря ни на что, к нормальному диалогу с США. Это особенно важно не только в силу его «самоценности», но и как «страховка» от не-

приятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов за счет интересов РФ.

Не афишируемые, но объективно существующие у КНР и РФ встречные интересы, связанные с оказанием взаимной поддержки в противодействии гегемонистским импульсам американской политики, являются стимулом укрепления российско-китайских отношений. Следует, например, четче обозначить заинтересованность во взаимной поддержке в вопросе глобальной ПРО. К этому подводит и отказ Запада от сотрудничества с Россией в данной области, и последние события вокруг Украины, свидетельствующие, что аналогичная модель конструирования кризиса может впоследствии использоваться в отношении Китая.

Несмотря на вызовы и нерешенные проблемы в российско-китайских отношениях, как то: неполный уровень взаимодоверия, элементы региональных расхождений и конкуренции, низкий уровень взаимных инвестиций, пробуксовка программы приграничного сотрудничества, не оптимальная для РФ структура торговли, — очевидно, что положительная составляющая отношений несравненно больше. Именно возможность расширения связей с самой динамично развивающейся экономикой мира — один из потенциальных шансов для развития РФ.

Отношения США с Россией, которая в перспективе могла бы действовать в унисон с Америкой по решению ряда проблем СВА, были омрачены и испорчены цепью событий и кризисов 2013—2014 гг., последним из которых стал украинский. Обострение отношений по поводу Украины и Крыма с большой долей вероятности негативно отразится на российско-американском взаимодействии как в АТР, так и на глобальном уровне.

В связи с кризисом на Украине, вызванным не только внутренними противоречиями, но и борьбой внешних сил, а также возвращением Крыма России, геополитическая ситуация в мире претерпела существенные изменения:

1) по мнению многих экспертов, эти события обозначили реальный конец однополярности. Ошибка Обамы состояла, главным образом, в том, что он скинул Россию со счетов как

глобальную державу и стал рассматривать ее в качестве региональной;

2) исключение РФ из «Большой восьмерки» обозначило размежевание антироссийских и пророссийских или нейтральных сил, которых, как показало голосование в ООН по «крымскому вопросу», не так уж мало;

3) возведение России в ранг «главного врага» несколько смягчает напряженность в отношении Запада к Китаю, фактически занявшему излюбленную позицию лавирования;

4) все это может способствовать дальнейшей стабилизации китайско-американских отношений;

5) может произойти укрепление позиций КНР как «амортизатора» между про- и антироссийским глобальными сегментами;

6) и, наконец, наше положение в СВА и АТР будет существенно зависеть от того, сможем ли мы реально опереться на «китайское плечо» в случае более серьезных, чем сейчас, западных санкций.

Суммируя все сказанное, не следует исключать ситуацию, при которой РФ, КНР и США окажутся на пути к воссозданию новой геополитической трехсторонней конфигурации, роль основного «разводящего» в которой на этот раз будет исполнять Китай.

При этом следует учитывать позицию США в отношении России, которые уже давно не рассматривают ее как значимый фактор военно-стратегической безопасности ни в СВА, ни в АТР в целом. Она не упоминалась ни в одном из последних американских доктринальных документов по Азии, включая программную статью Х. Клинтон о военно-политической переориентации США на АТР.

В то же время не стоит забывать об интересе Америки к сибирским и дальневосточным просторам нашей страны, озвученном предшественницами Х. Клинтон — М. Олбрайт и К. Райс.

Непосредственный интерес США к России в азиатском контексте в последнее время также прослеживался через призму «китайского фактора» и сводился к оценке возможности ее использования либо в качестве союзника Америки в борьбе с угрозой усиления КНР (что при нынешних обстоятельствах совсем нереально), либо угрозы для США как сторонницы КНР.

В последнее десятилетие, с резким ростом комплексной мощи Китая, США стали воспринимать Россию лишь как партнера по взаимодействию в ограниченных сферах (стратегические вооружения, борьба с терроризмом, ядерное нераспространение). И хотя они были готовы на более широкое сотрудничество с ней, его целесообразность оценивалась ими прагматически. В то же время геополитически Америка старалась окружить Россию, усиливая свое присутствие в зонах коренных российских интересов (Центральная Азия, Дальний Восток, СНГ). В случае Украины американцы, по выражению В. Путина, «перешли красную линию».

Все изложенное дает основание для следующих выводов:

1. На сегодняшний день в развитии геополитической ситуации и взаимоотношениях России, Китая и США возобладало сочетание разнонаправленных позитивных и негативных тенденций. К первым относятся смягчение отношений между США и Китаем, наполнение российско-китайских связей реальным экономическим содержанием. Ко вторым — резкое обострение российско-американских отношений, которое в условиях действия принципов глобализма не может не сказаться негативно на взаимодействии двух стран по всем направлениям.

2. В Северо-Восточной Азии, которая из-за отсутствия постоянного механизма безопасности и неурегулированности ряда локальных проблем взрывоопасна сама по себе, в результате ухудшения отношений между ведущими державами — гарантиями ее равновесия и стабильности — не исключено возникновение реальных предпосылок к развязыванию конфликтов на почве территориальных притязаний и проблем суверенитета.

3. В то же время отсутствие сегодня в этом регионе фундаментальных или непримиримых противоречий между КНР и США, а также конфронтационных разногласий между США и Россией и их совместная заинтересованность в мирном решении главных региональных проблем внушают определенный оптимизм в отношении сохранения консенсусных подходов к преодолению существующих в нем вызовов.

4. Сохранение Россией статуса главного паритетного оппонента США в военно-стратегической сфере делает возможным ее

участие как одной из ведущих сил в решении ключевых проблем обеспечения безопасности в АТР, денуклеаризации в СВА, создания соответствующих механизмов для урегулирования споров относительно территорий и акваторий в Восточно-Китайском море.

5. В связи со смягчением отношений между США и КНР, которые еще в первой половине прошлого года обострялись до крайности, а сегодня, по выражению премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, в ходе взаимодействия развиваются стабильно, сохраняется надежда на улучшение регионального климата в СВА и АТР в целом.

6. Учитывая новое качество китайско-американского взаимодействия, необходим российско-китайской диалог по роли и месту США в мире в целом и в отдельных важнейших для России регионах (АТР, СВА, ЦА, Ближний Восток и т. д.).

7. Существует необходимость вовлечения Китая в диалог по ядерной безопасности.

8. И, наконец, исходя из перманентной необходимости преодоления острых региональных и глобальных разногласий в духе конструктивного диалога и поиска консенсусных подходов к решению важных проблем политического и военного характера, настала пора подумать о создании постоянно действующего консультативного формата трех стран — КНР, США и России — паллиатива «восьмерки», позволяющего крепить согласие и взаимодействие и препятствующего превращению «большой тройки» в треугольник с острыми углами.

Примечания

¹ URL: <http://russian.china.org.cn>. 18.02.2012. № 496672.

² Лузянин С. Американско-китайский саммит в Калифорнии. Отношения нового типа? URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document239156.phtml>.

³ URL: http://www.inoforum.ru/inostrannaya_pressa/kitaj_novyj_vzglyad_na_otnosheniya_s_ssha/

С.В. Уянаев*

КИТАЙ И ИНДИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития отношений между КНР и Индией в последнее десятилетие. Автор анализирует серьезные достижения двустороннего сотрудничества в самых различных областях и проблемы, препятствующие его дальнейшему эффективному продвижению. Отдельно рассматривается позиция России, проявляющаяся, в частности, в рамках структуры РИК. Итоговый вывод работы заключается в том, что позитивные тенденции, преобладающие над проблемами в китайско-индийских отношениях, создают хорошие перспективы для дальнейшего развития диалога двух стран.

Ключевые слова: Китай; Индия; сотрудничество; проблемы; соперничество; конкуренция; Россия; интересы.

П риблизжающуюся «арифметическую» середину 2010-х годов можно считать своего рода юбилеем в отношениях между Китаем и Индией. Прошло порядка десяти лет с начала того времени, когда в политических кругах обеих стран стали говорить о новом этапе двусторонних связей — этапе их «ускоренного и всестороннего развития». Точкой отсчета при этом могут служить достигнутые тогда знаковые договоренности.

* Уянаев Сергей Владимирович, к. и. н., в. н. с., зам. руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

К ним по праву можно отнести подписанную в 2003 г. в ходе визита в КНР премьер-министра Индии Декларацию о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве¹; последовавшее через год решение болезненного вопроса — признание Китаем княжества Сикким одним из индийских штатов²; наконец, принятое в апреле 2005 г. Совместное заявление, в котором стороны заявили об установлении «отношений стратегического партнерства и сотрудничества во имя мира и процветания»³.

С тех пор в столицах обеих стран особенно подчеркнута причисляют китайско-индийские отношения к наиболее важным внешнеполитическим приоритетам⁴. При этом, исходя из практикуемого в Пекине «структурирования» двусторонних связей на отношения с крупными (или развитыми) «сопредельными и развивающимися государствами», Индия (как, впрочем, и Россия) формально «попадает» в каждую из данных категорий и уже поэтому не может не представлять для Китая «объект повышенного внимания». Аналогичным образом желание продвигать двусторонние связи все последние годы неизменно декларирует и официальный Дели, заявляя, что развитие отношений добрососедства и дружбы с Китаем является приоритетным выбором дипломатии Индии⁵. На этом фоне не выглядит случайным то, что, согласно подсчетам специалистов, почти две третьих от всего комплекса соглашений и проектов, заключенных за 65-летнюю историю межгосударственных отношений КНР и Индии, приходится на последнее десятилетие⁶.

Встречные декларации и практические шаги, как очевидно, объясняются весьма важными причинами: и протяженной совместной границей, и взлетами и падениями в извилистой многовековой истории отношений, и нынешними взаимными заинтересованностями в развитии экономических, политических, гуманитарных связей.

Две тенденции

Тем не менее для экспертов, которые сравнительно продолжительное время наблюдают за индийско-китайским диалогом,

нет большого секрета в том, что к середине 2010-х годов — к 65-летию юбилею в истории дипломатических отношений между КНР и Республикой Индия — в нем проявляются разные тенденции. С одной стороны, в последние годы происходит заметное развитие сотрудничества: будучи подорванным войной 1962 г., оно стало оживать после межгосударственной нормализации 1988 г., а затем получило серьезный импульс в 2003—2005 гг. С другой — в отношениях двух стран объективно присутствуют и элементы весьма заметных порой соперничества и конкуренции, что, впрочем, неизбежно в процессе параллельного подъема, который в последние десятилетия внушительными темпами демонстрируют и КНР, и Индия.

На официальном языке эта объективная «разномерность» в уровне отношений компромиссно «объединяется» формулой, которая звучит как *развитие сотрудничества по широкому спектру областей при параллельном решении оставшихся в наследство от истории проблем*. При этом (что видится весьма важным) в многочисленных двусторонних декларациях, в выступлениях руководителей двух стран отчетливый приоритет отдается первой тенденции — сходным интересам и укреплению сотрудничества. В любом случае (хотя бы потому, что и в обеих странах, и за их пределами так или иначе продолжает звучать тема «неоднозначности» китайско-индийских отношений) интересной видится попытка «измерить» удельный вес и соотношение упомянутых тенденций, выявить, таким образом, «мэйнстрим», определяющий двусторонние отношения во второй декаде текущего столетия.

Позитивный багаж

Если непредвзято относиться к фактам, нельзя не видеть, что в китайско-индийских отношениях последнего десятилетия накоплен серьезный позитивный багаж, о котором достаточно иллюстративно свидетельствует, в частности, простой событийный ряд последних лет.

Во-первых, стороны серьезно продвинулись по пути создания многопрофильного и многоуровневого *механизма межгосударственного сотрудничества*, в рамках которого к весне 2014 г., согласно подсчетам наблюдателей, действовало 36 специализированных двусторонних переговорных площадок по взаимодействию в самых разных областях⁷.

Прежде всего, налажена практика встреч на высшем уровне, когда премьер-министр Индии встречается либо с председателем КНР, либо с премьером Госсовета Китая. И пусть это не 5—6 ежегодных личных встреч между «первыми лицами» двух стран (как это происходит, например, по линии председатель КНР — президент РФ), однако с 2008 г. переговоры главы китайского государства с премьер-министром Индии стали не просто регулярными, но проводятся (чего не было раньше) в среднем дважды в год как в ходе официальных визитов, так и на полях международных форумов. Так, за шесть лет, начиная с январского (2008 г.) визита М. Сингха в Китай, председатель КНР и премьер-министр Индии встречались 11 раз, причем четыре встречи (2010—2013 гг.) проходили на полях саммитов БРИК/БРИКС.

За этот же период не менее 10 отдельных встреч состоялось в формате премьер министр Индии — премьер Госсовета КНР. Четыре из них пришлось на официальные визиты (в декабре 2010 г. в Дели находился Вэнь Цзябао, а в мае 2013 г. его преемник Ли Кэцян, еще две встречи прошли в ходе визитов М. Сингха в КНР в 2008 и 2013 гг.), остальные — на переговоры «на полях» международных форумов⁸. К важным событиям диалога на высшем уровне относятся также переговоры между китайскими руководителями и Президентом Индии (визит в мае 2010 г. в КНР с официальным визитом г-жи Пратибхи Патил). По обоюдному мнению, важность таких встреч трудно переоценить, поскольку именно они «задают стратегический тон» отношений, снимают многие сложные вопросы, заканчиваются подписанием важных документов.

Показательным стал 2013 г., в течение которого, как подчеркивают руководители обеих стран, впервые с 1954 г. состоялся обмен визитами между главами правительств двух стран.

По итогам проведенных переговоров в мае и октябре 2013 г. (визит Ли Кэцяна в Дели и визит М. Сингха в Пекин) стороны вновь подтвердили курс на «дальнейшее укрепление отношений стратегического партнерства и сотрудничества во имя мира и процветания на основе пяти принципов мирного сосуществования и взаимного внимательного учета озабоченностей и ожиданий другой стороны»⁹. Каждая из сторон изложила свое видение нынешней формулы двусторонних отношений, причем оба подхода носили сходный по своему позитивному настрою характер.

Так, Пекин вновь продемонстрировал желание поддерживать обмен визитами высших руководителей, проводить консультации и укреплять стратегическое взаимодоверие и сотрудничество во всех областях и на всех уровнях, в том числе в международных и региональных делах. Причем важными направлениями международного сотрудничества оба руководителя назвали координацию в «Группе 20», БРИКС, защиту интересов друг друга и развивающихся стран.

Далее китайские руководители подчеркнули, что необходимо развивать практическое сотрудничество по инфраструктурным, инвестиционным, информационно-коммуникационным и другим высокотехнологичным проектам; была отмечена задача надлежащим образом контролировать разногласия, продолжая диалог специальных представителей по пограничным вопросам и укрепляя сотрудничество в оборонной области, а также заявлено о важности развития гуманитарных контактов.

Во многом схожее или даже совпадающее видение декларировал и Дели. Показательно, что, определяя в ходе переговоров в Пекине восемь приоритетных, на его взгляд, направлений двустороннего сотрудничества, М. Сингх назвал те же области инфраструктурного строительства, производственной кооперации, совместной защиты безопасности в АТР и в мире, а также поддержание благоприятного международного экономического порядка, обеспечение энергетической, продовольственной и экологической безопасности¹⁰.

В общей сложности в ходе майских и октябрьских встреч было подписано около двух десятков документов по сотрудни-

честву в сферах экономики, безопасности, в социально-гуманитарной области. В Совместном заявлении (октябрь 2013 г.) стороны особо указали на значимость Соглашения о сотрудничестве в охране границы (Border Defence Cooperation Agreement). Соглашение, являющееся продолжением ряда ранее подписанных документов в данной сфере (о мерах доверия, принципах и параметрах урегулирования и т. п.), призвано укрепить стабильность в пограничной зоне. В частности, стороны будут уведомлять друг друга о направлении патрулей в район Линии контроля, которым, что принципиально важно, отныне запрещено следовать друг за другом, поскольку, как показала практика, это уже не раз приводило к инцидентам. Решено также наладить горячую линию связи между военным командованием с обеих сторон линии контроля¹¹.

Актуальным направлением сотрудничества стороны признали также проект формирования экономического коридора «Индия—Бангладеш—Мьянма—Китай», обсуждение которого проходило на фоне активно продвигаемой в последнее время КНР идеи «экономического коридора Шелкового пути».

Во-вторых, налажен регулярный диалог министров иностранных дел двух стран, в рамках которого, например, в 2012—2013 гг. прошло не менее шести официальных встреч. В их числе переговоры, состоявшиеся в мае 2013 г. в Пекине в ходе визита главы индийского внешнеполитического ведомства С. Хуршида, а также спустя семь месяцев в Дели, когда в индийской столице побывал его китайский коллега Ван И. В промежутке два министра встретились на полях форума АРФ в Брунее.

В целом по линии *внешнеполитических ведомств* на разных уровнях проводятся обсуждения и консультации по самому широкому кругу как сугубо двусторонних (например, сотрудничество городов двух стран), так и международных вопросов: от терроризма и безопасности до проблем «горячих точек и внешнеполитического планирования». Предметом особого внимания при этом является, в частности, координация действий и взаимодействие в ООН, а также в БРИКС.

Действует целый ряд специализированных переговорных дорожек. Так, в августе 2013 г. в Дели и в апреле 2014 г. в Пеки-

не заместители глав МИД провели 5-й и 6-й раунды *двустороннего стратегического диалога*. Состоялся 6-й раунд заседаний *Рабочей группы по вопросам контртерроризма*. Стартовал (апрель 2013 г.) переговорный механизм по афганской проблематике. Летом 2013 г. прошла и первая встреча *Рабочей группы по проблемам Центральной Азии*.

В этом же ряду стоит созданный сторонами механизм *политических консультаций*, который функционирует на уровне специальных правительственных представителей для обсуждения особо важных двусторонних и международных проблем. В рамках такого механизма, в частности, в декабре 2012 г. в Пекине прошли переговоры члена Госсовета КНР Дай Бинго с советником по национальной безопасности Индии Шивом Шанкармом Менонем.

В-третьих, важнейшее место занимает платформа переговоров *специальных правительственных представителей по пограничным проблемам*. К апрелю 2014 г. было проведено уже 17 раундов консультаций; стороны, руководствуясь принятым в 2005 г. Соглашением о политических параметрах и ведущих принципах урегулирования и «стремясь подходить к проблемам со стратегической высоты», ведут кропотливую работу по поиску рациональных и взаимоприемлемых решений, поддерживая «мир и стабильность на совместной границе». Кроме того, продолжает работу созданный в 2012 г. *консультационно-координационный механизм по пограничным вопросам* (The Working Mechanism on Consultation and Coordination on India-China Border Affairs). Не дублируя работу спецпредставителей и ставя целью «вклад в поддержание мира и спокойствия на границе», этот механизм, похоже, сыграл свою позитивную роль в апреле—мае 2013 г. для урегулирования достаточно серьезных разногласий, возникших в одном из районов прохождения Линии фактического контроля (Depsang valley) в западном секторе границы.

В ходе пребывания в Дели на 17-м раунде консультаций (февраль 2014 г.) глава китайской делегации член Госсовета КНР Ян Цзечи был принят премьер-министром Индии. Стороны провели обстоятельный диалог как по узловым вопросам пограничной тематики, так и по определяющим вопросам двусто-

ронней повестки в целом, подчеркнув совместное намерение и впредь развивать отношения, выводить их на более высокий этап.

В-четвертых, отметим, что кроме перечисленного действует еще целый ряд механизмов сотрудничества и обменов: по *парламентской, партийной*, другим линиям. К примеру, летом 2013 г. с визитом в Пекине находилась делегация Коммунистической партии Индии (марксистская) во главе с ее генеральным секретарем Пракашем Каратом, которую, в частности, принял член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, член Секретариата ЦК КПК Лю Юньшань.

В-пятых, свидетельством возросшего доверия служат расширяющиеся *контакты военных двух стран*. В январе 2013 г. в Пекине и в феврале 2014 г. в Дели прошли 5-й и 6-й раунды консультаций по линии министерств обороны КНР и Индии, где обсуждались вопросы военного сотрудничества и безопасности. В июле 2013 г. с очередным визитом в КНР находился министр обороны Индии А.К. Антони, который провел переговоры с китайским коллегой Чан Ваньцюанем, был принят премьером Ли Кэцяном и членом Госсовета Ян Цзечи. Стороны выразили готовность укреплять связи по оборонной линии, одобрили проведение в совместных контртеррористических учений, уделили большое внимание завершению работы над Соглашением о сотрудничестве в охране границы, которое, как упомянуто выше, три месяца спустя было подписано в ходе визита М. Сингха в Пекин. А в ноябре 2013 г. в КНР были проведены совместные армейские учения Китая и Индии под кодовым названием «Рука об руку — 2013»: на одном из полигонов Чэндуского военного округа две роты сухопутных сил отрабатывали взаимодействие по борьбе с актами терроризма.

Шестым (последним «по списку, но не по значению») пунктом в этом перечне выделим прогресс в *торгово-экономическом сотрудничестве*. В марте 2014 г. состоялся 3-й раунд запусченного в сентябре 2011 г. Китайско-индийского стратегического экономического диалога. Эта площадка патронирована руководящими плановыми органами (комиссиями) двух стран. В ее рамках действует 5 рабочих групп: по согласованию экономиче-

ской политики, вопросам инфраструктуры, экологии, высоких технологий и энергетики.

Отдельно проводит работу действующая на министерском уровне Совместная экономическая группа по торговле, науке и технологиям (создана еще в 1988 г.), курирующая, в том числе, взаимную торговлю и инвестиции. В 2013 г. Группа провела свое 9-е заседание. После рекордного для объемов двусторонней торговли уровня 2011 г. (73,9 млрд долл. — в 15 раз больше, чем в 2002 г.) в последующие два года наступил некоторый спад (66,5 млрд долл. в 2012 г. и 65,5 млрд долл. в 2013 г.). Но продолжается усиленная работа для достижения намеченной цели — 100 млрд долл. к 2015 г. Для этого разрабатываются планы увеличения взаимных инвестиций, о чем шла речь, в частности, в ходе майского (2013 г.) визита премьера Ли Кэцяна в Индию.

Этот перечень можно продолжить, поскольку стороны развивают связи и по ряду других направлений, включая *культурно-гуманитарную* сферу. В частности, в сентябре 2013 г. в Пекине был организован крупный Совместный медиафорум, координаторами которого стала со стороны хозяев издательская группа «Хуанцю шибао», индийские средства массовой коммуникации были представлены авторитетным Фондом «Обсервер». Очередная масштабная программа культурных мероприятий предусмотрена в рамках проводимого в 2014 г. «Года китайско-индийских дружественных обменов», который приурочен к «60-й годовщине оглашения 5 принципов мирного сосуществования (принципы панча-шила). Церемонии открытия «Года» состоялись зимой 2014 г. в Пекине и Дели¹².

Проблемы остаются

Как говорилось, вторая тенденция — существующие проблемы в китайско-индийских отношениях. Они хорошо известны. Это оставленные историей погранично-территориальная и тибетская проблемы, это взаимные озабоченности по поводу отношений друг друга с третьими странами, это торговый дисбаланс и другие экономические трения, в том числе вопросы во-

допользования на пограничных реках, конкуренция за рынки энергоресурсов и т. д. Многие из данных проблемных сфер дают о себе знать и сегодня, серьезно осложняя порой двусторонние отношения.

Несмотря на ведущийся с 2003 г. регулярный диалог на высоком уровне специальных представителей, особенно чувствительной стороны в последнее время по-прежнему называют погранично-территориальную проблему. Это не случайно, поскольку вопрос не только в том, что переговоры пока не дают ощутимого прогресса, но и в том, что не ослабевает острота темы так называемых пограничных вторжений. Как полагают, например, эксперты авторитетного индийского Института оборонных исследований и анализа Министерства обороны Индии, каждый год имеют место «более сотни таких случаев со стороны китайских пограничных патрулей»¹³. Причем инцидент апреля—мая 2013 г. в долине Деспан на востоке Кашмира, когда в Индии посчитали, что три десятка китайских пограничников разбили двухнедельный лагерь, вторгнувшись на 19 км на индийскую территорию, эксперты признают наиболее значительным со времени серьезного пограничного противостояния в 1986—1987 гг. в восточном секторе прохождения Линии фактического контроля (ЛФК)¹⁴. Лагерь вскоре был снят, но проявившееся ощущение латентной напряженности в целом остается. Китайская сторона считает все обвинения в свой адрес беспочвенными, указывая в ответ на факты, которые, по ее мнению, напротив говорят об «излишней военной приграничной активности Индии».

Существует и взаимная проблема, которую можно определить как «внутренняя деятельность», затрагивающая интересы противоположной стороны. Одна часть этой проблемы хорошо известна. Пекин уже давно выражает резкое недовольство «политической активностью тибетских переселенцев», которые более полувека назад переместились в Индию вслед за далай-ламой (комплекс связанных с данной темой вопросов называют «тибетской проблемой»). Акции выходцев из Тибета, несмотря на официально издаваемые запреты, индийским властям удает-

ся предотвратить далеко не всегда, о чем мировые СМИ в очередной раз свидетельствовали в марте 2014.

Вторая часть, связанная уже с индийскими озабоченностями, упоминается реже, что, однако, не делает ее менее острой. В Дели усматривают угрозу внутренней стабильности в связи с актами экстремизма со стороны маоистских организаций, которые, находясь в Индии, по ее версии, «работают на Китай и Пакистан». В любом случае такая проблема существует: к примеру, в мае 2013 г. маоистские боевики стали виновниками гибели почти 40 активистов партии Индийской национальной конгресс, атакованных в штате Чхаттисгарх¹⁵. Кроме того, Индию продолжают неизменно беспокоить «антииндийские», по ее мнению, элементы во «всепогодной дружбе» КНР и Пакистана. К теме порта Гвадар, который индийские политики и эксперты рассматривают как узловое звено в сети региональных опорных точек Китая (теория китайского «жемчужного ожерелья» — String of Pearls) с целью «окружения Индии», по мере приближения вывода в 2014 г. сил международной коалиции все отчетливей прибавляется сюжет Афганистана. В Дели настойчиво указывают на «инертность Пекина», который воздерживается от давления на своего пакистанского союзника, в то время как Исламабад «не проявляет желания» конструктивно сотрудничать в деле афганского урегулирования и как минимум не ведет эффективной борьбы с талибскими формированиями, окопавшимися на территории Пакистана¹⁶.

КНР воздерживается от прямой реакции на такие заявления, но на этом фоне показательно поднимает тему американо-индийского сближения. Как в очередной раз летом 2013 г. писала китайская правительственная печать, одна из преследуемых при этом целей (по крайней мере, со стороны США и Запада) — это намерение разжечь китайско-индийские разногласия и таким образом привлечь Индию к «сдерживанию Китая»¹⁷.

Такого рода «зеркальные» озабоченности и подозрения проявляются и в других сферах. Касаясь сферы обороны, в Индии часто говорят о возросших цифрах китайского военного бюджета, о морской активности китайских ВМС в Индийском океане, в то время как в Китае не обходят тему развития индийских ра-

кетных программ. В экономической области Индия выражает серьезную озабоченность дефицитом в торговле с КНР (31 млрд долл. по итогам 2014 г. при почти трехкратном превышении китайского экспорта над индийским), Китай не доволен случаями антидемпинговых расследований и отсутствием инвестиционного доступа в интересующие его индийские инфраструктурные проекты. И данный перечень может быть продолжен.

Базовую причину многих из перечисленных проблем в обеих странах определяют как все еще сохраняющийся *дефицит взаимного доверия* — и на стратегическом, и на обычном, практическом уровнях. Понятно, что по закону «обратной связи» недостаток доверия в свою очередь мешает решению имеющихся проблем.

Если же попытаться углубить причинно-следственные связи, то дефицит взаимодоверия, и отсутствие реального прогресса по территориальным и другим важным проблемам, объясняет фактор объективного геополитического соперничества и внутренних импульсов к взаимному сдерживанию, определяющийся параллельным стремлением двух стран к расширению своего международного влияния. Те или иные формы конкуренции находят проявление в целой галерее сфер — от доступа к мировым энергоресурсам и влияния в международных организациях до размеров оборонных бюджетов и уровня регионального присутствия (в АТР, Африке, зоне Индийского океана и т. п.). А особенностью картины представляется, как правило, «догоняющий» алгоритм действий Индии, который предопределен и менее длительным периодом высокой динамики развития (КНР, начавшая эффективную экономическую реформу в конце 1970-х годов, опередила Индию на 10—15 лет), и менее прочными исходными позициями (отсутствие места среди постоянных членов Совета Безопасности ООН и официальных членов «ядерного клуба»).

При этом основной ареной «расхождения интересов» зачастую является Азия. Причиной (помимо очевидного географического фактора), как считают некоторые политологи, в том числе в Индии, служит «китайское желание видеть азиатское пространство «синоцентричным», когда Китай «стремится к многополярному миру, но однополярной Азии»¹⁸. Отчасти поводом к

таким оценкам могут служить некоторые экспертные публикации в КНР, согласно геополитическим прогнозам которых в регионе «грядет пятиэлементная международная структура», где «Россия, США, Япония, Индия и АСЕАН займут по одному углу, Китай же разместится по центру»¹⁹. При этом, разумеется, необходимо иметь в виду официальную позицию Пекина, который на самом высоком уровне партийного съезда вновь подчеркнул недавно неприятие «всех видов гегемонизма» и отсутствие гегемонистских намерений у самого Китая²⁰.

В любом случае обозначенная глубинная «конкурентная» тенденция нередко находит отражение в практической политике. Например, с одной стороны, Дели подспудно по возможности противится росту активности Китая в Индийском океане, и особенно в близлежащих к Индии странах. В этом контексте уместно вспомнить, как МИД Индии в апреле 2009 г. «решительно отверг» запрос Пекина на участие в форуме «Симпозиум ВМС Индийского океана», усмотрев в этом, как полагают наблюдатели, «ущемление интересов Индии в зоне ее непосредственных стратегических интересов»²¹.

С другой стороны, Китай испытывает порой плохо скрываемое недовольство проводимой с 1990-х годов «восточной политикой» Дели (Look East Policy), нацеленной на укрепление позиций в странах Восточной Азии, включая *Японию*, на основе связей с которой в Индии рассчитывают «оптимизировать баланс региональных сил». Так, реагируя на слова М. Сингха о важности укрепления индийско-японских связей в военной области, сказанные им во время июньского (2013 г.) визита в Токио, китайская официозная печать (China Daily) выступила с резкой антияпонской риторикой и предостерегла Дели от заигрывания с Японией²².

Системное наполнение с элементами геополитики имеет и «*тибетская проблема*», серьезность которой не ограничивается рамками сюжета о «деятельности тибетских беженцев» и уходит корнями в «разное прочтение» в КНР и Индии истории Тибета. В частности, в выступлениях ряда индийских экспертов и политиков не исчезли напоминания о том, что «до недавнего времени» независимый Тибет исторически «служил буфером между

Индией и Китаем, а «признание его частью КНР» является, согласно этим выступлениям, «актом самоуничтожения со стороны Дели»²³.

Понятно, что зачастую элементы разногласий и противостояния носят ограниченный характер, свойственны отдельным радикальным представителям или распространены лишь в определенных сегментах политических и экспертных кругов двух стран (например, близких к военному сообществу). Тем не менее и эти тенденции оказывают свое влияние, осложняя двусторонние связи.

Настрой на позитивное сотрудничество

Резюмируя все вышесказанное, вновь подчеркнем, что речь идет о попытке сопоставить, с одной стороны, благоприятные предпосылки и накопленный позитивный багаж отношений между Индией и КНР, с другой — проблемы и расхождения, которые такие отношения лимитируют.

Полученным результатом видится следующий основной вывод: в силу официально избранного в обеих столицах позитивного вектора отношений, набранного ими темпа, целого ряда политических, экономических заделов и взаимных заинтересованностей *тенденция сотрудничества между Пекином и Дели к середине 2010-х годов по-прежнему преобладает над разногласиями и конкуренцией*.

В немалой мере такая оценка подкрепляется тем, что у высшего руководства обеих стран есть ощутимый настрой выдерживать двусторонние отношения в «здоровом русле», следовать сформулированному еще в 1980-е годы принципу, согласно которому *расхождения не должны сдерживать развитие отношений, такое развитие, напротив, должно способствовать преодолению разногласий*. Этот курс, в частности, подтвержден и в Совместном индийско-китайском заявлении по итогам майского (2013 г.) визита премьера Госсовета КНР в Индию. Как подчеркивается в документе, «обе страны видят друг в друге не врага или соперника, а партнера в деле достижения взаимной выго-

ды», намерены и дальше «наращивать обмены», «укреплять сотрудничество», «усилить взаимодействие» в самых разных областях.

Высшие руководители обеих стран продолжают придерживаться сформулированного несколько лет назад тезиса, согласно которому у КНР и Индии достаточно стратегического пространства для одновременного и не мешающего друг другу развития. А как указывалось в октябре 2013 г. в официальном заявлении МИД КНР, существующий между Китаем и Индией консенсус намного сильнее, чем разногласия, а общие интересы намного больше существующих между сторонами проблем.

Интересы России, или «российский фактор»

Россия, для которой и Китай, и Индия согласно Концепции внешней политики РФ являются приоритетными внешнеполитическими партнерами, прямо заинтересована в устойчивом и стабильном развитии дружественных, добрососедских партнерских отношений между двумя азиатскими гигантами. Заинтересована уже потому, что иная ситуация объективно ставит Москву в заведомо проигрышную «позицию выбора», в любом случае ослабляющую саму Россию.

Однако подходы РФ носят более широкий и комплексный характер. Полтора десятилетия назад именно российское руководство выступило инициатором продвижения взаимодействия в неформальной трехсторонней структуре Россия—Индия—Китай, которая с тех пор обрела статус эффективной площадки регулярного межгосударственного диалога (формат РИК), а само трехстороннее взаимодействие стало, по общему признанию, важным фактором формирования многополярного мира. Страны РИК, проводя ежегодные переговоры трех министров иностранных дел (12 встреч на середину 2014 г.), проводят «сверку часов» по ключевым вопросам мировой и региональной политики, ведут зондаж взаимовыгодных проектов в практических сферах экономики и социальной жизни. Тем самым продвигаются сходные внешнеполитические приоритеты, такие как но-

вый, более справедливый миропорядок, демократизация международных отношений и верховенство норм международного права, на этой основе укрепляются международные позиции каждой из трех стран, появляются новые возможности экономической и хозяйственной кооперации. Несомненна также роль формата РИК как предвестника и организационной основы возникшего позже объединения БРИКС, более широкого по составу участников.

При этом в рамках РИК объективно существует возможность оказывать влияние и на двусторонние связи участников «тройки». Как раз в случае проблем китайско-индийских отношений через формат РИК оказывается востребованной роль России как позитивно действующего медиатора.

Эта функция РИК — благоприятное воздействие на продвижение отношений между Пекином и Дели — еще в середине 2000-х годов отмечалась в то время заместителем главы МИД КНР, позднее послом Китая в РФ Ли Хуэем. Об этом же не раз говорили индийские официальные лица, в частности министр иностранных дел Индии С. Хуршид, который, к слову, в ноябре 2013 г. провел очередную двустороннюю встречу со своим китайским коллегой Ван И именно на полях 12-й встречи глав МИД РИК в Нью-Дели.

Судя по ряду заявлений, положительная роль и потенциал «российского фактора» в деле развития диалога Пекина и Дели по-прежнему оценивается партнерами весьма высоко и с прицелом на будущее. Так, например, в преддверии намеченных на весну 2014 г. парламентских выборов в Индии видные индийские эксперты, советуя вероятному руководству своей страны и в будущем развивать сотрудничество в РИК, подчеркнули, что «Россия может сыграть огромную роль в обеспечении согласия азиатских гигантов, поскольку обладает доброй волей и пользуется большим доверием в обеих странах»²⁴. На примере поддержки, которую Индия и Китай де-факто оказали России в вопросе «воссоединения Крыма», эксперты отметили то значение, которое сотрудничество трех стран может играть в деле «ограждения каждой из них от враждебных проявлений со стороны внешнего окружения»²⁵. Кроме того, по мнению другой группы

видных специалистов, в рамках РИК существует возможность «извлечь уроки из истории отношений России и Китая, которым лишь через укрепление взаимодоверия в общем комплексе отношений удалось добиться решения давней территориальной проблемы»²⁶.

Российский фактор, служит, таким образом, дополнительным импульсом к позитивному развитию китайско-индийских отношений.

Примечания

¹ Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве // Принципы панча шила в современном мире. К пятидесятилетию подписания Соглашения между Индией и Китаем о торговле и связях с Тибетским районом Китая. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2004. С. 12.

² В начале мая 2004 г. представитель индийского МИД заявил, что его ведомство обратило внимание на факт переиздания в КНР правительственного справочника, где Сикким «впервые не упоминается в перечне стран мира» // ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 07.05.2004.

³ Visit of Chinese Premier to India. Joint Statement of the Republic of India and the People's Republic of China. URL: <http://www.hindu.com/thehindu/nic/0041/jointstatement.htm>

⁴ В интервью СМИ стран БРИКС в марте 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин назвал отношения КНР с Индией «одними из наиболее важных двусторонних отношений». Эту же формулу председатель КНР использовал и позднее, во время пребывания в Пекине премьер-министра Индии М. Сингха (октябрь 2013 г.). URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8186899.html>; Синьхуа. 23.10.2013 из Пекина.

⁵ 2013-03-28 Russian.News. URL: http://russian.news.cn/importnews/2013-03/28/c_132269058.htm

⁶ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_Brief.pdf

⁷ URL: http://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_January_2014.pdf

⁸ Подсчитано по: «Справка: Хроника важных событий в истории китайско-индийских отношений» и данным посольства КНР в Индии. URL: <http://in.china-embassy.org/eng/zygxc/gxgk/>; URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7232645.html>, а также обзорам МИД Индии и посольства Индии в КНР. URL: <http://meaindia.nic.in/meaxpsite/foreignrelation/china.pdf>; URL: http://mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/21385_Annual_Report_2012-2013_

English.pdf; URL: http://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_January_2014.pdf; URL: <http://www.indianembassy.org.cn/DynamicContent.aspx?MenuId=2&SubMenuId=0>

⁹ Joint Statement between the People's Republic of China and the Republic of India. 2013.05.20. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t1042798.shtml>

¹⁰ URL: <http://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?22383/Prime+Ministers+speech+at+the+Central+Party+School+in+BeijingIndia+and+China+in+the+New+Era+October+24+2013>

¹¹ Joint Statement — A vision for future development of India-China strategic and cooperative partnership, October 23, 2013. URL: <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22379/Joint+Statement+A+vision+for+future+developmen+t+of+IndiaChina+strategic+and+cooperative+partnership>

¹² Russian.News.Cn. 12.02.2014.

¹³ Об этом эксперты IDSA говорили в ходе приема российской академической делегации из ИДВ РАН (февраль 2014 г.), призывая мировое сообщество «дать оценку этой противоправной», по их мнению, деятельности КНР.

¹⁴ URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/12951/china-india-border-incident-highlights-uncertainties-in-bilateral-relations>. 15.06.2013; URL: <http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/making-sense-of-the-depsang-incursion/article4689838.ece>

¹⁵ Российская газета. 21.05.2013.

¹⁶ Об этом, как и в случае «пограничных вторжений», видные индийские эксперты говорили в феврале 2014 г. во время бесед делегации ИДВ РАН в крупных «мозговых центрах» Индии (Индийском совете по международным делам, Институте объединенных сил и т.п.).

¹⁷ Российская газета. 21.05.2013.

¹⁸ URL: <http://asiareport.ru/index.php/analytics/1146-ten-kitaya-nad-aziej-i-politika-ssha-chetyre-sczenariya-aziatskogo-budushhego-.html>; <http://globalaffairs.ru/number/Ten-Kitaya-nad-Aziei-i-politika-SShA-15066>

¹⁹ В Восточной Азии образуется «пятизвездочная структура» // Жэньминь жибао он-лайн. 18.11.2010. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7204726.html>

²⁰ Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ARTI1353295607045239.shtml>

²¹ ИТАР-ТАСС. 22.04.2009

²² URL: http://rbth.asia/opinion/2013/06/04/abepolitik_charms_india_upsets_china_47125.html

²³ *Брахма Челлани*. Тень Китая над Азией и политика США. 20.12.2010. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ten-Kitaya-nad-Aziei-i-politika-SShA-15066>

²⁴ *Ajay Kamalakaran*. Russia could bring India and China closer. April 15, 2014. URL: http://in.rbth.com/blogs/2014/04/15/russia_could_bring_india_and_china_closer_34549.html

²⁵ Там же.

²⁶ *Bhadrakumar M.K.* Leveraging India's strategic autonomy. November 1, 2013. URL: http://in.rbth.com/blogs/2013/11/01/leveraging_indias_strategic_autonomy_30531.html. 01.11.2013.

А.О. Виноградов*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВИЗИТ СИ ЦЗИНЬПИНА: НОВАЯ КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

Аннотация. В статье рассматривается визит председателя КНР Си Цзиньпина в Европу в марте 2014 г. и отмечается его особая значимость: Си Цзиньпин посетил четыре страны — ключевых партнеров Китая в Старом Свете, штаб-квартиры ЕС и ЮНЕСКО, а также представил на саммите в Гааге концепцию ядерной безопасности. Автор проводит мысль о том, что европейский вояж Си Цзиньпина демонстрирует не только возросшую активность Китая в международных делах, но и его новую роль на международной арене как одного из ведущих центров мировой политики.

Ключевые слова: Китай; Европа; ЕС; Си Цзиньпин; мировая политика; международные отношения.

В конце марта 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин совершил довольно неожиданный для многих наблюдателей визит в четыре европейские страны, а также в штаб-квартиры ЮНЕСКО и ЕС.

* Виноградов Андрей Олегович, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Для визита были выбраны Германия — основной партнер КНР в Европе (на Германию приходится треть китайско-европейской торговли), Франция — традиционный партнер, с которым Китай и китайцев связывает давняя и в последнее время очень непростая история отношений (к тому же именно в этом году исполняется 50 лет дипотношений между двумя странами. Франция была первой западной страной, установившей официальные отношения с коммунистическим Китаем), Бельгия (где расположена штаб-квартира ЕС), а также Голландия, также имеющая давнюю историю контактов с Китаем и второй после Германии объем торговли с КНР. При этом китайскими комментаторами особенно подчеркивалось, что это первый за восемь лет визит председателя КНР в Германию, первый в истории визит на данном уровне в штаб-квартиру ЕС, первый подобный визит в Голландию, первый за 27 лет визит председателя КНР в Бельгию.

Неожиданность визита заключалась в том, что за отношения с Европейским союзом в Пекине традиционно отвечает не председатель КНР и по совместительству генсек КПК, а премьер Госсовета. Так было во время правления предыдущего, четвертого, поколения китайских руководителей (Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао), и та же традиция продолжилась после их смены нынешним, пятым по счету, поколением руководителей КНР (Си Цзиньпин — Ли Кэцян). Это, по мнению китайских ученых, которых автор неоднократно просил прокомментировать данный феномен, подчеркивает в первую очередь экономическую важность для Китая отношений со странами ЕС и другими европейскими партнерами.

Почему бремя активизации внешней политики на европейском направлении ныне взял на себя главный руководитель Китая? Представляется, этому есть целый комплекс причин, связанный как со спецификой сегодняшней международной ситуации, так и с особенностями самого нынешнего китайского лидера. Впрочем, нельзя не сказать и о том, что для визита существовал и формальный повод, не замеченный комментаторами, в том числе китайскими: Си Цзиньпин поехал в Европу прежде всего *потому* (для того), чтобы представить на саммите по ядерной безопасности в Гааге (где из руководителей крупных стран

не присутствовал только президент РФ — по вполне понятным причинам, связанным с кризисом на Украине) новую китайскую концепцию ядерной безопасности. Попутно Си Цзиньпин провёл в Гааге серию встреч с лидерами различных стран, в том числе с приехавшим на саммит в Европу президентом США Б. Обамой (супруга которого — Мишель Обама — в это время вместе с детьми путешествовала по Китаю) и президентом Казахстана Н. Назарбаевым.

Тем не менее понятно, что встречи и выступление в Гааге, важные сами по себе, — это все-таки повод, но не причина серии визитов в ключевые для Китая европейские страны и штаб-квартиры ключевых организаций.

Комментируя визит Си Цзиньпина, китайские эксперты подчеркивали некоторые последние изменения в отношениях КНР с ЕС, которые, по их мнению, свидетельствуют об их выходе на новый уровень. Это, во-первых, переход от «простой» торговли к взаимным инвестициям (при этом с 2012 г. Китай по годовому объему инвестиций превышает капиталовложения ЕС в КНР), активизация стратегического диалога (по мнению китайских экспертов, консультации КНР и ЕС по вопросам Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и другим регионам свидетельствуют о том, что Европейский союз «преодолеет тень НАТО» и даже «активно пытается участвовать в делах по безопасности в АТР»¹), а также желание Китая привлечь европейские страны к своим проектам «Нового шелкового пути» (судя по тому, что во время визита в Сочи Си Цзиньпин также активно лоббировал присоединение России к этим проектам, именно он — их главный «локомотив»). Кроме того, китайская сторона продолжает надеяться на начало переговоров о создании с ЕС совместной зоны свободной торговли (пока у КНР такая зона существует на европейском континенте со Швейцарией, не входящей в ЕС).

Попутно китайские комментаторы объяснили, почему ранее контакты осуществлялись в основном на уровне премьер-министров: «Китайский премьер заведует торгово-экономическими делами, кабмин ЕС — Европейская комиссия по внешней торговле, страны Европейского союза также осуществляют систе-

му, которая основывается на главной роли премьер-министра, поэтому рабочий механизм китайско-европейских отношений заложен на уровне премьер-министров»². Теперь, как они считают, «двусторонняя система совершенствуется»³.

Если переводить «дипломатический» язык китайских комментаторов на русский, то можно сделать вывод о том, что председатель КНР решил лично включиться в процесс активизации сотрудничества с Европой, надеясь на то, что его статус и обаяние (не только личное, но и жены — известной певицы Пэн Лиюань) позволят преодолеть проблемы, приведшие в последние годы к определенной стагнации в отношениях КНР с ЕС.

Дело в том, что, как уже отмечалось автором⁴, европейское направление внешней политики КНР, которое в первом десятилетии нынешнего века (особенно в первой его половине) было одним из лидирующих, с началом второго десятилетия стало постепенно отходить в тень.

Десять лет назад Китай рассматривал Европу как плацдарм для продвижения своих геополитических и экономических интересов⁵, как одно из главных направлений «мирного возвышения» Китая, а хорошие отношения с ЕС и крупными европейскими странами — как один из главных факторов повышения авторитета и влияния КНР в мире⁶. Этим объяснялось и пристальное внимание китайского руководства к позиции ЕС и европейских лидеров, и стремление учесть требования со стороны европейских лидеров к внешней, а иногда и внутренней (при всем разногласии в позициях по правам человека в Китае и т. д.) политике Пекина.

Переоценка важности европейского направления для внешней политики КНР произошла, видимо, в 2005—2006 гг. Именно тогда в ответ на неспособность руководства ЕС решить в отношениях с Китаем оставшиеся от прошлого проблемы — в первую очередь ликвидировать эмбарго на поставки оружия в Китай, введенное еще в 1989 г. в ответ на события на площади Тяньаньмэнь, и признать, наконец, Китай страной с рыночной экономикой — руководство в Пекине начало реагировать все более жестко на замечания европейцев относительно его внутренней политики и на обвинения в торговом демпинге. Одно-

временно приобретают самостоятельное и все большее значение другие направления китайской дипломатии — отношения с африканскими странами, со странами Юго-Восточной и Центральной Азии, — появляются новые форматы международного диалога — ШОС, «двадцатка», РИК и БРИКС, — активизируется непосредственный двусторонний диалог с США, вплоть до появления разговоров о пресловутой «Кимерике». Европа, раздираемая внутренними проблемами и в нарастающей степени впадающая в экономический кризис, становится для Китая все менее и менее интересной. При этом продолжая оставаться крупнейшим (после США) торговым и экономическим партнером КНР в мире⁷.

Экономический и финансовый кризис 2008 г., затронувший европейцев, пожалуй, в наибольшей степени способствовал стремительному нарастанию данной тенденции и привел теперь уже к кардинальной переоценке Пекином роли ЕС и европейцев в мире (несмотря на то что относительный удельный вес стран ЕС в общем объеме торгово-экономического сотрудничества Китая с остальным миром с 2008 г. даже несколько вырос). Начиная с 2009 г. делегации ЕС и отдельных европейских стран, посещающие Пекин, все чаще выступают в роли просителей экономической помощи (не переставая, впрочем, поучать китайцев по поводу прав человека и ситуации в Синьцзяне и Тибете). В то время как Китай в результате мирового экономического кризиса еще более упрочил свое положение, превратился во вторую сверхдержаву в мире и стал осознавать себя именно в этом качестве.

Ко всему этому добавились торговые споры, в ходе которых изменение в соотношении сил проявилось особенно ярко. Сегодня Китай, ощущающий свою возросшую экономическую (и, как следствие, политическую) силу, отвечает на антидемпинговые расследования со стороны соответствующей комиссии ЕС все более жестко. Один из последних примеров — спор относительно поставок в страны ЕС солнечных батарей из Китая летом 2013 г. (в ходе которого выяснилось, что Китай занимает на этом рынке доминирующее положение и вполне может диктовать свои условия)⁸. Кроме того, китайская сторона все чаще

начинает собственные антидемпинговые расследования в отношении товаров из Европы (буквально накануне визита Си в Европу Министерство коммерции КНР сообщило о прекращении антидемпингового расследования относительно поставляемого в Китай из Европы вина⁹).

Во время визита председатель Си Цзиньпин представил в Европе «новую концепцию партнерства», позиционируемую как дипломатическую новацию нового руководства.

Концепция подчеркивает, прежде всего, разницу цивилизаций Китая и европейских стран, которая, по мнению Пекина, с одной стороны, обеспечивает взаимодополняемость, а с другой — является основой для взаимного уважения различного выбора пути развития.

Кроме того, новая концепция «разъясняет» статус сторон как «крупнейшей развивающейся страны» и «крупнейшего объединения развитых стран» в мире¹⁰. При этом Китай всемерно подчеркивает, что рассматривает Европу в качестве «важного полюса многополярного мира»¹¹, видимо, в надежде на то, что ЕС окажется все-таки способен проводить в определенных областях самостоятельную политику, не зависящую от мнения Вашингтона. Пекин напоминает о том, что среди стран ЕС есть два постоянных члена СБ ООН, что «делает китайско-европейское сотрудничество более значимым»¹².

В концепции также подчеркивается необходимость перехода от «купи—продажи» («маймай») к наполнению сотрудничества «стратегическим содержанием» — именно в таком виде ставилась задача в статье Си Цзиньпина в «Франкфуртер альгемайне зонтагсцайтунг», опубликованной во время визита¹³.

Важно также отметить, что сегодня Китай заявляет о том, что рассматривает сотрудничество с Европой как часть евразийского сотрудничества. И в Совместном заявлении об углублении китайско-европейских отношений всестороннего стратегического партнерства на базе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, опубликованном во время визита Си Цзиньпина в штаб-квартиру ЕС, большое внимание было уделено инициативе «экономического пояса Шелкового пути», которую, как уже подчеркивалось, Си Цзиньпин продвигает лично. Именно она,

по мнению сторон, открывает перспективы по осуществлению евразийской интеграции.

Отдельного рассмотрения требует сюжет об отношении Китая к украинскому кризису, который во время визита Си Цзиньпина в Европу находился в самом разгаре.

Как справедливо указывает в своей статье в журнале «Россия в глобальной политике» Василий Кашин, китайская политика по отношению к украинскому кризису формировалась под влиянием нескольких факторов, в числе которых: 1) возможное негативное влияние крымского прецедента на решение проблемы Тайваня; 2) негативное отношение КНР к поддерживаемым США «цветным революциям» и необходимость противостояния западному влиянию; 3) влияние кризиса на внешнюю политику и международное положение России и последствия этого для Китая; 4) интересы КНР на Украине¹⁴. Следует добавить к этому также общность интересов Китая в отношениях с европейскими странами и ЕС как политической и экономической структурой. Именно этим определяется сдержанность официальной позиции Пекина в кризисе и тот факт, что китайское руководство тщательно избегает интерпретации его позиции как поддержки одной из сторон в конфликте.

Данный подход проявился и в ходе визита Си в Европу. Следует, однако, подчеркнуть, что Пекину удалось не только представить украинскую проблему как глубоко второстепенную для китайско-европейских отношений (в ходе большинства переговоров она даже не поднималась), но заставить собеседников поверить в то, что КНР поддерживает именно их позицию.

При этом украинский кризис показал, что Китай уже превратился в центр мировой политики. Обе стороны — и Россия, и Запад — с пристальным вниманием относились к любым оттенкам в интонации китайских официальных лиц по отношению к событиям на Украине. Это позволило Пекину, практически не прилагая усилий, просто за счет своего накопленного потенциала, оказать серьезное влияние на позиции сторон и еще больше упрочить свой статус в глобальной политике. Действительно, при этом текущие китайские экономические интересы на Украине пострадали (по подсчетам китайских экспертов, об-

щий ущерб КНР от событий на Украине составил около 10 млрд долл. — 2-е место после потерь в Ливии, где общий ущерб оценивается в 16,6 млрд). Однако похоже, что Китаю сегодня более важны стратегические интересы и цели. Европейский вояж Си Цзиньпина демонстрирует не только возросшую активность Китая в международных делах, но и его новую роль на международной арене как одного из ведущих центров мировой политики. И, похоже, что в этой роли Пекин чувствует себя вполне комфортно.

Примечания

¹ Стратегические возможности китайско-европейских отношений // Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2014. Про автора статьи сказано, что он профессор Института международных отношений Народного университета Китая, заместитель директора Центра изучения ЕС, однако фамилия автора не указывается.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См., например, статьи: Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая// Китай в мировой и региональной политике. М.: ДДВ РАН. 2013; Сильный Китай, слабая Европа: о новом соотношении сил в Евразии. Ч. I и II. URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-i/>; URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-csilniy-/>

⁵ См.: URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/evropa-i-rossiya-v-globalnom-protivostoyanii-ssha-i-kitaya/>

⁶ См. *Zhang Yongan, Chang Fengmin. Oumeng duihua zhengce yu zhongou guanxi* (Политика ЕС по отношению к Китаю и китайско-европейские отношения). Beijing: Shishi chubanshe. 2012. P. 2—5.

⁷ Заметим, что примерно в то же время (в середине первого десятилетия нынешнего века) произошла и переоценка важности отношений с Европой в руководстве РФ, переход от европоцентризма как основы внешней политики России к более сбалансированной позиции. Этот факт открыто признал недавно президент РФ В.В. Путин в своем выступлении по поводу присоединения Крыма. См.: URL: <http://newsinten.ru/video/vystuplenie-vladimira-putina-18-marta-2014-smotret-onlajn-video.html>

⁸ См. статью автора на: URL: <http://www.odnako.org/blogs/k-novomu-ob-ostreniyu-mezhdu-kitaem-i-es/>

⁹ См. Синьхуа, 21.03.2014; Синьхуа, 24.03.2014.

¹⁰ URL: <http://russian.china.org.cn>. 14.05.2014. Комментарий директора Центра по исследованию европейских вопросов Университета Фудань Дин Чуня.

¹¹ Синьхуа. 23.03.2014.

¹² Комментарий Ван Ивэя, профессора Института международных отношений Народного университета Китая, заместителя директора Центра исследований ЕС // Жэньминь жибао онлайн. 02.04.2014.

¹³ См.: Синьхуа. 28.03.2014.

¹⁴ URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnyyi-balans-16589>

Д.В. Гордиенко*

ЗАЩИЩЕННОСТЬ КИТАЯ ОТ ВОЕННЫХ УГРОЗ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЕЙ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена оценке уровня военной безопасности Китайской Народной Республики. Проанализирован подход к обеспечению военной безопасности Китая в современных условиях обострения экономического противоборства.

Ключевые слова: военная безопасность; уровень военной безопасности; обеспечение военной безопасности государства; Китайская Народная Республика.

Перемены в мире, связанные с глобализацией¹, обуславливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению военных вызовов и угроз, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы современных международных отношений. В этих условиях предстоит сделать выбор

* Гордиенко Дмитрий Владимирович, д. воен. н., проф., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

внешнеполитического вектора развития и Российской Федерации. В числе первых указов президента России В.В. Путина был подписан документ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором подчеркивается необходимость разработки новой редакции внешней политики России. В связи с этим представляет интерес рассмотрение уровней защищенности от военных угроз различных государств мира и мер обеспечения военной безопасности², принятых в разных странах, в частности в Китайской Народной Республике.

Элементы системы обеспечения военной безопасности Китайской Народной Республики

Обострение военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии обуславливает необходимость принятия Центральным Военным Советом КНР мер по обеспечению военной безопасности Китая³. Главный инструмент обеспечения военной безопасности КНР — ее Вооруженные силы, состоящие из Народно-освободительной армии Китая (НОАК), войск Народной вооруженной милиции Китая и Народного ополчения⁴, которые выполняют задачи укрепления государственной обороны, отпора внешней агрессии и защиты Отечества, охраны мирного труда народа КНР, участия в государственном строительстве и преданного служение народу. Войска действительной службы НОАК представляют собой регулярную армию государства⁵.

Силowymi структурами КНР, обеспечивающими военную безопасность государства, также являются: Министерство государственной безопасности, Министерство общественной безопасности, Национальная администрация по охране государственных тайн и Национальное управление по исследованиям космического пространства⁶. Руководство и единое командование всеми вооруженными силами осуществляет Центральный военный совет КНР. Центральный военный совет через Генеральный штаб, Главное политическое управление, Главное управление тыловой службы и Главное управление боевого ос-

нащения осуществляет боевое командование и руководство военным строительством.

Войска *Народной вооруженной милиции* Китая численностью около 1,3 млн человек, включены в организационную структуру Госсовета, находятся в двойном подчинении у Госсовета и Центрального военного совета, придерживаются системы единого руководства и сочетания с командованием по ступеням⁷. Народная военная милиция состоит из соединений, частей и подразделений трех родов войск: внутренней охраны, пограничной охраны и специальных войск (пожарной и лесной охраны, производственно-строительных частей). Основная часть войск Народной вооруженной милиции, подразделения внутренней охраны, пограничные войска, войска общественной безопасности, пожарные части и части охраны, а также подразделения охраны золотых запасов, лесов, гидроэлектростанций, охраны на транспорте находятся в двойном подчинении у соответствующих ведомств Госсовета и войск Народной вооруженной милиции Китая⁸.

Деятельность *Народного ополчения* строится под руководством Госсовета и Центрального военного совета, за отряды ополчения в масштабе всей страны отвечает Генеральный штаб НОАК. В военное время отряды ополчения содействуют регулярной армии в боевых операциях, самостоятельно воюют с противником, обеспечивают боевую службу регулярной армии, а также пополняют ряды войск. В мирное время на отряды ополчения возложены задачи несения службы оборонного назначения, борьбы со стихийными бедствиями и наведения общественного порядка⁹.

В *НОАК* входят Сухопутные войска, Военно-морские силы (ВМС), Военно-воздушные силы (ВВС) и 2-е артиллерийское подразделение, военные академии и НИИ. Численность НОАК — 2 250 000 человек. В военное время теоретически может быть мобилизовано до 60 млн человек.

В состав *Сухопутных войск* входят 1 млн 700 тыс. человек, 7 военных округов, 28 провинциальных военных округов, 4 командования гарнизонов, 21 общевойсковая армия (44 пехотных, 9 танковых и 7 артиллерийских дивизий, мотопехотная дивизи-

зия), 12 танковых, 13 пехотных, 22 мотопехотных и 12 артиллерийских бригад, 7 вертолетных полков, 3 воздушно-пехотные дивизии и ряд других воинских и специализированных частей и подразделений¹⁰.

Численность *Военно-воздушных сил* составляет 400 тыс. человек [в том числе — 210 тыс. в Войсках противовоздушной обороны (ПВО)]. На вооружении ВВС КНР около 4 тыс. боевых самолетов (до 500—600 единиц могут быть носителями ядерного оружия), из них более 3 тыс. истребителей, около 200 бомбардировщиков. В боевом составе стратегической авиации (СА) находится около 60 бомбардировщиков «Хун-6» и еще примерно столько же содержится в режиме складского хранения¹¹. В боевом составе тактической авиации (ТА) насчитывается в более 300 истребителей-бомбардировщиков «Цян-5» и других ударных самолетов, сертифицированных для выполнения ядерных задач¹². Самолетный и вертолетный парк оснащен также машинами российских (советских) производителей: МиГ-21, Су-27, Су-30МКК, Су-30МК2, Ил-76, Ан-12, Ми-8¹³.

Личный состав *Военно-морских сил* КНР насчитывает около 255 тыс. человек, численность обученного резерва ВМС — 600 тыс. человек. В составе ВМС имеются три атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (еще одна проходит испытания)¹⁴, шесть многоцелевых атомных¹⁵ и 68 дизельных подводных лодок (30 в резерве)¹⁶, один авианосец¹⁷, 26 ракетных эскадренных миноносцев¹⁸ и 47 ракетных фрегатов¹⁹, 116 малых противолодочных кораблей, 85 ракетных и девять торпедных катеров, 117 сторожевых (артиллерийских) катеров (без учета речных и малых патрульных катеров), минный заградитель, 69 морских и базовых тральщиков (28 в резерве), четыре радиоуправляемых рейдовых тральщика, 68 больших и средних танко-десантных кораблей, значительное количество малых десантных кораблей и десантных катеров, 10 десантных катеров на воздушной подушке, четыре десантных войсковых транспорта²⁰, более 900 самолетов и вертолетов²¹.

В течение 1990-х годов в ВМС НОАК происходило сокращение катерных сил с увеличением числа кораблей эскортной группы (эсминцы, фрегаты) морской, а затем и океанской зоны.

В настоящее время ВМС по количеству эсминцев и фрегатов превзошли флоты России, Великобритании и Франции. Эволюционируя вместе с ростом боевых возможностей ВМС, китайская военная доктрина расширяет оперативные рамки их использования²². К началу XXI в., по мнению китайского военного руководства, они уже приобрели определенную способность вести боевые действия в ближней океанской зоне. К 2020 г. Китай будет стремиться распространить оперативные возможности флота на дальнюю океанскую зону, а в середине XXI в. ВМС НОАК должны действовать во всех районах Мирового океана с развертыванием соответствующих корабельных группировок боевой службы²³.

Второй артиллерийский корпус Народно-освободительной армии Китая имеет численность около 100 тыс. человек в шести бригадах²⁴. По разным оценкам, количество ядерных зарядов составляет от 100 до 400 штук.

В общей сложности в стратегических ракетных войсках развернуто 207 ПУ (48 с МБР, 99 с БРСД и 60 с ОТР). Боезапас для этих установок составляет 238 ракет и 208 ядерных головных частей²⁵.

Сравнительная оценка уровня военной безопасности Китайской Народной Республики и государств Центральной и Северо-Восточной Азии

Оценка уровня военной безопасности КНР может базироваться на расчете нормированных показателей военной безопасности. При этом нормирование показателей может быть осуществлено относительно принятых критериев обеспечения военной безопасности государства в данных условиях военно-политической обстановки²⁶.

Таким образом, уровень военной безопасности КНР может быть охарактеризован нормированными показателями военной безопасности государства (рис. 1) и общим интегральным показателем защищенности этого государства от внешних и внутренних военных угроз (табл.)²⁷.

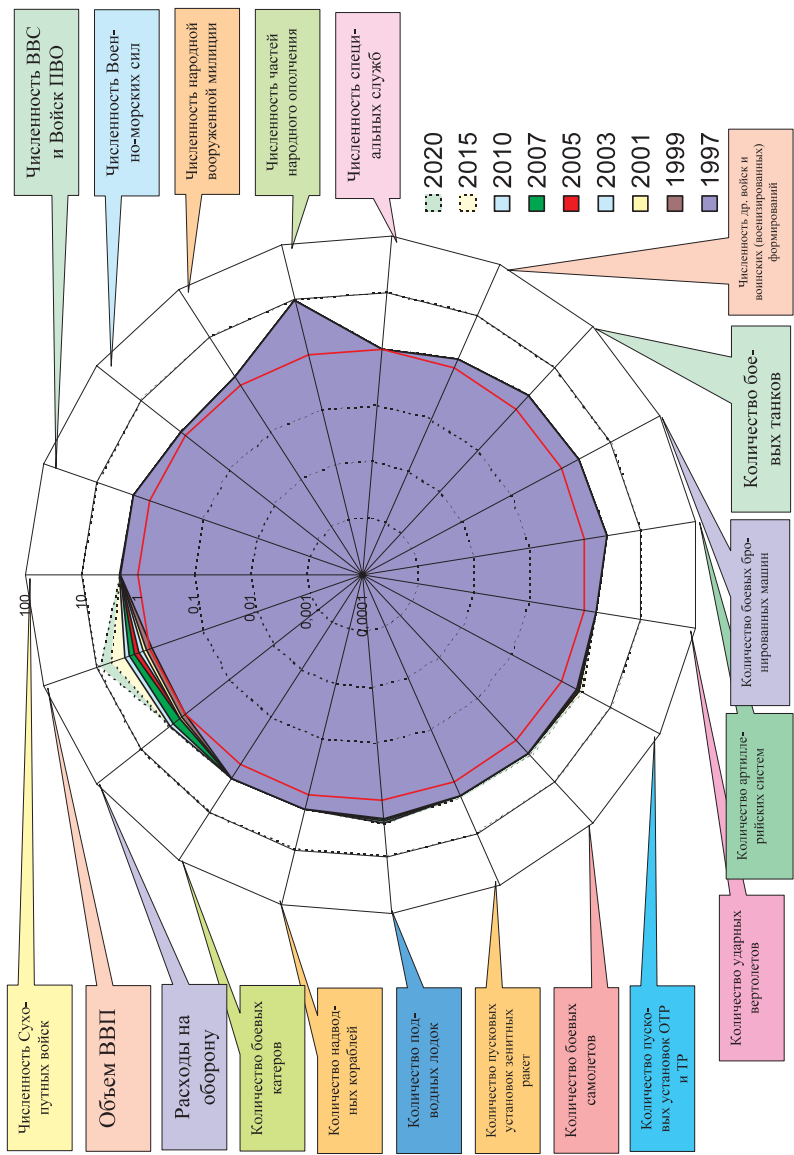

Рис. 1. Показатели военной безопасности КНР в период 1997 - 2020 гг.

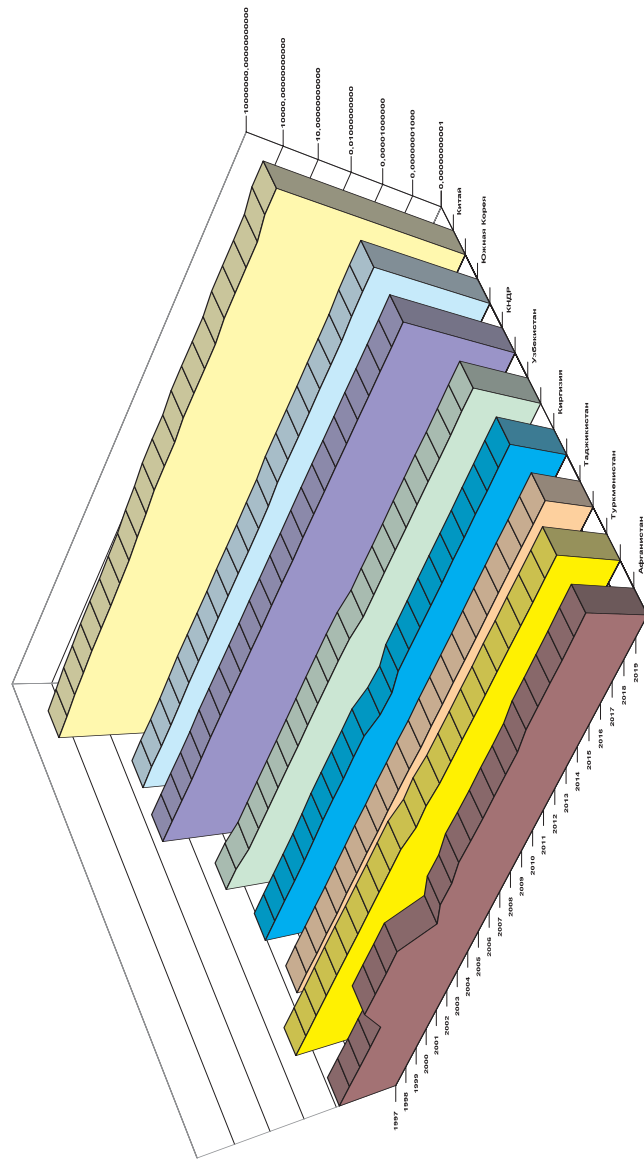

Рис. 2. Уровни военной безопасности КНР и стран Центральной и Северо-Восточной Азии

Таблица. Значения нормированных показателей (индикаторов) военной

Нормированные показатели	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Численность Сухопутных войск	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
Численность ВВС и Войск ПВО	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
Численность Военного флота	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28
Численность Народной вооруженной милиции	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50
Численность Народного ополчения	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00
Численность специальных служб национальной безопасности	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Численность других войск и воинских (военизированных) формирований	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50
Количество боевых танков	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15
Количество боевых бронированных машин	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25
Количество артиллерийских систем	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54
Количество ударных вертолетов	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64
Количество пусковых установок ОТР и ТР	2,00	2,10	2,17	2,33	2,36	2,36	2,36	2,36
Количество боевых самолетов	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03
Количество пусковых установок зенитных ракет	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88
Количество подводных лодок	2,13	2,13	2,13	2,13	2,13	2,13	2,13	2,13
Количество надводных кораблей	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86
Количество боевых катеров	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97
Расходы на оборону	0,99	1,08	1,19	1,23	1,36	1,36	1,27	1,36
Объем ВВП	0,92	1,00	1,21	1,26	1,38	1,50	1,66	1,80
Значение интегрального показателя военной безопасности	124203	154598	213704	246951	302926	329816	339861	395121

безопасности КНР в 1997—2020 гг.

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2015 (прогноз)	2020 (прогноз)
2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,13	2,13	2,13	2,13
2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28
1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,30	1,30	1,30	1,30
10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00	10,00
1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50	1,50
2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15	2,15
2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25
2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54	2,54
1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64	1,64
2,36	2,36	2,36	2,36	2,36	2,36	2,36	2,50	2,67
2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,03	2,15	2,31
1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	1,88	2,00
2,13	2,13	2,30	2,40	2,50	2,57	2,57	2,57	2,67
1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86	1,86
1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97	1,97
1,36	1,82	1,82	2,36	2,27	2,18	2,18	2,18	2,18
1,98	2,15	2,44	2,61	2,79	3,01	4,25	5,50	8,75
433536	629267	770451	1118286	1198397	1174704	1657561	2408893	4853811

Аналогично могут быть рассчитаны общие интегральные показатели защищенности от существующих и возможных военных угроз стран Центральной (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан) и Северо-Восточной Азии (КНДР и Южная Корея²⁸) (рис. 2).

* * *

Ситуация в мире предвещает новые катаклизмы. Основные военные угрозы в ближайшие годы — обострение военно-политической обстановки на Корейском полуострове, на границах Китая и в акватории прилегающих к нему морей, а также в Центральной Азии и Афганистане.

Военно-политические итоги и прогнозы представляют интерес не просто как дань академической науке. Они важны в первую очередь для оценки текущей военной политики и ее влияния на обеспечение военной безопасности государства.

Мировой финансово-экономический кризис и обострение военно-политической обстановки значительно повлияли на возможности Китая и других государств Северо-Восточной и Центральной Азии по повышению уровня своей военной безопасности, что до сих пор обуславливает принятие и реализацию правительствами этих стран дополнительных мер по обеспечению защищенности своих государств от военных угроз.

Примечания

¹ Глобализация (*globalization*) — действие или состояние, охватывающее весь мир по своим масштабам или применению. (Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М.: ИНФРА-М. 2006. С. 106).

² По нашему мнению, *военная безопасность государства (military safety)* может быть представлена как *состояние защищенности государства от внешних и внутренних военных угроз*, при котором обеспечивается поступательное развитие общества, военно-политическая стабильность в стране, регионе и мире, несмотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

³ Более подробно см., напр.: Брусенцов И. Военно-политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 8. С. 2—11; 2006, № 9. С. 2—10; Пэн Гуаньцзянь Национальная оборона Китая. Пекин: Donated by Nanban. 2005. 191 с.; Колганов А.М., Нестеркин В.Д. Вооруженные силы / Китай. М.: Большая российская энциклопедия. Т. 14. 2009. С. 139—140; Меркулов В.И., Швеиц Н.Н. Воздушно-космическая политика государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Тверь: ВА ВКО. 2006. 386 с.; Носов С. Деятельность Китая по обеспечению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 12. С. 3—13; Ануфриев А. Роль Вооруженных сил Китая в противодействии нетрадиционным угрозам национальной безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2011, № 8. С. 14—19; Савченко О.О. Китай инспектирует Черное море. Киев и Пекин укрепляют военно-техническое сотрудничество // Независимое военное обозрение (далее — НВО) 10—16.08.2012. № 27; Еленский О. «Длинная рука» Поднебесной // НВО. 26.10. — 01.11.2012. № 38; Арбатов А.Г. Большой стратегический треугольник // НВО. 02—08.11.2012. № 39; Храмчихин А.А. Острова преткновения в Восточно-Китайском море // Военно-промышленный курьер (далее — ВПК). 26.09—02.10.2012. № 38 (455); Никольский В., Новичков Н. ВМС Китая сегодня и завтра // ВПК. 23—29.5.2012. № 20 (437); 30.05—05.06. 2012. № 21 (438); Есин В. Третий после США и России // ВПК. 02—08.05. 2012. № 17 (434); Белобров Ю. Китайская стена между США и Ираном // ВПК. 25.04—01.05.2012. № 16 (433); Преображенский Н. Китай расширяет семейство стратегических ракет // ВПК. 28.11—04.12.2012. № 47 (464); Новичков Н., Милованова Л. Успехи военного авиастроения Поднебесной // ВПК. 28.11—04.12.2012. № 47 (464); Храмчихин А.А. Китайский фактор АСЕАН // ВПК, 19—25.12.2012. № 50 (467); Новичков Н. «Варяг» в Китае. Взгляд с Украины // ВПК. 14—20.11.2012. № 45 (462); Храмчихин А. Феномен китайской военной мощи пока еще недооценен // НВО, 29.12.2011—19.01.2012, № 50 (694); Храмчихин А.А. Китайское пятое поколение // НВО. 07—13.12.2012. № 44 (738); Новичков Н., Милованова Л. До серии пока далеко // ВПК. 05—11.12.2012. № 48 (465); Коновалов И. Противоракетный джокер президента // ВПК. 30.01—05.02.2013. № 4 (472); Федюшенко Д., Милованова Л. Китай: покупает, копирует, производит // ВПК. 15—21.01.2014. № 1 (519); Шлындов А.В. Военная мощь Поднебесной ищет ответы на угрозы сетецентризма // НВО. 08—14.03.2013. № 8 (749); Новичков Н. Новый лидер в торговле оружием // ВПК. 27.03—02.04.2013. № 12 (480); Иванов В. Белая книга Народно-освободительной армии Китая // НВО. 26.04—17.05.2013. № 15 (756); Сивков К. Направления экспансии Поднебесной // ВПК. 10—16.04.2013. № 14 (482); Храмчихин А.А. «Оверлорд» по-Пекински // ВПК. 10—16.04.2013. № 14 (482).

⁴ Вооруженные силы зарубежных государств: Информационно аналитический сборник / *А.Н. Сидорин, Г.М. Мингалин, В.М. Прищепов, В.П. Акуленко*. М.: Воениздат. 2009. 528 с.

⁵ В Китае учреждено 7 военных округов. В задачу войск действительной службы НОАК входят оборонительные военные операции и, при необходимости, содействие поддержанию внутреннего общественного порядка. Войска запаса участвуют в регулярных военных учениях, оказывают содействие в наведении общественного порядка, в случае войны после государственной мобилизации превращаются в регулярные действующие войска.

⁶ China National Space Administration (CNSA). Более подробно см.: *Путинлов А.* Развитие космонавтики в Китае // *Зарубежное военное обозрение*. 2008. № 12. С. 47—51.

⁷ Согласно воинским уставам, положениям и профильным правилам НОАК, войска Народной вооруженной милиции ведут военное строительство в сочетании с собственной спецификой, претворяют в жизнь Закон КНР о воинской обязанности, пользуются равными правами с НОАК.

⁸ Основная задача войск Народной вооруженной милиции Китая — защита суверенитета и достоинства государства, защита общественного порядка, охрана безопасности партийно-административных учреждений, охрана важных объектов государства, охрана безопасности народного имущества и жизни граждан.

⁹ Для быстрого сбора народных ополченцев китайское правительство создало систему подготовки на случай войны.

¹⁰ Сухопутные войска имеют два типа грунтовых мобильных ракетных комплексов, которые могут производить пуски ракет как с обычной, так и с ядерной ГЧ: первый оснащен твердотопливной ОТР «Дунфэн-11» (дальность стрельбы — до 300 км, количество 100 ед.), второй — КРНБ «Дунхай-10» (дальность стрельбы — 1500—2000 км, количество до 350 ед.). В хранимом для этих ракет боекомплекте ГЧ может насчитываться в общей сложности до 150 ядерных.

¹¹ Максимальная дальность полета бомбардировщика «Хун-6» с одной термоядерной бомбой Б-5 на внутренней подвеске — около 5800 километров. Всего для этих самолетов выделяется до 120 авиабомб.

¹² Максимальная дальность полета истребителей-бомбардировщиков «Цян-5» с одной атомной бомбой Б-4 — 1400—2000 км. Всего для ТА выделено 320 авиабомб.

¹³ Более подробно см.: *Шлындов А.В.* Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая // *Проблемы Дальнего Востока*, 2014, № 1. С. 50—63, № 2. — С. 85—92; *Волчарин И.* Военно-воздушные силы Китая // *Зарубежное военное обозрение*. 2008, № 10. С. 46—52; 2008. № 11. С. 55—59.

¹⁴ ПЛАРБ *Chang Zheng-6* проекта 092 (в 1995—2001 гг. прошла модернизацию и была перевооружена МБР JL-1A) и две ПЛАРБ типа *Daqingyu* проекта 094. К строительству серии подлодок проекта 094 Китай приступил в 2001 г. Головная субмарина *Daqingyu* формально вступила в состав ВМС еще в 2007 г., а первая серийная — в 2009 г., но испытания предназначенных для них новых МБР продолжались и в 2011 г. В настоящее время ведется строительство трех ПЛАРБ проекта 094 и запланирована постройка еще одной. По имеющейся информации, строящиеся ПЛАРБ относятся к кораблям проекта 096, на борту которых будет находиться 24 МБР. После 2016 г. Китай, вероятно, будет располагать шестью новыми и одной устаревшей ПЛАРБ. В настоящее время в морском компоненте ядерных сил КНР развернуто 36 моноблочных БРПЛ «Цзюйлан-1, -2», боекомплект ядерных головных частей для которых оценивается в 45 единиц.

¹⁵ Три ПЛАТ проекта 091 постройки 1980—1990 годов и три проекта 093. С учетом проведения заводских ремонтов субмарины проекта 091 будут постепенно выводиться из состава флота в 2012—2020 гг. В настоящее время осуществляется постройка многоцелевой ПЛАТ проекта 093, сравнимой по характеристикам с российской атомной подлодкой проекта 671РТМ. Всего до 2020 г. планируется построить до восьми ПЛАТ этого типа. Всю вышеприведенную информацию по ПЛАРБ проекта 094 в части российских технологий по АЭУ эксперты подтверждают и применительно к подлодкам проекта 093.

¹⁶ В боевом составе ВМС на начало 2012 г. оставалось 48 неатомных подлодок (проекты 041, 039/039G, 035, 877ЭКМ/636). Ныне в строю находится четыре НАПЛ проекта 041, одна в стадии строительства и три запланированы к постройке. Подлодка проекта 041 является практически полной копией НАПЛ российского проекта 636. Сложившаяся ситуация будет способствовать продолжению закупок Китаем новейших российских или французских НАПЛ.

¹⁷ Военно-морские силы НОАК официально приняли на вооружение первый авианосец. Корабль с бортовым номером «16» получил название «Ляонин». Он перестроен на верфи китайского города Далянь из советского тяжелого авианесущего крейсера «Варяг», приобретенного у Украины в 1998 г. Китай методом покупки списанных на металлолом АВ уже достаточно давно изучает авианосные технологии. Пекин хочет иметь от четырех до шести авианосных ударных групп, развернутых в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Строительство первого АВ собственного проекта завершится не ранее 2017—2020 гг. Водоизмещение корабля составит 45 000—50 000 т.

¹⁸ В боевом составе ВМС числятся эсминцы (ЭМ) различных проектов. Отличительной чертой программы строительства ЭМ является по-

стройка двух кораблей в серии с различными системами вооружения и схемами ГЭУ. Наиболее современными из них считаются два ЭМ проекта 052С типа *Lanzhou*, строившихся на китайских верфях, но с использованием иностранных технологий и комплектующих. Закупленные в России ЭМ проектов 956Э и 956ЭМ уступают данным кораблям по вооружению ПВО, превосходя их по ударным возможностям. Поскольку стоимость такого корабля оказалась очень высокой, принято решение о строительстве двух ЭМ проекта 051С типа *Shenyang*.

¹⁹ В боевом составе находятся фрегаты (ФР), часть которых по европейской классификации можно отнести к корветам (КРВ). Все, кроме шести ФР (проект 054А), имеют слабую ПВО, представленную в лучшем случае только ЗРК малой дальности (типа *Crotale*). Для замены старых ФР и как дополнение к сравнительно дорогим новым ЭМ строятся более дешевые фрегаты.

²⁰ В боевом составе ВМС КНР имеются десантные корабли (ДК), в том числе два десантно-вертолетных корабля-дока (ДВКД) проекта 071 (один в постройке). Самостоятельное создание ДВКД является безусловным успехом Китая. Быстрое наращивание амфибийных сил за последние четыре года (построено около 70 танко-десантных кораблей — ТДК) показало, что китайская промышленность способна в мирное время строить простые корабли (технологии 1950—1960-х годов) в высоком темпе. Нет сомнения в том, что реально этот мощный флот ТДК создан, прежде всего, для политического давления на государства, охваченные «первой цепью островов», — Тайвань, Вьетнам, Филиппины, Южную Корею. В составе ВМС находится более 150 десантных катеров (ДКА), в том числе 10 ДКА на воздушной подушке (ДКАВП) грузоподъемностью до 15 т. ВМС проявляют интерес к российскому многоцелевому десантному кораблю на воздушной подушке (МДКВП) проекта 1232.2, предполагался заказ на шесть-восемь кораблей этого типа на Украине.

²¹ Организационно ВМС состоят из трех оперативных флотов — Северного (штаб в Циндао), Восточного (штаб в Нинбо) и Южного (штаб в Чжаньцзяне), а также Сунгарийской речной флотилии. В составе каждого имеются военно-морские базы с подчиненными им пунктами базирования, военно-морские районы (районы береговой обороны) с отдельными дивизионами кораблей и катеров, флотилии подводных лодок и надводных кораблей, авиадивизии и отдельные авиаполки морской авиации, полки и отдельные дивизионы береговых ракетно-артиллерийских войск. Операционная зона *Северного флота* охватывает залив Бохайвань и Ляодунский залив и северную часть Желтого моря. Флот располагает военно-морскими базами *Циндао*, *Люйшунь* и *Хулудао*. Флагманский корабль Северного флота — ракетный эсминец *Харбин* типа *Люху*. Операционная зона *Восточного флота* охватывает южную часть Желтого моря, Восточно-Китайское море и Тай-

ваньский пролив. Военно-морские базы флота — *Шанхай* (*Усун*, главная база), *Нинбо*, *Сяншань* и *Чжоушань*. Флагманский корабль флота — плавучая база подводных лодок *Чунминдао*. Операционная зона *Южного флота* включает акваторию от Тайваньского пролива до побережья Вьетнама, охватывая Южно-Китайское море. Основными военно-морскими базами флота являются *Чжаньцзян* (главная), *Гуанчжоу* и *Юйлинь* (база дизельных подводных лодок). Важное значение имеют пункт базирования и аэродром на о. *Вуди* (Парасельские острова), с которого могут действовать самолеты тактической авиации. Флагманский корабль флота — большой морской танкер-заправщик *Наньчан*.

²² В будущей войне на ВМС будет возлагаться решение следующих задач: уничтожение боевых кораблей и транспортов противника, нарушение морских коммуникаций, нанесение внезапных ударов по ВМБ, портам и важным береговым объектам противника, осуществление морских десантных операций с участием сухопутных войск и ВВС, а также противодействие высадке морских десантов противника, обеспечение безопасности морских коммуникаций, рыболовства, разработки полезных ископаемых и научных исследований, а также ряд других. Китайская военно-морская стратегия предусматривает три этапа развития ВМС. На *первом этапе* предполагалось создание группировок, которые могли бы поддерживать заданный операционный режим в пределах зоны, ограниченной «первой цепью островов» (острова *Рюкю* и *Филиппинский архипелаг*), включающей акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей и призванной играть роль «морской Великой китайской стены». В настоящее время этот этап завершен. На *втором этапе* (до 2020 г.) планируются активные действия ВМС в пределах зоны, ограниченной «второй цепью островов» (*Курильские острова*, *Хоккайдо*, острова *Нампо*, Марианский и Каролинский архипелаги, Новая Гвинея) и включающей акватории Японского и Филиппинского морей, а также морей Индонезийского архипелага. На *третьем этапе* (до 2050 г.) предполагается создать мощный океанский флот, способный решать поставленные задачи практически в любом районе Мирового океана. Поэтому одной из важнейших задач развития китайского ВМФ считается создание авианосных сил и полноценных ПЛА уже в начале XXI в.

²³ КНР уже старается обозначать свое военно-морское присутствие далеко за пределами территориальных вод. Так, в 1997 г. два ракетных эсминца в сопровождении танкера-заправщика совершили дальний поход с визитами на Гавайи, в порты Мексики, Перу и Чили. Одновременно с этим другая эскадра, состоящая из ракетных эсминцев и фрегатов, посетила Филиппины, Таиланд и Малайзию. А в 2002 г. ракетный эсминец *Циндао*, сопровождаемый танкером, совершил первый в истории китайского военного флота кругосветный поход, обозначив тем самым способность ВМС НОАК демонстрировать свой флаг в любом районе Мирового океана. Возрастаю-

щая военно-морская активность Китая направлена, среди прочего, на обеспечение безопасности стратегически важных для него морских путей поставки сырой нефти из Персидского залива.

²⁴ Подробно см.: *Шунин В.* Основные этапы создания баллистических ракет в Китае // *Зарубежное военное обозрение.* 2009. № 7. С. 50—53.

²⁵ О численности, боевом составе и ходе строительства и развития НОАК, а также возможностях по производству вооружения и военной техники в КНР см. также: *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружением КНР. М.: Центр анализа стратегий и технологий. РИСИ. 2013. 272 с.; *Меркулов В.И., Швец Н.Н.* Воздушно-космическая политика государств Азиатско-тихоокеанского региона. Тверь: ВА ПВО. 2006. 386 с.; *Каменнов П.Б.* Военная политика на рубеже веков. М.: ИДВ РАН, 2008. 224 с.; *Каменнов П.Б.* Военно-промышленный комплекс / Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР. М.: ИДВ РАН. 2007. С. 102—125; *Каменнов П.Б.* Армия и ВПК в материалах XVII съезда КПК / XVII съезд КПК и проблемы социально-политического развития КНР на современном этапе. М.: ИДВ РАН. 2009. С. 129—138; *Каменнов П.Б.* Военная политика / Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 272—286; *Каменнов П.Б.* Военная политика / Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, «Русская панорама», 2008. С. 181—191; *Каменнов П.Б.* Военно-промышленный комплекс КНР на новом этапе / Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 121—135; *Каменнов П.Б.* Военные расходы Китая / Влияние мирового финансового кризиса на экономику Китая. М.: ИДВ РАН. 2010. С. 145—153; *Каменнов П.Б.* Военно-промышленный комплекс КНР в 2009—2010 гг. / Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М.: ИДВ РАН. 2010. С. 122—127; *Каменнов П.Б.* Военно-промышленный комплекс КНР: достижения и проблемы / Экономическая стратегия КНР в XXI в. и вопросы сотрудничества с Россией. М.: ИДВ РАН. 2009. С. 212—228; *Каменнов П.Б.* Космическая программа Китая / Экономика Китая вступает в XXI в. М.: ИДВ РАН. 2004. С. 207—216; *Каменнов П.Б.* Космическая программа Китая / Экономическая стратегия КНР в XXI в. и вопросы сотрудничества с Россией. М.: ИДВ РАН. 2009. С. 229—245; *Арбатов А.Г.* Большой стратегический треугольник // *НВО.* 02—08.11.2012. № 39; *Барятинский М.* Танки Поднебесной // *ВПК.* 04—10.09.2013. № 34 (502); *Белобров Ю.* Китайская стена между США и Ираном // *ВПК.* 25.04—01.05.2012. № 16 (433); *Еленский О.* «Длинная рука» Поднебесной // *НВО.* 26.10. — 1.11.2012, № 38; *Есин В.* Третий после США и России // *ВПК.* 2—8.5.2012, № 17 (434); *Иванов В.* Белая книга Народно-освободительной армии Китая // *НВО.* 26.04—17.05.2013. № 15 (756); *Коновалов И.* Противоракетный джокер президента /

/ *ВПК.* 30.01—05.02.2013. № 4 (472); *Никольский В., Новичков Н.* ВМС Китая сегодня и завтра // *ВПК.* 23—29.5.2012. № 20 (437); 30.05—05.06.2012. № 21 (438); *Новичков Н.* Новый лидер в торговле оружием // *ВПК.* 27.03. — 02.04.2013. № 12 (480); *Новичков Н., Милованова Л.* До серии пока далеко // *ВПК.* 05—11.12.2012, № 48 (465); *Новичков Н., Милованова Л.* Успехи военного авиастроения Поднебесной // *ВПК.* 28.11—4.12.2012. № 47 (464); *Новичков Н.* «Варяг» в Китае. Взгляд с Украины // *ВПК.* 14—20.11.2012. № 45 (462); *Преображенский Н.* Китай расширяет семейство стратегических ракет // *ВПК.* 28.11—04.12.2012. № 47 (464); *Савченко О.О.* Китай инспектирует Черное море. Киев и Пекин укрепляет военно-техническое сотрудничество // *НВО.* 10—16.08.2012. № 27; *Сивков К.* Направления экспансии Поднебесной // *ВПК.* 10—16.4.2013. № 14 (482); *Сивков К.* Морское могущество Китая // *ВПК.* 21—27.08.2013. № 31 (500); *Храмчихин А.А.* «Оверлорд» по-Пекински // *ВПК.* 10—16.04.2013. № 14 (482); *Храмчихин А.А.* Китайский фактор АСЕАН // *ВПК.* 19—25.12.2012. № 50 (467); *Храмчихин А.* Феномен китайской военной мощи пока еще недооценен // *НВО.* 29.12.11—19.01.2012. № 50 (694); *Храмчихин А.А.* Китайское пятое поколение // *НВО.* 07—13.12.2012. № 44 (738); *Храмчихин А.А.* Острова преткновения в Восточно-Китайском море // *ВПК.* 26.09—02.10.2012. № 38 (455); *Храмчихин А.А.* Атака китайского авиапрома // *ВПК.* 22—28.05.2013. № 19 (487); *Храмчихин А.А.* Логика китайской морской стены // *ВПК.* 01—14.05.2013. № 17 (485); *Храмчихин А.А.* Китай готов к большой войне // *ВПК.* 10—16.06.13. № 22 (490); *Храмчихин А.А.* Сюрприз из Поднебесной // *ВПК.* 24—30.07.2013. № 28 (496); *Храмчихин А.А.* Стальные китайские кулаки // *ВПК.* 14—20.08.2013. № 31 (499); *Храмчихин А.А.* Китайская экспансия неизбежна // *ВПК.* 04—10.09.2013. № 34 (502); *Храмчихин А.А.* Поиск смысла ШОС // *НВО.* 27.09.2013. № 35 (776); *Шлындов А.В.* Военная мощь Поднебесной ищет ответы на угрозы сетецентризма // *НВО.* 08—14.3.2013. № 8 (749).

²⁶ Показателями военной безопасности государства могут являться: 1) численность сухопутных войск (для КНР Сухопутных войск и Второго артиллерийского корпуса — 800 тыс. чел.); 2) численность ВВС и Войск ПВО (200 тыс. чел.); 3) численность военного флота (для КНР Военно-Морских Сил — 200 тыс. чел.); 4) численность внутренних войск и военизированных полицейских частей (для КНР Народной вооруженной милиции — 1000 тыс. чел.); 5) численность вспомогательных воинских частей (для КНР Народного ополчения — 3650 тыс. чел.); 6) численность частей специальных служб (для КНР МГБ и МОБ — 50 тыс. чел.); 7) численность других войск и воинских (военизированных) формирований (100 тыс. чел.); 8) количество боевых танков (4000 шт.); 9) количество боевых бронированных машин (2000 шт.); 10) количество артиллерийских систем (10 000 шт.); 11) количество ударных вертолетов (200 шт.); 12) количество пусковых установок ОТР и ТР (300 шт.); 13) количество боевых самолетов

(1300 шт.); 14) количество пусковых установок зенитных ракет (8000 шт.); 15) количество подводных лодок (30 шт.); 16) количество надводных кораблей (90 шт.); 17) количество боевых катеров (150 шт.); 18) доля расходов на оборону в ВВП (1,1 % к ВВП); 19) объем валового внутреннего продукта (ВВП) в ценах и ППС 2003 г. (4000 млрд долл.). В скобках указаны значения, считающиеся пороговыми (на диаграммах — единичными) для уровней военной безопасности КНР.

²⁷ Здесь и далее предполагается, что *наименьшее возможное* значение i -го нормированного частного показателя военной безопасности государства — $\beta_{i,min} = 0,01$ — соответствует наименьшему уровню военной безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_{i,max} = 100$ — соответствует наибольшему уровню военной безопасности также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_i = 1$ — соответствует пороговому уровню военной безопасности государства.

Расчетная формула *общего нормированного показателя* военной безопасности j -го государства может иметь вид:

$$U_{ВБ,j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где $U_{ВБ,j}$ — общий нормированный показатель уровня военной безопасности j -го государства, $\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего военную безопасность j -го государства, $\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего военную безопасность j -го государства.

При одинаковой значимости 19 компонент военной безопасности (т. е. при $\alpha_{i,j} = 1$) *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя военной безопасности j -го государства — $U_{ВБ,j,min} = 10^{-38}$ — соответствует наименьшему уровню военной безопасности. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя — $U_{ВБ,j,max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню военной безопасности государства. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя военной безопасности государства — $U_{ВБ,j} = 1$ — соответствует критическому уровню военной безопасности, понижение которого определяет военную опасность для j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием военной защищенности и состоянием незащищенности от внешних и внутренних военных угроз.

Для нашего случая (т.е. случая *одинаковой значимости компонент военной безопасности* и принятых правилах нормировки частных показателей

военной безопасности) уровень абсолютной военной безопасности государства составляет 10^{38} , а уровень абсолютной незащищенности страны от военных угроз — 10^{-38} . В общем случае компоненты военной безопасности имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) военной безопасности государства. В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий мирного времени, угрожаемого периода и военного времени, а также для различных форм разрешения военного конфликта.

²⁸ Пороговые уровни военной безопасности государств Центральной и Северо-Восточной Азии приведены в таблице.

Страна	Узбеки-стан	Кир-гизия	Таджи-кистан	Туркме-нистан	Афга-нистан	РК и КНДР
Сухопутные войска (тыс. чел.)	150	20	30	35	150	550
ВВС и ПВО (тыс. чел.)	40	50	6	6	25	100
ВМС (тыс. чел.)		1,0	3	1		50
Внутренние войска (тыс. чел.)	40	80	20	20	150	3,5
Вспомогательные воинские части (тыс. чел.)	3,5	10,0	30	24	50	3,5
Части специальных служб (тыс. чел.)	1,5	3,0	10	15	40	1
Другие войска (тыс. чел.)	2,0	10,0	10	3		4,5
Боевые танки	440	500	90	1000	150	2000
Боевые бронированные машины	1500	800	120	2500	400	2500
Артиллерийские системы	1000	400	60	800	200	4400
Вертолеты	60	20	50	60	40	500
Пусковые установки ОТР и ТР						212
Боевые самолеты	235	100	20	150	140	600
Пусковые установки зенитных ракет	100	70	60	90	200	845
Подводные лодки						20
Надводные корабли						71
Боевые катера		20		25		130
Доля расходов на оборону (% к ВВП)	2,5	2,0	2,0	2,0	2,0	2
ВВП (млрд долл. в ценах и ППС 2003 г.)	30	5,0	2,0	25	6,0	600

Для остальных нормированных показателей военной безопасности приняты единичные значения.

О вооруженных силах Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана см.: *Захаров В.М.* Военное строительство в государствах постсоветского пространства. М.: РИСИ. 2011. 380 с.; *Малашенко А.В.* Главная интрига Узбекистана // ВПК. 13—19.02.2013, № 6 (474); *Старчак М.В.* Прорехи в зонтике Центральной Азии // НВО. 22—28.03.2013. № 10 (751); *Соколов Б.* Или разбегутся, или уйдут к талибам // Военно-промышленный курьер. 05—11.06.2013. № 21 (489); *Большага Г.Н.* Мы помним тебя, Таджикистан // НВО. 17—23.08.12. № 28; *Цыганок А.* Военно-газовый нейтралитет // ВПК. 27.12.2006. № 50 (166); *Корбут А.* Трудовая армия пока остается // ВПК. 19.09.2007. № 36 (202); *Соколов Б.* Армия пустыни // ВПК. 17.7.2013. № 27 (495).

О вооруженных силах Афганистана см.: *Васильев А.* Ход строительства Вооруженных сил Афганистана // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 7. С. 15—18; *Сатаров В.* Иностранное военное присутствие в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 2. С. 3—14; *Нестеркин В.* Военное участие ФРГ в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 10. С. 37—40.

О вооруженных силах Южной Кореи и КНДР см.: Вооруженные силы зарубежных государств: Информационно аналитический сборник / *А.Н. Сидорин, Г.М. Мингалин, В.М. Прищепов, В.П. Акуленко.* М.: Воениздат. 2009. 528 с.; *Дюжнев А.* Состояние и перспективы развития вооруженных сил Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 12. С. 12—17; *Лихолетов А.А.* Угрозы из прошлого века — реальные и мнимые. Ракетно-ядерные программы Северной Кореи // НВО. 08—14.06.2012. № 18; *Евсеев В.В.* Угрозы реальные и мнимые // НВО. 20—26.04.2012. № 13; *Чуприн К.* Ракетные войска «Великого наследника» // ВПК. 16—22.5.2012, № 19 (436); *Михайлов А.* Пхеньян никого не напугал // ВПК. 02—08.05.2012. № 17 (434); *Храмчихин А.А.* Тоннель номер три // НВО. 16—22.11.2012. № 41 (735); *Евсеев В.В.* Северокорейская ракетная «угроза» // НВО. 08—14.02.2013. № 4 (745); *Коновалов И.* Противоракетный джокер президента // ВПК. 30.01—05.02.2013. № 4 (472); *Храмчихин А.А.* Бомба для чучхе // НВО. 01—07.03.2013. № 7 (748); *Евсеев В.В.* Северокорейский ядерный потенциал // НВО. 01—07.03.2013. № 7 (748).

Е.И. Сафронова*

ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ШОС И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Аннотация. В статье дается авторское определение понятия «гуманитарные интересы» страны, анализируются особенности гуманитарного сотрудничества государств-членов ШОС, приводятся факторы как благоприятствующие, так и тормозящие его развитие. Автор анализирует российские гуманитарные интересы на «шосовском» направлении и выдвигает целый ряд предложений по диверсификации сфер гуманитарного взаимодействия на пространстве ШОС, а также оптимизации усилий по уже существующим его векторам.

Ключевые слова: ШОС; Россия; Китай; гуманитарное сотрудничество; внешнеполитические интересы; «народная дипломатия»; культурные связи; нелегальная миграция; здравоохранение; образование; наркоугроза; деградация окружающей среды; экология; предотвращение межэтнических конфликтов.

Постановка проблемы. Под гуманитарными интересами автор понимает такую группу интересов страны, при реализации которых может быть обеспечен компромисс между проблемой достижения социального благосостояния населяю-

* Сафронова Елена Ильинична, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-27-21002.

ших ее людей и конкретными политическими, экономическими и военными интересами государства как регулирующего и надзирающего института. Здесь следует заметить, что интересы государства (как управляющей надстройки) и интересы нации (как совокупности населяющих страну людей) могут различаться. Поэтому видится некорректным употреблять понятие «государственный интерес» в качестве синонима интересу национальному. При раскрытии заявленной темы автор охарактеризует гуманитарные интересы России в ШОС, отвечающие устремлениям и простого населения, и официальных властных структур нашей страны.

В принципе гуманитарное сотрудничество (ГС) направлено на то, чтобы выработать у взаимодействующих сторон сходный, неантагонистический, а по возможности — совпадающий взгляд на человеческие ценности. И в то же время успех гуманитарного сотрудничества обуславливается степенью уже имеющегося на конкретный момент единства в восприятии окружающего мира странами-партнерами. В отличие от Запада, всем членам ШОС в политическом плане свойственен четко выраженный этатизм, при котором институт государства выступает регулятором общественных отношений и во многом сакрализируется. В экономическом же плане для них характерно сохранение (в разной мере) элементов административно-командной экономики. Поэтому-то развитие гуманитарных отношений на пространстве Организации идет не столько как спонтанная манифестация интереса граждан страны к культуре и образу жизни обитателей государств-соседей, сколько как управляемый сверху процесс. На уровне простого же населения ШОС гуманитарное общение является вторичным, сопутствующим элементом экономических интересов граждан (в основном участников «челночного» туризма и бизнесменов средней руки).

Гуманитарному сотрудничеству между странами ШОС, несомненно, благоприятствуют серьезные исторические предпосылки. Это — наличие пока еще не распавшегося общего культурно-образовательного пространства России и центральноазиатских стран — членов Организации, с одной стороны, и многовековые традиции контактов Китая (по древнему — «Шел-

ковому пути») с народами стран Центральной Азии (ЦА) и тесное соседское взаимодействие народов ЦА между собой — с другой. Российско-китайские культурные связи также имеют свои наработки и традиции, заложенные еще в советский период.

Несмотря на наличие предпосылок для успешного ГС на пространстве ШОС, здесь есть и препятствия. Так, центральноазиатским странам — членам ШОС присуща, если так можно выразиться, недоработанность проекта по формированию их государственно-национальной идентичности. С одной стороны, они, стремясь утвердить свою независимость и продемонстрировать самостоятельность собственной внешней политики, порой отходят от российского политико-экономического «русла», следуя так называемому многовекторному международному курсу, носящему порой антироссийскую направленность. Но с другой стороны, этим государствам никак не выгодно вступать в конфронтационные отношения с Россией. И даже на уровне правящих центральноазиатских элит не всегда наблюдается консенсус по вопросу интенсивности отношений с РФ, что сказывается на всем спектре связей с Россией, в том числе и в гуманитарной сфере.

С сожалением можно констатировать, что текущее развитие российско-украинских отношений не только обеспокоило страны Центральной Азии, но и на неофициальном уровне нанесло определенный ущерб имиджу России¹.

Однако так или иначе, успешное развитие межстрановых социально-гуманитарных отношений отвечает интересам РФ и партнерствующих государств, поскольку оно создает некий фундамент доверия, способствующий повышению эффективности их экономических инициатив и плодотворности сотрудничества в поддержании безопасности. А в условиях глобализации межстрановые связи в области культуры и межличностного общения в принципе приобретают особое значение, ибо если не предложить стране-соседу свой перспективный гуманитарный проект, то это быстро и споро сделает Запад, что не отвечает интересам РФ.

В плане российско-китайских отношений российский исследователь В.Л. Ларин считает вопрос о состоянии гуманитарных

связей двух стран гораздо более важным, нежели совершенство их экономических отношений, поскольку пока «самое слабое звено» их стратегического партнерства он усматривает в отсутствии общественно-политической опоры последнего². А через развитие гуманитарных контактов как раз и происходит вовлечение простых людей в формирование событий международного значения и, таким образом, — в создание такой массовой социальной опоры. В итоге «народно-гуманитарная» дипломатия выступает как средство ликвидации отчужденности рядовых граждан от высокой внешней политики, творимой в закрытых официальных кабинетах³. По идее, это должно соответствовать государственным интересам РФ на пространстве ШОС (но, как представляется, не в ближайшее время).

Стоит подчеркнуть, что успех развития ГС напрямую связан с проблемой совершенствования взаимной дипломатической культуры сотрудничающих сторон. Продолжительный опыт успешного гуманитарного взаимодействия способен привести к формированию и/или дальнейшему утверждению в дипломатической культуре общих ценностей, норм и стереотипов. Последнее обстоятельство положительно сказывается на состоянии их (стратегического) партнерства, ибо обеспечивает расширение общей понятийно-категориальной базы последнего и совершенствование дипломатического языка общения⁴. И это, несомненно, вписывается в круг гуманитарных интересов РФ на «шосовском» направлении.

Намерение развить ГС констатируется практически во всех документах ШОС, но, тем не менее, гуманитарное взаимодействие стран-участниц по-прежнему строится в основном на уровне двусторонних отношений. Такое положение дел объясняется достаточно просто: ГС редко становится центральным направлением в работе многопрофильных международных организаций, особенно если последними заявлены более глобальные и значимые с точки зрения безопасности и экономики приоритеты. Кроме того, проведение коллективных гуманитарных акций подразумевает создание совместного фонда и механизма финансирования соответствующего сотрудничества. А если таковых не существует даже для обеспечения ключевых мероприя-

тий, то их отсутствие на цели гуманитарного взаимодействия тем более не удивительно. По этой же причине гуманитарная кооперация стран — участниц ШОС пока не имеет постоянной организационной основы⁵.

Отвечает ли интересам России придание гуманитарному сотрудничеству в рамках ШОС организованного институционально-постоянного начала? И да и нет. Да — потому, что организационная упорядоченность дает возможность лучшего мониторинга гуманитарной активности других стран-членов на пространстве Организации. При возникновении явного перевеса в этого рода деятельности в пользу государства-партнера другая страна-участница получает возможность быстро отследить направления и последствия подобной активности и принять меры по упрочению собственных позиций в гуманитарно-кооперационной сфере. С другой стороны, необходимость согласования каждого гуманитарного мероприятия со странами-партнерами замедляет скорость гуманитарного реагирования отечественной страны и при определенных условиях даже ограничивает его рамки и масштаб. Поэтому еще одним гуманитарным интересом РФ в контексте ШОС представляется изыскание такого соотношения меры и качества гуманитарной деятельности, которые благоприятствовали бы реализации государственных интересов России в достаточной, но не обременительной в финансовом отношении мере.

Основным гуманитарным интересом РФ в ШОС, на наш взгляд, является *сохранение если не единого, как в советские времена, то хотя бы общего (с центральноазиатскими странами) культурно-образовательного пространства (ОКОП)*. Наличие такого пространства — важнейшее конкурентное преимущество России на территории ШОС по сравнению с Китаем. И не потерять это преимущество — прямая задача и интерес нашей страны. Само наличие культурно-образовательного пространства чрезвычайно важно для перспектив совместного будущего как такового.

Однако пока практически на всей постсоветской территории распад некогда единого культурно-информационного пространства так и не был остановлен. Главным образом он прояв-

ляется в сужении области применения русского языка. До сих пор в ряде стран ЦАР сокращается радио- и телевидение на русском языке, а также учебное время на изучение русского языка и литературы в школьных программах, что ограничивает возможности выпускников для поступления в российские вузы; свертываются программы поддержки развития национальной культуры этнических меньшинств⁶. Молодежь, даже если еще и может говорить по-русски, то писать на русском языке уже практически не умеет.

Проведение на местах языковой политики, зачастую в форме жестких административных мер, воспринимается одной частью русскоязычных, прежде всего русскими, как стремление «титовых» этносов побудить их покинуть страну, другой — как политический демарш, направленный на обострение межэтнической ситуации⁷.

Ныне страны ЦАР стоят перед проблемой стагнирующего культурного и образовательного уровня населения, что во многом было вызвано миграцией высокопрофессиональных русскоязычных специалистов, сужением ОКОП, а также элементарной нехваткой государственных средств на поддержание науки, культуры и образования.

Сейчас в гуманитарной практике России в отношении центральноазиатских членов ШОС наблюдается возвращение к прежним, уже испытанным временем формам культурного взаимодействия. Главной здесь остается взаимное проведение Дней культуры и памятных дат; трансляция некоторых программ российского телевидения; принятие мер по расширению общего образовательного пространства. Так, в государствах региона открыт ряд так называемых Славянских университетов, обучение в которых ведется по планам, составленным с учетом российских образовательных стандартов. В целом можно сказать, что задача поддержания если не единого, то хотя бы общего для России и государств Центральной Азии культурно-образовательного пространства не забыта. (Советская модель в свое время послужила основой для образовательных систем всех стран ШОС, включая Китай.) Однако этого, по всей видимости, не достаточно.

Проблема миграции населения (в том числе и нелегальной) присутствует в международных отношениях всех стран ШОС. Остроту ей придают коррупция и иные нарушения законности со стороны сотрудников милиции, таможни и пограничных служб. Ввиду этого, оптимальное регулирование этой проблемы (о полном ее решении пока речь не идет), несомненно, представляет собой еще один гуманитарный интерес РФ в контексте ШОС.

Появление проблемы миграции обусловлено центробежными тенденциями в молодых независимых странах, повлекшими за собой резкое ухудшение социального и экономического статуса русскоязычных, и ослаблением государственного контроля над процессами занятости. Экономический спад привел к массовому росту безработицы в центральноазиатских странах, и так обладающих трудоизбыточным населением.

По оценке автора, среди официально зарегистрированных в России беженцев или вынужденных переселенцев примерно 70 % составляют русскоязычные, из них 60 % — русские. Из всех стран ШОС основные потоки мигрантов идут именно в Россию. По ряду понятных причин Россия обречена на то, чтобы принимать мигрантов, точно так же, как страны ЦАР и Китай обречены на то, чтобы отдавать трудоизбыточное население, проживающее к тому же на ресурсодефицитных территориях. Думается, что интересам России отвечала бы координация экспорта рабочей силы в рамках ШОС, которая практически неизбежно делает коллективным и транспарентным контроль за миграционными процессами. ШОС могла выступить механизмом добровольного согласования деятельности национальных агентств и служб по делам мигрантов, а также соответствующего внутреннего законодательства и двусторонних межгосударственных соглашений по вопросам трудовой миграции⁸.

Следует также изучить опыт Китая по организации мелкого семейного предпринимательства, обладающего, как оказалось, большим потенциалом по поглощению значительных масс избыточной рабочей силы. Особенно этот опыт может быть полезен в сельском и поселковом хозяйстве, а также в сфере услуг. Это не только сгладит проблему безработицы в некоторых рай-

онах ЦАР, но и послужит предпосылкой для постепенного формирования в регионе среднего класса, а также станет средством смягчения межэтнической напряженности и проблемы нелегальной миграции на территорию России⁹.

По опросам, проведенным в рамках проекта «Евразийский монитор-9»¹⁰, Россия является наиболее привлекательной страной для поиска работы: в РФ выразили желание трудоустроиться 52 % опрошенных жителей Таджикистана, 43 % — Узбекистана, 37 % — Кыргызстана. Как показало исследование, гипотеза о том, что наличие гуманитарных интересов всегда позитивно влияет на отношение граждан к другим странам, подтверждается не всегда. Скорее имеет место обратная ситуация — отношение к стране, вызванное ее экономической привлекательностью, влияет на уровень гуманитарного интереса к ней.

Обнаружена и взаимосвязь между уровнем знакомства с культурой других стран с уровнем готовности населения к союзам и объединениям с этими странами (т. е. уровнем интеграционных настроений). Чем больше в стране респондентов, декларировавших свое знакомство с культурой другой страны, тем выше уровень интеграционных настроений (поддержки вступления своей страны в союзы и объединения)¹¹. Одним из важных факторов, влияющих на базовые параметры «интереса к стране», является восприятие другой страны как дружественной или враждебной. Граждане Казахстана в основном расположены к России (67 %), около 50 % даже не против создания союза с ней, однако довольно много жителей Казахстана считают дружественными и Кыргызстан (27 %), и Узбекистан (20 %)¹².

Жители Кыргызстана назвали дружественными странами Россию (74 %), Казахстан (57 %) и Узбекистан (34 %). А возможность союза они чаще рассматривают с Россией (72 %) и Казахстаном (37 %).

Респонденты из Таджикистана назвали дружественными Россию (89 %), Казахстан (61 %), Кыргызстан (44 %) и Узбекистан (40 %). Что касается интеграционных интенций, то 73 % стремятся к союзу с Россией, 45 % — с Казахстаном, по 25 % — с Кыргызстаном и Узбекистаном.

Жители Узбекистана считают дружественными Россию (78 %) и Таджикистан (35 %)¹³.

По результатам этого исследования можно констатировать, что центральноазиатские члены ШОС (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) близки по уровню интереса граждан к России и друг к другу, а также по восприятию ими своих соседей по ЦА как дружественных. Но именно Россия по-прежнему является для многих респондентов наиболее предпочтительным интеграционным партнером. РФ привлекает население ЦА и в культурном, и в экономическом планах¹⁴.

В связи с этим можно сказать, что Китай находится на некоторой дистанции от основного гуманитарного ядра ШОС. В КНР это понимают и предпринимают наиболее энергичные усилия по активизации гуманитарного взаимодействия в рамках Организации.

В настоящее время гуманитарное сотрудничество ШОС носит коллективный характер лишь по немногим направлениям. В свое время страны — члены Организации подтверждали совместную готовность внести вклад в мирное восстановление Афганистана и Ирака, реализацию там гуманитарных проектов и оказание медицинской помощи, как собственными поставками, так и предоставлением транспортных коридоров для поставок других государств и международных организаций (в случае Афганистана); в строительство дорог и коммуникаций (в Иране)¹⁵.

А российская активность в Исламской Республике Афганистан (ИРА) в постсоветский период неизбежно несет на себе значительную морально-гуманитарную нагрузку. Афганское направление имеет чрезвычайное гуманитарное значение для РФ и всей ШОС, ибо ИРА остается основным внешним источником *наркоугрозы* для России: большинство наркотиков опийной группы (в том числе героина), употребляемых в РФ и транзитируемых через ее территорию, имеет афганское происхождение¹⁶. Кроме того, сама ситуация в Афганистане до сих пор таит в себе и опасность дестабилизации политического положения в южном секторе ШОС. В ЦА существует несколько районов, где слабы позиции центральной власти. В общем объеме транспортировки наркотиков через ЦА ведущие места занимают Таджикистан и

Кыргызстан. В Узбекистане наркобизнесом занимается значительная часть населения. Гарантией продолжения преступного бизнеса становится чрезвычайная коррумпированность правоохранительных органов¹⁷. В 80 % выявленных фактов героин в РФ поставлялся из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Из ЦА в Россию поступает также марихуана и гашиш¹⁸.

Ныне наметилась четкая тенденция втягивания в афганский наркотрафик и территории КНР. Так, канал распространения наркотиков отслежен на Памире, на стыке границ Таджикистана, Китая и Афганистана. Уже с конца 1990-х годов здесь ведется бартерная торговля: афганские опий и героин обмениваются на товары первой необходимости¹⁹.

По данным китайских спецслужб, имело место активное сращивание преступных группировок центральноазиатских государств с наркомафиозными структурами КНР²⁰. И если китайские власти будут вынуждены пойти на наращивание в регионе антинаркотического военного контингента, то это приведет к возникновению нового очага напряженности в ЦА²¹. Поэтому расширение участия России в борьбе с наркотрафиком представляются важным гуманитарным интересом страны на территории ШОС²².

Гуманитарным интересам РФ в зоне ответственности ШОС отвечает и долгосрочная помощь России Афганистану. Решить проблему блокирования наркопроизводства в ИРА в принципе невозможно до тех пор, пока не будут найдены пути создания на территории страны не менее выгодных, но легальных производств: промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры и торговли. В этом смысле участие в восстановлении экономики Афганистана напрямую продиктовано жизненно важными интересами безопасности России, хотя афганская социально ориентированная реконструкция является крайне сложной, практически невыполнимой в обозримой перспективе задач.

Другой коллективной проблемой стран ШОС, разрешение которой соответствует гуманитарным интересам России, является *деградация экологической среды*.

В странах — центральноазиатских членах ШОС не снижается, а в отдельные годы растет уровень смертности населения в

трудоспособном возрасте из-за ухудшения экологической обстановки, особенно в зоне узбекского Приаралья²³. Среди причин смертности здесь на 1-м месте стоят болезни системы кровообращения, на 2-м — органов дыхания, что стало следствием изменения структуры сельскохозяйственного производства²⁴.

В КНР загрязнение атмосферы в городах, ставшее причиной преждевременной смерти более 2 млн человек в середине 1990-х годов, может быть расценено как сугубо национальная проблема, но вот выбросы сернистого ангидрида (причина кислотных дождей) становятся уже региональной проблемой, поскольку она затрагивает интересы соседних стран. И уже к проблемам глобального характера относится большой объем выбросов двуокиси углерода в Китае — причины климатических изменений²⁵.

Здесь можно отметить, что интересам РФ соответствовало бы развитие в рамках ШОС *природоохранного сотрудничества*, прежде всего в сферах, не требующих больших инвестиций²⁶. Видимо, целесообразно создать общую базу данных, включающую список приоритетных проблем на стыке экологии и безопасности по особым разделам: горячие промышленно-производственные точки, земельные ресурсы, водные ресурсы с проблемами вододеления и водопользования, вопросы взаимосвязи климатических изменений и природных бедствий.

Весьма важным для России представляется сотрудничество стран ШОС *в области здравоохранения*²⁷. Снижение уровня жизни в ЦАР привело к уменьшению средней продолжительности жизни и повышению эпидемиологических рисков. Эпидемии инфекционных заболеваний — туберкулеза, гепатита, брюшного тифа и холеры — стали почти обычным явлением в Таджикистане. А Казахстан еще недавно почти возглавлял список государств мира по заболеваемости и смертности от туберкулеза и бруцеллеза.

Состояние лечебной базы больниц в ЦА из-за нехватки средств зачастую является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего. Во многих сельских боль-

ницах нет условий для изоляции контагиозных пациентов, а оборудование для качественной стерилизации хирургических инструментов может отсутствовать или быть неисправным. В то же время зачастую больного навещают многочисленные родственники из других населенных пунктов, разбросанных по достаточно обширной местности. Все это повышает риски возникновения внезапных эпидемий с широким географическим охватом²⁸.

Другим важным фактором распространения заболеваний (во всем мире) является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с расширением возможностей для перемещения людей, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при поставке замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных эпидемий во многих местах. Поэтому особо остро для РФ встает вопрос о качестве санитарного состояния экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясной и молочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания²⁹.

Прозрачные границы и большая численность мигрантов увеличивают угрозу распространения инфекционных заболеваний. Водители грузовых автомобилей, бездомные, рабочие-мигранты и т. д., относясь к уязвимым группам, требуют особого медицинского контроля.

Серьезную гуманитарную проблему представляет собой сохраняющийся в странах ШОС потенциал конфликтов на субрегионально-национальной почве, т. е. не зависящий от таких объективных трудностей, как, например, дефицит природных ресурсов. В некоторых государствах Организации реально существует социально-гуманитарная проблема дискриминации некоторых этносов со стороны «титულных» национальностей³⁰.

В формировании антирусских настроений в ЦАР определенную роль играет установка некоторых местных элит на приори-

тетное развитие собственной национальной культуры для скорейшей ликвидации «культурной зависимости» от России как преемника атеистического СССР. Курс на национальное возрождение порой приводит к сокращению числа русских культурно-просветительных учреждений. Есть данные, что доступ к большинству престижных мест в государственном секторе Кыргызстана (госаппарат, банки, налоговая, таможенная службы, правоохранительные, судебные органы и т. п.) для некиргизов сильно затруднен. И именно здесь, видимо, наиболее сильно проявляется дискриминация русскоязычных³¹.

Ранее высокий социально-политический статус русской этногруппы вытекал не только из ее «более продвинутой культуры»³², но и поддерживался центральной властью, поскольку русским отводилась важная политико-социальная и экономическая роль как элемента интеграции и баланса в сложных межэтнических отношениях в ряде республик. Сейчас, когда статус русских и их количество по причине миграции изменились, русская этногруппа становится одной из причин и объектов социально-политических и межэтнических проблем³³.

Не все благополучно в отношении к другим этногруппам и в России. Так, «крайнюю озабоченность» ущемлением прав соотечественников — трудовых мигрантов, находящихся на территории РФ, выражает Таджикистан³⁴. Недоумение по поводу стиля общения правоохранительных органов России с предпринимателями-гражданами Китая высказывалось и в прессе КНР.

Таким образом, корректная, дипломатически выдержанная защита интересов своих граждан, тем более той их части, которая имеет полноценное официальное гражданство, также могла бы внести свой вклад в дело улучшения межнационального климата в Организации, что тоже отвечает интересам России.

В связи с вышеизложенным, видимо, следует высказать ряд рекомендаций, реализация которых могла бы способствовать оптимизации гуманитарных позиций России на пространстве ШОС.

В плане поддержания ОКОП представляется полезной активизация деятельности образовательных учреждений типа «Университетов ШОС» в целях подготовки истинных профессиона-

лов — специалистов-синологов, а в Китае и РФ — русистов и экспертов по странам ЦАР, которых пока катастрофически не хватает. Из-за дефицита специалистов высшей квалификации проистекают недооценка и недоверие друг к другу. Китайские исследователи полагают, что многие крупные проекты сотрудничества тормозятся именно из-за культурного недопонимания, и по этой же причине с трудом набирает обороты двустороннее инвестиционное взаимодействие, часты торговые трения³⁵.

Для реального культурно-гуманитарного сближения стран ШОС только лишь открытия новых «информационно-культурных центров» явно не достаточно. Нужна комплексная, широко-масштабная и долговременная программа работы с населением стран-партнеров. К сожалению, именно в этом Россия традиционно не сильна. Официальная гуманитарная политика РФ строится на взаимодействии с элитами других государств, причем даже не со всеми, а только властными. Работа в сфере рядового человеческого общения или не ведется вовсе, или ведется крайне редко. А ведь работа с широкими слоями населения (собственно, именно это и называется «гуманитарной политикой») является важным аспектом внешней политики страны как таковой³⁶. По сравнению с РФ китайцы демонстрируют большую готовность работать с простыми гражданами, настойчиво наращая при этом пока еще небольшой, но действенный опыт.

Представляются целесообразными разработка и проведение согласованной в рамках ШОС культурно-просветительской политики, направленной на формирование позитивного восприятия представителей этносов-соседей. Здесь могут быть использованы как традиционные формы культурных контактов (Дни и Годы культуры на территориях друг друга, конкурсы — например, на лучшее знание русского языка и т. д.), так и гуманитарно-экономические (создание совместных малых трансграничных предприятий, пунктов распределения питьевой воды и медикаментов, передвижных магазинов-автолавок, на легальном основании осуществляющих продажу или же бартерный обмен продукцией этносов-соседей)³⁷.

Для упрочения гуманитарных позиций РФ в ШОС видится полезным активное привлечение «мозгов» из стран — членов

ЦАР, при создании таких условий, благодаря которым именно высококвалифицированные специалисты переезжали бы в Россию. Причем эту работу можно начать с молодежи: отслеживать талантливых школьников и студентов и предоставлять им льготы (выделять гранты) при поступлении в российские вузы³⁸.

Россия могла бы также организовать в ЦАР сеть гимназий с углубленным изучением русского языка. Юридически создавать русские частные гимназии должны, конечно же, граждане-меченаты принимающих государств, но Россия могла бы оказывать им посильную гуманитарную, материальную и моральную поддержку³⁹.

Следует расширить на пространстве ШОС сеть российских СМИ, в том числе и электронных, хотя бы в тех масштабах, которые не касались бы принимающим странам «угрожающими».

Крайне полезной была бы организация совместных научных проектов в области исследования экономического и гуманитарного состояния стран-партнеров, проведение «инвентаризации» взаимных социо-культурных устремлений граждан ШОС; выявление их содержания, приоритетов, а также наиболее заинтересованных в сближении социально-демографических групп; определение сходств и различий в интеграционных ожиданиях граждан разных стран, базирующихся на общих гуманитарных интересах. Результатом проекта могла бы стать карта «шосовского» пространства, основанная на близости социо-культурных интересов населения соответствующих государств⁴⁰.

В сфере образования также видится полезным согласование стандартов «внутришосовского» образования с международными стандартами, обеспечение конвертируемости дипломов не только на уровне Организации, но и на широком международном уровне, но без утраты преимуществ и наработок старой, доказавшей свою состоятельность образовательной системы советского образца.

В плане борьбы с наркотрафиком было бы небезполезным рассмотрение вопроса о целесообразности присоединения ШОС (как международной организации или отдельных ее членов) к проекту Международной программы ООН по контролю за наркотиками (UNDCP), действующему для Узбекистана, Кыргыз-

стана и Таджикистана с 1997 г. и направленному на укрепление силовых антинаркотических структур ЦАР, дальнейшее развитие приграничного взаимодействия. Этот вопрос обретает особую актуальность в свете вывода большей части американского воинского контингента из Афганистана.

В области здравоохранения приведенные выше факты диктуют необходимость неотложного взаимодействия стран ШОС в соответствующей сфере.

Поскольку здравоохранительные усилия в основном предпринимаются в индивидуальном порядке, без подключения ресурса коллективности, то необходима активизация именно совместных разработок. Возможных, точнее реально достижимых, векторов сотрудничества здесь из-за ограниченности средств не так уж и много, но они есть. Так, ЦА остро нуждается в техническом содействии. Например, в обучении лаборантов для эффективно-го выявления случаев мультирезистентного туберкулеза; в подготовке врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультировании медицинских учреждений; проведении действенного эпидемиологического мониторинга; повышении ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ. Видятся целесообразными такие, не требующие объемного финансирования, коллективные мероприятия, как обмен данными по заболеваемости, создание механизма срочного оповещения стран-соседей о повышении эпидемического риска, медицинский мониторинг состояния воды и почв в приграничных районах, обмен опытом между специалистами-инфекционистами и обмен вакцинами. Снабжение населения наглядными печатными пособиями, направленными на профилактику заболеваний, также представляется полезным. Помощь РФ в данном направлении не только снизила бы здравоохранительную напряженность в ЦА, но и прямо соответствовала бы интересам самой России.

И по-прежнему остается актуальной задача по укреплению оперативных и правовых механизмов по оказанию международной помощи в случае *гуманитарных бедствий* на основе непрерывного согласования руководящих принципов, включая те, которые касаются межгосударственного содействия и регулирования международной помощи в случае природных и техноген-

ных бедствий и первоначальной помощи в деле восстановления здоровья населения⁴¹.

Автор согласен с мнением российского исследователя Е.А. Степановой, полагающей, что Россия пока еще не является ведущей «гуманитарной державой» и крупным донором в области гуманитарной помощи и социально-экономического развития стран, регионов и постконфликтных зон. Причинами этого предстают объективные трудности и структурные недостатки российской модели ведения гуманитарной деятельности, особенно по завершении ее острой стадии (после возникновения разного рода чрезвычайных ситуаций), а также ограниченность финансирования, отсутствие долгосрочных программ помощи и кредитования, слабый менеджмент и недостаточное участие в этой деятельности как российского бизнеса, так и государственных органов, занимающихся проблемами экономического развития. Пока основную роль в российских гуманитарных операциях за рубежом играют государственные структуры «силового блока» — МЧС и МО РФ. Однако уже сейчас РФ способна предоставлять услуги чрезвычайного гуманитарного реагирования на самом высоком уровне, а при необходимости российские службы могут эффективно работать в качестве подрядчиков и субподрядчиков в рамках международных гуманитарно-восстановительных проектов⁴².

На стадии более долгосрочного восстановления инфраструктуры и экономики не меньшая проблема — недостаточная подготовка и небольшое число российского гражданского персонала, пригодного для решения задач постконфликтного восстановления мира (за исключением, пожалуй, медицинских работников). Стимулирование развития гражданских ресурсов в области решения гуманитарно-восстановительных (а в перспективе — и более широких задач социально-экономического развития) должно стать одним из главных долгосрочных интересов России в гуманитарной сфере⁴³, в том числе и на пространстве ШОС.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Гуманитарное сотрудничество в рамках любой организации может быть эффективным только тогда, когда оно реально обеспечивает об-

ратную связь каждой участвующей в нем стороны с простыми людьми — «реципиентами» гуманитарной помощи или культурно-образовательной активности. Та или иная международная организация может обеспечить себе длительную поддержку и соответственно — реальную возможность успешно реализовывать свои высшие, политико-стратегические цели лишь при условии, что простой человек на деле ощутит полезность подобной международной структуры для себя и для своей семьи. Эффективность гуманитарного сотрудничества можно оценить и тем, насколько быстро оно обеспечивает развитие системы горизонтальных связей, прежде всего на уровне межчеловеческого общения и/или по линии «народной дипломатии».

Показателем эффективности гуманитарной кооперации можно назвать и интенсификацию политического диалога на межгосударственном уровне, переход к таким ценностным ориентациям, как оперативность, доступность и «целевая точность» гуманитарной помощи, априорная позитивная толерантность к культуре и традициям другого народа.

В случае государств — членов ШОС взаимодействие в гуманитарной сфере имеет характер немаловажного элемента их общестратегического партнерства. ГС путем укрепления межчеловеческих связей и ознакомления людей с жизнью других народов придает национальной самобытности международное звучание и тем самым вносит особый вклад в укрепление взаимопонимания между странами, а следовательно — в сбережение людского потенциала партнерствующих государств.

Если кратко сформулировать задачу и смысл гуманитарной деятельности России в ШОС, то это — тактичное озвучивание и несиловое лоббирование ее политических и экономических интересов на пространстве Организации.

Примечания

¹ См., в частности: URL: <http://expert.ru/expert/2014/19/kto-druzhit-toti-tsel/>

² URL: http://russian.china.org.cn/Sci-Edu-Cult/txt/2005-06/27/content_2180831.htm

³ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования / Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.:ИДВ РАН. 2008. С. 161—183.

⁴ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Указ. соч. С. 165—166.

⁵ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* К вопросу о необходимости развития гуманитарного сотрудничества в контексте ШОС / Китай в мировой и региональной политике. М.:ИДВ РАН. 2005. С. 95—119.

⁶ *Курганская В.* Казахстан: языковая проблема в контексте межэтнических отношений. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-06-1999/kurganskaja.shtml>

⁷ *Курганская В.* Указ.соч.

⁸ *Сафронова Е.И.* К вопросу о необходимости... С. 111, 112.

⁹ Там же.

¹⁰ См. ЕМ-9. Чем мы интересны друг другу? Перспективы гуманитарной коммуникации стран СНГ. URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-133.html>; *Задорин И.В.* Интересны ли мы друг другу? Гуманитарная коммуникация населения стран СНГ как третье основание интеграции. URL: http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Zadorin_Interesny_li_my_drug_drugu_EM-9_11-08.pdf

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ЕМ-9. «Чем мы интересны друг другу? Перспективы гуманитарной коммуникации стран СНГ». URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-133.html> и *Задорин И.В.* Интересны ли мы друг другу? Гуманитарная коммуникация населения стран СНГ как третье основание интеграции. URL: http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Zadorin_Interesny_li_my_drug_drugu_EM-9_11-08.pdf

¹⁴ Там же.

¹⁵ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Направления и проблемы гуманитарного сотрудничества государств-членов ШОС // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006. С. 55—72; *Сафронова Е.И.* Некоторые аспекты гуманитарного взаимодействия стран-членов ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.:ИДВ РАН. 2004. С. 40—68.

¹⁶ Подробнее см.: *Степанова Е.А.* Гуманитарный потенциал России и восстановление экономики конфликтных зон. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-13763.html>.

¹⁷ <http://www.saturn-ural.ru/analit/2.html>

¹⁸ *Зеличенко А.* Наркоситуация в зоне действия Международного анти-наркотикового Проекта ООН «Ошский узел». URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-06-1999/zelichenko.shtml>

¹⁹ Там же.

²⁰ *Зеличенко А.* Указ. соч.

²¹ Там же.

²² Подробно см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые аспекты гуманитарного взаимодействия... С. 52.

²³ *Максакова Л.* Тенденции демографического развития в Узбекистане. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-06-1999/maksakova.shtml>

²⁴ Там же.

²⁵ *Рогожина Н.Г.* Экологический кризис и проблема безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. Воскресенского А.Д. М.: МГИМО (У) МИД РФ. 2001. С. 211.

²⁶ Подробно о вероятных направлениях экологического сотрудничества стран-членов ШОС см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые аспекты гуманитарного взаимодействия... С. 60—61; *Сафронова Е.И.* Направления и проблемы гуманитарного сотрудничества... С. 68—69.

²⁷ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги... С. 172—173.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* К вопросу о необходимости... С. 108.

³¹ *Космарская Н.* «Русские в Центральной Азии» — большой вопрос? Насколько и для кого? (на примере ситуации в Киргизской Республике). URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-06-1999/kosmarskaya.shtml>

³² *Джекишенкулов А.* Указ. соч. С. 88.

³³ Там же.

³⁴ URL: <http://www.inosmi.ru/print/219252.html>

³⁵ URL: http://russian.china.org.cn/Sci-Edu-Cult/txt/2005-06/27/content_2180831.htm

³⁶ *Степанова Е.А.* Гуманитарный потенциал... URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/in dex-13763.html>

³⁷ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* К вопросу о необходимости... С. 111.

³⁸ См.: URL: <http://www.iarex.ru/news/22845.html>

³⁹ См.: URL: <http://www.iarex.ru/news/22845.html>

⁴⁰ См.: ЕМ-9. Чем мы интересны друг другу? Перспективы гуманитарной коммуникации стран СНГ; *Задорин И.В.* Интересны ли мы друг другу?

Гуманитарная коммуникация населения стран СНГ как третье основание интеграции. URL: http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Zad orin _Interesny_li_my_drug_drugu_EM-9_11-08.pdf

⁴¹ URL: <http://www.un.org/ru/humanitarian/assistance/facts.shtml>

⁴² *Степанова Е.А.* Гуманитарный потенциал... URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/in dex-13763.html>

⁴³ Там же.

А.В. Болятко*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ЗОНЕ ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ

Аннотация. В статье анализируются современное состояние и перспективы развития ситуации в зоне Восточно-Китайского моря, а также перемены в регионе, связанные с созданием Китаем своей опознавательной зоны противовоздушной обороны. Рассматриваются позиции заинтересованных стран, связанные с обеспечением здесь безопасности, свободы судоходства и воздушных авиатрасс, а также проведения военных учений.

Ключевые слова: Восточно-Китайское море; опознавательная зона противовоздушной обороны; региональная безопасность; обеспечение свободы судоходства.

Ситуация в Восточно-Китайском море в последнее время осложнилась из-за вновь разгоревшегося спора о принадлежности островов, границах и режимах функционирования опознавательных зон противовоздушной обороны, создаваемых странами региона. Главными участниками событий выступают Китай, Япония, США и Республика Корея. Причина споров — большое стратегическое, геополитическое и экономическое значение Восточно-Китайского моря, проходящих здесь воз-

* Болятко Анатолий Викторович, д. воен. н, проф., г. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

душных и морских коммуникаций, уже открытых и предполагаемых запасов нефти и природного газа, а также богатейших биоресурсов. Не последнюю роль играет китайско-американское соперничество в регионе, усилившееся в связи с «возвращением» США в АТР. Действия Китая в зоне Восточно-Китайского моря в значительной мере продиктованы стремлением устранить свою стратегическую уязвимость с моря. Соединенные Штаты Америки пытаются вернуть и сохранить своё доминирующее положение в западной части Тихого океана, о чем было заявлено президентом Б. Обамой в 2011 г. в новой стратегической доктрине «возвращения» в Азиатско-Тихоокеанский регион. США рассчитывают обеспечить для себя свободу действий в зоне Восточно-Китайского моря путем укрепления своих военных союзов (американо-японский договор безопасности, договор с Южной Кореей), повышения оборонного потенциала союзников и неуклонного наращивания собственного военного присутствия в регионе.

В июне 2010 г. тогдашний министр обороны США Р. Гэйтс заявил: «Наша политика ясна: необходимо, чтобы стабильность, свобода судоходства и беспрепятственное экономическое развитие были сохранены и обеспечены. Мы не встаем на сторону ни одного спорящего государства, но мы против применения силы и таких действий, которые препятствуют свободе судоходства. Мы возражаем против любых попыток запугать корпорации США или других стран, занятых там легальной экономической деятельностью. Все стороны должны вместе разрешить свои разногласия путем мирных, многосторонних усилий, соответствующих общепринятым нормам международного права...»¹.

В октябре 2011 г. в журнале *Foreign Policy* была опубликована программная статья Х. Клинтон «Тихоокеанский век США», в которой она ясно обозначила намерение США обновить свои экономические, политические и военные обязательства в регионе. Клинтон представила активную политику укрепления двусторонних военных союзов, установления широкого военного присутствия, участия в многосторонних военных институтах, увеличения торговли и инвестиций, укрепления отношений с растущими региональными державами, включая Китай, и все-

мерного продвижения прав человека и демократии. Все это вместе представлялось ею как «стратегический разворот в АТР», который, как она пишет, «логично вписывается в наши глобальные усилия обеспечить и удерживать глобальное лидерство Америки»².

В июне 2013 г. на встрече президента Обамы и председателя Си Цзиньпина руководители двух стран договорились создать новый тип отношений великих держав. По мнению министра иностранных дел КНР Ван И, ключевыми элементами этого нового типа отношений должны быть:

- безопасность, отсутствие конфронтации;
- взаимное уважение коренных интересов друг друга;
- взаимовыгодное сотрудничество.

Последовательно укрепляя экономический и военный потенциал, Китай регулярно проводит военно-политические акции, направленные на обеспечение, а иногда просто обозначение своих стратегических интересов в прибрежной зоне Тихого океана. Сначала это касалось проблемы Тайваня и попыток его администрации двигаться в направлении суверенитета острова. Затем Китай обозначил свои интересы в Южно-Китайском море, приняв участие в борьбе за спорные островные зоны³.

В конце 2013 г. после решения Японии об изменении статуса островов Сенкаку (Дяюйдао) Китай объявил в очередной раз о своих правах на эти небольшие участки суши в Восточно-Китайском море. Но в отличие от ситуации в Южно-Китайском море Китай не ограничился обозначением территориальных претензий на эту зону. Министерство обороны КНР объявило о решении создать в этих водах опознавательную зону противовоздушной обороны. Эта зона включает и воздушное пространство над островами, которые находятся под контролем Японии, однако Пекин считает их своими незаконно оккупированными территориями. Согласно принятому в Пекине решению, иностранные самолеты в этой зоне должны будут благоприятно направлять в МИД КНР полетный план, отвечать на идентификационные запросы, иметь на борту четкие опознавательные знаки. В противном случае китайские военные оставляют за собой право принять меры оборонительного характера.

По словам официального представителя министерства обороны КНР Ян Юйцзюня, опознавательная зона ПВО — территория за пределами воздушного пространства прилегающей к морю страны — создается для предупреждения воздушной угрозы. Она предназначена для распознавания летательных аппаратов, которые входят в воздушное пространство зоны, наблюдения и контроля за ними, а также для реагирования на них. Также она позволяет выиграть время для предварительного предупреждения и защиты воздушного пространства, пояснил представитель оборонного ведомства КНР.

Ян Юйцзюнь также заявил, что правительство Китая создает опознавательную зону в соответствии с международной практикой. Цель создания зоны — защитить государственный суверенитет, предотвратить нарушение воздушного пространства и территориальной целостности и упорядочить полеты летательных аппаратов. «Создание опознавательной зоны, — подчеркнул Ян Юйцзюнь, — необходимая мера реализации Китаем права на самозащиту. Она не направлена против какой-либо конкретной страны или цели, а также не нарушает свободу перемещения в соответствующем воздушном пространстве»⁴.

Поскольку это первая опознавательная зона ПВО, объявленная Китаем, ВВС КНР, по-видимому, не смогут немедленно принять всеобъемлющие меры по вводу ее в действие. Однако, исходя из опыта действий китайских военных (2001 г. — столкновение самолета ВМС США EP-3 с китайским истребителем близ о. Хайнань; февраль 2013 г. — облучение китайской РЛС японского эсминца), нельзя полностью исключить готовности китайских военных к решительным действиям, что может привести к неожиданным и серьезным последствиям в регионе.

С технической точки зрения цель опознавательной зоны, установленной за пределами национальных границ (12 морских миль), — определить «друг или враг» с тем, чтобы дать достаточно времени для реакции собственной системы ПВО. Международные правила для установления опознавательной зоны отсутствуют, и эти зоны устанавливаются индивидуально исходя из отечественной практики. Поэтому, вообще говоря, подобная зона не означает и не гарантирует юрисдикцию страны над ус-

тановленной зоной. Даже если опознавательная зона лежит над международными водами, согласно международному праву нет ограничений для пролетов здесь иностранным самолетам.

Свою зону опознавания Японии ввела в действие еще в 1969 г. в рамках системы публикации аэронавигационных сведений, созданной ИКАО для обеспечения полетов и спасательных операций гражданских самолетов. Она предусматривает заблаговременное сообщение входящими в нее самолетами полетных планов. Но это не обязательное требование, оно выполняется на добровольной основе. Естественно, военные самолеты, даже соседних стран, редко сообщают свои полетные планы⁵.

Что касается контроля гражданских самолетов, то все страны имеют собственные районы информации о полетах, которые обеспечивают их экипажам полетную информацию и в случае необходимости — поисковые и спасательные операции. Центрами таких районов информации в Северо-Восточной Азии являются Фукуока, Шанхай и Тайбей. ВВС сил самообороны Японии получают полетную информацию о гражданских самолетах для своей зоны обнаружения от этих районов информации и просто сравнивают ее с собственными данными. При этом не требуется предоставлять данные о полетных планах заблаговременно.

Проблема заключается не только в том, что вновь объявленная китайская система опознавания накладывается на японскую систему, но и в том, что международные воды с воздушным пространством над ним покрываются китайской зоной обнаружения и, в конце концов, могут оказаться под юрисдикцией Китая. Другим словами, зона обнаружения Китая нарушает свободу полетов над международными водами. Более того, она покрывает японские острова Сенкаку, как если бы они были частью китайской территории. Такая односторонняя попытка изменить статус-кво может привести к непредсказуемым инцидентам и нарушить существующее равновесие в регионе.

Министерство обороны КНР объявило, что оно будет отслеживать зону опознавания в Восточно-Китайском море и требовать от пролетающих самолетов доклада о своих полетных планах в китайский МИД или авиационную администрацию КНР

и следования указаниям МО Китая. При невыполнении этих условий Китай будет принимать оборонительные меры против самолета.

По-видимому, Китай предполагает, что как только вновь объявленная китайская зона над Восточно-Китайским морем укрепитя, дело будет продолжено путем создания других подобных зон опознавания в районе Южно-Китайского моря. Китай утверждает, что около 90 % этого моря находится под его контролем. Похоже, что Китай начинает выполнять план контроля более обширного района внутри «Первой цепи островов».

Два характерных аспекта китайской зоны опознавания:

1. Большой территориальный охват зоны, включая суверенное воздушное пространство Японии над островами Сенкаку, а также воздушное пространство над Эдо, частично затопленной скалой с исследовательской станцией на ее вершине, находящейся под контролем Сеула. Пекин объявил Сенкаку частью КНР, а Эдо — находящимся внутри исключительной экономической зоны.

2. Пекин требует, чтобы самолеты перед входом в зону делали объявление и получали разрешение от китайских властей, даже если они не собираются входить в воздушное пространство Китая. Такие обременительные требования и посягательство на установленные права свободы навигации как таковые были отвергнуты Токио, Сеулом, Тайбеем и Вашингтоном. Госсекретарь США Дж. Керри во время поездки по странам региона заявил: «Соединенные Штаты не признают эту зону и не будут выполнять ее требования. Зона не должна функционировать, и Китаю следует воздержаться от подобных односторонних действий где-либо в регионе. Для подтверждения такой позиции американские, японские, южнокорейские и тайваньские военные самолеты пересекали китайскую зону опознавания без запроса разрешения Пекина, подобным же образом действовали и гражданские самолеты Японии и Южной Кореи, несмотря на заявление представителя китайских ВВС, что их могли сбить⁶.

Объявление о создании опознавательной зоны вызвало решительный протест Токио. По словам премьер-министра Японии Синдзо Абэ, «на попытки силой поменять сложившееся по-

ложение вещей мы будем решительно реагировать и последовательно защищать морское и воздушное пространство страны». С. Абэ отметил, что действия КНР не имеют для Японии никакой обязывающей силы. «Китай действует в одностороннем порядке, что ведет к эскалации напряженности», — заявил премьер. По его словам, Пекин нарушает принцип свободы полетов, поскольку требует от всех самолетов в опознавательной зоне подчиняться указаниям вооруженных сил КНР. «Это угрожает безопасности воздушного пространства и может привести к крайне тяжелым последствиям», — подчеркнул Абэ, потребовав от Пекина отменить данное решение⁷.

Премьер сообщил, что Токио будет координировать свои действия на этом направлении с США как с военным союзником, а также с другими заинтересованными странами. В свою очередь министр обороны Японии Ицунори Онодэра, выступая в парламенте, подчеркнул, что ВВС страны будут принимать жесткие меры в случае нарушения воздушного пространства страны.

Со своей стороны США подтвердили союзнические обязательства по обеспечению безопасности Японии в связи с решением КНР создать зону воздушной обороны в Восточно-Китайском море. Назвав ее создание попыткой изменить статус-кво в регионе, министр обороны США Ч. Хейгел отметил, что односторонние действия Китая усиливают риск возникновения конфликта в результате недопонимания и неправильных выводов о намерениях другой стороны.

Уже через два дня после указанных заявлений два американских бомбардировщика В-52 поднялись в воздух с базы ВВС США на о. Гуам и без предупреждения пролетели над спорными островами, вошли в созданную КНР зону. Представитель Пентагона заявил: «Мы осуществляли операции в районе Сенкаку. Мы по-прежнему следовали нашим обычным правилам, в том числе не предоставляли полетных планов, не направляли заранее уведомлений и не регистрировали частоты наших переговоров»⁸. Он также отметил, что никаких действий со стороны Китая в связи с этим не последовало.

23—24 апреля 2014 г. президент США Б. Обама в рамках азиатского турне посетил Японию. Главной темой его пресс-конфе-

ренции в Токио был вопрос об островах Сенкаку. Он заявил, что эти острова подпадают под действие ст. 5 американо-японского договора о безопасности. Согласно этой статье стороны договора будут отвечать на нападение на территории, находящиеся под администрацией Японии. Указанное заявление явилось важным событием в отношениях США и Японии, поскольку Обама стал первым действующим президентом США, который ясно обозначил изменение традиционной американской позиции не принимать какую-либо сторону в территориальных спорах⁹.

Аналитики задаются вопросом, почему Обама сделал такое смелое заявление. Вопрос важен в связи с тем, что китайско-японские отношения, по-видимому, находятся в нижней точке за последний период. Такое заявление связано с решением вызвать недовольство Китая и дестабилизировать американо-китайские отношения, которые вроде бы укрепились со времени американо-китайской встречи на высшем уровне в Калифорнии в июне 2013 г. Заявление Обамы было тем, что хотело услышать японское руководство со времени начала эскалации напряженности в Восточно-Китайском море в сентябре 2010 г. Оно прозвучало в ответ на ряд шагов Японии по укреплению японо-американских отношений.

По существу, слова Обамы были лишь подтверждением заявлений, сделанных в свое время государственными секретарями США Х. Клинтон и Дж. Керри и американскими министрами обороны Л. Панетта и Ч. Хейгел.

Не исключено, что в ближайшем будущем мир будет свидетелем ужесточения политики США не только по отношению к России, но и на китайском направлении.

Примечания

¹ URL: www.defense.gov/Speeches. 05.06.2010.

² Clinton H. The Pacific Era of US. Foreign Policy. 11.10.2011.

³ Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М. ИДВ РАН. 2013.

⁴ URL: <http://www.redstar.ru/index.php/2011-07-25-15-56-32/item/12900-spetszona-protivorechij>

⁵ URL: <http://www.jiia.or.jp/en/commentary/201401/17-1.html>

⁶ *Chang Gordon G.* Economic Implication of Provocative Chinese Behavior in the East China Sea. URL: www.mansfieldfdn.org

⁷ URL: <http://www.rg.ru/2013/11/25/vozduh-site-anons.html>

⁸ URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/792680>

⁹ *Singh B.* Obama, the Senkaku/Diaoyu islands, and the US-Japan Security Treaty. PacNet#36A. 07.05.2014.

А.С. Исаев*

КИТАЙ И «УКРАИНСКИЙ КРИЗИС»: ВЫБОР СТРАТЕГИИ

Аннотация. В статье анализируются основные факторы, повлиявшие на выработку позиции КНР в отношении «украинского кризиса» (первая половина 2014 г.) с учетом геоэкономических и геополитических интересов Китая. Автор подробно рассматривает вызовы и риски, которые возникают в связи с кризисом для китайско-американских, китайско-украинских, китайско-российских отношений. Особое внимание уделяется отношениям России и Китая в условиях переформатирования баланса сил на международной арене.

Ключевые слова: Китай; «украинский кризис»; США; Евро-союз; китайско-американские отношения; китайско-украинские отношения; российско-китайские отношения; БРИКС.

Политический кризис на Украине, приход к власти «новой коалиции», референдум и воссоединение Крыма с Россией, стремительная интернационализация конфликта и обостряющееся этническое противостояние на Украине — все это придало событиям в стране характер нарастающего глобального конфликта с участием России, США, ЕС, НАТО и с вовлечением в него других государств.

* *Исаев Александр Сергеевич*, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Китай как крупный мировой игрок не остался в стороне от «украинского кризиса». Стало понятно, что усилившиеся противоречия по линии Россия—Запад создали ситуацию, при которой однополярный мир при ведущей роли только одной сверхдержавы уходит в прошлое и развивается процесс, по словам главы МИД России С. Лаврова, «переформатирования всей мировой системы» в сторону «полицентрического мироустройства»¹.

* * *

Первая реакция Китая на обострение ситуации на Украине и вокруг нее была традиционно сдержанной. Она ограничилась заявлениями о невмешательстве и необходимости мирных, дипломатических методов разрешения конфликта. Ответственность за ухудшение политической обстановки в стране Китай возложил на внешние силы. Пекин обвинил Запад в манипулировании «мнениями людей» по поводу соглашения об ассоциации с Евросоюзом. «Вмешательство Запада помешало диалогу между правительством и оппозицией, посеяв семена дальнейших социальных и политических распрей внутри страны»², — сообщало агентство Синьхуа.

Линия поведения Пекина в отношении кризиса на Украине формировалась с учетом как собственно «украинских», так и геэкономических и геополитических интересов КНР. Вырабатываемая позиция должна была отражать «принципиальный нейтралитет» Китая в конфликтных ситуациях, а также отвечать политическим и экономическим интересам КНР в Европе, планам по перезагрузке китайско-американских отношений, прежде всего в АТР, где взаимные подозрения Пекина и Вашингтона (с его союзниками) продолжали усиливаться. И, несомненно, Китай принимал в расчет и особый характер китайско-российских отношений «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Чем дальше развивался конфликт, тем больше углублялась вовлеченность КНР в самый острый после распада СССР международный кризис, тем больше усиливалась активность Китая в этом вопросе, поскольку ситуация на Украине затронула глобальные и региональные интересы КНР, подвергла ее внешней

политику определенным рискам. При этом важно напомнить, что с июня 2011 г., когда председатель КНР Ху Цзиньтао побывал в Киеве, две страны начали развивать отношения стратегического партнерства.

Приход к власти «новой коалиции» мало что изменил в подходах КНР к Украине. Не возникло и вопроса о легитимности или нелегитимности новых киевских лидеров. 24 февраля 2014 г. официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила, что Китай намерен продолжать развивать отношения стратегического партнерства с Украиной на основе равенства и взаимной выгоды. Давая оценку ситуации в Киеве и ее влиянию на китайско-украинские отношения, Хуа Чуньин подчеркнула: «Мы заметили, что в результате усилий, приложенных различными сторонами, наблюдалось смягчение ситуации в этой стране. Мы надеемся, что политический процесс по решению кризиса в Украине будет продвигаться в рамках закона»³.

Неконтролируемый рост радикализма и активизация на украинском политическом пространстве США и ЕС скорректировали позицию Китая. На совещании СБ ООН 3 марта 2014 г. постпред КНР при ООН Лю Цзеи выразил «большую озабоченность в связи с ситуацией в Украине». Он осудил радикальные насильственные акты и предложил, чтобы заинтересованные украинские стороны урегулировали внутренние разногласия в законодательных рамках и мирным путем, «на практике защитили законные интересы разных народов Украины». Он добавил, что «в Китае обратили внимание на стремительно разжигаемые русофобские настроения»⁴.

Появление крымского фактора в «украинском кризисе» и подготовка к референдуму на полуострове сначала также не внесли коррективов в позиции Китая. 28 февраля официальный представитель МИД КНР Цинь Ган заявил китайским и иностранным журналистам: «Позиция Китая по отношению к суверенитету и территориальной целостности Украины остается прежней. Китай уважает суверенитет и территориальную целостность Украины»⁵.

3 марта в Москве прошли консультации заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Г.Б. Карасина с

заместителем министра иностранных дел КНР Чэнь Гопином. Российский МИД сообщил, что «особо рассматривались события на Украине». По информации официального сайта МИД РФ, китайская сторона выразила понимание российского анализа причин кризиса на Украине, той роли, которую в этом сыграли действия внешних сил, а также последствий фактического срыва в Киеве выполнения договоренностей по Соглашению об урегулировании кризиса на Украине от 21 февраля 2014 г.⁶

Стремление Китая разрешить складывающуюся вокруг Украины ситуацию «политическими и дипломатическими средствами» было подтверждено и во время телефонного разговора председателя КНР Си Цзиньпина с президентом США Б. Обамой. «Китайская сторона в украинском вопросе придерживается объективной и справедливой позиции. Ситуация на Украине чрезвычайно сложная, в нынешних условиях всем сторонам необходимо сохранять хладнокровие и сдержанность, избегать шагов, которые могут привести к росту напряженности. Необходимо сохранять курс на разрешение кризиса политическими и дипломатическими средствами»⁷, — подчеркнул Си Цзиньпин.

После голосования в СБ ООН по вопросу о Крыме, по которому Китай воздержался, а Россия наложила вето на соответствующую резолюцию, украинский МИД потребовал от китайских дипломатов разъяснений по занятой КНР позиции. Посол на Украине Чжан Сиюнь заявил заместителю министра иностранных дел Украины А. Олефирову, что одним из базовых постулатов внешней политики Китая является принцип невмешательства. Объяснение не удовлетворило Киев, который до этого истолковывал заявления КНР о поддержке «суверенитета и территориальной целостности Украины» как поддержку его позиции в споре с Москвой по крымскому вопросу.

Одним из аргументов в пользу такого суждения был вывод о том, что Китай опасается-де ситуации, при которой в КНР, например в Тибете и Синьцзяне, где сильны сепаратистские тенденции, может пройти референдум по типу крымского. Заметим, однако, что в Китае нет традиции проведения референдумов. А структура народонаселения и административная система

в Синьцзяне и Тибете таковы, что результаты референдумов, даже если они и произойдут, вряд ли будут соответствовать сепаратистским ожиданиям.

По мере эскалации конфликта Китай активизировал усилия по урегулированию «украинского кризиса». На заседании Совета Безопасности 16 марта постпред КНР в ООН Лю Цзеи предложил посредничество в решении проблемы. Он потребовал, во-первых, «создать международный координационный механизм с участием заинтересованных сторон для выработки политического урегулирования украинского кризиса». Во-вторых, он призвал все стороны воздержаться от действий, которые могут привести к дальнейшей эскалации конфликта. В-третьих, рекомендовал международным финансовым институтам определить, как помочь сохранению экономической и финансовой стабильности на Украине⁸. Лю заявил, что голосование по проекту резолюции, внесенному США, лишь «усилит конфронтацию и еще больше осложнит обстановку», и напомнил, что «внешнее вмешательство» стало «важной причиной, приведшей к насильственным действиям на улицах украинских городов, что вызвало кризис в стране»⁹.

Китай не мог игнорировать и рост напряженности в юго-восточных регионах Украины. Отвечая на вопросы журналистов о противостоянии в Донбассе, представитель МИД КНР Хуа Чуньин призвала заинтересованные стороны «сохранять хладнокровие и сдержанность, на основе полного учета законных интересов и озабоченностей разных регионов и разных национальностей найти каналы урегулирования кризиса путем политического диалога в целях содействия стабилизации ситуации»¹⁰.

Чуть раньше, 6 марта 2014 г., состоялся разговор по украинской проблеме госсекретаря КНР Ян Цзечи с помощником президента США по национальной безопасности Сьюзан Райс. В разговоре Ян Цзечи подчеркнул, что «законные права и интересы всех этнических групп на Украине должны быть учтены при решении украинской проблемы (в целом)»¹¹.

Кроме того, официальные СМИ КНР выступили с осуждением политики США и их союзников. 19 марта 2014 г. агентство

Синьхуа распространило комментарий о приверженности Запада двойным стандартам и только собственным интересам, что проявилось в широком географическом диапазоне «от Косово до Южной Осетии, а также от Коморов до Крыма»¹².

Китай в период обострения крымской темы усиленно готовился к участию в «ядерном» саммите в Нидерландах и к визиту главы КНР Си Цзиньпина в европейские страны, занявшие к тому времени идентичную с США позицию по украинскому вопросу. Накануне визита в Европу Си Цзиньпин объявил, что Китай сохранит отношения с киевским правительством и продолжит совместное экономическое сотрудничество. Таким образом, Китай подтвердил, что заинтересован в торговле и развитии экономических связей с Украиной. Так проявилась еще одна важная отличительная черта внешней политики Китая, в которой экономическая дипломатия стала серьезным инновационным фактором¹³.

Сдержанная позиция КНР была еще раз продемонстрирована в ходе встречи председателя КНР Си Цзиньпина с президентом США Б. Обамой в рамках саммита по ядерной безопасности в Гааге. Председатель КНР напомнил, что Китай предложил срочно создать международный координационный механизм и отказаться от действий, которые могут привести к дальнейшему ухудшению ситуации¹⁴. А во время встречи с руководителями Германии председатель КНР подчеркнул, что ситуация на Украине сложна и «крайне чувствительна», поскольку для сдерживания кризиса требуется учет самых разнообразных факторов¹⁵.

Интенсивный диалог России с Китаем по положению на Украине, несмотря на разницу интересов, продемонстрировал взаимопонимание сторон по принципиальным вопросам. Во время визита в Китай глава МИД РФ С. Лавров на совместной пресс-конференции с китайским коллегой Ван И 15 апреля 2014 г. заявил: «Мы затронули сегодня и украинскую тему в свете происходящих в этой стране драматических событий. Подтвердили признательность за объективную, взвешенную и ответственную позицию, которую Китайская Народная Республика заняла в связи с событиями на Украине и в Крыму. Убеждены,

что применение силы для развязки ситуации, которая сложилась на Юго-Востоке страны, неприемлемо, а ключ к урегулированию кризиса — начало разработки подлинной конституционной реформы, которая обеспечила бы учет интересов всех без исключения регионов Украины»¹⁶. Глава МИД КНР подчеркнул, что «в качестве друга украинского народа китайская сторона не желает дальнейших потрясений в Украине, считая, что внутренний вопрос Украины должен быть решен с учетом сложной исторической подоплеки, справедливых интересов и требований разных регионов и различных национальностей Украины»¹⁷.

Китай одобрил состоявшуюся 17 апреля в Женеве встречу с участием глав дипломатических ведомств России, США, ЕС и Украины. Представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила, что «при решении украинских внутренних проблем должны быть учтены законные права, интересы и потребности всех регионов и этнических сообществ», и отметила необходимость обеспечить «благоприятное внешнее окружение»¹⁸.

Иными словами, Пекин в процессе эволюции «украинского кризиса» постарался максимально использовать весь спектр дипломатических средств и методов, позволяющих, с одной стороны, продемонстрировать его принципиальность, а с другой — учитывать разноуровневые интересы КНР, связанные с ее отношениями с ЕС, Россией, Украиной и США. В то же время китайская позиция при видимой ее нейтральности содержала «крен» в сторону России. Параллельно с разработкой официальной позиции в Китае формировалось широкое общественное мнение в пользу Москвы.

По мнению немецкого журнала *Der Spiegel*, «дружелюбные и сильные слова о России» в ведущих китайских СМИ подтверждают, что «в противостоянии России с Западом самая населенная страна в мире стоит на стороне самой обширной страны»¹⁹. А входящая в информационный холдинг «Жэньминь жибао» газета «Хуанцю шибао» отмечала: «В то время как правительство КНР заняло по отношению к Украине соответствующую своему положению взвешенную позицию, общественное мнение, имеющее возможность свободно говорить о своих взглядах, по большей части встало на сторону России. Люди,

поддерживающие Москву, считают, что действия России — реакция на долгосрочное стратегическое давление со стороны Запада... Мы склонны согласиться с теми, кто поддерживает Россию»²⁰.

«Украинский кризис» вернул в Китай страх перед давлением со стороны США и Запада. Упомянутая газета «Хуанцю шибао», редакционными приоритетами которой являются темы национальных интересов КНР, писала, что давление на Китай со стороны США связано не только с геополитикой. Оно в значительной мере затрагивает идеологию и общепринятые в КНР ценности. Усиливающееся давление США проявляется во многих аспектах и является главной проблемой для КНР в XXI в. Китай пытается создать новую модель отношений с США, и любые негативные изменения в связях с Америкой выглядят куда более пугающими, чем изменения в отношениях между Пекином и Москвой. По мнению газеты, в ближайшие несколько десятилетий Россия не будет представлять для Китая стратегической угрозы. Поэтому китайцы должны воспринимать подъем России как нечто естественное, но при этом соблюдать интересы Китая в процессе общения с Москвой.

* * *

Рассматривая основные факторы, влияющие на выбор Китаем места в текущей расстановке сил в мире, можно выделить несколько их групп. Каждая из них обусловлена прагматическими интересами Китая.

Во-первых, это — *политические факторы*, связанные с внутриполитическим развитием КНР.

Пекин отнесся к примененным на Украине политтехнологиям с использованием массовых протестов, националистических и этнических мотиваторов для смены режима с полным пониманием заложенных в них угроз для КНР.

Актуальность этой темы для Китая очевидна, так как КНР стала одной из первых стран, где были применены методики «цветных революций» с использованием протестных настроений. События в Пекине 1989 г., почти месячное противостояние

протестных сил и властей напоминают то, что происходило в Киеве на Майдане в 2004 и в 2013 гг.

Как и в случае с «евромайданом», главными причинами, побудившими студентов, а затем и другие слои населения выйти на демонстрации, в Китае были социально-экономические проблемы, коррупция и злоупотребления чиновников в ходе проведения экономических реформ. Протесты на Тяньаньмэнь быстро приобрели политическую направленность и переросли в противостояние с властями. Так же, как и на Украине, сильным катализатором стало вмешательство внешних сил.

Еще одной из характерных особенностей протестного движения в Китае в 1989 г. было то, что в период объявления голодовки студентами к протестующим присоединились разнообразные, зачастую еще не оформившиеся гражданские силы — ориентированные на США «демократы», новые маоисты, националисты. Нечто похожее можно было наблюдать и в социальной структуре «евромайдана» ноября 2013 — февраля 2014 гг.

Не случайно спустя 25 лет китайцы вновь выступили с критикой Запада, подтолкнувшего протестные движения на Украине к радикальным действиям. Ученый из ИРВЕЦА АОН КНР Ян Цзинь, анализируя причины политического кризиса на Украине на его раннем этапе, подчеркнул, что вопрос о примыкании к Востоку или Западу хоть и не является главным стимулом кризиса, тем не менее он остается серьезным «закулисным» фактором. ЕС и США четко заявили о своей поддержке оппозиции, что применительно к Украине, по мнению Ян Цзиня, подливало масла в огонь, стимулируя борьбу за выбор Украины в пользу Запада и создавая для России дополнительные проблемы и риски.

С развитием кризиса оценки китайских экспертов стали более определенными, особенно когда в Киев зачастили сотрудники госдепа США и обнаружили тесные связи американских спецслужб с «новой украинской коалицией». Китайская Global Times писала в марте 2014 г.: «Украинский вопрос давно уже вышел за пределы внутренних дел какой-либо одной страны... Западные страны уже много лет держат в своих руках право интерпретировать, что именно является внутренней политикой,

они сами повсюду вмешиваются в дела других стран, иногда даже безрассудно злоупотребляя военными силами»²¹.

Еще более определенно на этот счет высказался 17 апреля 2014 г. министр общественной безопасности КНР Го Шэнкунь. На встрече секретарей советов безопасности стран — членов ШОС он заявил, что Шанхайской группе угрожают внешние силы, которые инициируют «цветные революции и, используя социально-экономические противоречия для свержения власти, пытаются спровоцировать новые волны «цветных революций». «Это представляет серьезную угрозу для суверенитета и безопасности стран региона и является общей озабоченностью государств — членов ШОС», — сказал министр и призвал выработать совместные меры по противодействию вмешательству во внутренние дела стран²².

В контексте влияния «украинского кризиса» на внутривнутриполитические интересы КНР следует выделить и такой крайне важный компонент конфликта, как *обострение информационной войны*. Кризис на Украине показал, что информационные войны в условиях технологического прорыва и доступности средств ИТ приобретают особое значение в противоборстве сторон.

Мониторинг информационного противоборства выявил важную тенденцию. Как и в случае с «арабскими революциями», серьезную роль в информационной войне сыграли интернет-ресурсы, объединяющие миллионы участников социальных сетей. Основной массив информации, острых разоблачений и дезинформации поступали в СМИ из Интернета. Обращение лидера националистического «Правого сектора» Д. Яроша к Доку Умарову, скандальная запись беседы министра иностранных дел Эстонии с верховным комиссаром ЕС по международным делам и безопасности Кэтрин Эштон о действиях снайперов на Майдане стали известны миру благодаря утечкам в Интернете.

КНР также стала объектом информационной войны между РФ, Украиной и Западом. Накануне сессий НПКСК и ВСНП в Интернете появилась дезинформация о том, что в ПК ВСНП якобы лежат проекты законов, согласно которым предусматривается присоединение к КНР части иностранного государства в случае, если местные жители на референдуме примут решение о

ее вхождении в состав Китая. В информации указывалось, что «проект» предполагает «аннексию российского Дальнего Востока». Для специалистов абсурдность таких утверждений очевидна, но для обычных людей эта информация выглядела убедительной²³.

В конце февраля Пекин принял решение о создании Комиссии по интернет-безопасности. Ее возглавил Си Цзиньпин²⁴. Напрямую с событиями в Киеве создание новой комиссии не связано, но украинский фактор, возможно, учитывался при принятии решения о ее создании. Позже глава МОБ КНР на встрече секретарей советов безопасности стран ШОС заявил о необходимости «усилить контроль над социальными сетями», чтобы «своевременно выявить, предотвратить и урегулировать сценарии повторения «цветных революций»²⁵.

Жесткая позиция по обеспечению безопасности в киберпространстве вполне объяснима. Влияние информационных стратегий на китайское население очень велико. В КНР насчитывается почти 620 млн пользователей Интернета — больше, чем в какой-либо другой стране мира. Любая появившаяся в сети информация, провоцирующая всплеск национальных чувств, стимулирующая возмущение несправедливостью, коррупцией, вызывает бурную ответную реакцию.

Экономический фактор стал важнейшим мотиватором для Китая в выборе его места в «украинском вопросе». Кризис на Украине и его интернационализация подвергли испытанию экономические интересы КНР в Европе в целом и на Украине в частности.

Китайско-украинский товарооборот в 2013 г. оценивался в 11,12 млрд долл., что на 7,3 % больше показателя 2012 г. Во время визита в КНР президента Украины В. Януковича (3—6 декабря 2013 г.) были достигнуты договоренности, дававшие Украине возможность, по словам тогдашнего вице-преьера Ю. Бойко, привлечь в экономику страны около 30 млрд долл. «в виде кредитов, инвестиций и государственно-частного партнерства». В 2014 г. Украина рассчитывала утроить объемы двусторонней торговли²⁶. К 2023 г. Киев и Пекин намеревались увеличить объемы торговли товарами и услугами до 100 млрд долл.,

для чего планировалось оптимизировать и сбалансировать структуру товарооборота²⁷.

В 2014 г. Украина предполагала получить из Китая 18 млрд долл. в виде кредитов и инвестиций. Был подписан Меморандум между государственным ипотечным учреждением и китайской корпорацией CITIC Construction о строительстве доступного жилья на Украине. Для этого Киев рассчитывал привлечь китайский кредит в 15 млрд долл. сроком на 15 лет с возможностью пролонгации. Стороны договорились о строительстве глубоководного порта в Крыму и о реконструкции Севастопольского морского рыбного порта. Соглашение между Минтопэнерго и Китайской национальной инжиниринговой корпорацией Wuhuan Engineering Co. Ltd. открывало путь к строительству завода по производству синтетического газа. В рамках проекта планировалось создать 2 тыс. новых рабочих мест на самом заводе и около 100 тыс. на отечественных угледобывающих предприятиях. Под этот проект открывалась кредитная линия в размере 3,66 млрд долл. Были подписаны соглашения, которые, по украинским оценкам, позволяли вывести Украину в разряд основного поставщика продовольствия на китайский рынок. В апреле 2013 г. агрохолдинг UkrLandFarming заключил с крупнейшей китайской машиностроительной корпорацией Sinomach договор о получении кредита в размере 4 млрд долл. для модернизации производственных мощностей. В октябре того же года Государственная продовольственно-зерновая корпорация Украины и Китайская национальная корпорация машинной промышленности (СЕСЕС) подписали договор на поставку украинского зерна на китайский рынок²⁸.

Очень важно отметить, что, по китайским оценкам, с начала XXI в. ЕС с помощью программы «ТАСИС» и в рамках Восточноевропейского партнерства помогал создавать систему рыночной экономики и программу социального развития в соответствии с западными стандартами. Украинская экономика с большим трудом, но все же интегрировалась в глобальную экономику. В 2013 г. ЕС стал крупнейшим инвестором и торговым партнером Украины, обойдя Россию²⁹.

Правительству Януковича удалось добавить к европейскому «уклону» китайский экономический фактор, который в тот период воспринимался как одна из альтернатив неясным экономическим перспективам ассоциирования с ЕС. Однако с приходом к власти в Киеве «новой коалиции» для Китая и его интересов возникли риски, связанные с неопределенностью будущего намеченных с Украиной программ.

В условиях политического хаоса проявилось недопонимание в плане выполнения части договоренностей: разразился скандал с трехмиллиардным контрактом на поставки в КНР украинского зерна. Согласно контракту, Китай обязался предоставить Украине 15-летний кредит (с пятилетним льготным периодом) по два транша в 1,5 млрд долл. каждый. Первая часть кредита, уже полученная украинской стороной, должна была пойти на спотовые и форвардные закупки зерна, которое так не было поставлено китайцам. Вторая часть, выделявшаяся на закупки в КНР сельхозтехники, модернизацию и строительство элеваторов, осталась нераскрытой из-за несогласованности вопроса о номенклатуре оборудования и цен на него³⁰. «Зерновой скандал» выявил хозяйственные противоречия и не был единственным в новых условиях.

Китайская национальная корпорация стройматериалов (СНВМ) в апреле 2014 г. обратилась к и.о. президента Украины А. Турчинову с письмом, в котором описывались последствия реализации предложенного Минтопэнерго законопроекта о снижении «зеленого тарифа». «Указанным проектом Закона предлагаются изменения, которые могут полностью ликвидировать солнечную энергетику в Украине», — подчеркивалось в обращении китайской госкорпорации. Под угрозой оказались собственные активы корпорации (включая уже введенные в эксплуатацию объекты) стоимостью 1 млрд долл. Общая сумма финансирования, привлеченная в солнечную энергетику Украины с участием финансовых и страховых учреждений КНР, составила более 600 млн долл.³¹

По мнению специалиста Шанхайского университета Хуадун Ян-Чэна, «смена украинского правительства однозначно ведет к непредсказуемости того, сможет ли торговое сотрудничество

между Киевом и Пекином осуществляться с прежней интенсивностью»³².

Однако КНР продолжает рассчитывать на долговременный характер торговых связей с Киевом. Представитель министерства коммерции КНР Шэнь Даньян заявил 19 марта 2014 г.: «Китай готов поддерживать с Украиной тесные отношения взаимовыгодного сотрудничества и надеется на скорейшую стабилизацию ситуации в этой стране»³³.

Украина, в свою очередь, также подтвердила заинтересованность в продолжении активных экономических связей с Китаем. Посол Украины в Китае О. Демин на встрече в ИРВЕЦА АОН КНР сообщил, что пока ни по одному из направлений не было заявлений о прекращении сотрудничества, а также не возникло проблем, «если не считать чисто хозяйственных вопросов». Он отметил неопределенность по тем проектам, которые планировались в Крыму, однако подчеркнул перспективность других направлений: военно-технического сотрудничества (ВТС), судостроения³⁴.

Вместе с тем эксперты высказывают сомнения относительно того, что *военно-техническое сотрудничество Украины и Китая* будет сохранять насыщенный и долговременный характер. После снятия с должности А. Громова — руководителя государственного концерна «Укроборонпром», являющегося главным партнером Китая в двустороннем военно-техническом сотрудничестве, было объявлено, что «Укроборонпром» сконцентрирует внимание на обеспечении нужд обороны Украины. И хотя Ю. Терещенко — новый глава концерна — пообещал продолжить активную торговлю оружием, продекларировав уверенность в сохранении соответствующими экономическими показателями «Укроборонпрома» в 2014 г. уровня предыдущего года³⁵, у зарубежных специалистов возникли сомнения, что применительно к КНР ВТС будет осуществляться с прежней интенсивностью.

Заметному испытанию ВТС КНР с Украиной подвергнется, когда начнется реальное взаимодействие Киева с ЕС. Согласно правилам ЕС об эмбарго на поставки вооружений и техники двойного назначения ряду стран, включающему и Китай, Кие-

ву, возможно, придется сократить торговлю оружием с Поднебесной. Здесь не стоит сбрасывать со счетов и решающее влияние Соединенных Штатов на процесс принятия решений новыми властями в Киеве.

До последнего времени Украина сохраняла статус активного игрока на международном рынке оружия. Китай для Украины стал партнером номер один, хотя еще несколько лет назад он уступал Пакистану. А в период 1992—2008 гг. Китай, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), занимал 2-е, после Пакистана, место среди импортеров украинских вооружений (624 млн долл.)³⁶.

Украина играет заметную роль в модернизации китайской армии. По данным украинского агентства «Центр военной политики и безопасности», 43 % экспорта авиатехники украинского производства в 2011 г. приходилось на Китай. Дальнейшие планы расширения украинско-китайского ВТС охватывали, помимо новых продаж и поставок комплектующих, совместное проектирование регионального реактивного самолета ARJ 21, модернизацию транспортного Y8, сопровождение эксплуатации в КНР самолетов Ан-12, Ан-24, Ан-26 и Ан-30³⁷.

Благодаря украинским технологиям Китаю удалось перевести ракеты класса «воздух—воздух» с инфракрасными системами наведения на активные радиолокационные системы. Полагают, что выпускаемая на киевском заводе «Радар» полуактивная радиолокационная головка самонаведения превосходит российские аналоги как по эффективности, так и по помехоустойчивости. Это позволило Китаю провести модернизацию стоящих на вооружении ракет Р-27, а также приступить к выпуску собственных управляемых ракет РЛ-12, применяемых при любых погодных условиях, в том числе для уничтожения множественных воздушных целей³⁸.

Помимо перечисленных направлений украинско-китайского военно-технического взаимодействия, следует упомянуть также поставки украинской техники для модернизации ВМС Китая. Одной из последних сделок в этой области стал контракт на поставки десантных кораблей-амфибий класса «Зубр». Эти

суда способны транспортировать (на выбор) 500 десантников, или три боевых танка, или десять БТРов, или восемь БМП³⁹.

Всего, согласно контракту, стоимость которого оценивается в 350 млн долл., построено 2 десантных корабля. Еще 2 должны быть произведены в Китае из китайских комплектующих, но при участии украинских специалистов⁴⁰. Второй корабль класса «Зубр», построенный в Феодосии, прошел приемку и был отправлен в Китай 3 марта 2014 г., т. е. в самый разгар внутривосточного кризиса на Украине.

В общей сложности Украина продала КНР около 30 военных технологий. Среди них: разработки для конструирования военных транспортных самолетов, технологии, применяемые в двигательных установках авианосцев и крупных кораблей, в танковых двигателях. Утверждают даже, что за 20 лет Китай получил от Украины почти все необходимые ему технологии и что в украинском ВПК не осталось практически ничего, что могло бы заинтересовать Китай. Однако аналитики полагают, что Украина еще способна стимулировать интересы КНР в сфере военных технологий. Киев сохраняет неплохие позиции в авиакосмической и химической промышленности, производстве систем навигации и других отраслях. В Днепропетровске работает всемирно известный завод по производству ракетно-космической техники, производящий ракеты-носители «Циклон-2», «Циклон-3», «Зенит».

Судя по масштабам военных продаж в КНР, Украина заинтересована в сохранении контактов с Пекином в этой области. Однако, учитывая, что США и ЕС приобрели огромное влияние на процесс принятия решений в Киеве, это сотрудничество может подвергнуться корректировкам.

* * *

На формирование политики КНР в связи с украинским кризисом большое влияние оказывают и *внешнеполитические факторы*.

Российско-американское противостояние по «украинскому вопросу» создало дополнительные риски для внешней политики

КНР. Понятно, что в зависимости от того, какую сторону в этом конфликте займет Китай, будут складываться соответствующие вызовы для Пекина.

Что дает Китаю выбор в пользу российской позиции? Концентрация напряженности вокруг Украины тормозит реализацию идеи об отношениях нового типа с США, подрывает ожидания китайского руководства на «перезагрузку» китайско-американских отношений.

Возникают риски и для сотрудничества Китая с Европой. Но только до определенных пределов, ввиду того что Европа является для КНР вторым по значимости внешнеэкономическим партнером. Одновременно события вокруг Украины могут стать тем фактором, который заставит Вашингтон пойти на взаимодействие с Китаем, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В условиях международного кризиса для Китая открылась еще одна возможность: он вновь может заявить о себе и как о серьезном, независимом игроке на мировой арене, способном повлиять на расстановку сил, даже если займет внешне нейтральную позицию и не пойдет на обострение с США, но при этом будет стремиться находиться ближе к Москве.

Выстраивание китайско-американских отношений «нового типа» — идея для КНР не новая. В концентрированном виде она была сформулирована в 2012 г. на XVIII съезде КПК. В первой половине 2014 г. появились дополнительные моменты, подтверждающие, что эта задача становится определяющим китайскую внешнюю политику фактором. Однако с возникновением «украинского кризиса» представители США настороженно отреагировали на позицию Китая по Украине, критику Китаям провокационной роли Запада и сдержанную поддержку действий России. Более того, в официальной риторике Вашингтона появились новые нюансы, серьезно озаботившие Пекин.

В апреле 2014 г. помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Дэниел Расселл и министр обороны США Чак Хейгел почти одновременно увязали территориальные проблемы в Южно-Китайском море и крымский вопрос. Находясь в Японии и участвуя в совещании

министров обороны АСЕАН на Гавайях, глава американского военного ведомства заявил, что крымская модель может стать прецедентом для Китая в захвате территории в Южно-Китайском море «силой или другими принудительными методами» и «по крымскому сценарию». При этом он подчеркнул, что в случае обострения обстановки Вашингтон будет на стороне своих союзников: Японии и Филиппин. Американский министр заявил о существующих в США подозрениях относительно намерений Китая, связанных с созданием зоны опознавания противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море. Вашингтон выразил озабоченность мотивами наращивания морского и космического потенциала Китая, а также расширением возможностей деятельности в интернет-пространстве.

Китайская сторона крайне резко отреагировала на эти заявления. В Пекине подчеркнули, что «высказывания высокопоставленных лиц США сеют вражду в отношении между Китаем и близлежащими странами». Как писала газета «Жэньминь жибао», «неправомерно сравнивать крымский кризис и проблемы в Южно-Китайском море», что «за проблемами в Крыму стоят сложные исторические и реальные факторы, они стали результатом внутреннего политического кризиса в Украине и внешнего воздействия». Прибывшему в Пекин с официальным визитом Ч. Хейгелу в Министерстве обороны КНР было заявлено о крайнем неудовлетворении его высказываниями⁴¹.

Министр иностранных дел КНР Ван И на встрече в Пекине с главой МИД Германии Франком-Вальтером Штайнмайером 14 апреля заявил, что «в существующих в регионе спорах нет никаких новых проблем, скорее, разжигание этих споров вызвано отказом некоторых стран от консенсуса, которого они достигли с Китаем». Ван И призвал «внерегionalные державы, обладающие большим влиянием», не усугублять обстановку в регионе⁴².

Нескрываемое раздражение в Пекине вызвала увязка президентом Б. Обамой во время его визита в Японию и на Филиппины темы принадлежности островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях с договорами о безопасности США с этими странами.

В Пекине понимают, что Китай вынужден сосуществовать с США в Восточной Азии, где у Америки имеются военно-политические и экономические интересы. Однако для успешного сосуществования требуется новая система противовесов и военная мощь. Американцы также признают это, равно как и быстро растущий экономический и военный потенциал КНР. Министр обороны США Ч. Хейгел, выступая в Академии национальной обороны КНР в апреле 2014 г., сказал: «Стремительный подъем Китая вкупе с продолжающейся динамичностью Азиатско-Тихоокеанского региона и возрастающей вовлеченностью Америки в дела региона открывает исторические и стратегические возможности для всех народов»⁴³.

Тем не менее эксперты США вынуждены ставить вопрос о том, как избежать силового противостояния с Китаем в АТР. Специалисты из Совета по международным отношениям США убеждены, что «война между США и Китаем не является предопределенной, но напряженность высока, особенно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и далее в Тихом океане». По их мнению, лучшим «лекарством» могут быть постоянные контакты и изучение поведения Китая в его прибрежных водах, однако для США сохраняется опасность быть втянутыми в территориальные конфликты в Восточной Азии в силу двусторонних договоров США об обороне с Японией и Филиппинами⁴⁴.

Совершенно очевидно, что противостояние между КНР и США в зоне АТР будет сохраняться, однако, как представляется, обе стороны будут избегать перехода «красной линии», за которой могут последовать силовые акции. Ответ же на вопрос, сумеют ли КНР и США найти баланс сил и способы избежать острых дискуссий по соответствующим проблемам, пока не просматривается.

Гонконгское информационное агентство Сянган чжунпиншэ 16 апреля 2014 г., комментируя стратегию США в АТР, отмечало, что намерения США по изменению баланса в этом регионе имеют целью ухудшение обстановки вокруг «возвышающегося» в АТР Китая. В этой неблагоприятной для ее интересов ситуации КНР вынуждена ускорять модернизацию военного

потенциала и использовать свои геоэкономические преимущества, чтобы защитить национальные интересы и постараться нейтрализовать американское стратегическое давление на Китай⁴⁵.

Следует отметить и фактор России, также имеющей обширные интересы в Северо-Восточной и Восточной Азии, в силу чего значение РФ для Китая будет сохраняться, а может, и возрастать. «Сегодня только Россия и Китай действительно образуют друг для друга стратегический буфер, делающий возможным возрождение наших государств. Если Россия, возглавляемая Путиным, падет под натиском Запада, это будет тяжелейшим ударом по нашим стратегическим интересам», — писала «Хуанцю шибао» в марте 2014 г.⁴⁶ С учетом этого Китаю, по всей видимости, выгоднее будет пойти на оказание большей поддержки России, если он и дальше намерен рассматривать РФ в качестве важнейшего элемента стратегического баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Немаловажную роль играет и многоуровневое взаимодействие с Россией в рамках ШОС, в таких диалоговых структурах, каковыми являются БРИКС и РИК. Поведение стран БРИКС в «украинском кризисе» разочаровало США. Страны-участницы воздержались при голосовании в ООН резолюции по крымскому вопросу, а Индия по вопросу о положении русскоговорящих гражданах Украины и о статусе русского языка выступила на стороне России⁴⁷.

Политическую роль стран БРИКС на международной арене начинают признавать и на Западе. Несмотря на существующий разрыв в экономическом развитии государств — членов БРИКС, политическое сотрудничество между пятью странами будет способствовать приобретению этой структурой статуса одного из «центров силы» в мировой политике. По мнению Financial Times, «то, что сегодня объединяет эти пять стран, — это их международные политические устремления»⁴⁸.

США и Евросоюз, считают в Китае, намерены продолжать расширение НАТО на Восток, и России придется по-прежнему сдерживать давление со стороны Запада. При таких условиях усиление взаимодействия РФ с государствами Азии и БРИКС

может стать главным трендом внешнеполитической линии Москвы. Иными словами, как полагают китайские эксперты, политика противостояния Западу и объединения Востока в дальнейшем может только усиливаться.

В любом случае в Китае, судя по всему, согласны с высказываниями президента России В.В. Путина о том, что характер и масштабы российско-китайского взаимодействия «даёт нам основание полагать, что российско-китайские отношения будут существенным фактором в мировой политике и существенным образом будут влиять на современную архитектуру международных отношений»⁴⁹.

Примечания

¹ Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова в специальном выпуске на телеканале «Россия 1». Москва. 11.04.2014 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/A81D87B44C005D7E44257CB70062BEA0

² Приводится по: URL: <http://svpressa.ru/politic/article/82984/?from=30>

³ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1133381.shtml>

⁴ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/03/content_31653342.htm

⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8551594.html>

⁶ URL: <http://www.russia.org.cn/rus/2827/31299223.html>

⁷ Цит. по: URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1034000>

⁸ China makes proposals on political solution to Ukraine crisis. URL: <http://www.ecns.cn/2014/03-16/105061.shtml>

⁹ URL: <http://www.ecns.cn/2014/03-16/105061.shtml>; URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/mid_kitaya_lyubie_deystviya_oon_po_ukraine_dolgni_bit_rezulta_tom_konsensusa_1618006

¹⁰ Chinese State Councilor, U.S. National Security Advisor discuss Ukraine over phone. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-04/15/content_32091265.htm; URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-03/06/c_133166793.htm

¹¹ Chinese State Councilor, US National Security Advisor discuss Ukraine over phone. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/846662.shtml>

¹² URL: http://russian.news.cn/cis/2014-03/19/c_133197425.htm

¹³ Би мэй: Си Цзиньпин фан оу дай лихао чжунго цзинци вайцзяо бэйцзань. (СМИ Бельгии: Визит Сицзиньпина в Европу принес хорошие результаты, экономическая дипломатия Китая получила одобрение.) URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/28/content_31922986.htm

¹⁴ Китай занимает объективную позицию в украинском вопросе. Си Цзиньпин. Сообщение Укринформ. URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/kitay_zanimaet_obektivnuyu_pozitsiyu_v_ukrainskom_voprose__si_tszinpin_1616471

¹⁵ См.: Xi, Merkel hold phone talks on ties, Ukraine crisis. URL: <http://www.ecns.cn/2014/03-10/104020.shtml>

¹⁶ Выступление и ответ на вопрос СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Китая Ван И. Пекин. 15.04.2014. URL: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/57A07930F7917F0244257CBV00443539

¹⁷ Ван И: Китай готов играть конструктивную роль в политическом решении украинского вопроса. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-04/16/content_32104428.htm

¹⁸ Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on April 17, 2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1148134.shtml

¹⁹ URL: <http://inopressa.ru/article/21Mar2014/spiegel/china.html>

²⁰ Huangqiu shibao. 03.09.2014.

²¹ Цит. по: Huangqiu shibao. 05.03.2014. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2014-03/4878080.html>

²² URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1397793660>

²³ В китайский парламент внесен законопроект о присоединении иностранной территории к КНР. URL: http://amurburg.ru/news/politics/v_kitayskiy_parlament_vnesen_zakonoproekt_o_prisoedinenii_inostrannoy_territorii_k_knr/?sphrase_id=41074

²⁴ President Xi vows to boost cybersecurity. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-02/28/content_17311483.htm

²⁵ URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1397793660>

²⁶ Китайско-украинское торгово-экономическое сотрудничество остается нормальным. URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/kitaysko_ukrainskoe_torgovo_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo_ostaetsya_normalnim_1614646

²⁷ Украина—Китай: основные направления сотрудничества в XXI век. URL: <http://hvylya.org/analytics/ukraina-kitay-osnovnyie-napravleniya-sotrudnichestva-v-hhi-veke.html>

²⁸ Украина и Китай. Сотрудничество или поглощение? URL: <http://thekievtimes.ua/society/296286-ukraina-i-kitaj-sotrudnichestvo-ili-pogloshhenie.html>

²⁹ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/06/content_31696466.htm

³⁰ О чем судить китайцу с украинцем? URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/o_chem_sudit_kitaytsu_s_ukraintsem_1608170; URL: <http://top.rbc.ru/econ/omics/21/03/2014/912820.shtml>

³¹ Китай готовится к новым искам против Украины. СМИ. URL: http://www.gazeta.ua/ru/articles/politics/_kitaj-gotovitsya-k-novym-iskam-protiv-ukrainy-smi/550257

³² Наньхуа цзаобао. 25.02.2014.

³³ Цит. по: Китайско-украинское торгово-экономическое сотрудничество остается нормальным. URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/kitaysko_ukrainskoe_torgovo_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo_ostaetsya_normalnim_1614646

³⁴ «Перемены в Украине не нарушат сотрудничество с Китаем», — посол Дёмин. URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/peremeni_v_ukraine_neparushat_sotrudnichestvo_s_kitaem__posol_demin_1617568

³⁵ Потребности Вооруженных сил — главный приоритет «Укроборонпрома». URL: <http://gazeta.zn.ua/internal/potrebnosti-vooruzhennyh-sil-glavnyy-prioritet-ukroboronproma-.html>

³⁶ Украина-Китай: бег по лезвию «технологической бритвы». URL: <http://defpol.org.ua/site/index.php/uk/arhiv/kolonkaavtora/13082--1-г>

³⁷ Там же.

³⁸ Пинлунь: жэньвэй мэю Укэлань цзю мэю сяньцзай чжунго дэ гофан чэньцзю : [Если бы не Украина — не было бы достижений в оборонном строительстве в Китае]. URL: <http://mil.huanqiu.com/militaryvision/2014-01/2714148.html>

³⁹ В Украине построен уникальный боевой корабль. URL: <http://thekievtimes.ua/news/225145-v-ukraine-postroen-unikalnyj-boevoj-korabl.html>

⁴⁰ URL: <http://defpol.org.ua/site/index.php>

⁴¹ US urged to restrain Japan. China Daily, April 9, 2014. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-04/09/content_32038988.htm

⁴² Сообщение агентства Синьхуа. 14.04.2014. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-04/14/content_32095125.htm

⁴³ Hagel says US not «containing China». URL: <http://english.sina.com/china/p/2014/0408/690225.html>

⁴⁴ How to Avoid a Naval War With China. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/03/24/how_to_avoid_a_naval_war_with_china

⁴⁵ China committed to upholding regional peace. Сообщение гонконгского информационного агентства Сянган чжунпиншэ, 16.04.2014.

⁴⁶ Huangqiu shibao. 03.09.2014.

⁴⁷ См.: Ukraine must guarantee minority rights: India. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/world/ukraine-must-guarantee-minority-rights-india/article5922802.ece>

⁴⁸ Financial Times. 15.04.2014. Приводится и цитируется по: URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-04/19/content_32147166.htm

⁴⁹ Прямая линия с Владимиром Путиным. 17 апреля 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/news/20796>

О.А. Тимофеев*

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Основные направления китайско-украинского стратегического сотрудничества были связаны с инвестиционными проектами и планами по аренде сельхозугодий на юго-востоке Украины, в настоящее время переживающем период нестабильности. В создавшихся условиях политика КНР будет, скорее всего, определяться геополитическим стратегическим партнерством с Москвой и перспективами участия в экономических проектах российского Крыма. В международных организациях Пекин фактически выстраивает коалицию со странами БРИКС в целях поддержания дружественного нейтралитета в отношении России.

Ключевые слова: Украина; стратегическое партнерство; аренда сельхозугодий; Крым; невмешательство во внутренние дела; ООН; миссия добрых услуг.

4 января 1992 г. КНР стала вторым (после Израиля) азиатским государством, признавшим независимость Украины, что демонстрирует значительный интерес экономического и

---

* Тимофеев Олег Анатольевич, к. и. н., заместитель декана факультета международных отношений, доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

геополитического характера, который Китай традиционно испытывал к этой стране.

В 2001 г. в ходе визита на Украину председателя КНР Цзян Цзэминя было подписано Совместное заявление об укреплении всесторонних отношений дружбы и сотрудничества в XXI веке. Примечательно появление в документе термина «всесторонние», по-китайски — цюаньмянь (в свою очередь являющегося калькой широко распространенного английского термина *comprehensive*). Характеристика двусторонних отношений как сотрудничества, имеющего всесторонний характер, означало стремление Киева и Пекина к сбалансированности партнерства, что, по мнению китайских политиков, зиждется на трех равноценных составляющих: политическом партнерстве, экономическом взаимодействии и гуманитарных связях¹. При этом в китайской иерархии партнерств уровень всестороннего сотрудничества в 2001 г., наряду с Украиной, был присвоен лишь Европейскому союзу. Американо-китайские отношения в официальных документах стали характеризоваться термином «всестороннее партнерство» лишь в 2009 г. российско-китайские — годом спустя, а отношения с Казахстаном — другим приоритетным для Пекина партнером на постсоветском пространстве — в 2010 г.

После некоторого перерыва, пришедшегося на годы президентства В. Ющенко, в 2010 г. начался новый этап активизации двусторонних отношений, связанный с заметным изменением внешнеполитического курса нового украинского правительства.

Прежде всего развитию украино-китайских связей способствовали официальные контакты между руководителями двух стран. Уже в сентябре 2010 г. президент Украины В. Янукович совершил официальный визит в Пекин. В ходе визита руководители обоих государств выразили желание перевести отношения между двумя странами на качественно новый уровень. Было зафиксировано стремление в ближайшие два года увеличить годовой товарооборот между двумя странами до уровня в 10 млрд долл. По итогам переговоров было подписано 13 соглашений и контрактов. Среди них: Совместное заявление о всестороннем повышении уровня отношений дружбы и сотрудничества; Основные направления развития украинско-китайских

отношений на 2010—2012 гг.; соглашения о совместном сотрудничестве в таких сферах, как финансы, транспортная инфраструктура, энергетика, авиационно-космическая промышленность. Также в ходе посещения В. Януковичем ОАР Сянган было подписано соглашение о безвизовых поездках. Подписанные во время визита соглашения и контракты среди представителей украинского экспертного сообщества получили название «Нового Шелкового пути» (Новий Шовковий шлях)².

В апреле 2011 г., выступая на Азиатском форуме в Боао, премьер-министр Украины Н. Азаров заявил, что Украина планирует поделиться своим опытом и разработками в области безопасности АЭС, что было призвано повысить значение Киева для КНР в связи с произошедшей незадолго до этого аварией на Фукусима Дайичи и захлестнувшей территорию Китая «нуклеофобией»³. «Украина пережила и в ближайшие дни будет отмечать двадцать пятую годовщину со дня самой крупной техногенной аварии в мире — чернобыльской катастрофы. Мы на себе испытали, что это значит, и поэтому безопасное использование такого важного вида источника энергии, как ядерная, является главной проблемой для нашего развивающегося мира», — заявил глава украинского правительства⁴. Пожалуй, далеко не случайным, в этой связи, является то, что китайская сторона уже в июне того же года согласилась подписать с Януковичем декларацию о стратегическом партнерстве.

В 2013 г. между Китаем и Украиной была достигнута договоренность о совместных действиях, реализуемых в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (*сычоу чжи лу цзинци дай*) от Китая до Европы через Центральную Азию, страны Закавказья и Украину. Важно подчеркнуть, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» хорошо коррелировался с планами Украины, нацеленными на евроинтеграцию, о чем, в частности, заявил в начале декабря 2013 г. украинский посол в КНР О. Демин: «Китай, как абсолютно цивилизованная страна, очень спокойно реагирует на решения своих друзей и партнеров... Китай, конечно, заинтересован в том, чтобы Украина была в европейском пространстве, поскольку они видят Украину в таком случае, как ворота в Европу»⁵.

Примечательно, что по тем же причинам курс на сближение с Пекином был позитивно встречен на Украине представителями не только правящих кругов, но и оппозиции. Интересным представляется анализ выступления первого заместителя председателя комитета Верховной Рады Украины по иностранным делам В. Наливайченко на состоявшейся 29 мая 2013 г. в Дипломатической академии при МИД Украины конференции «Развитие стратегического партнерства между Украиной и КНР: результаты, проблемы и перспективы». В своем приветственном адресе В. Наливайченко⁶ выразил уверенность в том, что партнерство с Пекином позволит Украине усилить свои позиции на пути к ЕС. В частности, он отметил: «Стремление Украины в Евросоюз может быть использовано в качестве точки опоры для выстраивания полезных связей с Китаем. С другой стороны, предлагая Китаю свое пространство для инвестиций и высоких технологий, отдавая себе отчет в том, что возможности Украины, далеко отстающей по объему торговли с КНР от США, Японии и Германии, ограничены, мы понимаем, что такое сотрудничество обязательно приведет к развитию экономического потенциала страны, а значит к усилению экономических аргументов в переговорном процессе с ЕС»⁷.

Государственный переворот в Киеве 22 февраля 2014 г. заставил Китай серьезно задуматься о том, как реагировать на украинский кризис. Во-первых, Майдан отчетливо напоминал «цветные революции», которые в КНР традиционно рассматривались как часть западной стратегии «мирной эволюции» (*хэпин яньбянь*) по отношению к государствам с неугодными правительствами. Во-вторых, вследствие краха в Украине прежней системы государственной власти, наступившего экономического коллапса и начавшейся гражданской войны под вопросом оказалась реализация многих китайско-украинских совместных проектов.

Перспективы Китая на украинских рынках значительно ослажнились также и тем, что юго-восточные регионы, которые предполагалось сделать основными объектами инвестиционно-сотрудничества, после киевского переворота либо попали под контроль назначенных Киевом олигархических князьков (Днеп-

ропетровская и Одесская области), либо стали районом боевых действий (Донецкая, Луганская и Харьковская области).

Так, например, в 2013 г. стало известно о соглашении, подписанном между Синьцзянским производственно-строительным корпусом (*бинтуань*) и украинской KSG Agro об аренде 100 тыс. гектаров сельхозугодий в Днепропетровской области и дальнейших планах расширения арендованного клина до 3 млн гектаров в течение 50 лет. Проект мог бы стать не только самым крупномасштабным, но и совершенно уникальным как для Украины, так и для Китая. О его значимости говорит тот факт, что в настоящее время общая площадь сельскохозяйственных угодий, арендованных китайскими компаниями за рубежом, составляет около 2 млн га. Однако уже очевидно, что переход региона под полный контроль И. Коломойского срывает данную сделку.

В связи с началом боевых действий в Донецкой области не сможет быть реализован и включенный в Программу развития отношений стратегического партнерства между Украиной и Китаем на 2014—2018 гг. проект постройки в г. Горловка совместного предприятия по производству синтетических углеводородов путем газификации каменного угля, несмотря на вполне реальные перспективы острого энергетического кризиса в Украине.

Более того, в конце марта 2014 г. министр аграрной политики и продовольствия Украины И. Швайка подтвердил циркулировавшие в течение месяца слухи о том, что Китай подал иск к Украине в Арбитраж Международной ассоциации торговли зерном и кормами (GAFTA) по возврату кредита в 3 млрд долл. Как известно, в 2012 г. китайский Эксимбанк и Государственная продовольственно-зерновая корпорация Украины договорились о предоставлении украинской стороне кредита в размере 3 млрд долл., которые планировалось направить на форвардные и спотовые закупки зерна для дальнейших поставок в КНР. Первый транш в размере 1,5 млрд долл. украинская компания получила в начале 2013 г., однако не рассчиталась за него зерном⁸.

16 марта 2014 г. в Крыму состоялся референдум о статусе полуострова, по результатам которого было принято решение о

возвращении полуострова в состав России. В сложившейся ситуации Китай предпочел следовать своей долгосрочной линии на поддержание стабильно позитивных отношений с Москвой. Автору в связи с этим вспоминается замечание члена Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ли Цзинцзе, высказанное в ходе доклада на состоявшемся в июне 2006 г. в Харбине 4-м Российско-китайском форуме по приграничному сотрудничеству, о том, что Пекину не следует опасаться укрепления влияния России на постсоветском пространстве.

15 марта 2014 г. во время голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции, требующей признать указанный референдум нелегитимным, Китай, как и ожидалось, занял позицию дружественного нейтралитета по отношению к России, воздержавшись от голосования. Таким образом, китайская дипломатия не позволила России оказаться в полной изоляции по принципиально важному для нее вопросу.

В выступлении после состоявшегося голосования постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи отметил: «Китай всегда призывал международное сообщество к конструктивным усилиям и предоставлению добрых услуг (во сюань) в целях деэскалации ситуации в Украине». Он подчеркнул, что голосование в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции именно сейчас приведет исключительно к противостоянию сторон и осложнит ситуацию, что не отвечает интересам как украинского народа, так и международного сообщества⁹.

Следует отметить, что предложение Пекина о формате добрых услуг (good offices) разительно отличалось от санкционных мер по принуждению (enforcement), на которых настаивают страны Запада.

17 марта 2014 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй по поводу результатов референдума в Крыму отметил, что китайская сторона придерживается принципа уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности всех стран мира, подчеркнув, что Китай с повышенным вниманием следит за развитием обстановки в Крыму, рассчитывает, что все стороны будут сохранять сдержанность и в ближайшие сроки

найдут путь политического урегулирования, смогут на основе диалога, уважения разумных обеспокоенностей и справедливых прав всех сторон найти оптимальное решение и урегулировать крымскую проблему¹⁰.

В последовавшем 19 марта 2014 г. комментарии информационного агентства Синьхуа поддержка в адрес России была высказана достаточно четко. Примечательным оказалось прямое указание на применение странами Запада политики «двойных стандартов»: от Косово до Южной Осетии, а также от Коморов до Крыма, западные страны применяют двойные стандарты в международных делах, исходя лишь из собственных интересов. Один и тот же факт — например, провозглашение независимости — Запад оценивает всегда по-разному: иногда называет это «национальным самоопределением», если развитие событий отвечает их интересам, а если нет — осуждает подобные шаги как «сепаратистскую деятельность». Такие действия отдельных государств Запада напоминают «раздвоение личности», и им трудно заслужить доверие международного сообщества¹¹.

Следует отметить и тот факт, что действия Москвы были с пониманием расценены и другими членами группы БРИКС. Последнее имело тем более важное значение в условиях, когда Россия была отстранена от участия в работе G7/G8.

Взвешенная и сбалансированная позиция Китая по украинскому кризису нашла значительную поддержку среди широкого круга государств мира, что вполне наглядно проявилось 27 марта 2014 г. в ходе принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о территориальной целостности Украины. Данный документ был принят лишь незначительным большинством: за него проголосовало 100 из 193 государств — членов ООН, что развеяло планы киевских властей и их западных покровителей на широкое осуждение Москвы органом, в котором Россия не обладает правом вето (рис. 1). Показательно, что воздержались от осуждения действий России все члены БРИКС и ШОС.

Примерно в таком же ключе Китай сформировал свою позицию в условиях обострения ситуации в юго-восточных районах Украины. Выступая 12 мая 2014 г. на брифинге в МИД КНР, представитель ведомства Хуа Чуньин в ответ на просьбу

прокомментировать состоявшиеся в Донецкой и Луганской областях народные референдумы заявила: «Китай, как и прежде, придерживается принципа невмешательства во внутренние дела другого государства. Китай уважает суверенитет и территориальную целостность Украины и выступает за то, чтобы кризис в этой стране и все имеющиеся противоречия были надлежащим образом урегулированы в рамках закона и порядка на основе взвешенного подхода и в интересах всех сторон»¹².

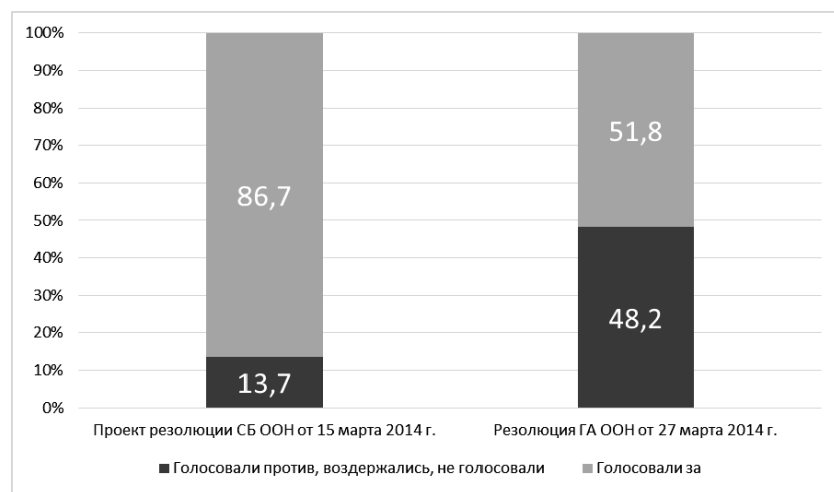

Рис. 1. Процентное соотношение членов СБ и ГА ООН, воздержавшихся и присоединившихся к осуждению референдума в Крыму

Разумеется, в создавшейся ситуации Китай справедливо рассчитывает на возобновление старых и развитие новых инвестиционных проектов в вернувшейся в состав России Республике Крым — наиболее стабильном регионе *постукраинского пространства*. Следует подчеркнуть, что Крымский полуостров достаточно хорошо знаком как китайским политикам, так и китайскому бизнесу. Председатель КНР Цзян Цзэминь в 2001 г. закончил, а Ху Цзиньтао в 2011 г. начал свой визит в Украину с посещения Крыма. Регион рассматривался в качестве одной из

важнейших опорных баз китайско-украинского стратегического партнерства. Так, например, в ходе состоявшегося в декабре 2013 г. визита Януковича в Китай был подписан меморандум о строительстве глубоководного порта на территории Сакского района. Однако, несмотря на тот факт, что в ходе визита В. Путина в КНР в мае 2014 г. китайская сторона подтвердила интерес к данному проекту, крымские власти выражают скепсис по поводу его перспектив, поскольку, во-первых, он может разрушить уникальную туристско-рекреационную зону Западного Крыма, а во-вторых, в настоящее время все торговые порты полуострова простаивают¹³.

На куда большие перспективы могут рассчитывать другие проекты. В рамках подписанного еще в 2009 г. контракта Феодосийская судостроительная компания «Море» обязалась поставить Китаю два десантных судна на воздушной подушке проекта 958 «Бизон». Первый из указанных кораблей был в штатном режиме передан заказчику в мае 2013 г., а второй — без проведения ходовых испытаний отбуксирован в сторону пролива Босфор в начале марта 2014 г. Вполне вероятно, что командование ВМС НОАК будет вынуждено обращаться к российской стороне за технической помощью как в проведении ходовых испытаний, так и в связи с законтрактованным строительством двух подобных судов на территории Китая, а в перспективе — и с новыми предложениями о возобновлении контракта.

Интерес у китайской стороны могут вызвать и перспективы сотрудничества с Судостроительным заводом «Залив» (г. Керчь), в прошлом выполнявшем заказы на строительство военных кораблей, танкеров, стационарных нефтяных платформ, судов ледового класса и другой продукции.

Предполагается, что сфера привлечения китайских инвестиций будет значительно выходить за пределы исключительно судостроительной отрасли. Так, в апреле 2014 г., в ходе визита в КНР вице-премьер правительства РФ А. Дворкович сообщил об интересе китайских фирм, работающих в сфере альтернативной энергетики, к проектам по строительству ветряных электростанций в Крыму¹⁴. А уже месяц спустя средства массовой информации заявили о возможном участии китайской China Railway

Construction Corporation в реализации крупнейшего на юге России инфраструктурного проекта — строительстве мультимодального мостового перехода через Керченский пролив, предполагаемая стоимость которого оценивается в сумму до 3 млрд долл.¹⁵

Таким образом, украинский кризис, ставший крупнейшим внешнеполитическим испытанием для России со времени окончания «холодной войны», не только не помешал стабильному и позитивному развитию ее отношений с Китаем, но и способен в еще большей степени расширить всеобъемлющее стратегическое партнерство между двумя странами.

Примечания

¹ Выступление заместителя министра иностранных дел КНР Сун Тао на конференции «Ситуация в Европе и китайско-европейские отношения». 16.08.2012 (на кит. яз.).

² Україна — Німеччина — Китай: відлік пішов. 10 вересня 2010 р. URL: http://buket.ucoz.com/MV_PDF/2010/36-10.pdf

³ Как известно, жители КНР в эти месяцы начали массово запасаться поваренной солью.

⁴ URL: <http://www.atominfo.ru/news6/f0231.htm>

⁵ URL: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/kitay-vidit-ukrainu-kak-vorota-v-evropu-479688.html>

⁶ В настоящее время — руководитель СБУ и главный организатор генцида русскоязычного населения в юго-восточных областях Украины.

⁷ Развитие стратегического партнерства между Украиной и Китайской Народной Республикой: результаты, проблемы и перспективы. Материалы украинско-китайской научно-практической экспертной конференции. 29 мая 2013 г. Киев: Дипломатическая академия при МИД Украины, 2013. С. 24—25. URL: <http://dipacadem.kiev.ua/wp-content/uploads/2013/12/Матеріали-українсько-китайської-конференції.pdf>

⁸ URL: <http://apk.rbc.ua/rus/shvayka-podtverdil-isk-kitaya-k-ukraine-po-kr-editu-v-3-mlrd-21032014174000>

⁹ URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-03/16/c_119786570.htm

¹⁰ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/fyrbt_602243/jzhsl_602247/t1137990.shtml

¹¹ URL: http://russian.news.cn/cis/2014-03/19/c_133197425.htm

¹² URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/fyrbt_602243/jzhsl_602247/t1155040.shtml

¹³ URL: <http://news.allcrimea.net/news/2014/5/29/kitaiskie-investory-duma-jut-o-porte-v-krymu-13587>

¹⁴ Крымская правда. 14.04.2014.

¹⁵ URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/1165957>

А. Ч. Мокрецкий*

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫБОРЕ УКРАИНЫ И АРМЕНИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ МИРА

Аннотация. Обстановка в мире в последние годы претерпевает влияние противоречивых тенденций: с одной стороны, продолжаются ускоренные глобализацией процессы интеграции государств, с другой — не утихают последствия глобально-финансово-экономического кризиса, мир и его регионы сталкиваются с серьезными вызовами безопасности. Основными глобальными политико-экономическими силами выступают США, ЕС, бурно развивающийся Китай и новая Россия, все более уверенно утверждающаяся на мировой арене. В этих условиях видится интересным вопрос, какой выбор сделают Украина и Армения в поисках своего места на международной арене.

Ключевые слова: Китай; Россия; Украина; Армения; «Восточное партнерство» ЕС; США.

* Мокрецкий Александр Чеславович, м. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Введение

Обстановка в мире в последние годы претерпевает влияние противоречивых тенденций. «С одной стороны, продолжаются ускоренные глобализацией процессы интеграции государств, на основе принципов полицентризма идет поиск оптимальной модели международного общения, с другой — не утихают последствия глобального финансово-экономического кризиса, в различных регионах имеют место серьезные вызовы региональной и глобальной безопасности»¹. Человечество переживает непростые времена: «...бурлит Украина, в полный исторический рост пытается встать Россия. На наших глазах рушатся старые границы. И впервые за много лет в Европе вновь потянуло дымком от взрывов... Постсоветский период закончился. Начинается новая эпоха. И какой она станет, не знает, к сожалению, никто»². В этих условиях, полагаю, представляется интересным, какой в итоге политический выбор сделают Украина и Армения.

1.1. Украина—КНР

Украина — второе после РФ по площади государство в Европе. Как замечает сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (ИРВЕЦА КАОН) Чжан Хун, Украина находится в буферной зоне между РФ и Европой, ее геополитическое значение велико. Поэтому с момента независимости она всегда была объектом борьбы двух полюсов³.

В китайском «Руководстве по внешнему инвестиционному сотрудничеству в странах (регионах), Украина» за 2013 г. выделяются восемь факторов привлекательности «житницы Европы»:

- 1) относительно быстрый рост ВВП в Европе за последние 5 лет;
- 2) наличие самого большого рынка в Восточной Европе и хорошего потенциала потребления (население страны превышает 45 млн человек);
- 3) значительно число IT-специалистов (5-е место в мире);

4) преимущество геополитического положения: товарные потоки ориентированы на страны СНГ, ЕС и Северную Африку;

5) наличие четырех транспортных коридоров в Европу и морских портов на Черном море;

6) 1/3 мировых черноземных площадей;

7) солидная промышленная и сельскохозяйственная базы;

8) богатые природные ресурсы: страна занимает первые места в мире по запасам железной руды, каменного угля и др.⁴

Китайские интересы на Украине представлены весьма значительно. По данным на 2013 г., уровень торгового оборота между двумя государствами составил более 10,6 млрд долл. Таким образом, Китай стал вторым крупнейшим торговым партнером Украины⁵. В 2012 г. десятью главными статьями китайского экспорта на Украину были: 1) электромеханическая продукция (генераторы), электрооборудование, аудио, видео и комплектующие; 2) ядерные реакторы, котлы, машины; 3) одежда и принадлежности одежды ручной работы (текстиль); 4) обувь; 5) пластиковые изделия; 6) автомобили; 7) одежда и ее аксессуары; 8) изделия из стали; 9) мебель, спальные принадлежности, лампы и пр.; 10) разнообразная химическая продукция⁶. К 10 главным наименованиям китайского импорта относились: 1) сырье (руда, шлаки); 2) жиры и масла животного и растительного происхождения; 3) минеральное топливо, минеральные масла и их продукты, битум/асфальт; 4) сталь; 5) товары органической химии; рафинированные масла и жиры; 6) древесина и изделия из нее; древесный уголь; 7) медь и изделия из нее; 8) машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; 9) ядерные реакторы, котлы, машины; 10) товары неорганической химии, драгоценные и редкоземельные металлы⁷. Наиболее интенсивное двустороннее торгово-экономическое сотрудничество велось в трех областях. Это инфраструктура, энергетика и сельское хозяйство⁸.

В 2012 г. между КНР и Украиной были заключены следующие соглашения:

- Техническое соглашение о получении кредитного финансирования в объеме до 1 млрд долл. от 30 ноября 2012 г. Оно

предусматривало строительство железной дороги протяженностью 8 км от Киева до аэропорта «Борисполь», строительство четырех вокзалов и поставку электропоездов⁹.

- Меморандум о сотрудничестве в области поддержки приоритетных проектов агропромышленного комплекса Украины от 28 июня 2012 г. Согласно документу, стране выделяются кредитные средства объемом 3 млрд долл. В ответ Украина обязуется экспортировать в Китай около 3 млн т украинской кукурузы по рыночным ценам, устанавливаемым на момент поставки¹⁰.

- Кредитное соглашение о финансировании программы замещения природного газа украинским углем на общую сумму более 3,6 млрд долл. под государственные гарантии правительства Украины от 25 декабря 2012 г. Кредит КНР должен пойти на реализацию 5 инновационных проектов: строительство четырех заводов по газификации каменного и бурого угля, а также реконструкцию Северодонецкой ТЭЦ. Строительство заводов по газификации предполагается в Донецкой, Луганской (каменный уголь) и Кировоградской (бурый уголь) областях¹¹.

Кредитная линия КНР для Украины в 2013 г.:

- Украина планировала привлечь у Экспортно-импортного банка Китая кредит на сумму 3 млрд долл. для восстановления и модернизации систем орошения на юге страны. Первая часть кредита выделяется в валюте, еще на 1,5 млрд долл. Китай обязался поставить оборудование¹².

- Украина предоставит Китаю сельхозугодья площадью 3 млн га для производства продовольствия и мяса. По сообщению украинского агентства УНИАН, Синьцзянский производственно-строительный корпус (Xinjiang Production and Construction) заключил соглашение с сельскохозяйственной компанией Украины KSG Agro. Согласно данному соглашению сроком на 50 лет, Китай может осуществлять посадку сельскохозяйственных культур и выращивать свиней на этих угодьях. Общая сумма инвестиций в этот проект составит 2,6 млрд долл. В том числе объем инвестиций в ирригационные системы достигнет 20 млн долл.¹³

Во время государственного визита В.Ф. Януковича в КНР с 3 по 6 декабря 2013 г. было подписано 15 документов. В том числе Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и КНР

(5 декабря 2013 г.), Программа развития отношений стратегического партнерства между Украиной и КНР на 2014—2018 гг., Меморандум между украинской компанией «Киевгидроинвест» и китайской компанией VICIM по строительству глубоководного порта в Крыму¹⁴. Кроме экспорта кукурузы стороны договорились о поставках ячменя и сои. Китай и Украина достигли соглашений о традиционной китайской медицине, возобновляемых источниках энергии, содействии групповым туристическим поездкам китайских туристов на Украину и др.¹⁵ Таким образом, декабрьский визит В.Ф. Януковича принес экономике Украины китайские инвестиции в размере 8 млрд долл.¹⁶

Ведущий программы Tiger Talk гонконгского телеканала «Феникс» Тайгер Ху в одной из передач, посвященной событиям на Украине, отметил, что если проводить ассоциации со словом «Украина», то первое, что приходит на ум, — это «Ляонин», бывший авианосец «Варяг»¹⁷. В действительности, с момента независимости Украины двустороннее военно-техническое сотрудничество было весьма успешно. И этому, как отмечает канадское аналитическое издание *Canwa Defense Review*, есть три причины. Во-первых, между КНР и Украиной нет геополитических конфликтов, поэтому нет технического ограничения, нет таких формулировок, как «стратегические вооружения в Китай поставке не подлежат». Во-вторых, уровень технической открытости на Украине выше, чем в России. Зачастую Украина продает современное вооружение (богатое наследство СССР) или даже то, что еще не поступило на отечественный рынок. И, наконец, цены на украинскую военную технику ниже, чем в РФ, и в особенности — на техобслуживание¹⁸. КНР — первый партнер украинского оборонно-промышленного комплекса. К настоящему моменту Украина экспортировала в Китай около 30 видов вооружений, в том числе авианосец, сверхзвуковые тренировочные самолеты, двигатели для танков, ключевое оборудование для ракет «воздух—воздух», малые десантные корабли на воздушной подушке проекта 958 «Бизон» (украинская версия проекта 12322 «Зубр») и др. Некоторые западные СМИ не без основания замечают, что если бы не было Украины, то не было бы и настоящих успехов НОАК¹⁹.

Известные события на Майдане, февральский государственный переворот, референдум в Крыму и образование двух новых субъектов РФ поставили под сомнение достигнутые между КНР и Украиной договоренности. В интервью газете «Хуаньцю шибао» украинский посол в КНР О.А. Демин 14 марта 2014 г. заверил, что взаимодействие будет продолжаться: «Когда к власти пришло новое правительство Украины, официальная позиция в отношении Китая осталась неизменной — будет продолжено выполнение обязательств по всем подписанным соглашениям»²⁰. И. о. губернатора Донецкой области С. Тарута во время пресс-конференции 25 марта 2014 г., напротив, высказал мнение о том что Договор о стратегическом сотрудничестве Украины и Китая находится под угрозой срыва²¹.

В беседе с обозревателем «Независимой газеты» В. Скосыревым директор ИРВЕЦА КАОН Ли Юнцюань отметил, что «между Китаем и Россией, Китаем и Украиной хорошие отношения. Торгово-экономическое сотрудничество Китая с Украиной развивалось в разные периоды, будь то при Ющенко, Тимошенко, Януковиче. Это сотрудничество было наполнено глубоким содержанием. Мы, конечно, хотим, чтобы Украина скорее прошла этот неприятный период, чтобы сотрудничество продолжалось, подписанные соглашения были выполнены»²².

Говоря об интересах, аналитик из Китайского института международных проблем Дин Юаньхун отметил: «Что касается событий на Украине, хотя мы временно потерпим ущерб, но, придерживаясь справедливой позиции, которая популярна в международных кругах, украинский народ ее также заметит». В заключение Дин Юаньхун резюмирует, что «какое бы правительство ни было на Украине, как только ситуация успокоится, оно пожелает развивать связи с Китаем»²³.

1.2. Украина—РФ

После распада СССР независимые РФ и Украина смогли сохранить производственные связи и в течение последних 20 с лишним лет успешно сотрудничали друг с другом. Несмотря на

периодически вспыхивающие газовые конфликты, связанные с задолженностью и несвоевременной оплатой, Россия остается основным поставщиком углеводородов на Украину. Видя, в каком сложном положении (и экономическом, и социальном, и политическом) находилась братская страна, РФ, как близкий родственник, пришла на помощь украинскому народу, предоставив кредит в размере 15 млрд долл. на поддержку бюджета, чтобы можно было заплатить зарплаты, пенсии, социальные пособия²⁴.

Во взаимодействии между оборонными предприятиями участвует более 1300 российских и украинских организаций²⁵. Наиболее важной статьёй сотрудничества РФ и Украины в ВТС является двигателестроение. Украинское предприятие «Мотор Сич» поставляет в РФ более 40 % продукции. Доля запорожских вертолетных двигателей в российском авиастроении достигает 70 %. Российская объединенная судостроительная корпорация в некоторой мере зависит от украинского предприятия «Зоря-Машпроект». В марте 2014 г. калининградский судостроительный завод «Янтарь» получил несколько газотурбинных двигателей для строящихся фрегатов проекта 11356. Подписан контракт на поставку 6 силовых установок для кораблей проекта 22350²⁶.

1.3. Пути выхода из украинского политического кризиса

Российская сторона не считает сегодняшнюю украинскую власть легитимной на том основании, что «у них нет общенационального мандата на управление страной»²⁷.

В британском издании *The Guardian* министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отмечает, что «Россия стремится сделать все, чтобы способствовать скорейшей стабилизации ситуации на Украине», и предлагает три взаимосвязанных шага:

- проведение реальной конституционной реформы, обеспечивающей учет законных прав и интересов всех украинских регионов;

- предоставление твердых гарантий закрепленного в законодательстве Украины внеблокового статуса;
- осуществление срочных мер по прекращению деятельности на территории Украины незаконных вооруженных формирований «Правого сектора» и других ультранационалистических группировок²⁸.

Китайская сторона, выражая глубокую обеспокоенность по поводу ситуации на Украине, призывает все заинтересованные стороны сохранять хладнокровие и сдержанность в целях недопущения эскалации конфликта и искать баланс интересов²⁹, подчеркивая, что «политическое решение — это единственный выход»³⁰.

15 марта 2014 г., за сутки до проведения референдума об определении будущего Автономной республики Крым и г. Севастополь, США и их союзники внесли на заседании Совета Безопасности ООН проект резолюции о нелегитимности референдума и непризнании его результатов. Российская сторона заблокировала проект, воспользовавшись правом вето. Представитель КНР Лю Цзэи воздержался, объясняя данную позицию тем, что «голосование по проекту резолюции на данном этапе приведет лишь к конфронтации и может еще сильнее осложнить ситуацию, что идет вразрез с интересами как населения Украины, так и международного сообщества»³¹.

Вместе с тем китайская сторона озвучила три предложения: во-первых, необходимо как можно скорее создать международный координационный механизм, в который войдут представители всех вовлеченных сторон, для обсуждения пути политического урегулирования украинского кризиса; во-вторых, в этот период стороны не должны предпринимать шагов, которые могут привести к эскалации ситуации; в-третьих, международные финансовые учреждения должны приступить к переговорам с тем, чтобы помочь Украине сохранить политическую и финансовую стабильность³².

Китайские эксперты полагают, что нужно сохранять осмотрительность и осторожность и не спешить признавать новое правительство Украины до проведения президентских выборов 25 мая 2014 г.³³, набраться политического терпения³⁴. Директор

ИРВЕЦА КАОН Ли Юнцюань считает, что «внешний мир должен очень осторожно подходить к украинскому вопросу». Потому что, с одной стороны, «эта ссора, этот конфликт — между двумя славянскими братьями. Как бы они сегодня ни ссорились, рано или поздно помирятся. Если мы неправильно подойдем к этому вопросу, то попадем в неловкое положение». С другой стороны, «этот кризис — результат острой геополитической борьбы между Россией и Западом. Исход кризиса может оказать влияние не только на интеграционные процессы на постсоветском пространстве, но и на расстановку сил в мире»³⁵.

В комментарии People's Daily Online автор статьи Ван Ивэй извлекает четыре урока из текущего украинского кризиса: 1) геостратегический конфликт ведет к трагедии в политике ведущих мировых держав; 2) экономическая сверхзависимость Украины от России — это ахиллесова пята ее национальной безопасности; 3) неспособность западных стран усвоить уроки истории закончилась конфликтом и 4) двойные стандарты западных стран демонстрируют их лицемерие. Ван Ивэй заключает, что ценности Запада полностью детерминированы их собственными национальными интересами³⁶.

Очевидно, что Китаю приходится вести очень тонкую политику, балансируя буквально на лезвии бритвы, когда основополагающие принципы его внешней политики — невмешательство во внутренние дела других стран и уважение их независимости и территориальной целостности — вступают в противоречие друг с другом. Именно такую дипломатическую головоломку, как замечает британская пресса, приходится сейчас решать в Пекине в свете событий на Украине³⁷. Учитывая тот факт, что тайваньская проблема до сих пор не решена, а сепаратистские настроения в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах КНР не исчезают, Китай желает сохранить баланс интересов и играть роль посредника-примирителя: с одной стороны, не ухудшить отношения с Западом, с другой — не разочаровать своего стратегического партнера — РФ³⁸. Вместе с тем единственной принципиальной целью проводимой в отношении Украины политики остается продвижение китайских национальных интересов³⁹.

2. Армения: форпост на Кавказе

2.1. КНР—РА

По данным Национальной статистической службы РА, внешнеторговый оборот между Арменией и Китаем в 2013 г. по сравнению с 2012 г. увеличился, составив более 455 млн долл. против 431 млн долл. в предыдущем году⁴⁰. КНР является вторым крупнейшим торговым партнером Армении⁴¹. РА экспортирует в Китай мрамор, медные концентраты, руду, туф, разнообразные камни, трубы, коньяк и другие алкогольные напитки. Из Китая импортируются электронные устройства, компьютерная техника, хозяйственные товары, стройматериалы, металлоконструкция, автомобили, автобусы, полимеры, одежда, ювелирные изделия⁴².

По данным Министерства экономики РА, общий объем китайских инвестиций в армянскую экономику в период с 1991 по 2011 г. составил 1,3 млрд долл. В Армении зарегистрировано 41 предприятие с китайским капиталом, основная деятельность которых — оптовая продажа продуктов питания, напитков и сигарет, рестораны, бары, столовые, производство бытовых электроприборов и одежды, а также розничная торговля лекарственными и медицинскими товарами, косметическими средствами и аксессуарами, оптовая торговля текстильными изделиями и обувью⁴³.

К крупным двусторонним проектам между Республикой Армения и КНР можно отнести:

1. СП по производству хлоропренового каучука «Шаньси-Наирит» в городе Датун в Китае (действует с 2011 г., доля армянской стороны — 40 %) ⁴⁴.

2. Запуск проектов «Южная железная дорога Армении» и «Южная скоростная дорога Армении» 18 января 2013 г. Предполагается, что оба проекта, оцениваемых в 3 млрд долл., составят часть международного транспортного коридора «Север—Юг», который позволит армянской стороне пользоваться альтернативным путем транспортировки энергоресурсов и других това-

ров, получив выход на внешний мир⁴⁵. В реализации проектов будет принимать участие «Китайская коммуникационная строительная компания»⁴⁶.

3. Китайская компания «Сепатек» и армянская частная компания «Гюхкорпорация» планируют открыть в Армении завод по производству инулина из земляной груши (топинамбура), выращиваемой вблизи предприятия. Это уникальный проект, не имеющий аналогов в регионе. Благодаря реализации данного проекта будет создано более 500 новых рабочих мест⁴⁷.

Китайский рынок имеет большой потенциал для реализации армянского коньяка⁴⁸.

В 2013 г. было принято решение о предоставлении правительству Армении дополнительной безвозмездной финансовой помощи в размере 100 млн юаней (около 16 млн долл.) на цели реализации совместных программ. На 2013 г. правительство КНР выделило РА грант на сумму около 11 млн долл. в рамках программы безвозмездного технического содействия⁴⁹.

Кроме того, китайская сторона пополнила автобусный парк⁵⁰, поставила машины скорой помощи и различное оборудование⁵¹.

Во время встречи с премьер-министром Армении Т. Саркисяном председатель Госсовета КНР Ли Кэцян отметил, что «будут вестись работы в направлении увеличения китайских инвестиций в Армении. Кроме осуществления инвестиций в Армении, мы хотим видеть на китайском рынке армянский коньяк, ювелирные изделия и драгоценные камни»⁵². Обсуждается вопрос предоставления Армении статуса наблюдателя в ШОС.

2.2. Россия—Армения

Россия является ведущим торгово-экономическим партнером Армении. В заявлении для прессы по итогам российско-армянских переговоров 3 сентября 2013 г. было отмечено, что в 2012 г. товарооборот увеличился на 22 % и превысил 1,2 млрд долл. Высокие показатели были достигнуты в инвестиционной

сфере. Объем накопленных российских капиталовложений превысил 3 млрд долл., что составило почти половину всех иностранных инвестиций, вложенных в экономику РА. В Армении работает около 1300 российских компаний, более 25 % всех совместных предприятий с иностранным участием. Их деятельность охватывает газовую, атомную промышленность и гидроэнергетику, транспортную, телекоммуникационную и финансовую сферы⁵³.

В числе крупнейших проектов:

- участие Газпрома в строительстве газопровода Иран—Армения;
- работа «ИнтерРАО ЕЭС» по обновлению Севано-Разданского каскада ГЭС;
- сотрудничество в атомной сфере: совместный с Росатомом проект продления срока эксплуатации действующего энергоблока Армянской АЭС на 10 лет;
- инвестиции РЖД РФ в развитие армянской железнодорожной сети могут составить около 15 млрд руб.;
- кооперация в банковской сфере с участием «Внешторгбанка» и «Газпромбанка»⁵⁴;
- разрабатываемая инвестиционная программа, по которой Роснефть намерена вложить 500 млн долл. в химгигант «Наирит»⁵⁵.

Укрепляется военно-техническое сотрудничество. Рассматривается альтернатива Габалинской РЛС в Азербайджане (срок аренды которой официально завершился в конце декабря 2012 г.) на территории Армении. В связи с тем, что Закавказье — это стратегически важный регион, Россия заинтересована в строительстве там нового объекта⁵⁶. Российская военная база в Гюмри является важнейшей составляющей военной безопасности Армении⁵⁷.

Кроме того, РФ начинает формировать единую региональную систему ПВО с РА и Казахстаном. Таким образом, обеспечение безопасности, продажа вооружений по внутренним ценам и возможность закупать их напрямую у российских предприятий ВПК позволяет армянской стороне сохранять баланс в регионе⁵⁸.

3. Западные соблазны: продвижение проекта «Восточное партнерство» и «экспорт» демократии

3.1. «Восточное партнерство» ЕС

1 сентября 2008 г. лидеры Евросоюза провели в Брюсселе экстренный саммит, по итогам которого заявили о намерении реализовать проект «Восточное партнерство» (предусматривающий создание форума регионального сотрудничества стран ЕС с Украиной, Молдавией, Грузией, Азербайджаном и Арменией, а также — на экспертном уровне — с Белоруссией)⁵⁹. Учредительная встреча прошла в Праге 7 мая 2009 г. На ней была принята совместная декларация, согласно которой основная цель новой инициативы — «создание необходимых условий для ускорения политической ассоциации и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами» путем содействия политическим и социально-экономическим реформам в странах — участницах «Восточного партнерства»⁶⁰.

Примечательно, что «Восточное партнерство» (ВП) регулируется принципами дифференциации (differentiation) и кондициональности (conditionality)⁶¹. В меморандуме ЕС по ВП от 5 мая 2009 г. разъяснялось, как будет применяться этот принцип «кондициональности»: «...то, насколько мы продвинемся в отношениях с каждой страной, будет зависеть от прогресса, достигнутого партнерами на пути реформ и модернизации. Совершенно ясно, что суть “Восточного партнерства” заключается в общих интересах и ценностях»⁶².

Восточное партнерство предполагает перспективу заключения соглашений об ассоциации, глубокой интеграции в экономику ЕС, заключения всеобъемлющих соглашений о зонах свободной торговли, облегчения поездок в ЕС для граждан при условии реализации мер по повышению безопасности, внедрения мер энергобезопасности и увеличения финансовой помощи⁶³. Пражская декларация саммита, кроме того, предусматривает появление четырех тематических платформ.

1. Демократия, совершенная система управления и стабильность.
2. Интеграция с отраслевой экономической политикой ЕС.
3. Энергетическая безопасность.
4. Развитие контактов между людьми⁶⁴.

В дальнейшем состоялись три саммита: в Варшаве (май 2010 г.), Брюсселе (июль 2012 г.) и Вильнюсе (28—29 ноября 2013 г.). На последней встрече планировалось подписание соглашений об ассоциации с Украиной и Арменией, от которой оба государства отказались. Представители Грузии и Молдавии смогли парафировать договор об ассоциации с ЕС, окончательное подписание соглашения должно состояться не позднее июня 2014 г.

3 сентября 2013 г. в ходе переговоров с президентом РФ В.В. Путиным президент Армении С. Саргсян заявил о готовности страны вступить в Таможенный союз (ТС)⁶⁵. Вместе с тем, выступая 29 ноября на саммите в Вильнюсе, он заявил, что строительство и укрепление государственности Армении в соответствии с европейской моделью является осознанным выбором Еревана, и этот процесс необратим⁶⁶. 21 марта 2014 г. бывший премьер-министр страны Т. Саркисян сообщил, что Армения собирается подписать политическое соглашение с Европейским союзом. Вместе с тем в Ереване есть понимание, что «Европа продвигает в Армении такие проекты, как права человека, выборы, формирование гражданского общества, которые не требуют больших затрат. ЕС владеет настроениями через минимальные затраты. Россия же дает конкретные вещи, которые позволяют обеспечивать уровень жизни в стране и баланс сил в регионе»⁶⁷.

После окончания «холодной войны» страны Запада продолжили двойное продвижение на Восток — расширение Евросоюза и НАТО, — постепенно вовлекая в свой состав бывшие советские республики. После августовской войны РФ и Грузии в 2008 г. Запад изменил тактику экспансии. Теперь он, активно используя средства «мягкой силы», продвигает план «Восточного партнерства»: Запад пытается с помощью идеологии, культуры и дипломатии продолжать вытеснять РФ из ее геополитического пространства. По мнению китайского эксперта Чжан

Хуна, проект «Восточное партнерство» в отношении Украины выполнял три задачи: во-первых, достижение гомогенизации в политическом строе. ЕС требовал реформ в соответствии со своими нормами в области совершенствования избирательной системы, обеспечения гарантий независимости судебной власти и СМИ и освобождения Ю. Тимошенко. Во-вторых, это интеграция исключительности (или принцип кондициональности. — *А.М.*), т. е. постановка перед выбором: либо с ЕС, либо с РФ. В-третьих, соглашение об ассоциации предоставляло Евросоюзу право непосредственного вмешательства во внутренние дела. Например, прямая поддержка массовых выступлений оппозиции на Майдане со стороны США и ЕС⁶⁸.

3.2. «Экспорт» демократии США

Что касается Соединенных Штатов, то для них «демократия и уважение прав человека являются центральными элементами внешней политики», потому что «поддержка демократии ... помогает создать более безопасную, стабильную и процветающую международную арену, в которой США могут отстаивать свои национальные интересы»⁶⁹.

«Экспорт» демократии отчетливо демонстрировался во время бомбардировок силами НАТО Сербии и Ливии, крупных компаний в Ираке и Афганистане. Украина в этом списке не стала исключением. Помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии В. Нуланд в интервью CNN заявила, что США вложили 5 млрд долл. на поддержку демократии на Украине со времен распада СССР⁷⁰.

Что касается Армении, то, по данным МИД РА, при активном посредничестве США, МВФ и ВБ осуществили в этой стране ряд долгосрочных кредитных и грантовых программ на общую сумму более 1 млрд долл.⁷¹

В 2004 г. США присвоили Армении статус Постоянных нормальных торговых отношений (Permanent Normal Trade Relations) и упразднили поправку Джексона-Веника. Важную роль играло двустороннее сотрудничество в рамках программы «Вы-

зов Тысячелетия». После подписания 27 марта 2006 г. Соглашения РА было выделено более 235 млн долл., предназначенных для реконструкции сельских дорог, ирригации и осуществления пятилетней программы финансовой и технической помощи фермерам и агробизнесу. Сотрудничество в рамках этой программы завершилось в сентябре 2011 г.⁷² Вместе с тем в СМИ появляются сообщения о том, что Вашингтон намерен профинансировать второй этап программы, замороженный в силу того, что у американской стороны возникли вопросы по части исполнения властями республики обязательств в области демократизации общественной жизни, до 500 млн долл.⁷³

4. Значение Украины и Армении для РФ и КНР в концепции многополярного мира

1. *Геополитическое.* В главе IV Концепции внешней политики РФ, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечено, что приоритетными направлениями внешней политики являются «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ», а задачей — формирование «Евразийского экономического союза, призванного ... стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств», «эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁷⁴ или «полюсом современного мира»⁷⁵.

2. *Геоэкономическое.* Для РФ — это создание единой экономической зоны, общей интеграции от Лиссабона до Владивостока, чтобы, как полагает В.В. Путин, «быть конкурентоспособными и жизнеспособными в бурно развивающемся мире»⁷⁶. Для КНР, с одной стороны, это плацдарм для дальнейшего освоения европейского рынка (в случае Украины), с другой — надежная транзитная станция, располагающаяся на экономическом поясе Великого шелкового пути (Украина и Армения)⁷⁷.

3. *Цивилизационное или духовно-нравственное измерение.* Для РФ роль важной скрепы играет православная вера, по точному определению Патриарха Кирилла являющаяся «краеугольным

камнем нашего национального бытия»⁷⁸. Это ответ западной методологии, направленной на столкновение цивилизаций и проведение агрессивной вестернизации. Для КНР — гармония различий «хэ эр бу тун», стремление к конвергентности *цютун* (поиск общего при наличии различий) и новая теория цивилизаций⁷⁹.

Заключение

Низкий уровень политической культуры, властолюбие и алчность, погоня за сиюминутной выгодой позволяют национальным элитам Армении⁸⁰ и Украины⁸¹ «ловить рыбку в мутной воде». Вместе с тем оба государства абсолютно не застрахованы от автоматического разрешения проблем с Западом и Востоком; придется сосуществовать как с тем, так и с другим. Стоит ли в силу сиюминутной политической конъюнктуры и одномоментной выгоды пренебрегать долгосрочными прогностическими интересами и забывать народную мудрость: «не плюй в колодец, пригодится воды напиться»?

Примечания

¹ Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: ИД «ФОРУМ». 2014. С. 94.

² Сильная экономика и честная власть — фундамент независимости страны и процветания нации. URL: <http://www.sb.by/post/162868/>

³ Чжан Хун. Укэлань вэйцзи: эоу иншили юй жуаньшили дэ дуйцзюэ : [Украинский кризис: противостояние жесткой и мягкой сил России и Европы] // Шицзе чжиши. 01.01.2014. С. 52—54.

⁴ Дуйвай тоуцзы хэцзо гоубе (дицюй) чжинань. Укэлань, 2013 : [«Руководство по внешнему инвестиционному сотрудничеству в странах (регионах), Украина» за 2013 год]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/upload/wukelan.pdf>. С. 19.

⁵ Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8609412.html>

⁶ URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/upload/wukelan.pdf>. С. 29.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/129900.html>

¹⁰ URL: <http://www.regnum.ru/news/1612876.html>. См. также: URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/139259.html>

¹¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/1612876.html>; Зеркало недели (Украина). 14.09.2012 и 10.12.2012.

¹² URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2013-10/01/content_30186273.htm

¹³ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-09/25/content_30130360.htm. См. также: URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-09/26/content_30129802.htm

¹⁴ Китайское предприятие вкладывает 10 млрд юаней. В первую фазу данного проекта будет вложено 3 млрд долл., в том числе на строительство глубоководного порта в Крыму, реконструкцию порта Севастополя и создание зоны экономического развития высокотехнологичной индустрии. Вторая фаза инвестиции предполагает объем в не менее чем 7 млрд долл., включая строительство аэропорта, верфи, нефтеперерабатывающего завода, производственной базы СПГ и создание морских рекреационных пляжей и профессионального образования. Крымская зона экономического развития, по планам китайских инвесторов, привлечет передовые предприятия со всего мира. Здесь будет производиться транзит, разработка и производство грузов различных стран, которые на дальнейшем этапе будут продаваться во все уголки мира. Китайское и украинское предприятия будут превращать Крым в экономический и транспортный узел морского Шелкового пути за счет строительства глубоководного порта в Крыму и зоны экономического развития (URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8477323.html>. См. также: URL: <http://svpressa.ru/society/article/80697/?rss=1>; URL: <http://topwar.ru/37328-poyas-shelkovogo-puti-dostig-ukrainy.html>)

¹⁵ URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/29691.html>

¹⁶ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/03/content_31653342.htm

¹⁷ URL: <http://v.ifeng.com/news/opinion/2014003/012a185a-af29-45a8-8a5f-73286ff51563.shtml>

¹⁸ Цзя кань: у дундан дуй чжунго цзюньгун инсян бу да. Гай майдэ доу майлэ : [Канадские СМИ: украинские потрясения незначительно повлияют на китайский оборонно-промышленный комплекс. То, что нужно было закупить — закуплено]. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2014-04/4970346.html>

¹⁹ URL: <http://mil.huanqiu.com/mlitaryvision/2014-01/2714148.html>

- ²⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8566372.html>
- ²¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1782996.html>
- ²² Россия и Украина рано или поздно помирятся // Независимая газета. 18.03.2014. URL: http://www.ng.ru/world/2014-03-18/7_china.html
- ²³ URL: <http://opinion.huanqiu.com/dialogue/2014-03/4914222.html>
- ²⁴ Пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19859>
- ²⁵ Военное обозрение. 10.04.2014. URL: <http://topwar.ru/43421-sotrudnichestvo-s-ukrainoy-dvigateli.html>
- ²⁶ Военное обозрение. 10.04.2014.
- ²⁷ Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.04.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20796>
- ²⁸ Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова «Выход из украинского кризиса», опубликованная в газете The Guardian. 07.04.2014. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/5D21C9FB97C66D9744257CB4001AF6A8
- ²⁹ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/fyrbt_602243/t1146820.shtml
- ³⁰ Ван И. Чжунго цзай Укэлань вэньти шан бинчши кэгуань гунчжэн фуцзэжэнь личан : [Китай в вопросе по поводу Украины отстаивает объективную, справедливую и ответственную позицию]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1146703.shtml
- ³¹ Statement by Ambassador Liu Jieyi after Security Council Voting on the Draft Resolution on Ukraine. URL: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/regionalhotspots/europe/oc/t1140296.htm>
- ³² Ibid. См. также: Китай выдвинул три предложения по урегулированию кризиса в Украине. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8567892.html>
- ³³ Мнение Ван Хайюня, генерал-майора, старшего советника Китайской научной ассоциации международных стратегий. Более подробно: URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-03/4869449.html
- ³⁴ URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0316/c1002-24647550.html>
- ³⁵ Независимая газета. 18.03.2014. URL: http://www.ng.ru/world/2014-03-18/7_china.html
- ³⁶ Four lessons to be learned from the Ukraine crisis. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/98649/8570918.html>
- ³⁷ Китай балансирует между Украиной и Россией. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/04/140415_china_balance_politics.shtml
- ³⁸ URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2014-03/4874680.html>
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ URL: <http://www.newsarmenia.ru/economy/20140214/43015258.html>

- ⁴¹ URL: http://arka.am/ru/news/business/armeniya_uchastvuet_vo_vsemirn_oy_konferentsii_mezhdunarodnyy_obmen_organizovannoy_po_initiative_/?sphrase_id=566350
- ⁴² Там же.
- ⁴³ URL: http://arka.am/ru/news/economy/25145/?sphrase_id=566350
- ⁴⁴ URL: http://arka.am/ru/news/economy/armeniya_schitaet_realistichnym_dovedenie_godovogo_tovarooborota_s_kitaem_do_500_millionov_dollarov_/?sphrase_id=566350
- ⁴⁵ URL: <http://newsarmenia.ru/economy/20121221/42773799.html>
- ⁴⁶ URL: <http://newsarmenia.ru/economy/20130118/42786280.html>
- ⁴⁷ URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/12/03/1s450621.htm>
- ⁴⁸ URL: http://arka.am/ru/news/economy/29656/?sphrase_id=566350
- ⁴⁹ URL: <http://www.gov.am/ru/news/item/6913/>
- ⁵⁰ URL: http://arka.am/ru/news/society/erevanskiy_transportnyy_park_v_fe_vrale_popolnitsya_80_avtobusami/?sphrase_id=1447711
- ⁵¹ URL: http://arka.am/ru/news/economy/armeniya_schitaet_realistichnym_dovedenie_godovogo_tovarooborota_s_kitaem_do_500_millionov_dollarov_/?sphrase_id=1447711
- ⁵² URL: <http://www.gov.am/ru/news/item/6913/>
- ⁵³ Заявления для прессы по итогам российско-армянских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19142>
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Армения готова предоставить привилегии Роснефти для инвестиций в «Наирит». Тигран Саркисян. URL: <http://www.regnum.ru/news/1771932.html>
- ⁵⁶ Россия построит новую РЭС в Армении? URL: http://rus.ruvr.ru/2012_12_14/Rossija-postroit-novuju-RLS-v-Armenii/
- ⁵⁷ В резиденции Президента РА состоялись армяно-российские переговоры высокого уровня. URL: <http://www.president.am/ru/press-release/item/2013/12/02/President-Serzh-Sargsyan-meeting-with-the-President-Vladimir-Putin/>
- ⁵⁸ ИА Регнум. 26.12.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1749986.html>
- ⁵⁹ Российская газета. 02.09.2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/09/02/es-vostok-anons.html>
- ⁶⁰ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague. 07.05.2009. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-09-78_en.htm?locale=en
- ⁶¹ Ibid.

⁶² *Рекеда С.* «Восточное партнерство» по-литовски: велосипед без педалей. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/vostochnoe-partnerstvo-po-litovski-velosiped-bez-pedaley1072013/>

⁶³ URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-09-78_en.htm?locale=en.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Заявления для прессы по итогам российско-армянских переговоров. 03.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19142>

⁶⁶ *Саргсян Серж.* Укрепление государственности по европейской модели — осознанный выбор Армении. Подробно: URL: <http://www.regnum.ru/news/1739043.html>

⁶⁷ ИА REGNUM. 26.12.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1749986.html>

⁶⁸ *Чжан Хун.* Укэлань вэйцзи: эоу иншили юй жуаньшили дэ дуй-цзюэ // Шицзе чжиши. 01.01.2014. С. 52—54.

⁶⁹ Democracy. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/9815.pdf>

⁷⁰ РИА Новости. 22.04.2014. URL: <http://ria.ru/world/20140422/1004886020.html>

⁷¹ URL: <http://www.mfa.am/ru/country-by-country/us/>

⁷² Там же.

⁷³ ИА REGNUM. 18.09.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1709191.html>

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Известия. 03.10.2011. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>

⁷⁶ Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.04.2014.

⁷⁷ Впервые идею создания экономического пояса Великого шелкового пути озвучил председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Университете Назарбаева в Астане 7 сентября 2013 г. Сущность этой идеи заключается в реализации, укреплении пяти аспектов: 1) политические контакты; 2) транспорт; 3) торговля; 4) валюта; и 5) «соединение сердец» (т. е. гуманитарный аспект).

См. подробнее: Си Цзиньпин цзай Нацзаэрбаефу дасюэдэ янь-цзян : [Выступление Си Цзиньпина в Университете Назарбаева]. URL: http://www.xinhuatone.com/zglz/xl/xl.jsp?con_id=170800&class_id=7421

⁷⁸ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день преставления прп. Сергия Радонежского с балкона Патриарших покоев Троице-Сергиевой лавры. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2514969.html>

⁷⁹ Си Цзиньпин цзай Ляньхэго цзяокэвэнь цзучжи цзунбудэ яньцзян (шоаньвэнь) : [Выступление Си Цзиньпина в штаб-квартире ЮНЕСКО ООН]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1141771.shtml

⁸⁰ Как полагает армянский эксперт С. Минасян, дифференциация Ереваном «военно-политического союзничества» с Москвой, с одной стороны, и «экономического» партнерства с Евросоюзом — с другой, вполне укладывается в логику так называемой стратегии внешнеполитического комплементаризма Армении — политики балансирования между центрами силы, конкурирующими за влияние в Закавказье. При этом сотрудничество с Москвой строится в военно-политической сфере, а с ЕС — в экономической / ИА REGNUM 29.07.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1689323.html>

⁸¹ Как говорит президент Беларуси А.Г. Лукашенко, «у украинского кризиса две причины. Слабость экономики — фактически ее развал — и тотальная коррупция. Они абсолютно взаимосвязаны» / Сильная экономика и честная власть — фундамент независимости страны и процветания нации. URL: <http://www.sb.by/post/162868>

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

В.А. Матвеев*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ, ТОРГОВЛЕ, ИНВЕСТИЦИЯХ, ЭНЕРГЕТИКЕ И ТРАНСПОРТЕ ШОС: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ**

Аннотация. Статья посвящена современным тенденциям в развитии российско-китайской кооперации в формате ШОС. Анализируются проблемы промышленной кооперации в Центрально-Азиатском регионе, возможности российско-китайского стратегического партнерства в транспортной и энергетической сферах.

Ключевые слова: интеграция; международная кооперация; модель развития; Таможенный союз; ШОС; концепция «экономического пояса Шелкового пути»; энергетическое сотрудничество.

Можно согласиться с мнением ряда аналитиков, что подход к международной экономической интеграции как к процессу, развертывающемуся в первую очередь в торго-

вой сфере, малоперспективен. Реальная интеграция экономики групп стран не может быть обеспечена путем только взаимной свободной торговли, поскольку в коммерческих связях интересы экспортеров и импортеров зачастую прямо противоположны. Об этом свидетельствуют и безрезультатные десятилетние попытки стран ШОС создать зону свободной торговли.

Интеграция может обеспечить согласование экономических интересов отдельных государств и разрешение противоречий глобализации только при тесном производственном и научно-техническом объединении национальных хозяйств, а также при условии разработки и реализации международных программ производственной и научно-технической кооперации и создании совместных предприятий и структур, вследствие чего и формируются общие экономические интересы.

Эти процессы постепенно, с неравномерной скоростью набирают силу в экономическом взаимодействии стран — членов ШОС.

Стоит отметить, что сфера экономики как одно из основных направлений сотрудничества стран ШОС развивается не совсем последовательно, с длительными задержками в принятии решений, а также при давлении ряда нерешенных долговременных проблем. По нашему мнению, эта сфера взаимодействия стран ШОС находится в глубоком кризисе. Это связано как с разностью экономических потенциалов стран группировки и, соответственно, с разными их возможностями для выхода на траекторию поступательного развития, так и с конфликтом интересов государств в выборе модели развития, адекватной интересам местных элит.

В то же время можно наблюдать глубокие изменения, происходящие во всей системе международных отношений. Новой существенной их чертой становится глобализация. Причем глобализация вызывает к жизни разнонаправленные и противоречивые процессы: она открывает новые возможности экономического развития регионов и государств, но в то же время обостряет существующие или порождает новые проблемы общего характера, которые, собственно, и формируют вызовы региональному и мировому развитию.

* Матвеев Владимир Александрович, к. э. н., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-27-21002.

За последние годы в мировой экономике знаковой доминантой стал процесс международной кооперации.

На наш взгляд, одним из важнейших путей перспективного развития экономического сотрудничества стран ШОС может явиться производственная кооперация или международное промышленное сотрудничество. Такое промышленное сотрудничество шире по своему охвату, чем простое кооперирование производства, и включает в себя многообразные формы деятельности в области производства, прикладной науки, техники, торговли и т. п.

Ряд международных интеграционных группировок, в частности АСЕАН, успешно апробирует модель экономического развития, ориентированную на региональную кооперацию стран Юго-Восточной Азии. Это, прежде всего, касается создания зон экономического роста (ЗЭР). Такие зоны могут включать в себя промышленно-технологические парки, транспортные узлы, научно-образовательные центры и прочие «точки» активности. В их рамках не только ведется совместное промышленное производство, строительство инфраструктурных объектов, совместная подготовка кадров и исследования, но и используются преимущества приграничных экономических связей: свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, людей.

Опыт ЗЭР, по нашему мнению, вполне применим к реалиям ШОС. При этом, конечно, потребуются совершенствование институциональных механизмов, например создание общей корпорации развития стран ШОС, совместной энергетической, транспортной и информационной инфраструктуры Организации.

В настоящий момент этому процессу препятствует в основном сырьевая модель развития экономики России [как и стран Центральной Азии (ЦА)]. Такая модель затрудняет переход в ближайшем будущем к реальному производственному кооперированию с центральноазиатскими странами.

Закономерности развития международной экономической кооперации, как показывает опыт Западной Европы, Северной Америки и отчасти Латинской Америки, свидетельствуют, что залогом реального интегрирования экономик является достаточно высокий уровень индустриализации, диверсификации и

обмена. Именно при этих условиях страны дополняют друг друга в широком диапазоне производства товаров и услуг, когда государства интеграционной группировки взаимодействуют, поддерживая многоплановые торгово-финансовые и производственные связи. Страны же ЦА обладают примерно одинаковым набором природно-сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов, что ведет к их достаточно жесткой конкуренции на внешних рынках сбыта.

В связи с этим немаловажно для стагнирующих экономик стран ЦА и России использование мирового опыта развития международной промышленной кооперации в обрабатывающей промышленности: в машиностроении, электронике, химической и некоторых других отраслях, прежде всего в изготовлении высокотехнологической наукоемкой продукции. И здесь на пространстве ШОС активную роль может сыграть Китай, возможно с активной поддержкой России.

Указанные направления взаимодействия могут стать предметом «дорожной карты» долгосрочного развития ШОС и явиться отправным пунктом Стратегии долгосрочного развития ШОС.

Однако нельзя сказать, что модель интеграционного взаимодействия на пространстве ШОС полностью инерционна.

В связи со стагнацией торговых отношений в Центрально-Азиатском регионе идет поиск новых направлений развития сотрудничества. И здесь, как нельзя кстати, может пригодиться позитивный опыт Китая по выходу из кризиса за счет интенсификации строительства инфраструктурных объектов. Реализация такого рода проектов, как показал опыт КНР, может принести масштабный экономический эффект. Поэтому на одном из последних саммитов ШОС (в Пекине) и была провозглашена новая приоритетная цель развития группировки — разработка совместных инвестиционных проектов инфраструктурного характера. Развитие инфраструктуры является одним из ключевых факторов ускорения экономического роста, повышения производительности труда и выравнивания социально-экономических возможностей граждан, что немаловажно, особенно для стран Центрально-Азиатского региона.

Все это укладывается в новую стратегическую концепцию построения «экономического пояса Шелкового пути», выдвинутой в сентябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином.

Безусловно, она адресована, прежде всего, постсоветским республикам ЦА, служащим для Китая важнейшим источником энергетического сырья и рынком сбыта промышленной продукции, а также транзитным звеном для транспортировки товаров в Европу и опорной базой для экономического развития Синьцзяна. При этом Си Цзиньпин акцентирует внимание на региональной интеграции и либерализации торговли, в данном случае в рамках такой интеграционной группировки, как ШОС.

При этом под региональной интеграцией понимается создание зон свободной торговли, что наряду со строительством единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря, и составляет по сути, но не по форме, сердцевину этой концепции.

В странах ЦА дают высокую оценку намерениям Китая широко использовать преимущества взаимодополняемости их экономических структур как важнейшего фактора развития трансграничного хозяйственного взаимодействия. Естественно, народнохозяйственный потенциал каждой из региональных стран обладает определенными сравнительными преимуществами. Китай располагает весьма широким спектром сравнительных преимуществ, и прежде всего в трудоемких отраслях легкой промышленности, производстве бытовой техники и электроники, в то время как большинство стран ЦА имеет обширный природно-ресурсный потенциал, а также является рынком сбыта для китайских товаров широкого потребления и технической продукции. КНР достаточно эффективно использует свои сравнительные преимущества в экономическом диалоге со странами ЦА, и уже сложившаяся мировая специализация партнерствующих сторон четко отражается в их хозяйственных отношениях¹.

Наиболее перспективно — расширение производственной кооперации в сферах геологической разведки, добычи и переработки полезных ископаемых, сооружении объектов инфраструктуры, тепло- и гидроэнергетики, сельского хозяйства.

Весьма важно, что в целях создания благоприятных условий для привлечения инвестиций стороны планируют обеспечить преференциальный режим капиталовложениям от предприятий СУАР в страны ЦА и содействие сотрудничеству между крупными экономическими субъектами сторон.

В то же время следует отметить, что Китай и Россия, хотя и являются лидерами группировки, до настоящего времени крайне мало инвестируют в промышленность региона, в котором до сих пор не сложилась реальная производственная кооперация.

На этом фоне проявляются определенные противоречия между интересами РФ и Китая. При этом интересы России все больше фокусируются на формировании Таможенного союза и Евразийского экономического союза в рамках постсоветского пространства, прежде всего с Казахстаном. Этот тренд является стратегическим приоритетом. При этом подразумевается, что малые страны региона — Кыргызстан и Таджикистан — по мере роста эффективности названных структур сами проявят инициативу по вступлению в них.

Китай же в проекте «экономического пояса Шелкового пути» особый акцент делает на контакты с сопредельными государствами, прежде всего в Центрально-Азиатском регионе, что непосредственно затрагивает интересы России.

В настоящее время РФ и Китай имеют взаимопересекающиеся в Центрально-Азиатском регионе стратегии — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «экономического пояса Шелкового пути», — ориентирующиеся практически на одни и те же страны.

Институционально ЕАЭС ушел уже достаточно далеко по пути интеграции. Кроме того, Россия после первой волны мирового кризиса с 2009 г., несмотря на сокращение товарооборота со странами ЦА, сохранила свой статус одного из трех крупнейших торговых партнеров региона: в 2012 г. ее товароборот с ним составил 30,1 млрд долл. Существующий Таможенный союз (ТС) установил достаточно высокие таможенные барьеры и превратился к тому же в весомую геополитическую величину. Это ограничивает амбиции Китая по строительству зон свободной торговли в ЦА.

Возникшее таким образом противоречие между Россией и Китаем не выходит на поверхность их официальных отношений, однако на самом деле ТС с его планами приема новых членов из стран ЦА и перерастания в 2015 г. в ЕАЭС серьезно беспокоит Пекин. Будет ли достигнут удовлетворяющий обе стороны компромисс — этот вопрос требует всестороннего анализа.

Важно отметить, что Россия не может и не должна уклоняться от этого вызова Китая. Вместо соперничества в регионе следует найти платформу для практического диалога и взаимодействия.

Представляется, однако, достаточно реалистичным и другой сценарий: *дальнейшее успешное развитие двусторонних экономических отношений* в обход ТС, что вытекает из глубокой заинтересованности Китая в сохранении отношений стратегического партнерства с Россией, несмотря на ее относительную слабость по сравнению с гигантской мощью КНР. При этом, по мере углубления двусторонних экономических отношений, Китай и Россия вместе волеются в процесс развития региональной экономической кооперации.

При изложении новой концепции, Си Цзиньпин особо упомянул транспортную магистраль «от Тихого океана до Балтийского моря», являющуюся, безусловно, стержнем планируемой инфраструктурной сети. Существующая транспортная сеть, соединяющая КНР с западной частью евразийского континента, уже не может удовлетворять растущие запросы страны. Поэтому в расчете на перспективу Китай открыл, наряду с железнодорожным маршрутом Урумчи—Алашанькоу, новый железнодорожный маршрут на Хоргос. Планируется строительство еще одной железнодорожной магистрали из Кашгара в направлении на Киргизию и Узбекистан с дальнейшим выходом на Афганистан и далее.

По всей видимости, новые транспортные пути призваны облегчить взаимные торговые и кооперационные связи между Китаем и странами Центрально-Азиатского региона, а также создать новые глобальные коммуникации, связующие их с европейским рынком.

В этих условиях перед Россией встает альтернатива: подключиться к строительству нового Шелкового пути «Китай—Центральная Азия—Европа» или же пассивно стоять в стороне.

Выбрав первый вариант, Россия могла бы самым выгодным образом использовать свое экономико-географическое положение как страны-транзитера.

Главный минус данного варианта состоит в том, что снизится интерес к российскому Транссибу как транзитному каналу Восточная Азия—Европа. Однако здесь надо учесть, что европейскую часть этого коридора необходимо модернизировать в любом случае, и альтернативы этому нет. Кроме того, перспективы модернизации Транссиба и превращения его в эффективную трансконтинентальную магистраль являются весьма сомнительными в силу ряда причин, и прежде всего из-за устаревшей системы тарифов РЖД на перевозки, не стимулирующей ускорение транспортировки грузов.

Итак, КНР постепенно создает в ЦА ориентированную на себя транспортную инфраструктуру. Это должно заставить российскую сторону всерьез задуматься об угрозах утраты Россией ее роли лидера на рынке евразийских сухопутных транзитных перевозок.

Исходя из этого, России целесообразно подключиться к формированию мощного транспортного коридора из Китая через ЦА и европейскую часть РФ, минуя Транссиб, что сулит всем его пользователям значительный выигрыш во времени в сравнении с морским вариантом (более чем двукратный) и экономии средств.

Сверх того, использование трансасиатской магистрали способно смягчить трения между ЕАЭС и КНР, поскольку позволит Китаю увеличить экспортируемую товарную массу и, таким образом, скомпенсировать потери от пересечения пространства ТС/ЕАЭС.

Если же мы будем стоять в стороне, то Китай расширит дорогу в Европу и без нас, в обход России и с Юга, и с Севера — через Арктику, правда, с большими затратами и с определенными потерями, но наши потери будут еще более значительными.

Возникли противоречия между Россией и Китаем и в сфере промышленной политики. На фоне усиливающейся инвестиционной поддержки Китаем промышленности стран ЦА (например, принято решение о создании в Узбекистане свободных

индустриальных зон с передачей новых китайских технологий) перед Россией стоит непростая задача изменения вектора экономического взаимодействия со странами ЦА с преимущественно сырьевого к промышленному, предполагающему более широкую помощь странам ЦА в деле технологической модернизации их экономик. При этом важно ранжировать долгосрочные государственные интересы России в регионе, которые и будут иметь решающее значение при выборе стратегического курса.

Созданная в 2012 г. Российская корпорация сотрудничества со странами Центральной Азии рассчитывала привлекать государственные и частные инвестиции в перспективные производства региона — гидроэнергетику, высокотехнологичную промышленную сборку, птицеводство и т. п., однако в силу отсутствия сколь-нибудь значительных финансовых средств движение в данном направлении не прослеживается.

На наш взгляд, объединение усилий РФ и Китая в формировании новых индустриальных возможностей Центрально-Азиатского региона, в том числе и в сфере промышленной кооперации, отвечает фундаментальным интересам и КНР, и России. Это можно было бы учесть в запланированной к созданию в период до 2016 г. стратегии долгосрочного развития ШОС.

Еще одной важнейшей стратегической областью партнерства РФ и КНР является *энергетическое сотрудничество*. В мае 2014 г. главами России и КНР был подписан чрезвычайно важный пакет соглашений о расширении и углублении кооперационных связей между компаниями РФ и Китая, прежде всего в сфере энергетического сотрудничества.

Это в первую очередь касается углубления кооперации в сфере газовой промышленности. Принципиально важным является долгожданное подписание контракта между Газпромом и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) о совместном финансировании весьма дорогостоящего проекта (по доставке газа Чаяндинского нефтегазоконденсатного месторождения, а также Ковыктинского газоконденсатного месторождения к границе с Китаем) общей стоимостью 70 млрд долл. с приемлемой для обеих сторон ценой реализации газа на границе РФ и КНР². Это масштабное и долгосрочное соглашение, ко-

торое еще теснее свяжет экономики двух стран и принесет участникам целый ряд выгод, в том числе и в политическом плане. Причем газовая тема не заканчивается подписанием этого контракта: обсуждается вопрос не только о расширении поставок российского газа в Китай, но и об активном участии китайских компаний в освоении газовых месторождений Сибири. Так, например, на саммите подписан договор о поставке газа газоконденсатных месторождений п-ова Ямал в сжиженном виде в Китай. Китайская национальная нефтегазовая корпорация имеет через дочернее предприятие 20%-ную долю в проекте «Ямал СПГ» по освоению Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения, включая строительство завода по сжижению природного газа. Инвестиции в проект на стадии планирования оценивались в 1 трлн руб.³

Кроме того, по итогам официальной встречи лидеров России и КНР В. Путина и Си Цзиньпина было обнародовано официальное заявление сторон, в котором говорилось о намерении, помимо газовой отрасли, углубить сотрудничество и в нефтяной сфере, и в электроэнергетике. Речь идет о совместном освоении месторождений в России и о развитии транспортной инфраструктуры. Также планируется реализовать проекты по строительству новых генерирующих мощностей на российской территории для наращивания экспорта электроэнергии в Китай.

Важно отметить, что плодотворное газовое сотрудничество России и КНР имеет огромное значение и для других стран, в том числе и для государств Центрально-Азиатского региона.

Также оно позволит двум державам проявлять больше инициативы в других ключевых направлениях внешнеполитического и экономического сотрудничества. Углубление энергетического сотрудничества в рамках ШОС сегодня и на перспективу определяется фактором согласованности интересов двух держав. Совпадение государственных интересов наших двух стран может стать одним из стимулов экономического развития России, особенно ее восточных регионов, и усиления ее международных позиций. В такой же мере это относится и к Китаю.

Известны трудности, с которыми сталкиваются китайские компании при освоении собственных газовых месторождений в

связи с прогрессирующим исчерпанием легкоизвлекаемых запасов этого вида ресурсов, что обуславливает увеличение капиталовложений для перехода на более сложные и дорогостоящие технологии добычи газа. И здесь как нельзя кстати будут современные технологии добычи, переработки и транспортировки газа, которыми владеет Газпром и другие нефтегазовые компании России. Поэтому-то Китаем и была инициирована подготовка ряда документов об основных направлениях российско-китайского сотрудничества в газовой сфере.

Эти договоренности предусматривают не только поставку в КНР российского газа, но и совместную разработку нефтегазовых месторождений в Китае, создание там газотранспортных и газораспределительных систем, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа, а также взаимодействие в области геологоразведки, добычи, транспортировки и реализации газа. Достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о создании совместных предприятий по реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере. Это можно считать продолжением масштабного стратегического партнерства и кооперации ведущих нефтегазовых корпораций России и Китая.

Примечания

¹ Самбулова Е.Н. Шанхайская организация сотрудничества: особенности образования и направления возможного развития. Экономическое пространство ЕвразЭС: факторы и пределы интеграции // Проблемы постсоветских стран. Выпуск № 6. М.: ИМЭПИ РАН, 2004. С. 227–228.

² URL: <http://top.rbc.ru/economics/26/05/2014/926066.shtml>

³ URL: <http://www.nakanune.ru/news/2014/5/15/22352839>

В.И. Балакин*

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ КНР

Аннотация. В последние годы Китай увеличил количество интеграционных проектов, реализуемых за рубежом. Восточная Азия является основным регионом для прямых китайских инвестиций, которые в первую очередь направляются в развитие инфраструктуры заинтересованных восточноазиатских государств. В качестве наиболее распространенной формы сотрудничества в данной сфере Китай предпочитает так называемые государственно-частные партнерства. Государственно-частные партнерства, как показывает практика, наилучшим образом гарантируют эффективность масштабных китайских капиталовложений. Китай уже имеет значительный опыт использования их с иностранными инвесторами в собственной экономике, что дает ему возможность использовать данный опыт при реализации международных проектов восточноазиатской интеграции.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; Китай; Восточная Азия; интеграция; инвестиции.

Аktivизация экономической и военно-политической деятельности Китая в Восточной Азии позволяет ему уверенно наращивать влияние в регионе. Геополитические пере-

* Балакин Вячеслав Иванович, к. ю. н., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

ны на региональном уровне создают для КНР ситуацию, характеризующуюся интенсификацией острого соперничества с Соединенными Штатами Америки. В Пекине начинают оценивать свое геополитическое положение с точки зрения «пространственного мышления», подразумевающего выработку эффективной региональной стратегии, ориентированной на последовательное продвижение в Восточной Азии долгосрочных интеграционных проектов. Региональная интеграция объективно влечет за собой трансформацию многосторонних хозяйственных связей, не только устойчиво развивающихся на межгосударственном уровне, но и опирающихся на активное взаимодействие государств с частными экономическими институтами. В Китае государственно-частное партнерство приобрело в межкризисный период 1998—2008 гг. особенно широкий характер, что, по мнению китайских экспертов, создает уникальные предпосылки для достижения самых позитивных результатов в сфере последовательного роста совокупной национальной мощи¹.

Между двумя финансовыми кризисами 1998 и 2008 гг. Восточная Азия позиционировала себя как экономически наиболее динамичный, а политически — весьма неоднородный регион. При этом на три восточноазиатские страны — Китай, Японию и Республику Корея — приходится 90 % региональной экономики. С начала 2000-х годов в Восточной Азии укрепилась тенденция относительной стратегической стабильности, которая сегодня явно преобладает над дестабилизацией политической ситуации. Этому в значительной степени способствует последовательное возрастание экономической взаимозависимости между Китаем и США, с одной стороны, и Китаем и Японией — с другой. В то же время Восточная Азия постоянно испытывает насущную потребность в концентрации экономических ресурсов в интересах поддержания высоких темпов регионального роста с целью сохранения лидирующих позиций на глобальных рынках в условиях нарастания проблемной ситуации в экономиках США и стран Евросоюза².

Либерализация и переход КНР в рыночный формат экономики объективно сформировал и возможности регионального интеграционного сораствления с другими государствами Восточ-

ной Азии. Китай сегодня отчетливо пытается выстроить свое новое региональное и глобальное политическое позиционирование, опираясь на возрастающую экономическую мощь, путем целенаправленного обеспечения своей ведущей роли на мировых товарных рынках и активной экспансии китайского капитала, прежде всего в восточноазиатские страны. КНР рассчитывает в обозримой перспективе сформировать под своей исключительной юрисдикцией абсолютно новую, отличную от созданной Евросоюзом интеграционную модель. Китайское руководство видит содержание названной модели не столько в ощутимом снижении таможенных тарифов и учреждении региональной зоны свободной торговли, сколько в интеграции стран Восточной Азии на основе «экономики знаний», а также на базе регионального финансового взаимодействия с перспективой введения единой региональной валюты, с учетом уроков экономических кризисов 1998 и 2008 гг. Скорее всего, будет усилено взаимодействие между национальными центральными банками и расширена сфера применения в рамках деятельности Азиатского банка развития некой новой расчетной единицы, выведенной по стоимости на основе ведущих восточноазиатских национальных валют³.

В целом ситуация в Восточной Азии на обозримую перспективу будет характеризоваться значительно большей степенью экономической, научно-технической и финансовой интеграции, а также большей политической стабильностью и предсказуемостью. Новые форматы отношений взаимодействия и соперничества сведут к минимуму вероятность открытых военных конфликтов, включая нарастание напряженности вокруг Тайваня и на Корейском полуострове. Формирование единого экономического пространства в восточноазиатском регионе вполне вероятно станет основным фактором стабилизации⁴. Кроме того, в интеграционном плане следует ожидать частичной либерализации условий торговли и инвестиционной деятельности, ядром которых будет укрепляющаяся АСЕАН. Значимость ВТО при отсутствии прогресса на переговорах о глобальных масштабах международной торговли начнет стимулировать регионализацию интеграционных процессов в Восточной Азии.

В связи с этим велика вероятность того, что поменяется суть формата Восточноазиатского сообщества (ВАС), которое утратит перспективу политического объединения по причине его неприемлемости практически для всех восточноазиатских государств. Однако любая политическая «надстройка» прежде всего не устраивает Китай, опасаящегося любого варианта расширения участников восточноазиатских процессов за счет Индии, Австралии и Новой Зеландии, не говоря уже о США и Канаде. Судя по всему, экономическая интеграция в Восточноазиатском сообществе возможна лишь на основе формулы «АСЕАН+3», а успех названной формулы будет зависеть от доброй воли КНР, Японии и Республики Корея. Данный «треугольник» уже сегодня явно нуждается в интеграционном прорыве, но это во многом связано с достижением серьезного политического компромисса на самом высоком уровне. К такому компромиссу скорее всего способна подтолкнуть успешная реализация идеи создания экономического сообщества АСЕАН, которая входит в свою завершающую стадию.

По оценкам международных экспертов, по мере укрепления региональных экономических и политических позиций Китая в Восточной Азии Россия постепенно начнет утрачивать перспективу вхождения в региональное сообщество на приемлемых для нее условиях. Российское участие в Восточноазиатском сообществе будет рассматриваться исключительно через призму отношения к этому КНР⁵. В обозримой перспективе Пекину, несомненно, потребуется энергетическая, а значит и политическая поддержка Москвы в регионе. При этом российское влияние в Восточной Азии может заметно усилиться за счет развития собственной транспортной инфраструктуры на просторах Сибири и Дальнего Востока. Активное участие России в региональных интеграционных преобразованиях в значительной степени минимизирует «угрозу упущенной выгоды», которую российская экономика способна извлечь при своевременном выходе на растущий восточноазиатский рынок.

Вместе с тем развитие восточноазиатской интеграции характеризуется неопределенностью и высоким уровнем конкуренции. Глобальный финансовый кризис показал бесперспектив-

ность для государств Восточной Азии дальнейшей ориентации на экспортную модель развития. Сегодня экономики стран восточноазиатского региона нацелены на масштабные инновационные преобразования с акцентом на регионализацию межгосударственных связей⁶. Предусматривается кардинальная трансформация внутрорегиональной структуры хозяйствования с упором на глубокие реформы в области обеспечения жизнедеятельности практически всех восточноазиатских государств. Значительное внимание уже уделяется организационным моментам в развитии национальных и региональной экономик, что выражается в формировании действенных механизмов государственно-частного партнерства.

Отдельные международные эксперты отмечают, что наиболее эффективным механизмом решения региональных проблем в Восточной Азии является государственно-частное партнерство в инновационной сфере. С правовой точки зрения государственно-частное партнерство следует рассматривать как универсальную форму взаимовыгодного сотрудничества между государством и частными (негосударственными) юридическими лицами, характеризующуюся отсутствием иерархии в данной системе и выражающуюся в паритете, равенстве полномочий и ответственности участников данного партнерства друг перед другом.

В Китае современное государственно-частное партнерство ориентировано, прежде всего, на обеспечение баланса интересов всех заинтересованных сторон в расчете на эффективное достижение намеченных целей деятельности и необходимого уровня активности экономических субъектов, а также повышение работоспособности государственного управления. Китайская модель государственно-частного партнерства основывается на идеях известного австрийского экономиста Йозефа Шумпетера, разработавшего алгоритм взаимоотношений государства, науки, образования, предпринимательства и общества в целом и предусматривающего достижение наивысшего кумулятивного эффекта в интересах устойчивого экономического роста. В Китае полагают, что использование механизмов государственно-частного партнерства способно привести народное хозяйст-

во КНР к естественному формированию инновационной национальной экономики в посткризисный период⁷.

Китайские эксперты рассматривают партнерскую роль государства с точки зрения наличия у него исключительных общественно значимых интересов и целей и, кроме того, выполнения функции инфраструктурной поддержки, а также обеспечения контроля за соблюдением условий, на которых состоялось партнерство.

Как непосредственный участник хозяйственного оборота государство крайне заинтересовано в достижении максимальной эффективности проекта, имеющего форму государственно-частного партнерства, а также его финансовой транспарентности, поскольку капиталовложения осуществляются из бюджетных источников. Что же касается частного партнера, то любой заинтересованный предприниматель преследует цель максимизации собственной прибыли и, как правило, осуществляет делегированные полномочия на условиях справедливого, с его точки зрения, распределения рисков, обязательств и получаемой выгоды, требуя от государства четко сформулированного набора гарантий, льгот и преференций для увеличения своих доходов в обмен на участие в развитии объектов производственной и социальной инфраструктуры, находящихся в государственной собственности. К наиболее распространенным формам государственно-частного партнерства в Китае относят так называемые сервисные контракты с зарубежными фирмами на осуществление инвестиционной деятельности, включая заключение договоров аренды государственной собственности⁸. При этом объектами государственной собственности могут выступать здания, сооружения, оборудование, передаваемые центральным и провинциальными правительствами КНР в концессию, лизинг, а также на условиях соглашений о разделе продукции.

Реализуя собственную модель региональной интеграции, Китай, прежде всего, стремится делать акцент на зарубежных проектах со странами Восточной Азии, распространяя взаимодействие не только и не столько на торговую сферу, сколько на совместное использование факторов реального производства, а также внедрение в производственные процессы современных

инновационных технологий. Изначально интеграционное сотрудничество КНР с восточноазиатскими государствами выстраивалось по схеме, предусматривавшей использование китайских земельных и человеческих ресурсов в обмен на прямые инвестиции, передовые технологии и инженерный опыт при реализации проектов⁹. Китайское руководство осознавало, что на будущее интеграционных процессов в Восточной Азии определяющее влияние всегда будут оказывать внутренние направления развития заинтересованных в участии стран. Для свободного передвижения товаров и рабочей силы на восточноазиатском рынке должны созреть объективные условия, т. е. восточноазиатские государства должны осознать реальную потребность в иностранной рабочей силе и создать адекватные условия для адаптации миграционных потоков. Кроме того, совместное использование странами-членами преимуществ регионального рынка неизбежно потребует образования в перспективе согласованного, а в идеале — интегрированного правового поля, обеспечивающего прежде всего безбарьерное передвижение финансовых потоков и научных разработок.

В Китае осознают, что доминирующей тенденцией в развитии любой современной экономики постепенно становится научно-исследовательское сотрудничество со странами, являющимися постиндустриальными лидерами. Оно включает в себя совокупную деятельность государств и негосударственных хозяйствующих субъектов в процессе создания и реализации инновационной продукции, обмен новейшими технологиями на основе детально разработанной нормативно-правовой базы, как правило, в рамках государственно-частных партнерств¹⁰. В экономической структуре практически всех индустриальных стран Восточной Азии государственно-частные партнерства имеют характер сложных организационно-институциональных комплексов, наличие которых свидетельствует о реальной готовности страны к переходу на инновационный тип развития. Необходимо отметить, что выбор Китаем контрагента для взаимодействия в рамках государственно-частного партнерства всегда осуществляется исходя из объективных факторов, характеризующих каждое отдельное государство, среди которых определяющую роль

играют следующие: обеспеченность природными, материальными и финансовыми ресурсами, разработанность нормативно-правовой базы, формы предпринимательской деятельности, а также устоявшийся стиль управления. Особый акцент делается на предварительном изучении методов взаимодействия государства и частного бизнеса в потенциальной партнерской стране, уровня фундаментальных и прикладных исследований и разработок, динамики инновационного развития отраслевой инфраструктуры.

Используя опыт Сингапура, Китай, тем не менее, всегда стремился разработать собственную модель государственно-частного партнерства, ориентируясь на специфику отношений с каждым конкретным государством Восточной Азии. Однако, реализуя интеграционные проекты на восточноазиатском пространстве, китайский бизнес использовал форму государственно-частного партнерства, прежде всего в сфере создания инфраструктуры и в рамках поставок для государственных нужд¹¹. Серьезное внимание корпорациями из КНР постоянно уделяется концессиям на разработку природных ресурсов, а также инвестициям в те сектора восточноазиатских экономик, где требования государств к инвесторам включают соответствующие правительственные гарантии. Как правило, китайцы выбирают проекты, реализующиеся в рамках местной приватизации или содержащие устойчивые аутсорсинговые (субподрядные) технологические цепочки. Контракты в подобных случаях заключаются на достаточно продолжительное время, и в них оговариваются детальные условия по купированию возможных политических и финансовых рисков.

Кроме сингапурской модели КНР активно использует модель государственно-частного партнерства, хорошо зарекомендовавшую себя в работе через Сянган. Если сингапурская модель ориентирована, прежде всего, на региональную интеграцию в производственной сфере, то сянганская модель изначально была заточена на финансовые операции, связанные с формированием крупных инвестиционных потоков в инфраструктурные проекты, реализуемые в КНР. Наглядным примером является государственно-частное партнерство правительственной инвестицион-

ной корпорации Китая и Банка Китая¹². Сянган также имеет продолжительную историю претворения в жизнь разнообразных финансовых проектов в форме государственно-частного партнерства с использованием государственных привилегий, включающих частичное бюджетное финансирование на начальной стадии проекта, правительственные гарантии и налоговые освобождения. Частный партнер со своей стороны помогает правительству КНР проникать на зарубежные рынки, а также привлекать из-за рубежа свободные инвестиционные ресурсы.

Реализуя собственную концепцию восточноазиатской интеграции, Китай фактически участвует в приватизации интересующих его активов в странах Восточной Азии¹³. Государственно-частное партнерство стало для китайских корпораций поистине уникальной возможностью купировать различные инвестиционные риски за счет социальных обязательств восточноазиатских правительств перед собственным населением. Китайские «частные» корпорации, как правило, всегда получают поддержку от правительства КНР при осуществлении капиталовложений за рубежом. Секторами экономик восточноазиатских стран, на которые нацелены китайские фирмы, являются следующие: энергетика, водоснабжение, трубопроводный транспорт, строительство спортивных объектов, железнодорожный транспорт, жилищное строительство и другие инфраструктурные объекты¹⁴. Что касается причин, по которым правительства восточноазиатских стран вступают в государственно-частные партнерства с китайскими корпорациями, то это, прежде всего, привлечение свободных финансовых ресурсов из КНР, повышение эффективности за счет китайских энергосберегающих технологий, а также строительство предприятий социальной сферы «под ключ».

Примечания

¹ *Men Honghua*. Guoji Liye yu Zhanlue Shiye : [Национальный интерес и стратегическое предвидение] // Xiandai Guoji Guanxi. 2011. № 10. P. 9.

² *Zhan Yunling*. Wei Shenme Tuidong Diqu Hezuo : [Почему восточноазиатское партнерство должно развиваться?] // Guoji Jingji Lunping. 2012. September-October. P. 49.

³ Guo Yanjun. Dongya Hezuo, Jinzhen, Qianjing yu Duice : [Восточноазиатское сотрудничество, прогресс, перспективы и процедура становления] / Waijiao Pinglun. 2012. № 4. P. 109.

⁴ Liu Shaohua. Dongya Diqu Hezuo de Lujing Xianze : [Выбор пути восточноазиатского регионального сотрудничества] // Guoji Wenti Yanjiu. 2012. № 5. P. 53—58.

⁵ Cui Liru. Xinshiqi de Zhong-Ri Guanxi : [Новая эра в китайско-японских отношениях] // Xiandai Guoji Guanxi. 2012. № 10. P. 3.

⁶ Wu Xinbo. Meiguo yu Dongya Yitihua : [США и восточноазиатская интеграция] // Guoji Wenti Yanjiu. 2011. № 3. P. 47—49.

⁷ Fukuda, Yasuo. Forging the Future Together // Asia Pacific Region. Tokyo. 28.12.2012. P. 12.

⁸ Hamaguchi, N.; Zhao W. Economic integration and regional disparities in East Asia // The Economics of East Asian integration. USA, Northhampton, Massachusetts. Edward Elger Publishing, Inc., 2011. P. 15.

⁹ Huck, Winfried; Xujun, Gao. Aktuelle probleme deutscher Unternehmen in China // Wirtschaftssymposium. Shanghai. 26—27.10.2012. Shaker Verlag. Aachen. 2013. S. 49.

¹⁰ Bhaskaram, M.; Chee H.S. Inequality and the Need for a New Social Impact / National University of Singapore. 2012. P. 22.

¹¹ Kuroiwa, I. Economic Integration in East Asia // JETRO Bangkok Research Center. 22.02.2013. P. 21.

¹² Berg A.; Osty J. Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? / International Monetary Fund. Washington, D.C., 2011. P. 11.

¹³ Jianchi Heping Fazhan Daolu Tuidong Jianshe Hexie Shijie : [Сохраняя путь мирного развития в интересах поддержания гармоничного мира] // Qiushi. 2012. № 3. P. 28—29.

¹⁴ Ba Ziyou. Maoyiqu Jianshe Tidao Zhanlue de Gaodu : [Поднять создание зон свободной торговли на стратегическую высоту] // Renmin Ribao. 15.12. 2011.

Л.Н. Смирнова*

ОБ АДАПТАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КНР К МЕЖДУНАРОДНЫМ ВЫЗОВАМ

Аннотация. В современном мире главной проблемой становится не внутренняя коррупция, а бегство коррупционеров и утечка похищенных капиталов за рубеж. Смертная казнь за коррупцию в этом случае теряет устрашающий эффект, ибо западные страны могут отказывать в сотрудничестве по экстрадиции и возвращению активов на основании правозащитных соображений, если подозреваемому на родине грозит смертная казнь. Не работают в этом случае и жесткие внутривластные методы расследования: КПК не обладает сверхполномочиями по сбору доказательств за рубежом.

В статье предлагается прогноз возможных реформ, которые, исходя из опубликованных документов, КНР планирует провести в своей антикоррупционной системе, чтобы эффективно бороться с современной коррупцией в международном масштабе.

Ключевые слова: Китай; коррупция; политическая реформа; ЦКПД КПК; 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва.

* Смирнова Лариса Николаевна — соискатель ИДВ РАН, иностранный эксперт — преподаватель Сямэньского университета КНР, магистр государственного управления Национальной школы администрации Франции.

Введение

В последние годы российские эксперты задаются вопросом: стоит ли использовать китайский опыт борьбы с коррупцией в нашей стране? Как заявил во время визита в КНР 22—23 октября 2013 г. премьер-министр России Д. Медведев, «коррупция — очень большая системная проблема нашей страны, и нам еще потребуются огромное количество усилий, для того чтобы эту ситуацию исправить. Мы внимательно приглядываемся и к опыту Китайской Народной Республики... Надо признаться, что целый ряд мер, которые вы принимаете, очень жесткие, и в нашем законодательстве такие меры недопустимы. Но я думаю, что такого рода меры приносят и определенные плоды, то есть такого рода меры достигают цели»¹.

Однако главная проблема современности — это уже не внутренняя коррупция, эффективным методом борьбы с которой могло бы быть устрашение, а коррупция международная, когда преступники скрываются за границей и/или выводят за рубеж коррупционные доходы. Точных данных о масштабах выведенных за пределы Китая доходов от коррупции нет. Согласно опубликованному в 2011 г. докладу Центрального банка Китая, 800 млрд юаней (около 124 млрд долл.) было выведено коррумпированными чиновниками за рубеж в период с 1995 по 2008 г.² Генеральный прокурор Китая Цао Цзяньмин заявил в начале 2012 г., что за 2011 г., благодаря международному правоохранительному сотрудничеству, удалось вернуть в Китай 7,79 млрд юаней похищенных активов и 1631 подозреваемого в совершении «служебных» преступлений³. Однако согласно данным китайской газеты «Экономическое обозрение» (经济观察报, Цзинцзи гуаньча бао) со ссылкой на неопубликованный доклад Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК, утечка незаконного капитала из Китая в 2011 г. могла составить 600 млрд долл.⁴ Организация Global Financial Integrity (GFI) также оценивает незаконные утечки капитала из Китая в 602,9 млрд долл. GFI уточняет, что эта цифра включает в себя капитал, который был «незаконно заработан, вывезен или инвестирован», т. е. как капитал, происходящий от коррупции или других преступлений,

так и капитал, полученный законными средствами, но незаконно переведенный за рубеж, например, в превышение квот на вывоз капитала или без уплаты налогов⁵. Если верить этой информации, то утечка капитала в 2011 г. составила 8 % ВВП Китая⁶.

Изменение природы коррупции подталкивает Китай к активизации международного сотрудничества по экстрадиции и возвращению похищенных активов, а также к реформированию своей собственной системы в направлении интеграции с международными правилами антикоррупционной борьбы. Таким образом, в то время как Россия задумывается о продуктивности жестких китайских мер, сам Китай, возможно, начинает постепенный отход от них. В первой части этой статьи анализируются причины, по которым традиционные китайские методы борьбы уже не могут быть эффективными в случае международной коррупции. В части второй рассматриваются шаги, которые КНР предпринимает с целью адаптации своей антикоррупционной системы к современным условиям. В части третьей анализируется значение намеченных реформ для политической и правовой системы КНР и предлагается гипотетический сценарий их развития в более отдаленной перспективе.

Утечка капитала и неэффективность традиционных антикоррупционных методов

Современная система борьбы с коррупцией в Китае основывается, прежде всего, на применении строгих наказаний, которые призваны устрашать потенциальных коррупционеров. Максимальная мера наказаний в виде смертной казни устанавливается сегодня за два вида преступлений: получение взятки и хищение государственного имущества. Причем государственные служащие рискуют быть приговоренными к смертной казни в случае получения взятки на сумму более 100 тыс. юаней (примерно 0,5 млн руб.) или совершения ими хищения государственных средств на ту же сумму⁷.

Методы расследования коррупции построены на жестких внутрипартийных мерах. Наиболее известной из них является

практика «двойного указания» (*шуангуй*), применяемая партийными комиссиями по проверке дисциплины (КПД). Как пишет китайский исследователь КПД из университета Цинхуа Го Юн⁸, многие принимают как данное, что КПД — это китайское антикоррупционное учреждение. Однако, разъясняет он, согласно законодательству КНР, ответственна за расследование коррупции Народная прокуратура КНР⁹. Конкретно этим занимается отдел прокуратуры — Антикоррупционное бюро. КПД — это внутренний дисциплинарно-инспекционный орган правящей партии, который в реальности расследует многие коррупционные деяния. Теоретически антикоррупционные бюро народных прокуратур могут вести расследования напрямую, но на практике большинство дел о коррупции сначала рассматривается КПД, а потом передается в органы прокуратуры. Деятельность КПД прописана в партийных постановлениях, но не прописана в государственном законодательстве, поэтому комиссии располагают лишь ограниченными правоохранными полномочиями. В результате так называемое двойное указание, а именно требование к подозреваемому открыть правду о своей незаконной деятельности в назначенном месте в назначенное время, стало обычным методом расследования и сбора доказательств КПД.

Описание порядка применения практики *шуангуй* имеется, например, на сайте Народной прокуратуры пров. Хубэй: «Во-первых, в течение указанного времени подследственный без разрешения следственной группы не должен уходить, не должен вступать в переписку или телекоммуникационное общение с внешним миром; во-вторых, он прекращает работу, выполнение служебных обязанностей и без разрешения не должен участвовать в деловых, рабочих или связанных с исполнением обязанностей мероприятиях; в-третьих, заходя в указанное для *шуангуй* место, подследственный не должен быть одет в форму, не должен иметь при себе оружие или приносить другие предметы; в-четвертых, родственники и дети не должны без разрешения приходить вместе с ним, а также ждать его или находиться вблизи места, где проводится *шуангуй*»¹⁰.

Полномочия КПД, применяющих практику *шуангуй*, основываются на партийном Постановлении о порядке работы ко-

миссий по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая¹¹. Исследователь китайского уголовного права Флора Сапио подтверждает, что в государственных нормативно-правовых актах не содержится положений о применении этой практики¹². На основании собранных ею в Китае эмпирических данных Сапио сделала вывод, что срок задержания составлял от двух дней до года, а в среднем продолжался 3—6 месяцев. По данным Сапио, подвергнутые *шуангуй* члены партии содержатся не в местах задержания, а, например, в отеле. Однако она отмечает, что «лишение свободы имело место во всех случаях, кроме одного». В единственном случае, когда лишения свободы не произошло, подследственный покончил с собой в первый день применения к нему «двойного указания»¹³.

Полученные в результате *шуангуй* данные в суде непосредственно использоваться не могут. Как пишет профессор Го Юн, «поскольку КПД не имеет законных оснований для проведения расследований, то, удостоверившись в том, что подозреваемый действительно коррумпирован, оно должно передать дело в Народную прокуратуру для официального расследования и (судебного) преследования»¹⁴.

Считается, что подобные меры давали определенную эффективность внутри Китая в условиях, когда коррупция оставалась в границах страны. Народная прокуратура провинции Хубэй следующим образом разъясняет эффективность *шуангуй*: *Шуангуй* — это строгая мера, гарантирующая, что подследственный разъясняет ситуацию дисциплинарной комиссии в сравнительно изолированной среде..., следовательно, *шуангуй* устрашает коррупционеров и приносит огромную пользу в антикоррупционной работе. Во-первых, само слово *шуангуй* оказывает сильное шокирующее психологическое воздействие на подследственного, который долгое время находится под наблюдением, в результате чего его мысленная оборона в любой момент может сломаться. Кроме того, властные полномочия подследственного приостанавливаются, его знакомые и пострадавшие от его действий, возможно, будут активнее давать показания, откроют правду, что удобно для проверки доказательств из внешних источников. Наконец, подследственный изолируется от внешнего

мира, и у него нет возможности вступить в сговор или изменить улики совместно с сообщниками»¹⁵.

Допустим теперь, что коррупционеру удастся вывести доходы от коррупции за рубеж, а возможно даже получить гражданство другой страны. В этом случае даже крайняя строгость наказания и суровость методов расследования на родине могут и не оказать должного сдерживающего эффекта на потенциальных нарушителей, которые сочтут наказание маловероятным. Во-первых, строгость наказаний, особенно смертная казнь, может служить препятствием экстрадиции и возвращению активов в случае, когда страна, в которой скрывается подозреваемый, отказывает в сотрудничестве из правозащитных соображений¹⁶. Во-вторых, партийные дисциплинарные комиссии, разумеется, не обладают полномочиями за пределами Китая, а сбор доказательств коррупции правоохранительными органами в международном масштабе гораздо проблематичнее, чем в масштабах одной страны¹⁷. В-третьих, наконец, коррупционеры могут счесть риск личного наказания приемлемым для себя в случае, если за границей останутся их семья и собственность. В Китае даже имеется специальное слово для обозначения чиновников, отправивших семью за рубеж: их называют «голыми чиновниками» (*логуань*)¹⁸.

Реформирование антикоррупционной системы КНР на современном этапе

Глубинные причины массовой утечки капитала из страны лежат в сравнительной непривлекательности существующей системы и в неуверенности в завтрашнем дне. Эти настроения могут быть вызваны как объективными, так и субъективными причинами. Но так или иначе, западные страны, куда обычно бежит капитал, пока что представляются коррумпированным чиновникам и их семьям более привлекательными. Из этой ситуации теоретически может быть два выхода: один из них — полная изоляция страны, другой — усиление международного сотрудничества по экстрадиции и возвращению похищенных активов. Сегодня очевидно, что Китай отдает предпочтение второму варианту.

Китай активизирует свою международную деятельность по возвращению похищенных активов. Идет процесс заключения специальных соглашений о разделе и возврате изъятого имущества между КНР и зарубежными странами. Так, в июле 2013 г. сообщалось, что КНР подписала Соглашение о разделе конфискованных активов и возвращении имущества с Канадой (*Agreement on the Sharing of Forfeited Assets and the Return of Property*)¹⁹. В 2014 г. Китай председательствует в АТЭС. В феврале 2014 г. в китайском городе Нинбо прошла конференция, совместно организованная правительством Китая (Министерством контроля КНР) и Всемирным банком, главной темой которой стало возвращение похищенных активов²⁰.

Императивы международного сотрудничества оказывают влияние и на реформы внутренней антикоррупционной системы. Прежде всего, хотя полная отмена смертной казни за коррупцию вряд ли состоится²¹, Китай постепенно ограничивает применение смертной казни в отношении коррупционеров. Максимальная мера наказаний в виде смертной казни устанавливается сейчас только за два вида преступлений. Как упоминалось выше, это получение взятки и хищение государственного имущества на сумму более 100 тысяч юаней. За остальные коррупционные преступления предусматриваются более легкие наказания в виде различных сроков лишения свободы, конфискации имущества, а также административных или дисциплинарных санкций.

В соответствии со ст. 48 и 50 УК КНР, приговор к смертной казни может иметь две формулировки: первая — это собственно приговор к смертной казни; вторая — это приговор к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года. Первая формулировка сейчас используется в приговорах за коррупцию не так уж и часто; чаще приговор к смертной казни содержит отсрочку исполнения приговора на два года. Фактически по сложившейся практике, при приговоре к смертной казни с отсрочкой по истечении двух лет высшая мера наказания чаще всего заменяется на пожизненное заключение. Процедура для этого предусматривается в ст. 50 УК КНР.

Точные данные о количестве приведенных в исполнение приговоров в Китае не публикуются. Газета China Daily проци-

тировала в августе 2013 г. исследование, проведенное Тянь Голяном, профессором Партийной школы при ЦК КПК, согласно которому начиная с 1980-х годов среди чиновников в ранге заместителя министра и выше, осужденных за взятки и хищение, шесть были приговорены к смертной казни, 27 — к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора, 17 — к пожизненному заключению и 44 — к лишению свободы на разные сроки²².

После 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, который прошел в ноябре 2013 г., стало известно, что на повестке дня в Китае стоит также реформа системы партийной дисциплины. Двумя главными вопросами реформы являются статус и полномочия КПД. Эта реформа, на первый взгляд, техническая, осложняется тем, что она затрагивает организационные основы КПК, а следовательно, выходит за пределы задачи борьба с коррупцией в высшую политическую сферу. Как отмечает Го Юн, «комиссии по проверке дисциплины — это важная часть КПК, и, следовательно, реформа дисциплинарных комиссий — это неотъемлемая часть реформы КПК... Будущее реформы КПД определяется, в большой степени, пересмотром ее роли внутри китайской антикоррупционной системы, которая касается центральных вопросов китайской политической системы»²³.

Из Постановления ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» (п. 36)²⁴, принятого на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, а также из Коммюнике 3-го пленума ЦКПД КПК 18-го созыва²⁵ стало известно, что планируется усилить руководящие полномочия вышестоящих комиссий по проверке дисциплины над нижестоящими (*цянхуа шанцизи цзивэй дуй сяцзи цзивэй дэ линдао*). Пока местные комиссии по проверке дисциплины находятся под двойным руководством соответствующего партийного комитета и вышестоящей комиссии по проверке дисциплины²⁶. В результате реформы предполагается замкнуть систему местных КПД на Центральную комиссию по проверке дисциплины (ЦКПД КПК), которая, в свою очередь, находится непосредственно под руководством Центрального комитета КПК²⁷.

Кроме того, из опубликованного Пятилетнего плана по борьбе с коррупцией на 2013—2017 гг.²⁸ стало известно, что планиру-

ется внести изменения в Постановление о порядке проверок комиссиями по проверке дисциплины КПК. Пятилетний план прямо не упоминает практику «*шуангуй*», однако он предусматривает общую детализацию Постановления о порядке проверок и стандартизацию механизмов обеспечения партийной дисциплины. План также конкретно указывает на необходимость «четко определить процедуру обжалования тех санкций, с наложением которых члены партии не согласны»²⁹ (*минцюэ данюань дуй суошоу данци чуфэнь буфу дэ шэньсу чэнсюй*).

Значение проводимых реформ и гипотетические сценарии их продолжения

Институциональная реформа по изменению подчинения КПД — это важная реформа, затрагивающая ключевые моменты функционирования Коммунистической партии Китая. В результате реформы по выводу КПД из-под руководства партийных комитетов можно ожидать увеличения независимости КПД и постепенного снижения политического влияния местного уровня на процесс расследования коррупции. Согласно анализу, опубликованному агентством Синьхуа, речь может идти о «выстраивании вертикали» (*streamline*) в антикоррупционной системе³⁰. Как отмечает профессор Го Юн, «единое руководство вышестоящими КПД может способствовать усилению независимости КПД. Однако это изменит источник властных полномочий КПД и, следовательно, потребует масштабных изменений в Уставе КПК, в соответствии с которым КПД избираются собраниями народных представителей соответствующего уровня и ответственны перед ними»³¹.

Говоря (чисто гипотетически) о направлении этой институциональной реформы в более отдаленном будущем, можно предположить, что одним из вариантов могла бы стать постепенная эволюция статуса ЦКПД КПК от партийного дисциплинарного органа в сторону «четвертой» надзорной или контрольной ветви власти.

Уже сейчас у партийной ЦКПД КПК есть и «государственное» лицо, каковым является Министерство контроля (*цзяньча-*

бу). Статус Министерства контроля определяется Законом КНР об административном контроле³², который является государственным законом, принятым в соответствии с законодательной процедурой Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Согласно этому Закону, Министерство контроля подчиняется Госсовету КНР. Теоретически Министерство контроля обладает функциями и полномочиями, сходными с ЦКПД КПК, с тем различием, что ЦКПД КПК занимается членами КПК, а Министерство контроля — госслужащими, которые не являются членами КПК. Однако согласно разъяснению, опубликованному на сайте газеты «Жэньминь жибао», ЦКПД КПК и Министерство контроля на практике являются «одной организацией» в соответствии с принципом, который иногда применяется в китайской администрации: «Одна организация, две вывески, две функции» (*гэ цзигоу лянкуай пайцзы лянчжун чжинэн*)³³. Как пишет профессор Го Юн, «номинально Министерство контроля — это орган Госсовета; на самом деле, оно находится под прямым руководством ЦКПД КПК и может рассматриваться как ее часть»³⁴.

Согласно ст. 20 ч. 3 Закона об административном контроле, Министерство контроля имеет полномочия, похожие на практику *шуангуй*, применяемую КПК. Это положение формулируется следующим образом: «Указать подозреваемым в нарушении административной дисциплины время и место, где они должны дать объяснения и разъяснить обстоятельства, связанные с расследуемым вопросом». Внешне похожее на ст. 28 ч. 3 Постановления о порядке проверок комиссиями по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая, в которой содержится положение о «двойном указании», оно все-таки отличается от него. В отличие от партийного Постановления, в статье Закона об административном контроле четко уточняется, что подозреваемый «не может быть заключен под стражу или поставлен в похожие на заключение под стражу условия».

В случае постепенной регуляризации методов «двойного указания» по этому или подобному сценарию вполне реально их сохранение в качестве специального метода расследования коррупции. Теоретически *шуангуй* можно было бы рассматривать как разновидность специальных методов расследования в духе ст. 50

Конвенции ООН против коррупции. Ст. 50 Конвенции допускает и особо оговаривает применение таких методов расследования, как электронное наблюдение и даже агентурные операции на собственной территории государства. Делается это с учетом особой сложности доказательства коррупции, «признавая, что такие методы могут быть эффективным оружием в руках правоохранительных органов для борьбы с изощренными преступлениями, совершаемыми с применением современных технических средств и связанными с коррупцией»³⁵. В этом случае гипотетически можно было бы даже рассмотреть варианты допустимости доказательств, собранных посредством *шуангуй*, в суде. Ведь п. 1 ст. 50 Конвенции обязывает государства-участники принимать меры для того, чтобы доказательства, собранные с помощью специальных методов расследования, допускались в суде.

Для регуляризации процедуры *шуангуй* максимальная длительность применения этой практики и порядок сбора доказательств могут быть прописаны в открытых партийных документах, а в перспективе — в государственных нормативно-правовых актах. Подследственному может быть, как минимум, предоставлено право обжаловать порядок ограничения свободы, а на дисциплинарные комиссии может быть возложена обязанность сообщать семье подследственного о его местонахождении. В случае успеха подобной реформы Китай сможет избежать критики за «экстралегальное задержание», которым, по мнению ряда исследователей, является *шуангуй*³⁶ и которое запрещено международными документами о правах человека³⁷. А это, в свою очередь, будет способствовать налаживанию эффективного международного сотрудничества по экстрадиции и возвращению активов.

Заключение

Главным вызовом, с которым сталкиваются современные государства в деле борьбы с коррупцией, является уже не внутренняя коррупция, а бегство преступников и вывод похищенных капиталов за рубеж. Императивы возвращения скрывающихся за рубежом коррупционеров и похищенных ими активов

диктуют необходимость активизации международного антикоррупционного сотрудничества. Участие в международном сотрудничестве, в свою очередь, подталкивает внутренние реформы в антикоррупционной системе.

Антикоррупционная система в Китае построена вокруг Коммунистической партии. Во-первых, фактически большинство коррупционных расследований инициируется партийными КПД и только потом передается в государственные правоохранительные органы. Во-вторых, дисциплинарные комиссии находятся под двойным руководством партийных комитетов соответствующего уровня и вышестоящей КПД. Такая структура антикоррупционной системы осложняет ее реформу, так как она затрагивает организационные основы КПК и, следовательно, выходит за пределы технической задачи борьбы с коррупцией, внедряясь в высшую сферу реформы партии и реформы политической системы.

В документах, принятых на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) и последовавших за ним, заложены программные основы реформы антикоррупционной системы. Технически результатом этой реформы должно стать увеличение независимости КПД, а также улучшение правовых стандартов их деятельности. Это должно способствовать налаживанию эффективного международного сотрудничества по экстрадиции и возвращению активов. С политологической точки зрения интересно продолжать следить за развитием этой реформы, так как она гипотетически может стать важным элементом переходного периода в политической системе КНР.

Примечания

¹ Дмитрий Медведев ответил на вопросы в ходе онлайн-конференции в Пекине // Правительство России. 22.10.2013. URL: <http://government.ru/news/7685>

² Corrupt? officials? smuggled? \$124 bn out of China, says Beijing report // Financial Times. 17.06.2011. URL: <http://www.ftchinese.com/story/001039153/en/?print=y>

³ Цао Цзяньмин. 2011 нянь чжуахо цзай тао чжиу фаньцзуй сяньжэнь 1631 жэнь : [Цао Цзяньмин. В 2011 г. арестован 1631 скрывшийся подозреваемый в совершении служебных преступлений] // Жэньминь жибао. URL: 11.03.2012. <http://politics.people.com.cn/GB/70731/17350841.html>

⁴ Фанцзы дэ цзяолю : [Квартирная паника] // Цзинцзи гуаньча бао. 19.01.2013. URL: <http://www.eeo.com.cn/2013/0119/239091.shtml>

⁵ Kar, Dev & Freitas, Sarah. Illicit Financial Flows from China And the Role of Trade Misinvoicing [Online] // Global Financial Integrity. 2012. URL: <http://www.gfintegrity.org/storage/gfip/documents/reports/ChinaOct2012/gfi-china-oct2012-report-web.pdf>

⁶ ВВП Китая в текущих долларах в 2011 г. составил 7,32 трлн. долл. США. Данные Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries>

⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго синфа : [Уголовный кодекс КНР]. Ст. 382—383 (хищение). Ст. 385—386 (получение взятки). С последними изменениями от 1 мая 2011 г. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=354&CGid=>

⁸ Guo Yong. Historical Evolvement and Future Reform of the China Communist Party Discipline Inspection Commission // Paper presented at the Opening Ceremony of the Centre of Anti-Corruption Studies. Hong Kong. 02.04.2009. P. 233. Pp. 247—249. URL: http://www.caacs.icac.hk/en/events/files/CACS_Eng_P233-251.pdf

⁹ Чжунхуа жэньминь гунхэго синши сусун фа (Уголовно-процессуальный кодекс КНР) (с последними изменениями от 14.03.2012). Ст. 18. Ч. 2. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm

¹⁰ Цзэн Дэбинь. Дуй фалю динвэй дэ цзяньча цзигуань чжэньчаюань юй цзивэй «шуангуй» дэ цзидянь сыкао : [Несколько размышлений о правовом статусе полномочий предварительного расследования органами прокуратуры и «шуангуй» дисциплинарных комиссий] // Народная прокуратура провинции Хубэй. 25.02.2013. URL: www.hbjc.gov.cn/shiwuyuanjiu/zhenchas/hiwu/201104/t2011042_5_534470.html

¹¹ Чжунго гунчаньдан цзилью цзяньча цзигуань аньцзянь цзяньча гунцзо тяоли : [Постановление о порядке проверок комиссиями по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая]. Ст. 28. Ч. 3. URL: <http://erc.people.com.cn/GB/33838/2539632.html>

¹² Sapio Flora. Shuanggui and Extralegal Detention in China // The Documentation and Research Centre for Modern China. Leiden University, 2008. P. 11. URL: <http://cin.sagepub.com/content/22/1/7>

¹³ Sapio, Flora. Op. cit. P. 16—17.

¹⁴ Guo Yong. Op. cit. P. 248.

- ¹⁵ Цзэн Дэбинь. Указ. соч.
- ¹⁶ Брюн Жан-Пьер и др. Руководство по возврату активов для специалистов-практиков. М. Всемирный банк и УНП ООН, 2012. С. 222.
- ¹⁷ Stephenson Kevin M. [et al.] Barriers to Asset Recovery. Washington. DC: The World Bank and UNODC, 2011.
- ¹⁸ «Ло гуань» бу дэ ти ба : [«Голые чиновники» не должны получить повышения по службе] // China Daily. 20.01.2014. URL: http://www.chinadaily.com.cn/language_tips/news/2014-01/20/content_17244603.htm
- ¹⁹ Stepping Up the Fight Against Transnational Organized Crime // Government of Canada. 04.07.2013. URL: <http://www.international.gc.ca/media/aff/news-communiqués/2013/07/04b.aspx?lang=eng>
- ²⁰ Uyanik Tunk. China prioritizes asset recovery in APEC — Star's Perspective // APEC ACT — StAR Workshop. Ningbo. 21.02.2014. URL: <http://star.worldbank.org/star/content/china-prioritizes-asset-recovery-apec-stars-perspective>
- ²¹ См., например: Crime and punishment for corrupt officials [Online] // China Daily. 29.08.2013. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/29/content_16928105.htm; The death penalty — a question of public opinion? [Online] // Global Times. 04.11.2011. URL: <http://gbtimes.com/life/death-penalty-question-public-opinion>; China not to drop death penalty for corruption crimes: legislator // People's Daily Online. 2010. September. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90785/7153588.html>
- ²² Crime and punishment for corrupt officials // China Daily. 29.08.2013. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/29/content_16928105.htm
- ²³ Guo Yong. Op. cit. P. 251.
- ²⁴ Чжунгун чжунян гуаньюй цюаньмянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюедин : [Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ»]: офиц. текст // Агентство Синьхуа. 15.11.2013. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm
- ²⁵ Чжунго гунчаньдан ди шиба цзе чжунян цзилю вэйюаньхуй ди сань цы цюаньти хуйи гунбао : [Коммюнике 3-го пленума ЦКПД КПК 18-го созыва]: офиц. текст // Агентство Синьхуа. 15.01.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-01/15/c_118984441.htm
- ²⁶ Guo Yong. Op. cit. P. 248.
- ²⁷ Официальный сайт КПК. URL: <http://english.cpc.people.com.cn/206972/206981/8223996.html>
- ²⁸ Цзяньли цзяньцюань чэнчжи хэ юйфан фубай тиси 2013—2017 нянь гунцзо гуйхуа : [План работы по созданию устойчивой системы наказания и предотвращения коррупции на 2013—2017 годы]: офиц. текст // Синьхуа.

- 25.12.2013. URL: http://news.xinhuanet.com/yuqing/2013-12/26/c_125917989.htm
- ²⁹ Там же. Ч. 6. П. 4.
- ³⁰ China to streamline discipline supervision system [Online] // Xinhua News Agency. 15.01.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/15/c_133047753.htm
- ³¹ Guo Yong. Op. cit. P. 250.
- ³² Чжунхуа жэньминь гунхэго синчжэн цзяньчафа : [Закон КНР об административном контроле]. Последние изменения от 25.06.2010. URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/cwh/1115/2010-06/25/content_1579549.htm
- ³³ [«Дан дэ цзяньшэ цыдянь» цытяо] дан дэ цзилю цзяньча вэйюаньхуй юй цзяньчабу дэ гуаньси : [Лексика из «Словаря строительства партии»/ Отношения между партийными комиссиями по проверке дисциплины и Министерством контроля] // Жэньминь жибао. 17.11.2009. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/10394668.html>
- ³⁴ Guo Yong. Op. cit. P. 233.
- ³⁵ УНП ООН. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции. 2-е изд., испр. и доп. Нью-Йорк: ООН, 2012. С. 215.
- ³⁶ Sapio Flora. Op. cit. P. 7.
- ³⁷ Всеобщая декларация прав человека: офиц. текст. Ст. 9. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

С.Г. Лузянин*, Д.В. Гордиенко**

ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ДВФО РОССИИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ОБСТАНОВКИ В СВА***

Аннотация. Статья посвящена оценке уровня экономической безопасности Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей ДВФО России. Проанализирован подход к обеспечению экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов РФ в современных условиях.

Ключевые слова: экономика; уровень экономической безопасности; оценка уровня экономической безопасности; приграничные дальневосточные регионы России; ДВФО; Российская Федерация.

Введение

Рост международно-политической неопределенности и неустойчивости в сопредельных с российским Дальним Востоком государствах Корейского полуострова (КНДР и РК),

* Лузянин Сергей Геннадьевич, д. и. н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Гордиенко Дмитрий Владимирович, д. воен. н., проф., в. н. с. Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

*** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-07-00004.

дестабилизирующее влияние Японии, претендующей на Курильские острова и присоединившейся к западным экономическим санкциям против РФ, разрушительные последствия весенних наводнений 2013 г. в дальневосточных регионах России, вероятность новых техногенных инцидентов на китайских берегах трансграничных рек и прочее делают проблему экономической безопасности дальневосточных регионов РФ чрезвычайно актуальной сегодня и на ближайшую перспективу.

В данной статье предпринимается попытка на основе уже апробированной методики¹ выявить ключевые параметры уровней и порогов экономической безопасности четырех пограничных субъектов РФ: Приморского края, Сахалинской области, Хабаровского края и Амурской области.

Показатели экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России

Дальний Восток, в силу своего геостратегического положения, установок долгосрочного позиционирования России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенностей и проблем развития РФ и стран АТР, является особым объектом государственной политики России. В 2000-е годы наша страна успешно реализовала на Дальнем Востоке несколько масштабных и значимых инвестиционных проектов (строительство автодороги Чита—Хабаровск, прокладка трубопровода ВСТО, возведение объектов для саммита АТЭС, развертывание производства самолета SSJ-100 и пр.), которые дали этим территориям ряд социально-экономических преимуществ.

Определенные результаты принесли и ранее принятые государственные долгосрочные программы развития восточных регионов. Но, несмотря на локальные успехи, многие негативные тенденции на Дальнем Востоке преодолеть пока не удалось: продолжается отток населения, значительная часть основных фондов физически изношена и морально устарела, увеличивается разрыв в экономическом развитии между дальневосточными регионами и целым рядом субъектов РФ, а также между россий-

ским Дальним Востоком и некоторыми территориями в АТР, особенно быстро развивающимися сопредельными регионами Китая.

С российского Дальнего Востока идет наиболее интенсивный относительный отток населения. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) отличается самой низкой в России плотностью населения и крайне невысокой инфраструктурной обеспеченностью, в частности транспортной.

Экономика ДВФО базируется в основном на добыче полезных ископаемых и использовании транзитных возможностей региона в силу его экономико-географического положения. Это и определяет структуру валового регионального продукта (ВРП).

Невысокая степень диверсификации и инновационности региональной экономики, имеющей ярко выраженную ресурсную направленность при низкой степени переработки природных богатств, — еще один ключевой фактор, сдерживающий развитие Дальнего Востока.

Реализация стратегических интересов России в АТР требует ускоренного социально-экономического развития ДВФО, необходимого для консолидации позиций России в мировом хозяйстве, интеграции региона в мировое экономическое пространство и участия в международном разделении труда. Для задействования конкурентного потенциала Дальнего Востока необходима реализация крупномасштабных проектов по добыче, переработке и поставке углеводородного топлива; развитию энергетической и транспортной инфраструктуры, формированию инновационной экономики, насыщенной высокими технологиями.

Основные показатели уровня экономической безопасности Приморского края

Объем валового регионального продукта. Динамика экономического развития Приморского края по ключевым макроэкономическим показателям превышает показатели в среднем по РФ.

Рост валового регионального продукта в Приморском крае в 2012 г. составил 105,1 % показателя предыдущего года при росте ВВП в среднем по России 103,4 %.

Валовой сбор зерновых. По итогам 2012 г. Приморский край занимает 2-е место в ДВФО по валовому сбору зерновых и зернобобовых культур и сои. Неблагоприятные погодные условия (обильные осадки весной и летом 2013 г.) в основном стали причиной сокращения валового сбора зерновых. Объем сельскохозяйственной продукции составил в 2013 г. 96,3 % к уровню 2012 г. Доля Приморского края в валовом сборе зерновых РФ в период с 1990 по 2013 г. составляла 0,377—0,139 %.

Инвестиции в основной капитал. Инвестиции в основной капитал в Приморском крае составляют почти 33 % от показателя для всего ДВФО.

За 10 лет в Приморском крае значительно изменилась структура инвестиций в основной капитал по формам собственности. Постепенно увеличивалась доля государственных инвестиций в общем объеме капиталовложений за счет снижения доли инвестиций частных и государственно-частных российских компаний. Государственные капиталовложения возросли на 35 %².

В 2012 г. инвестиционная активность в экономике Приморского края была ниже, чем годом раньше. В основной капитал за счет всех источников финансирования было направлено 187,5 млрд руб., что в 1,7 раза меньше показателя 2011 г. Это объясняется завершением строительных работ на объектах саммита АТЭС-2012.

Стоимость работ в строительстве организациями всех форм собственности составила в 2012 г. 86,3 млрд руб., или 66,3 % от уровня 2011 г. Крупными и средними организациями выполнено работ на 44,3 млрд руб. 91,8 % работ пришлось на строительство зданий и сооружений³. Объем иностранных инвестиций в экономику Приморского края в январе—сентябре 2013 г., по оценке, составил 331,2 млн долл., или 100,6 % к соответствующему периоду 2012 г.

Приморский край первенствует по доле инвестиций в общем объеме иностранных капиталовложений, поступивших в

ДВФО. Наиболее притягательной для иностранных инвесторов (прежде всего — китайских⁴) является добыча полезных ископаемых, куда было направлено до 90 % общего объема ПИИ⁵.

Уровень безработицы. В Приморском крае наблюдается наиболее высокий уровень безработицы в ДВФО — более 9 %, но при этом дефицит кадров составляет около 50 тыс. человек⁶. Ситуация на рынке труда Приморского края в 2013 г. показала положительную динамику за предыдущие два года. Так, уровень безработицы, по методологии МОТ, на конец 2013 г. составил 6,9 % (в 2012 г. — 6,6 %, в 2011 г. — 8,1 %).

Внутренние текущие расходы на исследования и разработки. В Приморском крае производятся самые большие в ДВФО затраты на исследования и разработки (около 4 млрд руб., 42 % общих затрат в округе)⁷.

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Приморский край является лидером среди субъектов ДВФО по большинству показателей инновационной активности. По доле организаций, ведущих инновационную деятельность, по доле исследователей, по доле затрат на научные исследования, по доле инновационных товаров, по доле выданных патентов на изобретения Приморский край занимает 1-е, а по доле используемых передовых производственных технологий — 2-е место среди субъектов ДВФО. В последнее десятилетие объем инновационных товаров, работ и услуг в Приморском крае вырос более чем в 19 раз. Тем не менее доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства остается низкой.

Для исправления ситуации в крае утверждена Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2013—2017 годы».

Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве. В отрасли машиностроения и металлообработки Приморского края на протяжении последних лет обеспечивается стабильный рост производства. Рост объемов отгруженной предприятиями продукции в 2012 г. составил 144 % по отношению к 2011 г. Доля машиностроительных отраслей в общем объеме промышленности края составила 36,9 %⁸.

Показатели экономической безопасности Хабаровского края

Объем валового регионального продукта. Ключевые макроэкономические показатели экономического развития Хабаровского края не превышают показатели, сложившиеся в среднем по РФ. Традиционно «локомотивами» экономики в Хабаровском крае выступают предприятия авиа- и судостроения. В 2013 г. объем производства обрабатывающей индустрии и электроэнергетики составил 199,3 млрд руб., или 102,3 % к уровню 2012 г.

Валовой сбор зерновых. Валовой объем производства продукции сельского хозяйства Хабаровского края во всех категориях хозяйств в 2013 г. составил 21,3 млрд руб., или 96,4 % к уровню 2012 г. (в сопоставимой оценке)⁹. В 2013 г. урожай зерновых собран с 4,7 тыс. га. Намолочено 9,2 тыс. т зерна. Средняя урожайность с одного гектара составила 19,4 ц, что выше уровня 2012 г.¹⁰

Инвестиции в основной капитал. Инвестиции в основной капитал в Хабаровском крае составляют почти 20 % инвестиций в основной капитал ДВФО. Организациями всех форм собственности в крае в 2013 г. на развитие экономики и социальной сферы направлено (по предварительной оценке) 145 млрд руб. инвестиций в основной капитал, или 83,5 % к уровню 2012 г.

Хабаровский край занимает также ведущее место в китайско-российском инвестиционном сотрудничестве. Общий объем китайских инвестиций в экономике Края составил 77 млн долл., или 3,7 % от общего объема иностранных вложений¹¹.

Уровень безработицы. В настоящее время в Хабаровском крае наблюдается один из наиболее высоких уровней безработицы в ДВФО — более 9 % (в 2011 г. — 6,8 %¹²). Тем не менее дефицит кадров в Хабаровском крае составляет около 15 тыс. человек. Численность официально зарегистрированных безработных в Хабаровском крае в 2013 г. составила 12,4 тыс. человек, что на 16,2 % ниже, чем в 2012 г. Уровень зарегистрированной безработицы экономически активного населения составил 1,7 %, против 1,9 % в 2012 г.¹³

Внутренние текущие расходы на исследования и разработки. Хабаровский край обладает средними инновационными возможностями. В настоящее время затраты на технологические инновации составляют порядка 3,8 млрд руб.

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Хабаровский край занимает 1-е место среди субъектов ДВФО по доле используемых передовых производственных технологий; 2-е — по доле организаций, ведущих инновационную деятельность, по доле затрат на технологические инновации, по доле инновационных товаров, по доле выданных патентов на изобретения; 3-е место — по доле в общем числе исследователей и по доле затрат на научные исследования.

Основу экономики Хабаровского края составляет достаточно диверсифицированное промышленное производство, включающее в себя ряд оборонно-промышленных предприятий. Тем не менее глубочайший спад производства оборонной продукции (до 6,7 % в 1997 г. к уровню 1990 г.), нагрузки на экономику, связанные с сезонностью грузовых перевозок в северные районы края, низкая эффективность гражданского машиностроения обусловили ценовую неконкурентоспособность продукции краевых производителей.

Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве. Основу промышленного производства Хабаровского края составляет машиностроение и металлообработка, электроэнергетика, пищевая, лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная и черная металлургия. Он является единственным субъектом ДВФО, где в промышленном производстве ведущее место занимают машиностроение и металлообработка. Размещение здесь предприятий указанных отраслей в середине XX в. являлось результатом политических решений и не опиралось на объективные экономические предпосылки.

Сегодня по объемам производства, накопленному производственному, научно-техническому, кадровому потенциалу машиностроение является ведущей отраслью промышленности Хабаровского края. Основными его подотраслями стали обо-

ронное и гражданское судостроение и самолетостроение, производство электротехнической кабельной продукции, станков, дизелей и дизель-генераторов, литейного, подъемно-транспортного и энергетического оборудования.

Если в 1998 г. доля продукции данной отрасли в общей стоимости промышленной продукции составляла 30,5 %, то в настоящее время доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве края составляет 27,7 %¹⁴.

Показатели экономической безопасности Амурской области

Объем валового регионального продукта. Экономика Амурской области представляет собой многоотраслевое хозяйство, включающее сельское и лесное хозяйство, добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь, строительство, оптовая и розничная торговля, здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование и т. д.

В структуре валового регионального продукта сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство составляют 7 %, добыча полезных ископаемых — 17 %, обрабатывающие производства — 4 %, производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 7 %, строительство — 16 %, оптовую и розничную торговлю — 8 %, транспорт и связь — 20 %, прочие — 21 %¹⁵. Валовой региональный продукт Амурской области в 2009 г. составил 149,5 млрд руб.¹⁶, а в 2013 г. — 261,3 млн руб.

Валовой сбор зерновых. Доля валового сбора зерновых Амурской области в валовом сборе зерновых РФ в период с 1990 по 2013 гг. находилась в пределах 0,126—0,870 %.

Амурская область в 2011 г. собрала рекордный урожай: валовой сбор зерновых культур и сои составил 1,2 млн т¹⁷. В 2013 г. под посев хозяйствами всех форм собственности было засыпано 56,2 тыс. т семян зерновых культур и 87,8 тыс. т сои, что составляет соответственно 110 % и 100 % потребностей соответственно¹⁸.

Инвестиции в основной капитал. Доля инвестиций в основной капитал в Амурской области составляет около 11 % от инвестиций в основной капитал всего ДВФО.

Результаты анализа позволяют предположить, что инвестиционная активность в Амурской области (объем, темп роста инвестиций в основной капитал и др.) в последние несколько лет имеет позитивную динамику. Налицо существенный рост объема капиталовложений. Объем инвестиций в основной капитал в Амурской области к 2011 г. (по сравнению с 2005 г.) возрос более чем в 3 раза, однако динамика нестабильна, а рост обусловлен, в том числе, инфляционным наполнением показателя.

За 10 лет в Амурской области значительно изменилась и структура инвестиций в основной капитал по формам собственности. Происходило постепенное понижение доли государственных инвестиций (на 7 %) за счет повышения доли инвестиций государственно-частных российских компаний.

Значительное место в инвестициях в основной капитал области занимают иностранные инвестиции. В частности, инвестиции из Китая за последние 11 лет увеличились в 20 раз¹⁹. Привлекательными сферами для иностранных инвестиций являются строительство, лесозаготовка, производство кирпича и черепицы, а также жилищное строительство.

Уровень безработицы. В Амурской области уровень безработицы почти такой же, как в среднем в России. 59 % безработных — люди, не имеющие профессионального образования. Наряду с этим в Амурской области наблюдается дефицит кадров — около 12 тыс. человек.

Численность безработных граждан, обратившихся в службу занятости населения Амурской области, увеличилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 0,7 тыс. человек, или на 4,6 %, и к концу февраля 2013 г. составляла 15,8 тыс. человек (на конец февраля 2012 г. — 15,1 тыс. человек). Официальный статус безработных получили 14,4 тыс. человек (на конец февраля 2012 г. — 13,6 тыс. человек). Уровень официальной безработицы составил 3,4 % экономически активного населения области (в 2012 г. — 3,3 %).

Внутренние текущие расходы на исследования и разработки. Затраты на исследования и разработки в Амурской области в 2012 г. составили 451,6 млн руб., из них 99,6 % — внутренние затраты.

Основная доля внутренних затрат, как и в предыдущие годы, приходится на расходы по оплате труда. В 2012 г. доля затрат на эти цели (включая отчисления на социальные нужды) составляла около 51 % общих расходов на исследования и разработки. Что касается капитальных вложений и затрат на оборудование, то их доли сократились от 12,8 % в 2000 г. до 1,1 % в 2012 г.

Основным источником финансирования науки продолжают оставаться средства федерального бюджета. В 2012 г. их доля в общем объеме затрат на исследования и разработки в Амурской области составила 70,7 % против 35,9 % в 2000 г. (в 2005 г. — 82,5 %) ²⁰.

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. В последнее десятилетие объем инновационных товаров, работ и услуг в Амурской области вырос более чем в 19 раз²¹.

Доля инновационной продукции в объеме отгруженных товаров, работ и услуг Амурской области увеличилась с 1,3 % в 2006 до 1,8 % в 2009 г. В этот период в области осуществляли инновационную деятельность организации, занимающиеся производством и распределением электроэнергии, газа и воды, производством пищевых продуктов, металлургическим производством и производством готовых металлических изделий, издательской деятельностью, производством транспортных средств и оборудования, добычей полезных ископаемых, производством прочих неметаллических минеральных продуктов²².

Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве. Ведущими отраслями промышленности Амурской области являются: электроэнергетика, цветная металлургия, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, машиностроение и металлообработка, производство топлива.

Машиностроение Амурской области — многопрофильный производственный сектор, он объединяет целый комплекс про-

мышленных отраслей и подотраслей: судостроение, горношахтное, горнорудное и подъемно-транспортное машиностроение, производство металлических конструкций и электротехническую промышленность, производство подъемных кранов и ремонт железнодорожного подвижного состава, капитальный ремонт машин и оборудования, в том числе современной военной техники.

В настоящее время область специализируется на выработке электроэнергии, добыче бурого угля, золота, заготовке деловой древесины и лесопродукции из нее, производстве продукции машиностроения и металлообработки. Производимая продукция в основном реализуется на отечественном рынке, лесопродукция экспортируется в Японию, КНДР и КНР.

Показатели экономической безопасности Сахалинской области

Объем валового регионального продукта. Динамика экономического развития Сахалинской области по ключевым макроэкономическим показателям в основном превышает показатели, сложившиеся в среднем по РФ. Однако в последние годы рост ВРП по сравнению с ростом ВВП России замедлился.

Объем валового регионального продукта Сахалинской области в 2010 г. составил 492,7 млрд руб., по этому показателю регион занял 20-е место в России и 1-е место среди регионов Дальнего Востока. В 2013 г. объем валового регионального продукта составил 99,4 % к 2012 г, объем промышленного производства — 100,4 % к 2012 г.

Инвестиции в основной капитал. В период с 1995 по 2012 г. Сахалинская область вместе с Москвой получили 50 % всех ПИИ. Инвестиционный бум в Сахалинской области пришелся на 2001—2006 гг.: тогда регион аккумулировал около трети всех прямых зарубежных вложений в Россию. В 2007—2012 гг. доля Сахалина снизилась до 10 %.

В настоящее время инвестиции в основной капитал в Сахалинской области составляют 12 % инвестиций в основной капи-

тал всего ДВФО (в 2011 г. объем инвестиций в основной капитал составил 181,3 млрд руб., или 136,6 % к 2010 г.²³ В 2012 г. объем инвестиций в основной капитал региона составил 197,6 млрд руб., или 101,2 % к уровню 2011 г. Объем накопленных иностранных инвестиций по состоянию на 1 октября 2012 г. составил 44,4 млрд долл.²⁴

Уровень безработицы. В Сахалинской области остается один из самых высоких уровней безработицы в ДВФО. Численность зарегистрированных безработных к концу декабря 2013 г. снизилась до 2031 человека, что на 202 человека меньше, чем на аналогичную дату 2012 г.²⁵

Внутренние текущие расходы на исследования и разработки. В 2012 г. в Сахалинской области научные исследования и разработки вели 16 организаций. Внутренние затраты на научные исследования и разработки составили 903,4 млн руб. Одним из основных источников финансирования науки в 2012 г. являлись средства бюджетов всех уровней — 61,6 % (в том числе федерального бюджета — 57,6 %, поддержка из средств областного бюджета — 4 %) и средства организаций предпринимательского сектора — 27,5 %²⁶.

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Среди субъектов ДВФО по объему отгруженных товаров в добыче полезных ископаемых лидирует Сахалинская область (50,4 %).

Для дальнейшего развития лесопромышленного комплекса утверждена Стратегия развития лесопромышленного комплекса Сахалинской области на период до 2020 года. В рамках Стратегии разработан проект «Создание комплексного деревообрабатывающего производства». Стратегическими направлениями развития отрасли являются создание группы предприятий по глубокой переработке леса, создание условий для реализации инвестиционных проектов, связанных с использованием древесных отходов и низкосортной древесины²⁷.

Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве. В Сахалинской области доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве чрезвычайно низка и составляет 1,4 %²⁸.

Прогноз показателей экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России

Реализация инновационного сценария социально-экономического развития РФ связана с максимально возможным использованием региональных ресурсов и включением регионов в мировую экономическую систему. В рамках модели полицентрического развития будут формироваться стратегически важные территории страны — макрорегионы, характеризующиеся общностью как исходных природно-климатических и социально-экономических условий входящих в них субъектов России, так и перспектив экономического развития, направлений их интеграции в мировую экономику.

Разработка полноценного прогноза пространственного развития на уровне макрорегионов в настоящее время не представляется возможной, прежде всего в силу недостаточной проработанности соответствующего информационного обеспечения и прогнозного инструментария. В связи с этим перспективы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации представлены в рамках развития федеральных округов.

Ожидается, что темпы *роста ВРП* Дальневосточного федерального округа, обеспечивающие реализацию инновационного сценария, будут уступать только росту Северо-Кавказского региона. За период 2012—2030 гг. ВРП вырастет в 2,47 раза в результате усилий, направленных на развитие региона, в том числе на основе государственной поддержки. Доля ВРП ДВФО в российской структуре будет последовательно увеличиваться и составит к 2030 г. 6,2 %. Наиболее высокими средними ежегодными темпами роста ВРП будут характеризоваться южные регионы округа: Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, а также Чукотский автономный округ.

Высокие темпы роста ВРП в округе будут обеспечиваться на базе *высоких темпов роста инвестиций в основной капитал*. Лидировать по темпам роста инвестиций будут Магаданская область и Приморский край, а в остальных дальневосточных субъектах Российской Федерации темпы роста инвестиций не дос-

тигнут средних по округу, но будут достаточно высоким на фоне других российских регионов.

На протяжении всего прогнозного периода *рост конечного потребления* в ДВФО будет опережать общероссийский показатель, рост за 2012—2030 гг. составит 246 %, что приведет к увеличению доли региона по данному показателю с 4,9 % в 2010 г. до 5,3 % в 2030 г.

По *динамике промышленного производства* ДВФО в течение всего прогнозного периода будет отставать от России в целом, что объясняется ресурсной специализацией округа. Доля ДВФО в добыче полезных ископаемых Российской Федерации составит к 2030 году 8,0 %. В перспективе немного увеличится доля округа в суммарном объеме обрабатывающих производствах (на 0,3 п.п.), для региона с невысоким уровнем базового показателя такое изменение является значительным, в перспективе предполагается рост доли округа в производстве и распределении электроэнергии, а также в строительстве.

Лидерами роста промышленного производства в период 2008—2020 гг. окажутся Приморский (358 %) и Хабаровский (286 %) края, Магаданская область (432 %), Еврейская автономная область (398 %) и Чукотский автономный округ (468 %)²⁹.

* * *

Анализ прогнозных статистических данных по приведенным выше показателям экономической безопасности позволяет предположить, что уровень региональной безопасности хозяйств приграничных дальневосточных регионов нашей страны должен повыситься.

Рыночные преобразования в России укрепили ее связь с другими государствами, с национальными хозяйствами экономически развитых и развивающихся стран, превратив отечественную экономику в органичную часть мирового хозяйства. При этом хозяйства восточных регионов имеют потенциал более глубокой интеграции с северными регионами Китая, а также регионами Японии и Республики Корея.

Экономические итоги и прогнозы представляют интерес не просто как дань академической науке. Они важны в первую очередь для оценки текущей экономической политики и ее влияния на использование потенциала экономики страны и хозяйств отдельных регионов, обеспечение экономической безопасности государства в целом и региональной экономической безопасности.

Таким образом, результаты проведенного анализа показателей экономической безопасности позволяют предположить, что уровень защищенности:

1) *Приморского края* ниже среднероссийского. Это объясняется невысокими значениями, прежде всего, частных показателей социально-экономической защищенности, а также снижением значений доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства по сравнению с 1990—2000-ми годами, а также темпов роста внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в последние годы;

2) *Хабаровского края* также ниже среднероссийского. Это объясняется невысокими значениями, прежде всего, частных показателей социально-экономической защищенности, значительным снижением значений доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства по сравнению с 1990—2000-ми годами, а также темпов роста инвестиций в основной капитал в последние годы;

3) *Амурской области* ниже среднероссийского. Это связано с показателями социально-экономической защищенности, прежде всего, лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума, а также уменьшением значений доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства по сравнению с 1990—2000-ми годами, особенно в период мирового финансово-экономического кризиса, а также темпов роста внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в последние годы.

4) *Сахалинской области* ниже среднероссийского. Это, как и в первых трех случаях, объясняется низкими значениями, прежде всего, показателей социально-экономической защищенности (уровня безработицы и др.), а также *снижением* (уменьшением)

значений доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства по сравнению с 1990—2000-ми годами, снижением темпов роста внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в последние годы. Анализ значений показателей экономической безопасности позволил предположить, что уровень региональной безопасности хозяйств приграничных дальневосточных регионов нашей страны в последние годы в целом понизился.

Итак, можно заключить, что уровень иммунитета (защищенности) всех четырех дальневосточных субъектов схож и их проблемы (вызовы и угрозы развитию) примерно одинаковы. Показатели экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов РФ позволяют предположить, что, несмотря на принятые правительством и ЦБ России, региональными и местными властями меры, они **не дают пока** (пока нет) оснований говорить о «прорывах» и резком повышении уровня безопасности данных субъектов.

Примечания

¹ Лузянин С.Г., Гордиенко Д.В. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. М.: ИДВ РАН. 2013. 88 с.

² Елисеев И.Д. Социально-экономический потенциал инновационной модернизации Дальневосточного федерального округа. Автореф. ... канд. экон. наук. С-Пб.: Институт проблем региональной экономики РАН. 2013. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=6&ved=0CEUQFjAF&url=http%3A%2F%2Fvak2.ed.gov.ru%2FfidcUploadAutoref%2FrenderFile%2F128293&ei=TyQoU_XtNqXV4ASM84DICw&usq=AFQjCN G7cw59SQKb_8Slmy7nfrV8o0NIhQ&bvm=bv.62922401,d.bGE&cad=rjt

³ Горчаков В.В. Итоги социально-экономического развития Приморского края за 2012 год. URL: http://zspk.gov.ru/files/reports/inf_year_work/doc2012/doc.html

⁴ Приморский край за последние пять лет демонстрирует уверенный рост инвестиций из КНР (13-кратный). Китайские инвесторы проявляют значительный интерес, прежде всего, к разработке природных ресурсов Приморского края. В частности, в 2012 г. обладателем лицензии по итогам аукциона на разработку оловянного месторождения «Искра» стала горно-рудная компания «Хрустальная» с китайским капиталом. Воронцова Н.

торых прямых иностранных инвестиций — 559,272 млн долл. См.: Мониторинг инвестиционной активности в регионах России: прямые иностранные инвестиции в 2012 году. URL: http://www.nisse.ru/netcat_files/178/138/h_5d8574ceb4231e2_0ad275066a702e5334; URL: http://russian.people.com.cn/315_19/8027577.html; Кузьмич Н.П. Анализ динамики инвестиций в основной капитал и результатов инвестиционно-строительной деятельности в региональной экономике. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CCwQFjAB&url=http%3A%2F%2Fwww.dva.gs.ru%2Fdownload%2Frio%2Fj2012-1%2F11.doc&ei=IxhaU4CGDuPq4gTb61E4&usg=AFQjCNEmdr3gg1RspFY_vLJzNJAcIvDnlQ&bvm=bv.65397

На территории области осуществляют свою деятельность 874 предприятия с инвестициями из КНР (69% в общем объеме объектов с иностранными инвестициями), рост к уровню 2005 г. — в 3,6 раза. Завершается реализация крупнейшего экспортноориентированного инвестиционного проекта — строительство линии ВЛ-500 кВ от Зейской ГЭС к государственной границе для экспорта электроэнергии в Китай. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 100—108.

²⁰ См.: Наука в Амурской области: Сборник / Амурстат — Благовещенск. 2013. 73 с. URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/127.pdf>; URL: http://www.gsk.ru/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/22-06-1.htm

²¹ Елисеев И.Д. Социально-экономический потенциал инновационной модернизации Дальневосточного федерального округа. Автореф. ... канд. экон. наук. С-Пб.: Институт проблем региональной экономики РАН. 2013.

²² Концепция развития инновационной деятельности в Амурской области до 2020 года. Утверждена постановлением Правительства Амурской области от 2 мая 2012 г. N 243. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCUQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.amurobl.ru%2Fwps%2Fwcm%2Fconnect%2Fcf1f2c5004b5bba9686bb8e5fef951f6%2F243%2B%25D0%259A%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2586>

²³ Объем поступивших иностранных инвестиций в экономику Сахалинской области составлял: в 2005 г. — 6150,00 млн долл. (в т.ч. из КНР — 1,230 млн долл., 0,02 % от общего объема иностранных инвестиций), в 2006 г. — 5866,66 млн долл. (в т.ч. из КНР — 1,760 млн долл., 0,03 % от общего объема иностранных инвестиций); в 2008 г. — 5248,333 млн долл. (в т.ч. из КНР — 3,149 млн долл., 0,06 % от общего объема иностранных инвестиций); в 2009 г. — 584,117 млн долл. (в т.ч. из КНР — 0,993 млн долл., 0,17 % от общего объема иностранных инвестиций); в 2010 г. — 4984,477 млн долл. (в т.ч. из КНР — 13,169 млн долл., 0,28 % от общего объема иностранных инвестиций), из которых прямых иностранных инвестиций — 798,022 млн долл.; в 2011 г. — 7084,776 млн долл. (в т.ч. из КНР — 8,425 млн долл., 0,12 %

от общего объема иностранных инвестиций), из которых прямых иностранных инвестиций — 2228,358 млн долл.; в 2012 г. — 10648,203 млн долл., из которых прямых иностранных инвестиций — 825,661 млн долл. См.: Мониторинг инвестиционной активности в регионах России: прямые иностранные инвестиции в 2012 году. URL: http://www.nisse.ru/netcat_files/178/138/h_5d8574ceb4231e20ad275066a702e5334; URL: http://russian.people.com.cn/315_19/8027577.html; Российская газета, 14.03.2012.

²⁴ РИА Новости. URL: http://ria.ru/energetics_fe_information/20131015/968823354.html#ixzz2v5RFdQs0

²⁵ См.: Итоги социально-экономического развития Сахалинской области за январь—декабрь 2013 года. URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=378>

²⁶ См.: URL: <http://www.sakhalin.info/society/84916/>; URL: http://www.gsk.ru/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/22-06-1.htm

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года (в ред. Постановления Правительства Сахалинской области от 15.01.2014. № 10). URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=139>

²⁸ Специализация промышленности регионов Дальнего Востока. URL: http://www.feedcenter.org/partnerregions/Макроеконом/prom/prom_dv/prom_spec/prom_spec.htm

²⁹ См.: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. М.: Минэкономразвития. Март 2013. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCQQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.economy.gov.ru%2Fwps%2Fwcm%2Fconnect%2F9cb190804f0500cd8e6fee008a11733f%2F%25D0%259F%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B3%25D>

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ

Ли Суйань*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР/РФ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Аннотация. Пров. Хэйлунцзян, по периметру которой проходит большая часть границы между Китаем и Россией, исторически поддерживает с российским государством самые тесные связи. Ученые пров. Хэйлунцзян считают изучение России своей важной миссией.

Крупнейшим и наиболее авторитетным научно-исследовательским учреждением в провинции является местная Академия общественных наук. Она уделяет большое внимание изучению внутренней и внешней политики России. В рамках АОН

* Ли Суйань, исследователь, зав. сектором истории российско-китайских отношений, помощник директора Института истории Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян (КНР, г. Харбин).

Подготовленная китайским ученым статья носит сугубо описательный характер, но редколлегия сборника решила предложить ее читателям, надеясь, что изложенный в ней материал представит интерес для наших специалистов, изучающих историю российско-китайских научных и культурных связей. — *Ред.*

работает специализированный Институт российских исследований (Институт России). Также изучением России занимаются ряд ученых в Институте истории и Институте Северо-Восточной Азии (СВА) АОН Хэйлунцзяна. В течение нескольких десятилетий Академия воспитала плеяду выдающихся ученых, а также аспирантов; на ее счету — многие научные достижения. Журнал «Изучение Сибири» (на кит. яз.), выпускаемый Институтом России, пользуется большой известностью в Китае и за рубежом.

Ключевые слова: Китай; Россия; пров. Хэйлунцзян; исследования внешней и внутренней политики России; научные публикации; культурное и научное сотрудничество.

Из всех китайских провинций Хэйлунцзян имеет наиболее тесные экономические и культурные связи с дальневосточными районами России. Большая часть китайско-российской границы (около 3,3 тыс. км из 4,2 тыс. всей ее протяженности) приходится именно на эту провинцию, благодаря чему она получила прозвище «Большая пограничная провинция». Неудивительно, что изучение российской проблематики представляет для ученых пров. Хэйлунцзян важнейшую задачу.

I. Этапы изучения России в пров. Хэйлунцзян

Исследование проблем советской/российской внутренней и внешней политики учеными пров. Хэйлунцзян в течение более 60 лет после образования Китайской Народной Республики можно разделить на три этапа.

Первый этап: с 1949 г. до начала 1960-х годов. Это период дружбы, который можно назвать «медовым месяцем» в отношениях двух стран, когда провинция Хэйлунцзян «училась у Советского Союза». СССР помог Китаю в строительстве 156 важных для страны предприятий, из которых 23 располагались в Хэйлунцзяне. В то время в провинции, особенно в г. Харбин, жили и работали не только русские эмигранты, но и советские

граждане, что стало свидетельством советско-китайской братской дружбы.

В тот период в пров. Хэйлунцзян советологические исследования в строгом смысле этого слова не велись, а лишь осуществлялась массированная положительная пропаганда деятельности СССР на мировой арене, а также советского образа жизни.

Тогда китайский народ ласково называл своего северного соседа — передовую социалистическую страну — «советским старшим братом». Популярен был лозунг «Сегодняшний день Советского Союза — это наше завтра». Новый Китай в качестве элементов социалистического образования впитывал достижения культуры Советского Союза: кино, театр, песни, литературу и т. д., вплоть до фасона причесок.

Стоит отметить, что в этот период в Хэйлунцзяне появилась первая китайская женщина-трактористка, взявшая себе за пример работу советской подруги¹. На хэйлунцзянскую девушку Лян Цзюнь оказал большое влияние советский фильм о Прасковье Никитичне Ангилиной, первой советской женщине-трактористке, Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета СССР. Лян Цзюнь стала первой трактористкой в Китае и, как Ангилина, организовала женскую бригаду. Она быстро вышла в передовики не только в масштабах своей провинции, но и всей КНР. Лян Цзюнь написала письмо П.Н. Ангилиной, о котором говорится в воспоминаниях советской трактористки². Лян Цзюнь была оказана большая честь: ее изображение помещено на купюру денежной единицы КНР — юань.

Второй этап: начало 1960-х годов — 1989 г. Это было время конфронтации между двумя странами. В марте 1969 г. на о. Даманский у р. Уссури в пров. Хэйлунцзян произошел пограничный вооруженный конфликт, который потряс мир. После этого провинция столкнулась с высокими рисками вооруженных конфликтов из-за большой протяженности ее границы с СССР. Именно в этот период хэйлунцзянские ученые и специалисты начали изучение СССР/России.

После 1963 г., согласно указаниям председателя Мао Цзэдуна и премьера Чжоу Эньлая относительно углубления изучения международных вопросов и, в частности, советской проблемати-

ки, в Харбине был создан Отдел исследования Дальнего Востока СССР, сферой активности которого стало изучение истории, экономики, общества, этнографии и культуры дальневосточного региона Советского Союза. В то же время в Институте философии и общественных наук пров. Хэйлунцзян был создан Третий исследовательский отдел, чья миссия заключалась в изучении истории китайско-русских отношений, противодействии «ревизионизму» и участию в переговорах по пограничным проблемам. В 1979 г. была создана Академия общественных наук пров. Хэйлунцзян, и тогда Отдел исследования Дальнего Востока СССР и Третий исследовательский отдел стали, соответственно, Институтом Сибири [впоследствии Институт России (Институт российских исследований)] и Институтом истории АОН. Миссия этих институтов — исследование России/СССР и истории китайско-русских отношений.

Третий этап: 1989 г. — по настоящее время. Это период дружеского партнерства и стратегического взаимодействия двух стран.

В течение этого этапа в Хэйлунцзяне количество ученых, которые занимаются исследованием проблем России, значительно возросло; стал шире и тематический диапазон исследований. Ныне Россию изучают не только в Академии общественных наук Хэйлунцзяна, но и в вузах и прочих научных организациях провинции, например в Хэйлунцзянском университете, Харбинском политехнологическом университете, Харбинском педагогическом университете, Цицикарском университете, Хэйхэском институте, Муданьцзянском педагогическом институте. В Хэйлунцзянском университете даже была создана Академия изучения России (январь 2010 г.), задача которой — изучение китайско-российских отношений, проблем китайско-российского регионального сотрудничества, экономики и общества РФ, стратегических инноваций России и других актуальных вопросов.

В этот период хэйлунцзянские ученые-россиеведы расширили сферу исследования. Кроме традиционных тем — истории агрессии царской России на территории Китая, истории оформления линии границы между двумя странами — ученые открыли

новые области, такие как китайско-российские культурные связи, история китайско-российских экономических отношений, русская эмиграция, образ России в Китае, современная Россия и т. д.

В этот период Академия общественных наук Хэйлунцзяна и вузы провинции начали академические обмены с партнерами из РФ, установили тесные связи с различными научно-исследовательскими институтами, университетами и научными организациями России. Академия общественных наук Хэйлунцзяна почти ежегодно проводит сессии Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию отношений между Россией и Китаем, который пользуется популярностью в странах СВА.

Из всех провинций Китая такой масштаб исследований российской проблематики свойственен только Хэйлунцзяну.

II. Основные достижения

Пока еще не проведен сбор статистических данных о количестве всех научных достижений про. Хэйлунцзян в области исследований внешней и внутренней политики России и других сторон жизни РФ. В статье освещаются в основном научные успехи Академии общественных наук Хэйлунцзяна.

В июне 2013 г. в ознаменование 50-летия начала советологических/россиеведческих исследований в Хэйлунцзяне АОН провинции организовала конференцию «Форум на высшем уровне, посвященный 50-летию начала научных исследований (1963—2013 гг.)». Был опубликован сборник статей с большим количеством фотографий под названием «Продолжать традиции прошлого и открывать новые пути в будущее: 50-летие начала научных исследований России в Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян. 1963—2013 гг.». На форуме и в сборнике была освещена славная история научных исследований прошлого России, представлены иллюстрирующие статистические данные и соответствующие выводы.

Согласно статистическим данным, в общей сложности за эти годы было издано более 150 монографий и опубликовано свыше 1400 статей в Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян.

III. Основные периодические печатные издания

1. Журнал 西伯利亚研究 *Сиболия яньцзю* («Изучение Сибири»)

Журнал «Изучение Сибири» был основан в 1974 г. Институтом Сибири (ныне — Институт России). Сначала он назывался 西伯利亚与远东 *Сиболия юй Юань дун* («Сибирь и Дальний Восток»), а с 1988 г. он стал выходить под нынешним названием. В 1999 г. начался его выпуск и за рубежом.

Это первый специализированный академический журнал КНР о России, а также единственный — о восточных регионах РФ и Сибири и один из трех крупнейших китайских журналов о России. Он играет важную роль для россиеведения Китая и СВА. Ему уже более 30 лет, он имеет славную историю и пользуется популярностью в Китае и за рубежом. Его авторитет растет. Журнал высоко оценен отечественными и зарубежными россиеведами.

2. Журнал на русском языке «Партнеры»

Журнал «Партнеры» был основан в октябре 2002 г. правительством пров. Хэйлунцзян в соответствии с директивой центрального правительства. Редакция журнала находится в г. Харбин. «Партнеры» — крупнейшее китайское издание о КНР и России, его миссией является изложение и объяснение событий в Китае российской общественности, чтобы она поняла и приняла Китай. «Партнеры» является мостом дружбы между КНР и Россией: журнал нацелен на укрепление культурных связей и сотрудничества двух стран.

«Партнеры» в 2005 г. начал выходить в России, в РФ распространено уже более 1.5 млн экземпляров этого журнала. Его сеть охватывает 75 регионов и городов России. Журнал имеет свой специальный веб-сайт — <http://www.hbzszs.cn>

3. **Журнал 俄罗斯学刊** *Элосы сюэкань*, «**Russian studies**» («Исследования России»)

Журнал «**Russian studies**» («Исследования России») выпускается с периодичностью 6 номеров в год, он основан в 2011 г. Академией изучения России Хэйлунцзянского университета. Журнал издается в Китае и за рубежом. В нем публикуются доклады о разных сферах жизни России, а также научные статьи, связанные с политическими, экономическими, дипломатическими, историческими, культурными, правовыми и другими аспектами китайско-русских отношений.

4. Газета на русском языке «**Китай: экономика и сотрудничество**»

Это единственная газета на русском языке в КНР. Она была основана в 2005 г. Академией изучения России Хэйлунцзянского университета. Ее цель — ознакомить российских читателей с цивилизацией, историей и современностью Китая, содействовать развитию двустороннего культурного и торгово-экономического обменов, а также способствовать укреплению климата добрососедства, дружбы, равенства и взаимного доверия, взаимной выгоды, а также долгосрочным и стабильным отношениям стратегического взаимодействия и партнерства двух стран.

IV. Выдающиеся ученые

Хао Цзяньхэн (郝建恒) (р. 1928 г.) — один из основателей дисциплины «История китайско-русских отношений» в Китае, выдающийся переводчик. Он является главным редактором «Словаря терминов по истории китайско-русских отношений», переводчиком 39 русскоязычных монографий (самостоятельно или совместно с другими переводчиками), например «Дополнения к актам историческим: русско-китайские отношения в XVII в. Избранные документы»; «Русско-китайские отношения в XVII в. (1686—1691 гг.)» (Том 2); «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (материалы биографии)» (в 3-х томах); «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849—1855 гг.».

В 1996 г. Институт Дальнего Востока РАН удостоил его звания Почетного доктора.

В 1999 г. Хао Цзяньхэн был награжден медалью Общества российско-китайской дружбы «За заслуги в развитии российско-китайских отношений».

Сюй Цзинсюе (徐景学) (р. 1939 г.) — один из основателей сибиреведения Китая, директор и один из основателей Института Сибири АОН пров. Хэйлунцзян, Почетный доктор Дальневосточного отделения РАН. Главное дело жизни ученого — изучение Сибири.

Этот исследователь — автор более 160 научных статей и докладов, а также 18 академических монографий, в числе которых: «Краткая история покорения Сибири Россией»; «Освоение восточных районов СССР: взгляд в прошлое и грядущие перспективы. 400 лет освоения Сибири»; «Сибиреведение и Китай» (соавтор — Ван Сяоцзюй); «История Сибири» (главный редактор); «История России. Очерки» и т. д.

Ван Дэхоу (王德厚) (р. 1939 г.) — археолог, переводчик Института археологии пров. Хэйлунцзян. Он приложил много усилий для перевода археологических работ советских/российских археологов, таких как С.П. Нестеров, О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. Благодаря переводам Ван Дэхоу китайские археологи узнали о достижениях советских/российских коллег, об исторических памятниках, древних стоянках и археологических находках на территории древних царств Бохай и Цзинь. Китайцы, таким образом, получили возможность расширить свой кругозор. Можно сказать, что Ван Дэхоу построил мост между археологами двух стран и внес значительный вклад в двусторонние академические обмены в области археологии. Одна из его самых значительных работ — перевод труда О.В. Дьяковой «Мохэские памятники Приморья».

Су Фэнлинь (宿丰林) (1947—2012 гг.) — директор Института Сибири Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян, был дважды командирован китайским правительством в Россию для проведения научных изысканий, приглашенный ученый Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония).

Основные монографии: «Исследование ранних этапов развития китайско-русских отношений», «Китайско-русская торговля в городе Кяхта в эпоху династии Цин».

Ли Яньлин (李延龄) (р. 1940 г.) — профессор русского языка и литературы Цицикарского университета, основатель дисциплины «Литература русских эмигрантов в Китае», всемирно из-

вестный эксперт в области литературы русских эмигрантов, хранитель и исследователь литературного наследия русской эмиграции в КНР.

В России были изданы следующие его книги на русском языке: «Я люблю Россию», «Песня о берегах Амура», «Сердце к сердцу», «Ли Яньлин. Избранные стихи». Ученым составлена, переведена и издана версия «Серии сборников литературного наследия русской эмиграции в Китае» в 5 томах (Харбин, 2002).

В сентябре 2005 г. Ли Яньлин посетил Россию по программе академического обмена. Президент В.В. Путин поручил послу России в КНР передать личное письмо Ли Яньлину с выражением благодарности за сохранение и изучение литературного наследия русской эмиграции в Китае.

В течение более 60 лет Факультет русского языка (современное название — Институт русского языка) Хэйлунцзянского университета совершает большой подвиг преподавания и исследования русского языка в Китае. Им воспитаны известные специалисты по русскому языку, творческий труд которых содействует распространению русской/российской культуры в Китае. За свои выдающиеся заслуги многие из них были награждены правительством России медалями им. А.С. Пушкина.

Большой вклад в китайское руссиеведение внесли также Ли Сиинь (李锡胤) (р. 1926 г.), Хуа Шао (华邵) (р. 1930 г.), Цзинь Яна (金亚娜) (р. 1941 г.), Чжан Цзяхуа (张家骅) (р. 1941 г.) и Дэн Цзюнь (邓军) (р. 1950 г.).

Дэн Цзюнь, в венах которой течет славяно-китайская кровь, также была награждена медалью им. А.С. Пушкина.

В течение 50 лет руссиеведы Хэйлунцзяна, особенно Академии общественных наук этой провинции, работают на благо развития исследований России и истории китайско-российских отношений. Провинция занимает важное место во всемирном руссиеведении и привлекает внимание даже зарубежных специалистов по России. Историк академик РАН В.С. Мясников называет эту группу руссиеведов и их глубокие научные работы «Харбинской школой».

Учеными Хэйлунцзяна изданы десятки монографий по вопросам внешней и внутренней политики СССР/России, совет-

ско/российско-китайских политических и экономических отношений, истории и экономики Сибири и Приморья и т. д., а также опубликованы переводы на китайский язык трудов советских и российских исследователей. Кроме того, руссиеведами провинции был подготовлен целый ряд практически значимых информационно-аналитических материалов для правительства Хэйлунцзяна.

Примечания

¹ Автор данной работы взял интервью у Лян Цзюнь и написал статью, которая была опубликована в журнале «Партнеры».

² Ангелина П.Н. Люди колхозных полей. М.: Детская литература, 1954. С. 206—208.

М.В. Александрова*

ЯПОНСКИЙ КАПИТАЛ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (КОНЕЦ XIX в. — 1945 г.)

Аннотация. В конце XIX — начале XX в. северо-восток Китая стал полем столкновения российских и японских политических и экономических интересов. В статье прослеживается история распространения японского капитала в отраслевом и пространственном разрезе по территории региона. Автор детально рассматривает, как в период существования Маньчжоу-го происходила структурная перестройка промышленности региона, характеризует ее основные факторы и причины.

Ключевые слова: Российская империя; Маньчжурия; Маньчжоу-го; ЮМЖД; Мукденский инцидент; тяжелая промышленность; структурная перестройка; пятилетний план; угольная промышленность; металлургия; машиностроение; химическая промышленность; энергетика.

Северо-восток КНР (Дунбэй) — крайне интересный регион с точки зрения экономико-исторического развития страны: в нем еще в конце XIX в. пересеклись политические и экономические интересы Российской империи и Японии.

* Александрова Мария Викторовна, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

И даже спустя более чем столетие при анализе структуры промышленности, сельского хозяйства, географии внешней торговли Дунбэя мы можем заметить влияние этих интересов.

Если судить с пространственной точки зрения, то по мере отдаления от Желтого моря вглубь материка японское влияние угасало и на его место приходило русское. До 1931 г. СССР, а до этого Российская империя вкладывали капиталы в развитие Северной Маньчжурии. На юге с ними конкурировала Япония. После образования Маньчжоу-го, северные районы Дунбэя стали полем военно-политической конфронтации Японии и СССР, одновременно с этим японский капитал начал двигаться с юга на запад и восток региона, постепенно осваивая в промышленном плане малоразвитые территории, но даже при этом центром экономического развития продолжал оставаться район Далянь (Дайрен) — Шэньян (Мукден). В результате к окончанию Второй мировой войны сформировался глубокий разрыв в экономическом развитии юга и севера Маньчжурии: юг был индустриализован, а север остался практически аграрным районом¹.

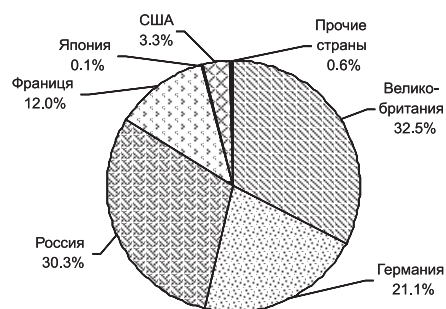
Как проникал в указанный регион японский капитал и каковы особенности его приложения — этому и посвящена данная статья.

Первый этап проникновения японского капитала

Заклученный между Японией и Китаем Симоносекский договор создал весьма благоприятные условия для присутствия японского и русского капиталов в Маньчжурии. Следствием этого стало строительство КВЖД, которое явилось импульсом для притока российского торгово-промышленного капитала. После поражения Российской империи в войне с Японией южная часть Маньчжурии попала практически под полный экономический контроль Японии. Результатом войны стало разделение экономического влияния по линии Чанчунь между Россией на севере и Японией на юге.

В период между китайско-японской и русско-японской войнами японцы осуществляли лишь незначительные вложения в экономику Дунбэя (рис. 1).

Исходя из данных, представленных на рис. 1, становится очевидным, что в первый период развития экономики Мань-

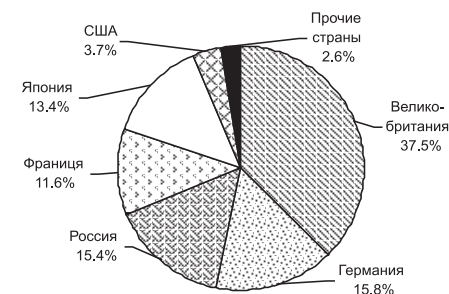
Рис. 1. География иностранных инвестиций в экономике северо-востока Китая в 1902 г. *Источник:* Чжунго цзыбэньчжуи фачжань ши (цюань сань цюань) : [История развития капитализма в Китае (в 3 томах)]. Пекин: Изд-во КАОН. 2007.

чжурии европейские, включая российские, капиталы играли ключевую роль, влияние же Японии было еще достаточно слабым. Вплоть до Первой мировой войны Россия была одним из крупнейших инвесторов в хозяйство Дунбэя. В 1902 г. на долю Российской империи приходилось 30 % суммарных инвестиций, и Россия лишь немного отставала по этому показателю от Великобритании. Тогда же японские суммарные инвестиции составляли лишь 0,3 %.

В конце XIX в. — первом десятилетии XX в. на севере Маньчжурии, в трансграничных с российским Дальним Востоком районах, сформировались отрасли (мукомольная, винокуренная и др.), производящие потребительскую продукцию, и прежде всего продукты питания. Рынок южной части Маньчжурии был более приспособлен к требованиям Японии, Великобритании и США. Япония стала крупнейшим рынком сбыта соевого шрота; англо-американские предприниматели импортировали в основном соевое масло. Соевая продукция, производимая в портовых городах Даляне, Инкоу и Аньдуне в основном шла на экспорт в вышеуказанные страны, при этом постоянно растущий спрос стимулировал развитие маслостроительной индустрии, которая и стала промышленнообразующей отраслью юга Маньчжурии.

Разразившаяся русско-японская война изменила положения России на рынке маньчжурских инвестиций, хотя в абсолютных

суммах русские инвестиции не уменьшились. Однако в относительных показателях стало очевидным завоевание северо-восточного рынка Китая японским капиталом. Так, в 1914 г. суммарные инвестиции России составляли лишь 15,43 %, и страна в списке крупнейших инвесторов Китая потеснилась на 3-е место, Великобритания, как и прежде, лидировала, а вот победившая Япония стала четвертым по значимости китайским инвестором, на ее долю приходилось 13,4 % суммарных инвестиций (рис. 2).

Рис. 2. География иностранных инвестиций в экономике северо-востока Китая в 1914 г. *Источник:* Чжунго цзыбэньчжуи фачжань ши (цюань сань цюань) : [История развития капитализма в Китае (в 3 томах)]. Пекин: Изд-во КАОН. 2007.

По итогам подписания Портсмутского мирного договора с Японией Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть ЮМЖД от Порт-Артура до Куаньчэна, к японцам переходили порты Далянь, Аньдун (совр. Даньлун), Хуньчунь и др.

После победы в войне Япония получила право на разработку природных ресурсов, которые ранее принадлежали России. В 1906 г. началась постройка Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Обладание этой мощной транспортной артерией дало возможность Японии быстро расширить экономическое влияние практически по всему Дунбэю.

Япония первостепенное значение придавала развитию железнодорожного транспорта, считая его важнейшим средством

укрепления своих экономических и военно-стратегических позиций на континенте. Первоочередные требования Японии по этому вопросу были зафиксированы в японо-китайских соглашениях от 22 декабря 1905 г. Транспортные артерии, и прежде всего железные дороги, были необходимы Японии для удешевления и облегчения транспортировки природных ресурсов Маньчжурии на побережье.

4 сентября 1909 г. было подписано японо-китайское соглашение относительно железных дорог в Маньчжурии. В соответствии с соглашением Китай обязывался передать японцам железнодорожную ветку от порта Инкоу до станции Дашичао, расположенную на линии ЮМЖД. В свое время сооружение этой ветки привлекло значительное количество грузов, поступавших через порт Инкоу на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, и увеличивало ее грузооборот².

Соглашение 4 сентября 1909 г. закрепляло за японским капиталом каменноугольные копи, расположенные вдоль Мукден — Аньдуньской железной дороги, которые после 1905 г. перешли к японскому концерну Окура, вложившему в их разработку значительные средства, хотя номинально и считалось, что японская и китайская стороны совместно эксплуатируют шахты. Правительство Китая признало за Японией право на разработку Фушуньских и Яньтайских каменноугольных месторождений и добычу других полезных ископаемых в Южной Маньчжурии и обязывалось взимать минимальную экспортную пошлину с угля, вывозимого за границу³.

В конце существования Республики Китай японское влияние распространилось буквально на все стороны экономики, включая транспорт, финансы, торговлю и, конечно, промышленность северо-востока Поднебесной. В этот период произошла полная потеря Китаем собственных региональных интересов. Развитие экономики региона подчинялось исключительно внешним факторам, в результате чего была создана типичная колониальная экономика⁴.

Перед Мукденским инцидентом (18 сентября 1931 г.)⁵ Япония становится основным инвестором экономики северо-востока Китая (рис. 3).

Крупнейшие японские концерны начали активно вкладывать капиталы в Маньчжурию, среди них стоит назвать Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда. Япония приступила к выкачиванию из Маньчжурии всех видов сырья, прежде всего для тяжелой промышленности. В метрополию пошел поток каменного угля, железной руды, бокситов, цинка, олова, леса. Но помимо импорта природных ресурсов японские предприниматели открывали в Китае новые предприятия.

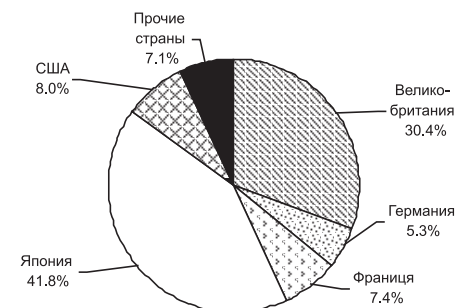

Рис. 3. География иностранных инвестиций в экономике северо-востока Китая в 1930 г. *Источник:* Чжунго цзыбэньчжуи фачжань ши (цюань сань цюань) : [История развития капитализма в Китае (в 3 томах)]. Пекин: Изд-во КАОН. 2007.

Японские экономические интересы в период Маньчжоу-го — второй этап вливания финансов и технологий в экономику северо-востока

С 1931 по 1936 г. японские капиталовложения в Маньчжоу-го выросли почти в 2 раза и достигли 2,8 млрд иен. 90 % из них приходилось на инвестиции в транспортную систему, обрабатывающую промышленность и горное дело. В течение первых четырех лет существования Маньчжоу-го появилось 248 новых японских и японо-маньчжурских предприятий; японские финансово-промышленные круги развернули строительство и реконструкцию ряда заводов, электростанций, рудников, угольных шахт.

В течение 1932—1936 гг. объем производства в десяти ведущих отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности Маньчжоу-го вырос в стоимостном выражении с 73,6 млн

до 159,5 млн маньчжурских юаней, при этом среднегодовой прирост составил 16,7 %⁶.

При новых исторических условиях Япония посчитала возможным удовлетворить свои военные нужды за счет расширения промышленных мощностей Маньчжоу-го, в результате на северо-востоке Китая создается мощная тяжелая промышленность. Следствием такой политики стала деформация хозяйства региона, приведшая к упадку сельского хозяйства и легкой промышленности (рис. 4).

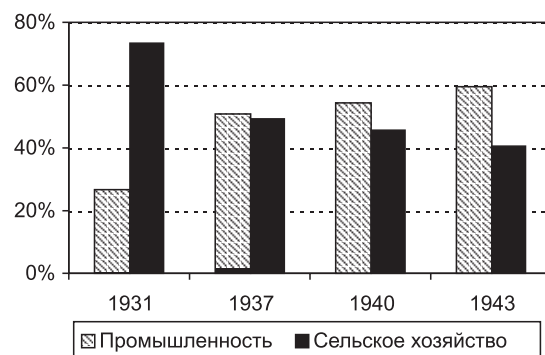

Рис. 4. Соотношение по валовому выпуску продукции. Источник: Кун Цзинвэй. Дунбэй цзинцзи ши : [Экономическая история Дунбэя]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ. 1986.

В период японской агрессии внешние стимулы стали доминирующими в развитии северо-востока, произошла быстрая структурная перестройка экономики, а именно — смещение приоритетов от промышленности по переработке сырьевых ресурсов в сторону добывающих отраслей и тяжелой промышленности. Результатом влияния прямых внешних факторов стало формирование на северо-востоке тяжелой и химической промышленности. Всего за 10 лет произошла трансформация индустриальной структуры и была сформирована в завершенном виде региональная структура промышленности.

С целью более полного и всестороннего использования экономических и людских ресурсов Маньчжоу-го японская сторона

к концу 1936 г. разработала *первый пятилетний план на 1937—1941 гг.* Предусматривались ликвидация дефицита тех стратегических материалов, в которых особенно остро нуждалась Япония, достижение значительного расширения производственных мощностей ряда отраслей промышленности, дальнейшее строительство железных и шоссейных дорог (табл. 1).

Таблица 1. Цели первого пятилетнего плана

Продукция	Производство		
	1935 (по факту)	планировалось к 1941 г.	планируемый вывоз в Японию
Чугун (млн т)	4,5	4,5	1,5
Сталь в слитках (млн т)	1,85	3,16	1,12
Уголь (млн т)	27,16	31,10	6
Сжиженный уголь	800 тыс. т	1,77 млн т	—
Эфирное масло	860 тыс. т	1,74 млн т	1,45 млн т
Алюминий (тыс. т)	20	30	16,25
Автомобили (тыс. ед.)	4	50	—
Самолеты (ед.)	340	30 тыс.	—

Источник: URL:http://www.360doc.com/content/10/1229/10/1531380_82244762.shtml.

В 1938 г. первый пятилетний план был скорректирован в сторону увеличения объемов выпуска. Эти изменения были связаны с подготовкой к войне. Общая сумма японских капиталовложений на выполнение плана оценивалась в 6 млрд маньчжурских юаней. Расходы Японии на строительство военно-промышленной базы в Маньчжурии покрывались главным образом за счет японского, в том числе и частного, капитала, но частично за счет бюджета Маньчжоу-го и привлечения зарубежного, главным образом американского, капитала.

Несмотря на то что первый пятилетний план экономического развития Маньчжоу-го не был выполнен, Японии к 1941 г. удалось создать на северо-востоке Китая довольно значимый во-

енно-промышленный комплекс, который в Восточной Азии по мощности уступал только японскому и был тесно интегрирован с ним⁷.

В 1942 г. Японией был принят *второй пятилетний план экономического развития Маньчжоу-го на 1942—1946 гг.* Основное внимание в нем уделялось добыче угля и железной руды, производству алюминия, свинца и меди, выплавке чугуна и стали. Капиталовложения Японии планировались в размере 6,4 млрд иен, а со стороны правительства Маньчжоу-го — 2,2 млрд маньчжурских юаней.

Стремясь повысить производительность труда на военно-промышленных предприятиях, японская администрация в 1942 г. ввела сдельную оплату труда, установив повышенный тариф за перевыполнение заданий.

Кроме предприятий горнорудной и химической промышленности, Япония создала в Маньчжоу-го самолетосборочные и самолеторемонтные, танкостроительные и танкоремонтные заводы, предприятия по производству и сборке грузовых машин, строительного оборудования, станкостроения.

В 1944 г. в Маньчжоу-го добыча железной руды составляла 228 %, добыча каменного угля 51,9 %, выплавка чугуна 84,9 % от японской. На долю Маньчжоу-го приходилось 84,6 % всех японских капиталовложений в Китае⁸.

И даже не до конца осуществленные планы Японии на рассматриваемый исторический момент создали на северо-востоке Китая прекрасную и современную промышленную базу, уже после образования КНР именно на основе японских предприятий, при содействии советских специалистов была модернизирована и расширена промышленная база.

Основные отрасли промышленности в период Маньчжоу-го

Японцы проявляли наибольший интерес к развитию тяжелой промышленности. В эти годы продолжала возрастать доля тяжелой индустрии в промышленности, о чем свидетельствуют данные рис. 5.

Угольная промышленность

После Мукденского инцидента в угольной промышленности северо-востока японские предприниматели заняли практи-

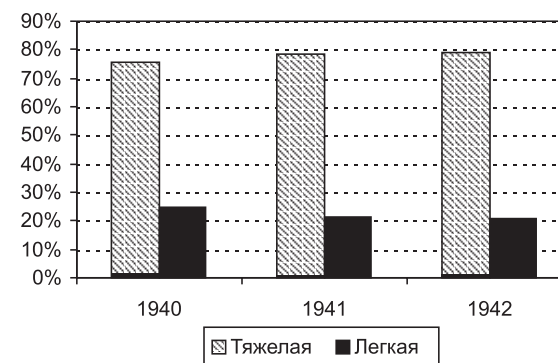

Рис. 5. Соотношение промышленного капитала. Источник: Кун Цзинвэй. Дунбэй цзинци ши : [Экономическая история Дунбэй]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1986.

чески монопольное положение, и прежде всего в Фушуне. Согласно статистическим данным, в конце 1920-х — начале 1930-х годов на фушуньских шахтах добывалось 69 % угля региона. При этом на внутреннем рынке потребление его было невысоко. Половина добытого на этом месторождении угля вывозилось в Японию, что составляло от 60 до 70 % ввозимого в Японию угля. В 1929 г. вывоз угля в Японию составил в абсолютных величинах 1,88 млн т.⁹

Необходимо отметить, что фушуньский уголь широко применялся на японском ВМФ, причем практически только фушуньский уголь шел на крупнейшую военно-морскую верфь страны в Куре¹⁰.

Японцы предпринимали шаги к монополизации угольной промышленности. В 1933 г. было принято решение о создании *Японо-маньчжурской каменноугольной компании* с капиталом в 16 млн иен (или гоби). Формально в компании было два пайщика — концерн ЮМЖД и правительство Маньчжоу-го, которое внесло капитал в 7,2 млн иен в виде 8 крупнейших каменноугольных копей в Маньчжоу-го — Бэйпяоских, Сианьских, Хэганских, Суныцзяванских, Синьлитуньских, Фуджбуских, Бадаогоуских и Мейминшаньских — с общим запасом угля в 2 млрд т.

ЮМЖД внесла 5 млн иен в виде одного незначительного Сиканского каменноугольного рудника и 3 млн иен наличными¹¹.

Угольные предприятия ЮМЖД и Японо-маньчжурской каменноугольной компании, по проекту квантунского штаба, должны были впоследствии формально слиться, образовав единую углепромышленную компанию, подчиненную холдинг-компания по развитию Маньчжоу-го и экономическому генеральному штабу.

В связи с монополизацией рынка, лихорадочной работой военных заводов добыча угля на копиях концерна ЮМЖД и других японских копиях в Маньчжурии с 1933 г. начала стремительно расти, хотя и не были достигнуты намеченные первым планом показатели. Однако результаты все же впечатляют: так, с 1932 по 1944 г. добыча возросла в 3,6 раз, достигнув 25,6 млн т.

Угольная отрасль была тесно взаимосвязана с формирующейся *металлургией*.

Наличие значительных запасов каменного угля и железной руды дало возможность развивать мощную металлургическую промышленность. Особенностью металлургии региона в рассматриваемый период было значительное превышение мощностей по выплавке чугуна и производству стали над производством проката, т. е. до провозглашения КНР регион не выпускал должного количества проката. Производимые в Дунбэе чугуны в чушках и сталь вывозились в Японию, где уже выпускалась конечная продукция в виде проката и др., что отражало типично колониальный характер экономики региона.

На северо-востоке Китая в этот период располагалось несколько крупных металлургических предприятий, среди них следует выделить Аньшанский завод, на котором в 1931 г. было отлито 276 т чугуна. По этому показателю предприятие стало вторым среди японских, лидером же отрасли был металлургический завод Яхата. В 1933 г. Аньшанский завод был переименован в Showa Steel Works, его стопроцентным собственником стала Япония, а все акции предприятия были переданы ЮМЖД. После смены собственника произошло обновление парка оборудования, в результате чего расширялись мощности завода и вырос выпуск продукции. Так, в 1937 г. предприятие выплавило

700 тыс. т чугуна и произвело 580 тыс. т стальных слитков, в 1943 г. комбинат достиг своего максимального результата, а именно: производство чугуна составило 1,3 млн т, стали — 843 тыс. т, проката — 495 тыс. т. Всего за период 1935—1945 гг. комбинатом было выплавлено 9,05 млн т чугуна, произведено 5,47 млн т стали и 3,27 млн т проката¹².

После перехода комбината в собственность Японии была осуществлена значительная модернизация предприятия: в период с 1930-х годов до 1943 г. было установлено 9 новых доменных печей, что позволило обеспечить японский военно-промышленный комплекс необходимым объемом продукции металлургии¹³.

Помимо Аньшанского комбината в Маньчжоу-го было еще одно крупное металлургическое предприятие в городе Бэньси, входившее в японскую компанию Okura Trading Co., масштабы его производства составляли лишь треть от аньшанского. Так, в 1931 г. выплавка чугуна на заводе в Бэньси составила чуть более 65 тыс. т, а в 1944 г. уже достигла 370 тыс. т.¹⁴

Следует отметить, что два вышеназванных предприятия Маньчжурии внесли значительный вклад в обороноспособность Японии, о чем наглядно свидетельствует статистика. Так, если в 1932 г. объем выплавленной ими стали составил 394 тыс. т, то в разгар Второй мировой войны (1943 г.) объем выпуска увеличился в 4,3 раза. Если до Мукденского инцидента в Маньчжурии не было так таковой сталелитейной промышленности, то уже с 1935 г. на аньшанском комбинате начинают выпуск стали, производство которой к 1947 г. составило свыше 800 тыс. т.¹⁵

Машиностроение

В 1931 г. на северо-востоке начала создаваться система современного машиностроения, основные финансовые вливания в эту отрасль поступали от частного бизнеса. По неполным статистическим данным, к 1938 г. на территории региона было создано 200 машиностроительных предприятий с японским капиталом, 180 из которых располагалось в Шэньяне, Даляне, Аньшане и Фушуне¹⁶.

Японские предприниматели зачастую начинали выпуск того или иного оборудования машиностроительной группы из-за происходящих бойкотов китайским населением импортной

продукции. В этот период на японских предприятиях в Маньчжурии начинается выпуск автомобилей, станков (сверлильных, фрезерных, шлифовальных), высокоточного измерительного оборудования и др. При открытии современных предприятий перед японцами встала задача по набору технического персонала среди китайцев. Это оказалось большой проблемой, и поэтому в 1930-е годы функционировало менее 10 предприятий, на которых работал бы квалифицированный китайский технический персонал.

Одна из крупнейших японских компаний Fuji создала на основе небольшого авиационного заводика в Шэньяне новое предприятие по выпуску самолетов. В 1931 г. на базе небольшого оружейного предприятия в Шэньяне был открыт арсенал, который стал самым крупным центром по производству огнестрельного оружия во всем Китае в тот период. Компанией Toyo Bearing Mfg. Co., Ltd. (современное название — NTN Corporation) было открыто единственное на северо-востоке предприятие по производству подшипников — Маньчжурский завод. О самостоятельности в машинах и оборудовании Дунбэя в период Маньчжоу-го наглядно говорят данные табл. 2.

Таблица 2. Доля продукции внутреннего производства в общем потреблении машин и оборудования в Японии и на северо-востоке Китая (%)

Виды продукции	Производство на северо-востоке Китая	Производство в Японии
Двигатели	26,7	73,3
Горное оборудование	27,5	72,5
Химическое оборудование	40,5	59,5
Металлообрабатывающее оборудование	8,3	91,7
Грузовые автомобили	13,3	86,7
Точное оборудование	15,4	84,1

Источник: Чжан Фуцюань. Ляонин цзиндай цзинци ши : [Современная экономическая история Ляонина]. Пекин: Финансово-экономическое изд-во Китая, 1989.

Судя по данным, представленным в таблице, самостоятельность Дунбэя в среднем не достигала и 1/3, все остальное Япония ввозила в Маньчжоу-го. Машиностроительная отрасль очень зависела от Японии. В период Маньчжоу-го, машиностроение Дунбэя включало: ремонт, сборку готовой продукции и ее выпуск именно в такой последовательности по значимости. К примеру, основными локомотивостроительными предприятиями были: Далянский железнодорожный завод, Далянское предприятие по производству машин, Маньчжурской завод транспортных средств. Однако на этих трех предприятиях в основном осуществлялся выпуск деталей, узлов, и даже к концу существования Маньчжоу-го там не была налажена окончательная сборка техники. Однако несмотря на это, можно утверждать, что перед началом Второй мировой войны Япония практически выполнила задачу построения современной мощной машиностроительной промышленности в тылу.

Химическая промышленность

За время присутствия в северо-восточном Китае японцами была создана развитая химическая промышленность. Мотивацией к ее созданию послужило наличие на этой территории богатых минеральных ресурсов, необходимых для производства химических компонентов. Наиболее важной подотраслью стал выпуск искусственного жидкого топлива (ИЖТ). Так, в 1930 г. в г. Фушуне был запущен крупный сланцевый завод, в первый год выпуск топлива составил 4 тыс. т, а через год было переработано 60 тыс. т сырой нефти. С приходом японцев производство ИЖТ выросло в связи со значительными запросами имперских армии и флота. После первой очереди расширения комбината в 1935 г. ежегодный выпуск сланцевого мазута (сланцевого масла) составил 145 тыс. т. После второй очереди расширения завод уже мог выпускать до 300 тыс. т, в то время как в самой Японии производство топлива не превышало 250 тыс. т. В принятом первом пятилетнем плане 1937 г. предусматривалось ежегодно расширять это предприятие. Одновременно японцы строили новые заводы по производству ИЖТ.

Поскольку топлива растущей японской военной экономике не хватало, началось производство ИЖТ путем переработки

угля. Перед Мукденским инцидентом военные власти ЮМЖД уже осуществляли в опытном порядке выпуск синтетического топлива из угля. С одобрения правительства Японии, в 1936 г. началось строительство Фушуньского завода по сжижению угля, первоначально планировалось, что ежедневный выпуск продукции составит 100 т, но затем показатель был снижен до 50 т. В 1939 г. завод был пущен в эксплуатацию¹⁷.

В продолжение планов сооружения заводов по производству ИЖТ на основе сжижения угля с 1936 по 1940 г. в Сыпине строится новое предприятие. Сырье завозилось из близлежащего угольного месторождения (г. Ляюань). После того как управление завода переходит под руководство Квантунской армии и он становится военным объектом, его переименовывают в Завод по выпуску масел № 238.

Помимо государства, в производство ИЖТ стали вкладывать капиталы крупные *дзайбацу* (японский термин, означающий «денежный клан» или конгломерат). Так, к примеру, предприятие в Цзиньчжоу строилось Mitsui Group, а шэньянское — Kobe Steel, Ltd. Строительство подобных дорогостоящих предприятий было связано с началом Второй мировой войны. Если ранее Япония импортировала сырую нефть из США, Канады и других стран, то начиная с 1943 г. подобные поставки полностью остановились¹⁸.

Помимо производства ИЖТ японские предприниматели вкладывали капиталы и в другие химические подотрасли. Так, осенью 1934 г., несмотря на протесты заинтересованных держав, в том числе США, в Маньчжурии была введена «государственная» монополия на переработку и торговлю нефтепродуктами. Одновременно предполагалось учредить нефтеперегонный завод в Хулудао или в Дайрене. За развитием данной подотрасли на о. Хулудао стоял сам начальник квантунского штаба генерал Койзо, но он встретил возражение даже со стороны руководства ЮМЖД, которое также было намерено построить нефтеперегонный завод, но в Дайрене. Создание нефтяной монополии, как и ряда других предприятий, застопорилось также ввиду продолжительных трений по поводу «генерального» плана «экономического строительства». Неофициальное правление и офис нефтяной

компании концерн ЮМЖД учредил уже в октябре 1933 г. Впоследствии он начал строительство завода для перегонки 120 тыс. т нефти в Канчинцзы. Параллельно японские специалисты производили предварительные разведки нефти в 1933—1934 гг. в Жэхэ и Южной Барге, что дало возможность расширить производственную мощность завода по выработке минерального масла из фушуньских сланцев до 150 тыс. т в год¹⁹.

Следует отметить, что за период с падения Российской империи и до конца оккупации северо-востока Китая на основе японского капитала была создана мощная химическая промышленность региона, что подтверждают данные табл. 3.

Таблица 3. Крупнейшие предприятия, созданные на территории Маньчжурии с помощью японского капитала

Название предприятия	Инвестор	Выпускаемая продукция	Местонахождение	Год создания, Заказчик продукции
Shoko Glass Co., Ltd.	ЮМЖД	Стекло	Далянь	1917
Завод красителей Ямато		Сульфидные красители	-"	1918
Маньчжурская краска	Nisshin Oil Mills, Ltd. (современное название Nisshin Oil Co.)	Краски	-"	1919
Маньчжурское мыло	Nisshin Oil Mills, Ltd.	Мыло	-"	1919
Завод стекла Масамицу	Asahi Glass Co, Ltd	Листовое стекло	-"	1925
Showa (Сева)	Ajinomoto Co. Inc.	Пищевые добавки	-"	1929
Фушуньский завод сланцевого масла	Маньчжурская нефтегазовая компания	Синтетическое топливо	Фушунь	1930, армия Японии
Manchuria Nippon Paint Co., Ltd.	Nippon Paint	Краски	Шэньян	1933

Продолжение табл. 3

Название предприятия	Инвестор	Выпускаемая продукция	Местонахождение	Год создания, Заказчик продукции
Нефть Маньчжурии	Правительство Маньчжоу-го	Нефтяные продукты	Далянь	1934
Химия Маньчжурии	ЮМЖД	Сульфат аммония	-"	1935
Фушуньский завод по сжижению угля		Синтетическое топливо	Фушунь	1936, армия Японии
Нефтехимия Маньчжурии	Правительство Маньчжоу-го	Синтетическое топливо	Сыпин	1940
Сода Маньчжурии	ЮМЖД, Asahi Glass Co., Ltd.	Сода кальцинированная	Далянь	1937
Manchuria Kansai Paint	Kansai Paint Co., Ltd.	Краски	Шэньян	1938
The Lion Dentifrice Co., Ltd. (Manchuria)	The Lion Dentifrice Co., Ltd.	Зубные пасты	-"	1939
Toyo Tires	Toyobo Co., Ltd. Yokohama Rubber	Шины	-"	1939, армия Японии)
Нефтехимия Маньчжурии	Правительство Маньчжоу-го	Синтетическое топливо	Сыпин	1940
Manchuria Kao	Kao Corporation	Мыло	Шэньян	1940, правительство Маньчжоу-го)
Резина Азии	Bridgestone Corporation	Шины	Ляоян	1940
Японско-маньчжурская лесохимическая компания	Nippon Paint	Скипидар	Лянхэ (Хэйлунцзян)	1941
Маньчжурская агрохимическая компания	Ajinomoto Co. Inc.	Корма для животных и др.	Шэньян	1941

Продолжение табл. 3

Название предприятия	Инвестор	Выпускаемая продукция	Местонахождение	Год создания, Заказчик продукции
Восточные волокна	Toyobo Co., Ltd.	Искусственные волокна	Аньдун (совр. Дальдун)	1941, правительство Маньчжоу-го
Manchuria Sankyo	Sankyo Co., Ltd.	ядохимикаты	Фушунь	1942
Цзилиньский завод синтетического топлива	Chisso Corporation	Синтетическое топливо	Цзилинь	1942, армия Японии
Маньчжурская электрохимическая компания	TDK, Nippon Kasei Chemical Co., Ltd, Dainippon Celluloid Co., Ltd.	Продукция неорганической химии	-"	1943, Квантунская армия, правительство Маньчжоу-го
Manchuria Carbon	Nippon Carbon, SEC, Маньчжурская электрохимическая компания	Электроды	Аньдун	1944, правительство Маньчжоу-го
Маньчжурский завод синтетического каучука	Bridgestone Corporation, Маньчжурская электрохимическая компания	Шины из синтетического каучука	Цзилинь	1944, правительство Маньчжоу-го
Южно-маньчжурский химический завод	Nippon Kasei Chemical Co., Ltd, Министерство тяжелой промышленности Маньчжурии	Продукция органической химии	Аньшань	1944
Маньчжурское опытное предприятие по сжижению угля	правительство Маньчжоу-го Kobe Steel, Ltd.	Синтетическое топливо	Шэньян	1944
Маньчжурское маслобойный завод	J-OIL MILLS	Авиационные смазочные материалы	Цзиньчжоу	1945, армия Японии

Окончание табл. 3

Название предприятия	Инвестор	Выпускаемая продукция	Местонахождение	Год создания, Заказчик продукции
Материковая химия	Mitsui Chemicals, министерство тяжелой промышленности Маньчжурии	Фенол	Цзиньчжоу	1945
		Кокс, асфальт	Бэньсиху	1945
Маньчжурский завод синтетического топлива	Mitsui Group, МЖД	Синтетическое топливо	Цзиньчжоу	1945, армия Японии
Электрод Маньчжурии	Tokai Electrode Co, Ltd.	Электроды	Аньшань	Строительство не завершено

Источники: URL: http://web.iss.u-tokyo.ac.jp/kyoten/research/ch.5_minetsuyoshi.pdf; URL: http://www.lnds.com.cn/news_more.asp?bigclassid=78&smallclassname=118&articleid=2193

Из вышеприведенной таблицы мы можем судить не только об уровне и масштабе химической промышленности Маньчжоу-го, но и отметить, что с конца 1930-х годов активным инвестором стал частный японский бизнес, хотя на первом этапе им было государство.

После 1932 г. наблюдался приток инвестиций японских *дзайбацу*. С 1932 по 1945 г. в Маньчжурии создается современная химическая промышленность, включающая производства как органической, так и неорганической химии, углехимию, агрохимию, производство эластомеров и др. Следует обратить внимание, что многие производственные единицы финансировались правительством Маньчжоу-го и продукция ряда предприятий выпускалась исключительно для армии Японии. Были созданы крупные химические центры на территории Ляонина—Далянь, Фушунь, Цзиньчжоу, Цзиси, Шэньянь, а также Цилинь (в одноименной провинции).

Столь мощная промышленность требовала значительной объемов электроэнергии, поэтому именно в годы японского правления начала закладываться *энергетика региона*.

Помимо использования угля японские предприятия начинают использовать гидроэнергию и ИЖТ. Новые виды энергетики получают свое развитие в Ляонине.

В период Маньчжоу-го на рынке сложилась монополия двух энергетических компаний: Маньчжурской электроэнергетической компании (основана в 1934 г.) и Маньчжурской Ялунцзянской ГЭС (1937 г.).

Локализация энергетических объектов в Ляонине — факт объяснимый, поскольку энергоемкие предприятия Маньчжоу-го, к которым прежде всего необходимо отнести металлургические комбинаты в Аньшане и Бэньси, а также алюминиевый завод в Фушуне, требовали большого количества энергии. Помимо ГЭС продолжали строиться электростанции на угле. В первые годы существования Маньчжоу-го установленная мощность электростанций Фушуньского угольного разреза составляла 810 тыс., в 1941 г. — 1,1 млн, а в 1945 г. — 2,85 млн кВт. Кроме того, началось активное строительство гидростанций: Фэнмань на р. Сунгари, Цзинпоху на Муданьцзяне, Шуйфэн на пограничной Ялуцзян. Фэнманьская ГЭС по уровню технического оснащения и планируемому японцами масштабам строительства должна была быть самой современной для того периода, к 1945 г. было введено в строй 6 энергоблоков, а 7-й был установлен с советской помощью уже после образования КНР.

Помимо электростанций строились ЛЭП и системы преобразования высокочастотной электроэнергии. В 1943 г. строятся ЛЭП от Фэнманьской ГЭС до Чанчуня и Харбина, а в 1944 г. — до Шэньяня²⁰.

Можно сказать, что японское энергетическое строительство сделало значительный прорыв в электрификации северо-восточного Китая. Так, в 1932 г. генерирующие мощности региона составляли лишь 500 тыс. кВт, в 1936 г. — 1,3 млн кВт, а в 1944 г. — 4,18 млн кВт. При этом от 73 до 86 % производимых мощностей приходилось на Ляонин²¹.

В заключение следует отметить, что после 1931 г. на территории северо-востока Китая Япония проводила колониальную экономическую политику, которая выражалась в следующем: «промышленность — в Японии, сырье — из Маньчжурии»,

в связи с чем в Дунбэе быстрыми темпами стали развиваться сырьевые отрасли. Получила развитие горнодобывающая, металлургическая и химическая, а также ряд других сырьевых отраслей промышленности. Именно в них осуществлялся резкий приток японского капитала. До 1931 г. горнодобывающая промышленность была представлена пятью предприятиями с общим объемом вложенного капитала порядка 200 тыс. юаней, в период 1937—1941 гг. было построено 47 новых предприятий. В металлургии до 1931 г. работало три предприятия, а к 1941 г. всего за пять лет их было построено 31; в химической промышленности количество предприятий за рассматриваемый период увеличилось с 2 до 84 (рис. 6).

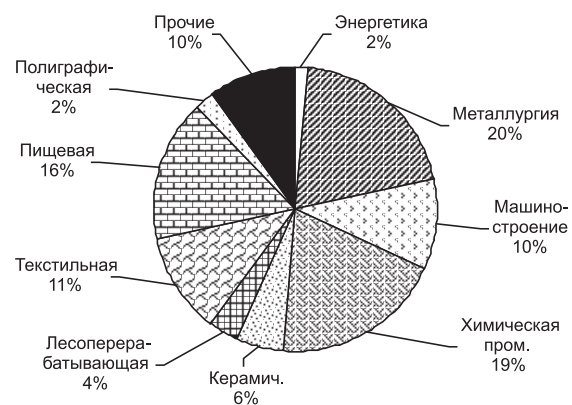

Рис. 6. Структура валового выпуска продукции по отраслям за 1940 г.

Источник: URL: http://web.iss.u-tokyo.ac.jp/kyoten/research/ch.5_minetsuyoshi.pdf.

В связи с подготовкой к войне Японии требовалась внушительная промышленная база. Так, Япония создает значительные мощности тяжелой индустрии на северо-востоке Китая, следствием чего явилась стремительная трансформация промышленной структуры региона. Она в свою очередь привела к функциональным сдвигам: так, если ранее регион был всекитайской и даже мировой базой производства ряда сельхозпродуктов, то в ходе произошедших изменений он стал выполнять новую для

него функцию тыловой базы японской агрессивной администрации. На этом этапе в фокусе внимания японских предпринимателей оказалось освоение минеральных ресурсов региона (добыча угля и железной руды), и доминирующими стали ресурсоемкие и трудоемкие отрасли²².

Примечания

¹ Цзиньдай Дунбэй ганбу цзинци цюй дэ синчэн гочэн юй кунцзянь гэцзюй : [Процесс формирования современных портовых экономических зон северо-востока Китая и пространственная структура] // Шисюе юекан. 2012. № 7.

² URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-211838.html>

³ Там же.

⁴ Дунбэй дицхой чжэньсин юй кэчисюй фачжэнь чжэньлюе яньцзю : [Исследование стратегии устойчивого развития и активизация Дунбэя]. Пекин: The Commercial Press, 2006.

⁵ Мукденский инцидент, инцидент 18 сентября — подрыв железной дороги около Мукдена (ныне — г. Шэньян) и последовавшее за этим наступление Квантунской армии Японии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁶ Суй До, Чжэнь Чэньминь, Синь Юцай. 2004 Чжунго цюйюй цзинци фачжэнь баогао — Дунбэй лао гунэ цзиди фусин яньцзю : [2004 Доклад о региональном развитии Китая — исследование по возрождению старой промышленной базы Дунбэя]. Шанхай: Хунци чубаньшэ. 2004.

⁷ URL: http://www.360doc.com/content/10/1229/10/1531380_82244762.shtml

⁸ URL: <http://www.docme.ru/doc/58827/razvitie-e-konomiki-yaponii-v-me-zhvoennyj-period--1918-1939gg.->

⁹ URL: <http://house.focus.cn/msgview/40/25577956.html>

¹⁰ URL: http://www.360doc.com/content/10/1229/10/1531380_82244762.shtml

¹¹ Manchuria Daily News. 18.09.1933.

¹² URL: http://www.360doc.com/content/12/1014/23/2799607_241510338.shtml

¹³ Суй До, Чжэнь Чэньминь, Синь Юцай. Op. cit.

¹⁴ URL: http://www.360doc.com/content/10/1229/10/1531380_82244762.shtml

¹⁵ URL: http://www.jl.xinhuanet.com/xhsjzkl/2003/2003-10/13/content_1047425.htm

¹⁶ URL: <http://minguo.topnews9.com/html/roc//20121018/14360.html>

¹⁷ URL: <http://bbs.whu.edu.cn/wForum/boardcon.php?bid=85&id=1103392286&ftype=3>

¹⁸ Ши Цин. Жибэнь Гуаньдунцюнь цинь Хуа цуйэ ши, Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ : [История преступлений японской Квантунской армии, вторгшейся в Китай]. Пекин: Изд-во КАОН. 2005.

¹⁹ Суй До, Чжэнь Чэньминь, Синь Юцай. Ор. cit.

²⁰ Ши Цин. Ор. cit.

²¹ Жибэнь люедо Чжунго Дунбэй цзыюань ши : [История ограбления Японией ресурсов китайского северо-востока Китая]. Далянь: Далянь чубаньшэ. 1996.

²² Лю Ян, Цзинь Фэнцзюнь. Дунбэй дищой чанье цзегоу яньбянь дэ лиши луцзин юй цзили : [Исторический путь и механизм эволюции промышленной структуры Дунбэя] // Цзинци дили. 2009. № 3.

Г.И. Саркисова*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НА КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в., связанной с назначением пограничных комиссаров и наблюдением за ними. Работа основана на архивных материалах.

Ключевые слова: пограничный комиссар; Коллегия иностранных дел; Кяхтинский договор; С.Л. Владиславич-Рагузинский; С.Ф. Власов; А.И. Соколов.

Кяхтинский договор (21 октября 1727 г.), оставшийся вплоть до середины XIX в. правовой основой взаимоотношений России с Китаем, определил линию прохождения российско-китайской границы, условия двусторонней торговли и мирного разрешения местных пограничных споров. Вслед за его подписанием для управления пограничными делами в России было создано специальное учреждение: Пограничная канцелярия (Канцелярия пограничных дел). Ей предписывалось «хра-

* Саркисова Галина Ивановна, к. и. н., в. н. с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН.

нить мир и союз для продолжения обоюдной торговли, пресекать все пограничные злоупотребления, не допускать перехода людей, а также скота через границу; перебежчиков и воров отыскивать и поступать с ними по положению договора 1727 г., не допускать торговли недозволенными товарами, тайного обмена»¹. Русские пограничные комиссары улаживали повседневные пограничные дела с представителем ургинской администрации — дзаргучеем², «время от времени проводили совместные заседания, на которых рассматривались вопросы о торговле, перебежчиках, угоне скота и др.»³.

За исключением «Исторической записки о китайской границе, составленной советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г.»⁴ (на основе исторических документов), в историографии отсутствуют работы, посвященные исследованию вопросов управления пограничными делами на российско-китайской границе в XVIII в. Отдельные упоминания о деятельности пограничных комиссаров встречаются в работах по истории русско-китайских отношений⁵ и в комментариях к документам⁶. Интересные факты, почерпнутые как из архивных материалов, так и из трудов других исследователей, содержатся в работе С.А. Гурулева о создании и обустройстве российско-китайской границы в первой половине XIX в.⁷ Более подробно остановился на деятельности Пограничной канцелярии и пограничных комиссаров в XVIII в. Ш.Б. Чимитдоржиев в монографии «Россия и Монголия». Однако следует отметить, что в историографии не представлено последовательное и основанное на конкретных архивных материалах отражение деятельности пограничных комиссаров в XVIII в. Вместе с тем их деятельность и деятельность Коллегии иностранных дел (КИД), назначавшей пограничных комиссаров и наблюдавшей за ними, была одной из составляющих истории русско-китайских отношений в XVIII в. Она достаточно ярко отражена в архивных документах, хранящихся, в частности, в фонде «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и заслуживает несомненного внимания и изучения.

Важную роль в подготовке и подписании Кяхтинского договора сыграл опытный дипломат петровской эпохи действитель-

ный статский советник Иллирийский граф С.Л. Владиславич-Рагузинский (1669—1738), направленный в Пекин во главе посольства в августе 1725 г. в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. В ходе длительных и сложных переговоров, а также после их завершения и подписания Кяхтинского договора С.Л. Владиславич-Рагузинский уделял много внимания укреплению новой границы.

Согласно сведениям Г.А. Сычевского, кяхтинский пост, где по Договору находилось торговое место для подданных двух империй, был доверен им капитану Ф. Княгинкину, а «пограничные маяки и наблюдение за переходом за границу скота и людей было вверено бурятам и селенгинским служилым людям»⁸. На китайской границе на протяжении более трех тысяч верст было установлено 30 караулов. Главный надзор за ними по распоряжению С.Л. Владиславича-Рагузинского осуществляли селенгинский дворянин Григорий Фирсов и толмач Степан Кобей (восточная линия от Кяхты до р. Аргунь), Анисим Михалев и толмач Григорий Волгарь (западная линия от Кяхты до Шабина-Дабага)⁹. Назначенные пограничные дозорщики находились вначале в подчинении посланника, а с июня 1728 г. — в подчинении полковника И.Д. Бухольца (1673 — ок. 1742), которого С.Л. Владиславич-Рагузинский после своего отъезда оставил генеральным пограничным управителем «до указа», поскольку «полковник Бухольц в таком деле мало искусен и существенно старинного нрава». В одной из своих реляций С.Л. Владиславич-Рагузинский объяснил вынужденность этого назначения отсутствием других кандидатур¹⁰. В 1731 г. И.Д. Бухольц стал также комендантом Селенгинска и получил чин бригадира.

Заботясь о поддержании достигнутого мира и порядка и недопустимости того, что могло бы привести к нарушению Кяхтинского трактата, С.Л. Владиславич-Рагузинский в июне 1728 г. оставил капитану Ф. Княгинкину, полковнику И.Д. Бухольцу и пограничным дозорщикам подробные инструкции¹¹. Эти документы наряду с другими (указами, инструкциями и письмами), составленными С.Л. Владиславичем-Рагузинским для чинов сибирской администрации по пограничным вопросам, были объединены им в Тобольске в единый свод под названием «Погра-

ничное определение», копия которого 17 сентября 1728 г. была представлена в Сибирскую губернскую канцелярию¹².

В 1740 г., в связи с отставкой И.Д. Бухольца, на должность селенгинского коменданта и генерального пограничного управителя был назначен В.В. Якоби¹³, исполнявший возложенные на него обязанности до 1769 г. Основное значение деятельности генеральных пограничных управителей в соответствии с инструкцией С.Л. Владиславича-Рагузинского полковнику И.Д. Бухольцу состояло в том, «дабы двору китайскому не дать причины к разорванию мира, нарушению корреспонденции и остановке коммерции, к испровержению границы, которая в сем деле главнейшая»¹⁴. В 1744 г. для укрепления границы и предотвращения тайного провоза товаров русским правительством было принято решение «о создании между Чикоем и Селенгой рва и надолбов»¹⁵. Однако цинская сторона не признала некоторые пограничные надолбы в районе Кяхты и потребовала их переноса. По ее мнению, деревянные надолбы между Бургутейским и Орхотуйским хребтами «в некоторых местах огородили к себе наши земли, а на Бицикту Хошегском хрепте захватили наш караульный маяк и отрезали у наших караульных дорогу»¹⁶. Бригадир В.В. Якоби в своих письмах «мунгальским управителям» доказывал, что «те надолбы строились подлинно по российской земле с маяку на маяк прямою линиею, и уступя еще от маяков в российскую сторону по несколько десятков сажен, так что маяки (точную границу означающие) за надолбами уже в вашей стороне не остались, и таким образом нимало вашей земли в российскую сторону не захвачено...»¹⁷. Во время российско-китайских пограничных переговоров 1768 г. полномочный комиссар полковник И.И. Кропотов¹⁸ на основании тщательной проверки установил, «что из построенных по границе надолб в двух местах поставлены они на Китайской земле. В одном к востоку от крайней к полудню (т. е. к югу. — Г.С.) Бургутейской сопки до первых маяков, в другом к западу от Тымынь Кудзуина до самого конца Бичикту Хошегу»¹⁹. Вследствие этого требования китайской стороны о ликвидации надолбов были удовлетворены. В ходе переговоров полномочный комиссар И. Кропотов вел постоянную переписку и виделся с селенгинским комендантом В.В. Якоби, с

которым встречался еще во время своей поездки в Пекин в 1763 г. Однако впечатления полномочного комиссара от последней встречи оказались не в пользу В.В. Якоби. И. Кропотов обратил внимание на то, что тому уже недостает «сил ни телесных, ни душевных», и «он потерял уже прежнюю репутацию не токмо в китайской, но и в нашей стороне»²⁰. Полной противоположностью селенгинскому коменданту был иркутский губернатор А.И. Бриль²¹. По словам И. Кропотова, он «нашел в нем пречестнейшего человека и прилежного губернатора». Это дало основание полномочному комиссару в письме Н.И. Панину²² высказать предложение о передаче военных и пограничных дел иркутскому губернатору во избежание недоразумений с китайской стороны, которая не могла терпеть имени В. Якоби «без упреkania»²³. 28 января 1770 г. в рескрипте императрицы Екатерины II иркутскому губернатору А.И. Брилю сообщалось о том, что «генерал-майор Якобий в разсуждении его старости отставлен от воинской и статской службы нашей с награждением за долговременную и безпорочную его службу чина нашего генерала-поручика»²⁴. В связи с этим иркутскому губернатору поручалось немедленно выбрать из находившихся в его команде штаб-офицеров «способнаго ко исправлению той должности», и дать ему от себя необходимые наставления. Суть их состояла в том, чтобы преемник генерал-майора В.В. Якоби принял в Селенгинске все бывшие «до пограничности касающиеся дела», а также прочитал и понял старые и новые договоры с китайской стороны «как главнейшее для него к точному исполнению вверяемой ему важной должности и соблюдению соседственной дружбы и пограничной тишины руководство». Помимо этого, новому пограничному комиссару (в рескрипте он назывался пограничным командиром) необходимо было ознакомиться с инструкциями и указами, присланными из Коллегии иностранных дел²⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что в императорском рескрипте полностью отдавался отчет в том, что назначение на генеральскую должность пограничного комиссара меньшего звания могло привести к осложнению отношений с китайской стороной, которая «по известной гордости» вряд ли захотела бы «вступить в прямую по пограничным делам корреспонденцию» с человеком,

не имеющим генеральского чина. В связи с этим иркутскому губернатору А.И. Брилю поручалась «главнейшая» над пограничным комиссаром «дирекция» и переписка с ургинскими пограничными управителями. Их, как предписывалось рескриптом, предстояло уведомить о подчинении пограничной команды иркутскому губернатору и назначении нового пограничного комиссара²⁶.

Следует отметить, что недовольство китайской стороны как генеральным пограничным управителем, так и пограничным комиссаром было, скорее, правилом, чем исключением. При этом статус пограничного комиссара играл, несомненно, не последнюю роль в формировании уважительного отношения к нему цинских властей. Если бригадиры И.Д. Бухольц и В.В. Якоби в должности генеральных пограничных управителей дослужились до пенсии, то служебная карьера преемника В.В. Якоби пограничного комиссара премьер-майора С. Власова не без участия китайской администрации сложилась иным образом. Семен Федорович Власов приступил к службе, по всей видимости, в начале 1740-х годов²⁷. В 1768 г. он, уже секунд-майор Якутского карабинерного полка, принимал участие в российско-китайских пограничных переговорах, привлек к себе внимание полковника И. Кропотова редкими достоинствами²⁸ и был рекомендован им на должность директора Петропавловской пограничной таможни и директора намечавшегося к отправлению в Пекин казенного каравана²⁹. После смерти полковника И. Кропотова в 1769 г. иркутский губернатор генерал-майор А.И. Бриль по «высочайшей апробации» принял коммерческие и таможенные дела, поруча их «производству» уже и так занимавшемуся ими секунд-майору Власову³⁰. 9 августа 1770 г. А.И. Бриль, отметив верную службу и старание С. Власова, на которого он возложил еще и пограничные дела, рекомендовал в своем доношении Коллегии иностранных дел наградить премьер-майора³¹, помимо получаемого им жалованья³². Расширение полномочий премьер-майора С. Власова иркутский губернатор объяснял следующим образом: «...Бывши в Троицкой крепостце директором, яко по близости границы, и больше о нужных заграничных надобностях сведом быть может, да и в случающихся между обоих госу-

дарств каких-нибудь спорах решение (как самолично усмотренное) скорее делать должен»³³. Однако возросшие обязанности С. Власова привели не к увеличению его жалованья, а к ухудшению здоровья. «Болезнь моя, умножившаяся с 69 г. от здешних должностей, — писал он в письме графу Н.И. Панину, — была необходимою»³⁴. Эта болезнь вместе с конкретными обстоятельствами, о которых С. Власов поведал Н.И. Панину, явилась поводом для подачи прошения об увольнении «до выздоровленья». «Здешнее пограничное и коммерческое состояние, умалчивая о других делах, от часу становится хуже, — объяснял С. Власов, — а притом не из последних попечений быть должно, чтоб и бурятов не потерять, которым только что один шаг переступить»³⁵. Почему и опасуюсь я, чтоб иногда не пострадать мне безвинно, тем больше, что я, числясь находившимся при обоих сих должностях, но в самом деле коммерческая еще в 71-м г. таможенным директором Непряхиным отнята, а и при пограничной больше видом, нежели делом. Как я ни мал, но когда не дают служить хорошо, то с противным тому состоянием служить не смею и не хочу»³⁶. Письмо графу Панину было написано Власовым 29 ноября 1772 г. К нему «в запас» была приложена челобитная императрице Екатерине II с просьбой об его «прошении решение учинить»³⁷. В челобитной отсутствовали изложенные в письме подробности служебных неприятностей пограничного комиссара Власова. Объяснение одной из них, в сфере коммерческой деятельности, связанной с именем таможенного директора П. Непряхина, содержалось в «мнении» Коллегии иностранных дел, присланном Панину также в 1772 г. Несмотря на то, что премьер-майор Власов был рекомендован на занимаемую им должность таможенного директора полковником Кропотовым и иркутским губернатором Брилем, согласно «мнению» КИД, «Правительствующий сенат, ведая все оные рекомендации, определил однако в 1770-м году в директора туда асессора Непряхина, бывшего своего секретаря, больше в разсуждении о том, что Власов не выключен был, как ныне, из полку и еще назначен был от Кропотова директором каравана, отправляемого в Пекин»³⁸. Однако, учитывая «сильное губернаторское об нем заступление и представление», «мнение» отразило готовность КИД к

тому, «чтоб Власов точным директором определен был, а сверх того по губернаторскому представлению сделать тому Власову награждение додачею жалованья». На рассмотрение губернатора отдавалось решение вопроса о дальнейшей службе ассессора П. Непряхина: он мог быть определен к другой должности в той же губернии «с подлежащим по чину его жалованьем»³⁹.

В исследованном корпусе архивных материалов отсутствуют документы, являющиеся непосредственным ответом на прошение С. Власова о временной отставке, зато обращают на себя внимание китайские листы в Сенат, выражающие недовольство его деятельностью и требующие замены Власова на майора «исправного и доброго»⁴⁰. По всей видимости, китайскую сторону не устраивала бескомпромиссность российского пограничного комиссара в решении разнообразных пограничных споров по поводу перебежчиков, кражи скота и лошадей и др. В результате цинские власти потребовали замены не только С. Власова, но и вставшего на его защиту иркутского губернатора бригадира Ф.Г. Немцова⁴¹, заявив, что с ними «пограничные дела исправлять трудно»⁴². По приказанию китайского императора в 1778 г. была приостановлена российско-китайская торговля в Кяхте и отозваны оттуда китайские купцы. 31 января 1779 г. Правительствующий сенат в листе, направленном в Лифаньюань⁴³, сообщил о том, что еще до получения китайского листа о недовольстве бригадиром Ф.Г. Немцовым, временно исполнявшим обязанности иркутского губернатора, на его место был назначен новый губернатор генерал-майор Ф.Н. Кличка⁴⁴, которому были вверены все пограничные дела и сделано императорское наставление «разбирать все пограничные споры по сути справедливости и без всякаго пристрастия или похлебства здешним поданным». В российском листе также выражалась надежда на то, что и китайские «пограничные командиры», по распоряжению своего императора, будут «способствовать по возможности восстановлению, сохранению и приращению взаимной торговле, не прерывая и не пресекая ее собою ни под каким предлогом...»⁴⁵.

Что же касается майора Власова, то о нем и его деятельности вновь упоминается в 1779 г. в листе, присланном из Лифаньюаня в Правительствующий сенат. Здесь речь идет о пограничном

инциденте, в котором пограничный комиссар С. Власов в соответствии с инструкцией, данной полковнику И.Д. Бухольцу⁴⁶, не пропустил китайских курьеров с листом в Правительствующий сенат. Причиной тому явилось отсутствие у них паспортов, необходимость которых была закреплена в одном из пунктов Кяхтинского договора («для коммуникации между обоими империями печатные пашпорты весьма нужны суть») ⁴⁷. Тем не менее китайская сторона осудила действия российского пограничного комиссара, заявляя, «что майор ваш поступил своеволью не по трактату от своего неразумия»⁴⁸. «По сему трактатному положению наши пограничные начальники, — противопоставлялось в китайском листе, — на сих стольких годах присланных с вашей стороны людей принимали, как скоро они приезжали к ним, и, увидя, что имеют с собою сенатския листы, доставляли их сюда на готовых подводах и пище со всяким благопризрением. Не было раза никогда, чтобы слагая на то, что не имеют при себе паспортов губернаторских, могли, хотя мало, их обидить и остановать, как майор ваш...»⁴⁹. В итоге китайская сторона пришла к заключению о том, что «на такая мысли» майора Власова «нарочно наставили» Сенат и губернатор⁵⁰. Для сохранения «мирного согласия» российская сторона была вынуждена решать вопрос о дальнейшей судьбе пограничного комиссара. 25 ноября 1779 г. последовал указ Правительствующего сената КИД о том, что «назначение на место пример-майора Власова достойного преемника сходственнее учинить самой Коллегии иностранных дел, и так всемерно нужно, чтоб Коллегия к толь важному посту представила от себя способного и надежного человека, тем более, что с оным местом сопряжены многия политических дел знания»⁵¹.

В феврале 1780 г. в докладе императрице Екатерине II Коллегия иностранных дел попыталась установить причины обострения отношений с китайской пограничной администрацией. Одна из них состояла в том, что после смерти ведавшего пограничными делами монгольского тушету-хана⁵², человека престарелого и, по мнению КИД, весьма умеренного, сговорчивого и снисходительного, пограничные дела перешли в ведомство китайских чиновников, присылавшихся из Пекина и «заражен-

ных» «высокомерными мечтаниями»⁵³. Другой повод, возбудивший «китайцов к негодованию», Коллегия усмотрела в отдаленном от границ пребывании иркутского губернатора, на попечении которого находилось управление пограничных дел с китайцами⁵⁴. По причине географической изоляции иркутского губернатора и от пограничного комиссара С. Власова, «особливо же при переездах чрез великое озеро Байкал, не всегда к тому удобное», возникали проблемы в их переписке «с потерянением времени». Кроме того, к числу важных обстоятельств, «кои могли произвести некоторые неудобства ко внушению китайцам дурных понятий и о всем пограничном устройении», КИД отнесла «малочинодность» майора Власова, не соразмерную с тем уважением, которое соответствовало его служебному положению⁵⁵.

Занявший в 1779 г. пост иркутского губернатора Ф.Н. Кличка вынужден был премьер-майора Власова «отлучить от его должности» и перевести в Троицко-Савскую крепость. Он с сожалением доносил в Коллегию иностранных дел о том, что не надеется найти на место Власова другого такого человека «во всей порученной ему губернии»⁵⁶. Однако и КИД в докладе императрице признала, что «в своем стате никого к тамошним делам привычного не имеет». Исключение представлял переводчик китайского и маньчжурского языков надворный советник А.Л. Леонтьев⁵⁷. Но он был необходим для работы в самой Коллегии⁵⁸. В связи с этим КИД выразила надежду на получение Сенатом высочайшего императорского повеления о представлении им нескольких кандидатур 5-го и 6-го классов, находившихся «не у дел», но желавших получить место и должность. Высочайший выбор «достойного» предстояло сделать из этих кандидатур и, назвав «главным пограничным комиссаром с поручением ему в надзирание и таможи тамошней», передать в подчинение иркутскому губернатору или возвратиться к прежнему порядку: поручить пограничные дела и таможду селенгинскому коменданту⁵⁹. Коллегия иностранных дел, принимая любое высочайшее решение по этому вопросу, сочла необходимым довести до сведения императрицы свои соображения по укреплению статуса пограничного комиссара. Человек, который

получит эту должность, «кажется, будет достоин в поощрение и награду его трудов особенной монаршей щедроты относительно к его содержанию, — по мнению Коллегии, — и в случае отправления его отсюда и в разсуждении снабдения на проезд, равно как нечто и на чрезвычайные расходы для разведывания заграничных произхождений, для угощения и приласкания тамошних людей и открытия и заведения знакомства, а, может быть, и дружбы и с самыми начальниками, некоторую, хотя и умеренную сумму на первой случай, по меньшей мере до 1000 рублей, также определить небезнужно, в употреблении которой губернатору иркутскому и отчет даван быть может по прошествии каждого года»⁶⁰.

Пока шла переписка о выборе кандидатуры на место премьер-майора Власова, январским императорским указом 1779 г., как уже отмечалось, иркутский губернатор генерал-майор Ф.Н. Кличка был назначен «главным пограничным командиром»⁶¹. А 6 августа 1782 г. умер премьер-майор С.Ф. Власов, его должность иркутский губернатор поручил «по необходимости» селенгинскому комиссару коллежскому асессору Шатилову⁶². Доступные на данный момент архивные сведения о пограничном комиссаре С.Ф. Власове находятся в противоречии с теми, которые приведены А.Н. Халетским в «Энциклопедии Забайкалья». Здесь пограничным комиссаром и начальником Пограничной канцелярии назван Власов Осип Федорович (ок. 1737 — ок. 1815). Совпадение фамилии и отчества не согласуется с другими уже известными фактами и датами из жизни Семена Власова, служба которого также не была связана с Нерчинском, занятиями ботаникой и исследованием Забайкалья. Тем не менее нельзя исключить, что подобное переплетение биографических данных является следствием родственной близости этих людей с одинаковым отчеством⁶³. Итогом служебной деятельности С. Власова были лишь положительные отзывы о ней, а все ходатайства о повышении его в чине⁶⁴ и вознаграждении⁶⁵ остались без внимания. Однако КИД все же учла доводы иркутских губернаторов, приведенные в их доношениях в разное время, и в выборе достойной замены майору Власову исходила уже из представлений об особой значимости занимавшейся им должности,

что заслуживало поощрения особенными выгодами как из-за отдаленности места службы, так и «важности комиссии»⁶⁶.

В 1792 г. 8 февраля между Россией и Китаем был подписан Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме. Этот документ отразил изменения, происшедшие в отношениях двух сторон с момента заключения Кяхтинского договора, и стал необходимым дополнением к нему⁶⁷. В соответствии с актом «для решения пограничных дел с заргучеем и дзасаком», представлявших интересы китайской стороны, предполагалось определять на границу с российской стороны «начальников добрых и искусных, имеющих степени подполковников и майоров»⁶⁸. Выбор кандидатуры на эту должность затянулся на несколько лет. Только 29 августа 1800 г. указом императора Павла I⁶⁹ надворный советник А.И. Соколов был отправлен в Кяхту «к разбору и разсматриванию пограничных дел». Ему было назначено жалование в размере 750 рублей в год из доходов Иркутской губернии⁷⁰. История этого назначения свидетельствует о его неслучайности и продуманности.

В 1779 г. в деловой переписке обсуждалась кандидатура «ученика китайского и маньчжурского языков» А. Соколова на должность переводчика при Кяхтинской пограничной таможене. За прилежное обучение этим языкам у секретаря Коллегии А. Леонтьева он получил чин актуариуса⁷¹ и в соответствии с императорским указом от 24 января 1779 г. был направлен «к иркутскому губернатору генерал-майору Кличке для употребления при нем к переводам по пограничным тамошним делам»⁷². В 1781 г. состоялась поездка А. Соколова в Пекин с 7-й духовной миссией. Во время продвижения по территории Северной Монголии («тушету ханского владения») он «делал примечания положением мест, течением рек, образу жизни сего народа» с целью создания географической карты. Однако собранного в той поездке материала оказалось недостаточно для осуществления его замысла⁷³. Тем не менее в 1783 г. А. Соколов предоставил иркутскому губернатору Ф.Н. Кличке географическую карту «великой китайской стены с прикосновенными ей провинциями и части мунгальских владений». Эта карта, по распоряжению императрицы Екатерины II, была передана Президенту АН княгине

Е.Р. Дашковой, а Соколов получил чин переводчика КИД и вознаграждение в размере 1000 рублей⁷⁴. В 1793 г. иркутский и колыванский генерал-губернатор И.А. Пиль, выполняя запрос КИД о направлении переводчика китайского и маньчжурского языков для работы в ней, отослал в Санкт-Петербург А. Соколова «по неимению в нем при Кяхте никакой надобности»⁷⁵. Однако в 1794 г. Соколов вновь вернулся в Кяхту, получив разрешение на сопровождение в Пекин 8-й духовной миссии и имея цель «оказать желаемую отечеству услугу» по окончательному сбору материала для составления географической карты. К сожалению, он не застал в Кяхте членов духовной миссии, которая была отправлена за границу недели за две до его приезда⁷⁶. В течение еще трех лет А. Соколов находился в Кяхте. А в 1798 г. он направил в КИД доношение с просьбой о новом назначении его в Кяхту в соответствии с заключенным в 1792 г. русско-китайским актом. Обосновывая свою просьбу, Соколов напомнил о том, что в течение 20 лет он находился в Иркутске и Кяхте «у переводов с маньчжурского языка и у исправления пограничных дел». В результате этого он «приобрел о делах онаго рода довольно знание и пристойное к сему званию сведение с познанием тамошних обычаев и языков». Подобные навыки отсутствовали у тех людей, как правило штаб-офицеров, которых направляла от случая к случаю по необходимости Троицкосавская пограничная канцелярия для решения пограничных дел с китайским дзргучеем. И они, по словам Соколова, «невинным образом» могли подать «повод к нареканию от китайцев с убытком наших подданных, до коих решение тех дел касаться может». Эти доводы не были лишены оснований, и подтверждением их в какой-то степени была история, связанная с премьер-майором С. Власовым. А 20-летний опыт дипломатической работы переводчика Соколова, уже знавшего и направившего в КИД свою записку о том, «в чем же состоит должность пребывающего в Маймачинах китайского джаргучия»⁷⁷, мог быть использован «для вящего утверждения существующей доброй с Китайским государством соседственной дружбы и мирнаго согласия»⁷⁸.

Вслед за доношением А. Соколова и в его поддержку в 1798 г. действительный статский советник (д. с. с.) Азиатского

департамента⁷⁹ С.Л. Лашкарев⁸⁰ подал записку «высокому министерству» «о определении коллежского ассессора Соколова к рассмотрению пограничных дел в Кяхте»⁸¹. В ней он выразил мнение о целесообразности такого назначения из числа людей не военных, а штатских, «яко более к сему служению способных, каковых и китайское правительство определять за правило у себя имеет». С точки зрения Лашкарева, ассессор Соколов, долгое время служивший на границе, бывавший в Пекине, знавший китайский язык и сам изъявивший желание к службе в Кяхте по рассмотрению пограничных дел, как нельзя лучше подходил на эту должность, где мог быть гораздо полезнее для «интересов государственного служения», нежели при переводах в самой Коллегии. «Да и кто, кроме его, — по заключению Лашкарева, — способнее и пристойнее оное место занять может?»⁸² Несмотря на ходатайство С.Л. Лашкарева, вопрос о данном назначении не был решен и в 1799 г., поскольку в октябре этого года А. Соколов написал своему «благодетелю» полное отчаяния письмо. В нем он поведал о крайне бедственном материальном положении, в котором оказался в результате неоднократных переездов из Кяхты в Санкт-Петербург, когда вынужден был «продать за безденюк дом и все имевшееся при нем, приобретенное единственно из получаемого жалованья» и задолжал до 1000 рублей. Готовясь к несостоявшейся поездке в Пекин, Соколов закупил все необходимое на свои деньги, а при возвращении в Санкт-Петербург распродал с убытком. Надежды на улучшение своего материального состояния Соколов связывал с удовлетворением прошения о его назначении в Кяхту с оставлением места в ведомстве Коллегии иностранных дел⁸³. Помимо письма С.Л. Лашкареву Соколов направил прошение аналогичного содержания в Азиатский департамент КИД⁸⁴, а покровительствующий ему Лашкарев — еще одну, более подробную, записку министерству (октябрь 1799 г.)⁸⁵. Итогом всей этой деятельности и стал уже упоминавшийся указ императора Павла I о назначении А. Соколова в Кяхту для ведения пограничных дел.

Следует отметить, что Азиатский департамент тщательно подготовил документацию для предстоящей миссии. С.Л. Лашкарев 24 сентября 1800 г. сделал запрос в Московский архив

КИД на ряд документов. Директор архива Н.Н. Бантыш-Каменский в ответ на запрос прислал: 1) «три грамоты или патенты в копиях, данные живущим в Сибири мунгальским владельцам, и 2) выписку из инструкций, данных от графа Владиславича разным в Сибири чиновникам, как им поступать в пограничных делах»⁸⁶. В составленном для А.И. Соколова наставлении в 9-м пункте рекомендовалось «с именуемым братским иноверным народом, российским подданным, поступать по силе данной со времен графа Владиславича инструкции». В исполнении пограничных дел, в соответствии с наставлением, главным руководством должен был стать Кяхтинский трактат с принятыми к нему дополнениями в 1768 и 1792 гг. Наставление, четко определив позицию А. Соколова в отношении торговли («распоряжение торговли до вас не касающееся»), предполагало использовать его опыт пребывания в Китае. Оно предписывало надворному советнику Соколову давать рекомендации обратившимся за советом кяхтинским купцам и «разрешать затруднения их нужными по знанию тамошних продуктов цене, обычаев и нравов объяснениями»⁸⁷. 17 июня 1801 г. уже из Кяхтинского форпоста он отправил в КИД рапорт о вступлении в должность, принятии пограничных дел и выполнении 7-го пункта полученного им наставления, предписывавшего «как пограничным комиссарам, так и дистанчным начальникам»⁸⁸ дать в руководство нужные наставления»⁸⁹. Их копии⁹⁰ вместе со списком с инструкции графа Владиславича-Рагузинского «касательно до поступления с иноверцами»⁹¹ были приложены к рапорту. В заключении рапорта надворный советник А.И. Соколов известил Коллегию о том, «что по границе во всех дистанциях, как видно из полученных рапортов, обстоит во всем благополучно»⁹². А.И. Соколов оставался на этой должности до февраля 1806 г., когда на его место был назначен коллежский ассессор Пограничной канцелярии в Троицкосавске П.А. Измайлов⁹³, чин которого был также гражданским и соответствовал 8-му классу по табели о рангах дореволюционной России.

Таким образом, изучение истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в. в аспекте деятельности пограничных комиссаров и назначавшей их Коллегии иностран-

ных дел привело к следующим результатам. Архивные материалы отразили постепенное накопление Коллегией опыта в организации пограничных дел: развитие ее представлений о структуре пограничного управления (от генеральных пограничных управителей в лице селенгинских комендантов к пограничным комиссарам, территориально разобщенным с контролировавшим их иркутским губернатором, и к уполномоченным по рассмотрению пограничных дел в Кяхте) и процесс формирования необходимых критериев отбора кандидатур на должность пограничных комиссаров. Этому способствовало как отношение китайской стороны к российским пограничным комиссарам, малочисленность которых не вызывала ее уважения, так и осмысление самой КИД особой значимости должности пограничного комиссара. Поскольку «дипломатия, — по заключению С.О. Шмидта, — прежде всего сфера культуры — культуры общения и взаимопонимания, культуры освоения знаний и применения их»⁹⁴, назначение на ведение пограничных дел надворного советника после ряда военных пограничных комиссаров явилось продуманным шагом КИД на пути сохранения и поддержания «мирного согласия» с Цинской империей.

Примечания

¹ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 89.

² По сведениям Ш.Б. Чимитдоржиева, «дзаргучей — начальник пограничных служб и караулов». Там же. С. 222.

³ Там же. С. 89—90.

⁴ Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете 1875 года. Кн. 2. М., 1875.

⁵ Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепропетровск. 1929; *Беспозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII в. — середина XIX в. Хабаровск. 1986; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. М. 1996.

⁶ Русско-китайские отношения в XVIII в. 1725—1727. Материалы и документы. Т. 2. М. 1990. (Далее: РКО в XVIII в.). РКО в XVIII в. 1727—1729. Документы и материалы. Т. 3. М. 2006.

⁷ Гурулев С.А. Создание и обустройство российско-китайской границы в первой половине 19 века. Пограничный дозор // <http://pribalkal.ru/more/articale/13104.html?>

⁸ Сычевский Г.А. Указ. соч. С. 20.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. к док. № 10. С. 448.

¹¹ Сычевский Г.А. Указ.соч. С. 27—56. РКО в XVIII в. Т. 3. С. 297—325.

¹² РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. к док. № 114. С. 486—487.

¹³ Якоби (Якобий) Варфоломей Валентинович (1693—1769) в сентябре 1768 г. подал прошение об отставке и в 1769 г. был уволен со службы в чине генерал-поручика и награжден пенсией. Скончался в Селенгинске 12 декабря 1769 г.

¹⁴ Сычевский Г.А. Указ.соч. С. 57.

¹⁵ Гурулев С.А. Указ. соч.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768 г. Д. 2. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 15 об.

¹⁸ О нем более подробно см.: *Саркисова Г.И.* Миссия российского курьера И.И. Кропотова в Пекин в 1762—1763 гг. (Архивные материалы) // Восток — Россия — Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М. 2001. С. 94—111; *Саркисова Г.И.* Пограничные русско-китайские переговоры 1768 г. (По материалам Журнала И.И. Кропотова) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М. 2008. С. 191—210; *Саркисова Г.И.* И.И.Кропотов и его миссия в Пекин в 1762—1763 гг. / Русско-китайские отношения в XVIII в. (1752—1765). Документы и материалы. М. 2011. Т. VI. С. 364—373.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768 г. Д. 2. Л. 65.

²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 256.

²¹ Бриль Адам Иванович — генерал-поручик, иркутский губернатор в 1767—1776 гг.

²² Панин Никита Иванович (1718-1783) — граф, русский дипломат и государственный деятель. С 1762 г. он — неофициальный советник императрицы Екатерины II по вопросам внутренней и внешней политики. (См. также: РКО в XVIII в. Т. 6. С. 388. Комментар. 6 к док. № 118).

²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 256 об. 257.

- ²⁴ Там же. 1763—1773. Д. 13. Л. 133 об.
- ²⁵ Там же. Л. 134—134 об.
- ²⁶ Там же. Л. 135—137.
- ²⁷ Там же. Оп. 62/2. 1763—1773 Д. 12. Л. 170 об.
- ²⁸ Там же. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л., Л. 257 об.
- ²⁹ Там же. Оп. 62/2. 1770—1773. Д. 19. Л. 164—164 об.
- ³⁰ Там же. Л. 165 об.
- ³¹ С. Власов получил звание премьер-майора осенью 1769 г. Там же. Л. 166.
- ³² Там же. Л. 168 об.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 170.
- ³⁵ По всей видимости, речь идет о том, что буряты часто нарушали пограничный режим с российской стороны. Примеры этого приведены в исследовании Е.М. Залкина. См.: *Залкин Е.М.* Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века. М. 1970. С. 317, 318.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1763—1773. Д. 12. Л. 170 об., 173.
- ³⁷ Там же. Л. 172.
- ³⁸ Там же. Л. 169.
- ³⁹ Там же. Л. 169 об.
- ⁴⁰ Там же. 1773—1782. Д. 21. Л. 369—370, 396—403 об., 528—531 об., 532—535.
- ⁴¹ Иркутский губернатор в 1776—1779 гг.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 33 об.
- ⁴³ Об этом учреждении см.: *Мясников В.С.* Лифаньюань и развитие отношений империи Цин с Россией в XVII—XVIII вв. // Восток — Запад. ист.-лит. альманах. 2009—2010 / под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2011. С. 103—111.
- ⁴⁴ Кличка Франц Николаевич (1730—1786) — генерал-поручик, русский военный и государственный деятель, иркутский губернатор в 1779—1783 гг.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 34 об. 36 об.
- ⁴⁶ *Сычевский Г.А.* Указ. соч. С. 62—63.
- ⁴⁷ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М. 2004. С. 44.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779. Д. 1. Л. 2—2 об.

- ⁴⁹ Там же. Л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Л. 5.
- ⁵¹ Там же. 1774—1786. Д. 1. Л. 15.
- ⁵² Тушету-хан (монг.) — наследственный титул одного из четырех правителей Халхи.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1763—1773. Д. 12. Л. 125 об.-126.
- ⁵⁴ Там же. Л. 127.
- ⁵⁵ Там же. Л. 129—129 об.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1768—1782. Д. 2. Л. 38—38 об.
- ⁵⁷ Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716—1786) — известный русский китаевед, один из основателей российского китаеведения, переводчик и секретарь Коллегии иностранных дел, автор многообразных по тематике переводов китайских и маньчжурских текстов.
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1763—1773. Д. 12. Л. 130 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 130 об.-131.
- ⁶⁰ Там же. Л. 132 об.-133.
- ⁶¹ Там же. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 24 об.
- ⁶² Там же. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 704 об.
- ⁶³ <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=355>.
- ⁶⁴ 30 сентября 1773 г. иркутский губернатор А.И. Бриль доносил в Коллегию иностранных дел о необходимости повышения в чине премьер-майора С. Власова. (См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. № 21. Л. 107—107 об.)
- ⁶⁵ 29 января 1780 г. иркутский губернатор Ф.Н. Кличка в письме графу Н.И. Панину обратился с просьбой о вознаграждении С. Власова. (См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. № 21. Л. 589—589 об.)
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1768—1782. Д. 2. Л. 38 об.
- ⁶⁷ Об акте подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории российско-китайских отношений: Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам) // Восток — Запад. Историко-литературный альманах. 2011—2012 / под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2013. С. 61—76.
- ⁶⁸ Русско-китайские договорно-правовые акты. (1689—1916). С. 57. Заргучей (дзаргучей) — см. сноску 2. Дзасак — правитель хошуна в Халхе.

⁶⁹ Павел I (1754—1801) — император России (1796—1801), сын Петра III и Екатерины II. Следует отметить, что в исследовании Г.Л. Кессельбреннера «Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время.)» данный указ ошибочно датирован 23 августа (Указ. соч. М., 1987. С. 193). Эта же неправильная датировка на основании его данных перешла в комментарии к сборнику документов РКО в XVIII в. Т. 3 (Коммент. к док. № 114. С. 487). Еще больше обращает на себя внимание тот факт, что успешное завершение упоминавшихся уже российско-китайских пограничных переговоров 1768 г. Г.Л. Кессельбреннер связывает с дипломатической деятельностью одного лишь А.Л. Леонтьева и его «удачную поездку» на китайскую границу неправомерно относит к 1767 г. (Указ. соч. С. 191). Как уже отмечалось, российско-китайские пограничные переговоры 1768 г. возглавлял полномочный комиссар полковник И.И. Кропотов, а А.Л. Леонтьев был секретарем и переводчиком.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 130.

⁷¹ Там же. Л. 18. Актуариус в России XVIII в. — канцелярский служащий (14 класса) в государственных учреждениях, регистрирующий акты или их составляющий.

⁷² Там же. Л. 22.

⁷³ Там же. Л. 107.

⁷⁴ Там же. Оп. 62/3. б/г. Д. 2. Л.1. 1779—1794. Д. 2. Л. 2 об.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 91.

⁷⁶ Там же. Л. 122 об., 122.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 118 об.-119. Маймайчэн — китайская торговая слобода у самой границы на монгольской территории.

⁷⁸ Там же. Л. 129.

⁷⁹ Азиатский департамент был создан в КИД в 1796 г.

⁸⁰ Лашкарев Сергей Лазаревич (1739—1814) — генерал-майор, искусный дипломат, управляющий Азиатским департаментом КИД с правом личного доклада Екатерине II, а впоследствии и Павлу I. Подробнее о нем см.: *Кессельбреннер Г.Л.* Указ. соч.

⁸¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 101.

⁸² Там же. Л.102 об., 103 об.-104.

⁸³ Там же. Л.105—105 об.

⁸⁴ Там же. Л. 122—122 об.

⁸⁵ Там же. Л. 108—113.

⁸⁶ Там же. Л.134—135.

⁸⁷ Там же. Л.155 об., 147 об., 148 об., 152, 152 об.

⁸⁸ Дистанция (фр.) — расстояние, участок протяжения, иногда округ, определенное пространство вообще под присмотром дистанционного (дистанционного) начальника.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779—1801. Д. 22. Л. 178.

⁹⁰ Там же. Л. 179-187 об.

⁹¹ Там же. Л. 188-190 об.

⁹² Там же. Л. 178.

⁹³ РКО в XIX в. Материалы и документы. 1803—1807. М. 1995. Т. 1. С. 865. Коммент. к док. № 4 и С. 925. Коммент к док. № 307.

⁹⁴ *Шмидт С.О.* Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени // Восток — Россия — Запад. К 70-летию акад. В.С. Мясникова. Исторические и культурологические исследования. М. 2001. С. 74.

Ян Юйхэн*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНР

Аннотация. Статья посвящена характеристике историко-философских воззрений, сказавшихся на процессах формирования концептуальной базы современного внешнеполитического курса КНР.

Ключевые слова: Китай; культурные традиции; философские воззрения; внешняя политика; преемственность внешнеполитического курса.

Внешняя политика любого государства формируется в соответствии с преобладающим в нем пониманием общей картины мира, а также собственных глобальных и/или региональных интересов. Само это понимание вытекает под влиянием произошедших в стране исторических событий, ее философских и культурных особенностей, общего менталитета. Таким образом проявляется внутринациональная преемственность и сквозьвременная логичность.

Как правило, философские и культурные традиции не исчезают под воздействием социально-экономических трансформаций. Наоборот, порой они способны стать причиной социаль-

* Ян Юйхэн, аспирант ИДВ РАН.

ных изменений в стране и способствовать им. В свою очередь, изменения в структуре и системе общественных и хозяйственных отношений могут привести к переоценке значения различных культурных феноменов и мировоззренческих концепций, а также стимулировать развитие новых культурно-философских явлений. Это происходит потому, что культура, диалектичная по своей природе, нуждается в изменении и обновлении социального бытия. Политико-экономические перемены дают новый импульс развитию духовной жизни общества¹.

Особенностью китайской традиционной философской культуры является то, что она непрерывно и неуклонно развивалась с древних времен и до наших дней. Классическая китайская философия неотъемлема от истории страны, она глубоко интегрирована в национальный менталитет. Со дня провозглашения КНР в 1949 г. и до настоящего времени дипломатическое мышление Китая несет на себе заметный отпечаток традиционных философских воззрений. Они в той или иной степени находят отражение в различных аспектах дипломатической активности и внешней политики страны в целом.

* * *

В китайской истории период VIII—III вв. до н. э. — эпохи Весен и осеней (Чуньцю): Сражающихся царств (Чжаньго) — характеризовался территориальной раздробленностью страны: существованием на земле Китая целого ряда царств (княжеств), ведших междоусобные войны на протяжении 500 лет.

Во время правления династии Восточная Чжоу (770—256 гг. до н. э.) в китайском обществе произошли серьезные изменения. Опишем некоторых из них.

Благодаря ускорившемуся в тот период экономическому развитию китайских царств в них сформировалась общественная прослойка, свободная от постоянного тяжелого физического труда и имевшая достаточно времени для интеллектуальной деятельности. Наука и материально-техническая база общества получили заметное развитие: астрономия, математика, оптика, акустика, механика, медицина достигли высокого по тем време-

нам уровня. Научные и технические достижения обогатили духовный мир народа и способствовали росту его уровня жизни. В силу этого доселе низкий социальный статус «интеллектуалов» повысился. Население, в том числе гражданское, обрело возможность получать образование не только в государственных, но и в частных школах.

Государство не вмешивалось в процессы образования и иной умственной деятельности. Сфера просвещения развивалась независимо от активности политических институтов. Появились интеллектуалы, создававшие письменные труды, в которых анализировались текущие события, излагались различные точки зрения, происходил обмен идеями, причем с учетом интересов различных социальных групп. Научно-философские группы не ориентировались на власть и не обслуживали интересы социальной «надстройки». Если их идеи и предложения оказывались востребованы властью, то эти группы продолжали свою работу на месте, а если нет — то они перемещались в другие княжества, где их деятельность довольно успешно продолжалась.

Политическая жизнь общества, при всей ее важности, также претерпевала определенные изменения. Влияние высшей феодальной аристократии на простое население снижалось. В эпоху династии Восточная Чжоу во многих вассальных государствах разразились социальные волнения и войны, продолжавшиеся 549 лет (770—221 гг. до н. э.). Монархи вассальных княжеств, стремившиеся обрести суверенный статус, а то и объединить под своим началом соседние территории, начали активно приглашать ученых и мыслителей, проповедывавших идеологию процветания единой мощной страны. В результате были созданы условия для развития немалого количества философских школ. Это явление получило название «Сто школ».

«Сто школ» — образное и не совсем точное выражение, которое, тем не менее, передает смысл происходивших процессов, отражавших появление и эволюцию нескольких мировоззренческих и просветительских учений. Более правильно говорить о «девяти течениях, десяти школах», к которым относятся²:

- конфуцианство, или, более точно, — школа классицистов/ритуалистов;

- даосизм, с его концепцией неделания (ненасилия) обнаруживает близость к легизму;

- моизм — школа, наиболее близкая к представлению об организованном учебном институте полурелигиозного свойства: объединяла выходцев из низших слоев общества, противник пышных аристократических ритуалов;

- легизм («школа законников»), противник конфуцианского традиционализма;

- натурализм — направление, позднее слившееся с даосизмом: уделяло особое внимание учению о пятичленной структуре, определяющей основные параметры мироздания (дерево, огонь, вода, земля, металл);

- школа дипломатии — «вертикального и горизонтального альянсов»;

- школа имен, представленная такими мыслителями, как Дэн Си, Хуэй Ши, Гунсунь Лун. Основная проблематика этой школы — соотношение «имен и реалей» (*мин-ши*). В историко-философской литературе школу также называют школой номиналистов и школой диалектиков. Считается, что наряду со школой моистов и конфуцианством она активно участвовала в формировании логического подхода в китайской философии;

- школа сельского хозяйства, проповедавшая идеи крестьянской утопической общинности и эгалитаризма;

- «эклехтика» — библиографический раздел, в котором были помещены трактаты, совмещающие учения многих школ;

- «малые школы».

Помимо этих десяти школ также упоминались:

- школа военных/стратегов;

- школа терапевтов;

- школа заклинателей/геомантов, сливающаяся с предыдущей и позднее впитанная даосизмом³.

Этим школам были не чужды идеи справедливого социального устройства внутри государства и миролюбия в его внешней политике. Каждое направление проповедывало свои понятия и категории, прошедшие испытание на «выживание» в период 500-летней войны. Эти категории противоречили друг другу, но зачастую находили точки соприкосновения и сливались в еди-

ные понятия. Квинтэссенция многих категорий дошла и до наших дней. Соответствующие идеи глубоко укоренились в общественной и интеллектуальной жизни Китая, не утратив своей актуальности и доныне. Так, конфуцианство, даосизм и моизм продолжают оказывать глубокое воздействие на современную внешнюю политику КНР.

Даосизм имеет особое значение в истории Китая. «Отцом» этого учения является Лао-цзы (примерные годы жизни 604—531 гг. до н.э.). Лао-цзы был пацифистом. Один из его основополагающих принципов — это, конечно же, мир, отсутствие конфликтов и войн. Философ писал:

«Когда мудрец властителю советы подает,
Как Дао следовать в процессе управления,
Военной силы он не одобряет применения —
Всегда насилие обратно рикошетом бьет.
Там, где прошли войска, один бурьян растет,
И следом за кампанией военной,
Приходят годы бедствий и невзгод.
Поэтому мудрец насилие всегда не добровольно выбирает,
И побеждает лишь тогда, когда его к тому противник вынуждает,
Необходимого добившись, дальше не идет.
Он, победив, в самодовольство не впадает,
Добычи, почестей и славы избегает
И власти большей от успеха не приобретает.
Ведь тот, кто на такой победе пышно расцветает
И много сил приобретает —
Тот одряхлеет рано и умрет.
Несоблюденье Дао сей конец печальный вызывает»⁴.

Принципы Лао-цзы имеют прямое отношение к концептуальному обоснованию современной внешней политики КНР. Так, после конфликта из-за Тибета, произошедшего в 1949 г., Китаю и Индии — сторонам этого противостояния — удалось нормализовать межгосударственные отношения путем подписания в 1954 г. двустороннего соглашения, согласно которому Индия признавала Тибет неотъемлемой частью КНР. В этом со-

глашении были провозглашены пять так называемых принципов *панча шила* (мирного сосуществования), а именно:

1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета.
2. Ненападение.
3. Невмешательство во внутренние дела.
4. Равенство и взаимная выгода.
5. Мирное сосуществование (о котором и мечтал Лао-цзы).

Позднее эти принципы легли в основу Итогового документа Бандунгской конференции 1955 г. и были приняты на вооружение Движением неприсоединившихся стран. Можно сказать, что вплоть до настоящего времени внешняя политика Китая основывается на принципах «панча шила»⁵. Подтверждением этому служат слова Ху Цзиньтао, сказанные им на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г.: «Китай продолжает всесторонне развивать дружбу и сотрудничество со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования»⁶.

По словам Лао-цзы,

«Оружие войны — зловещая примета,
И мудрый государь его поднимет для победы,
Лишь если выбора другого нет.
Он сохраняет самообладание при этом,
И радости не получает от побед.
Как может радовать причина множества смертей?
Тот, кто ликует — понимания не встретит у людей»⁷.

Лао-цзы были свойственны идеи диалектики, однако мыслитель понимал ее не как борьбу противоположностей, а как их примирение в развитии. А отсюда делались и практические выводы: «Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным (т. е. не проявлять насилия, не навязывать свою волю. — *Я.Ю.*)»⁸.

Основная идея философии, или этики, Лао-цзы — это принцип бездействия (неделания) и ненасилия. Мыслителем осуждалось всякое насильственное стремление что-либо совершить или изменить в природе или в жизни людей»⁹.

Не забывая об идеях Лао-цзы, КНР всегда выступала против применения силы при решении международных вопросов. Ныне Китай активно содействует шестисторонним переговорам по проблеме ядерной программы Северной Кореи. Кроме того, КНР стоит на позиции решения пограничных споров путем переговоров. Так, например, в результате серьезных и вдумчивых консультаций между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (14 октября 2004 г.) было подписано Дополнительное соглашение о демаркации российско-китайской государственной границы на восточном ее участке.

Что касается территориальных диспутов между КНР и Вьетнамом, Филиппинами, Японией о принадлежности ряда островов в Южно-Китайском море, Китай предлагает, чтобы все вовлеченные страны, отложив официальные дискуссии, совместно занялись практической разработкой природных ресурсов спорных островов.

Еще один принцип Лао-цзы гласит: «До поры надо скрывать свои таланты, скромно держаться в тени». Мудрец писал:

«Из желудя дуб вырастает в два обхвата толщиной,
Большая башня с кучки начинается земли,
И путь длиной во много сотен ли
Берет начало под твоей ногой.
Активный — портит дело, а стяжающий — теряет,
Поспешный — на краю успеха поражение встречает»¹⁰.

Однако этот принцип в Китае соблюдали не всегда: так, в 1950-х годах КНР пережила времена «Большого скачка», который представлял собой весьма специфическую экономическую и политическую кампанию, нацеленную на расширение индустриальной базы и резкий подъем экономики страны, но в итоге приведшую к трагическим последствиям для всего китайского народа. В то время Китай на 90 % являлся аграрной страной, остро нуждавшейся в модернизации и индустриализации экономики. Мао Цзэдун обосновывал политику «Большого скачка» марксистской теорией производительных сил, однако попытка этого лидера ускорить экономический рост Китая путем всеоб-

щей коллективизации, подмены профессионализма энтузиазмом, а также принятые неверные решения в области сельского хозяйства обернулись катастрофой: следствием «Большого скачка» стала физическая гибель от 20 до 40 млн человек, что сделало его крупнейшей социальной катастрофой XX в. (наряду со Второй мировой войной).

Другой китайский мыслитель — Мо-цзы (ок. 470—391 гг. до н. э.) в своих трудах говорил о масштабных войнах, требующих мобилизации сотен тысяч людей. Он подчеркивал, что многое зависит от того, короткая ли это война и ограничится ли ее продолжительность несколькими месяцами или же война окажется долгой и продлится годы¹¹. В военное время особо тяжелыми проблемами могут стать недостаток продуктов питания, трудности миграции населения, спасающегося от боевых действий, другие материальные и технические вопросы, способные явиться причиной болезней и смерти людей. При осаде и оккупации городов число жертв обычно весьма велико¹². Однако захватчик несет такие же огромные потери, как и жертва агрессии. Любая война приводит к тому, что большое количество людей теряют жилище и становятся беженцами.

Мо-цзы размышлял о том, какую антропогенную катастрофу можно назвать самой разрушительной в современном ему мире, и отвечал на этот вопрос так: «Большие страны нападают на маленькие страны, мощные страны грабят слабые страны, большое количество людей совершает насилие над малым количеством, аристократия презирает и обманывает простых людей. Это также является катастрофой»¹³. В книге «Мо-цзы» философ писал, что агрессия — это самая большая мировая катастрофа¹⁴.

Любая война, происходящая в истории человечества, приносит большую скорбь. В своем знаменитом стихотворении поэт Цао Сун (828—903 гг.) говорил, что «военные подвиги военачальников покрыты многочисленными скелетами»¹⁵.

Не только в далеком прошлом, но и в настоящее время войны приносят народам неисчислимые страдания. Многие люди, покидая места боевых действий, вынуждены становиться беженцами. У них нет стабильной работы, они зачастую голодают и подвергаются опасности. Их уровень жизни крайне низок, а смерт-

ность — высока. Не только люди страдают от войны, но и созданные человечеством духовные и материальные ценности. Так, в результате полувекового противостояния арабского населения Палестины и армии Израиля, палестинские города превратились в руины. Основная причина заключается в том, что стороны не принимают поведенческий код и мировоззрение друг друга.

Мо-цзы полагал, что катаклизмы в отношениях между государствами возникают из-за того, что страны и народы «не любят друг друга». Решение этой проблемы следует искать на пути «всеобщей любви» и «ненаступательности». Идея «всеобщей любви» заключается в том, что будь то государство или же индивидуум, все они должны толерантно относиться к другим расам, культурам, духовным ценностям, убеждениям, общественным системам, религиям и т. д. «Ненаступательность» предполагает существование не агрессивных войн, а сугубо оборонительных. То есть Мо-цзы не исключал войн как таковых, но считал оправданными только оборонительные войны. Философ полагал, что если все страны будут жить согласно его теории, то войны исчезнут и между народами воцарится мир.

Продолжая идеи Мо-цзы уже в наше время, председатель КНР товарищ Ху Цзиньтао в докладе на XVII съезде КПК подчеркивал, что Китай выступает за то, «чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием». Поэтому нужно в политическом плане, «друг друга уважая и друг с другом равноправно консультируясь, совместно продвигать демократизацию международных отношений. В экономическом — друг с другом сотрудничая и друг друга дополняя имеющимися преимуществами, совместно продвигать развитие экономической глобализации в сторону равномерного, для всех выгодного и выигрышного развития. В культурном — учась друг у друга, находя общее при наличии расхождений и уважая многообразие мира, вместе стимулировать процветание и прогресс человеческой цивилизации. В плане безопасности — друг другу доверяя и усиливая сотрудничество, твердо стоять на том, чтобы решать международные споры мирным путем, а не посредством войны, сообща защищать мир во всем мире и поддерживать стабильность»¹⁶.

Идеи гармоничного, ненасильственного мира получили свое продолжение в речи Ху Цзиньтао и на XVIII съезде КПК, где китайский лидер отмечал, что «бряцание оружием не ведет к прекрасному миру. Да — миру, развитию и сотрудничеству, нет — войне, бедности и конфронтации. Стимулирование создания гармоничного мира на Земле с прочным миром и общим процветанием — общее чаяние народов всех стран... Толерантность и взаимная учеба — то, что нужно уважать многообразие мировой цивилизации и путей развития, уважать и оберегать право народов всех стран на самостоятельный выбор общественного строя и пути развития, взаимно учиться и брать все полезное для себя друг у друга, а в целом стимулировать прогресс человеческой цивилизации... Китай выступает против всех видов гегемонизма и силовой политики, не вмешивается во внутренние дела других стран и никогда не будет стремиться ни к гегемонии, ни к экспансии...»¹⁷.

На протяжении веков самым распространенным и весомым учением в Китае оставалось конфуцианство. Его идеи проникли во все сферы жизни китайского общества. По словам Конфуция, «благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание. Маленький человек стремится к единству через послушание, но не стремится к единству через разномыслие»¹⁸.

Это значит, что мысли «благородных мужей» могут быть похожими, но способы реализации этих мыслей могут различаться. Например, чтобы победить фашизм, во время войны люди многих стран — солдаты, врачи, труженики тыла, исповедовавшие разные политические и религиозные взгляды, принадлежащие к обществам с различными социально-экономическим укладами, — имели единую цель — одолеть общего врага. Их «разномыслие» не воспрепятствовало «единству». Не только люди, но и организации способны действовать так, как говорил Учитель. Различные мировоззрения и несхожие между собой общественные образования и институты могут объединяться для достижения единой цели без «послушания» друг другу, но при согласовании и координации совместных, зачастую разнонаправленных усилий.

Использование силы для разрешения споров провоцирует появление и обострение международных и межэтнических отношений, что не соответствует принципам нового многополярного мироустройства, постепенно складывающегося после окончания «холодной войны». В 1960-е и 1970-е годы в китайско-советских отношениях существовали немалые проблемы, в том числе связанные с линией прохождения границы между двумя государствами. Наиболее рельефно эти трения проявились во время пограничных конфликтов на острове Даманский и у озера Жаланашколь. Но вооруженное противостояние не смогло привести к решению пограничной проблемы. Более того, эти трения привели к углублению недоверия между двумя странами и в целом ухудшили их отношения. Однако после окончания мировой «холодной войны» и в соответствии с Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, заключенным 16 июля 2001 г., Китай и Россия приступили к конструктивным переговорам по демаркации границы. Подписание в Пекине 14 октября 2004 г. Дополнительного соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части ознаменовало собой практически полное решение территориальной проблемы, существовавшей между Китаем и СССР/РФ. Благодаря устранению этой проблемы отношения двух стран вышли на новый уровень, что создало новые возможности для дальнейшего позитивного развития их стратегического партнерства, а также укрепления безопасности и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии (СВА)¹⁹.

В силу определенных исторически сложившихся причин, между государствами СВА существует целый ряд территориальных споров, угрожающих стабильности региона, как бомба замедленного действия. Китайская сторона полагает, что территориальные споры должны решаться путем мирного, конструктивного диалога.

В одном из переводов, объясняющем термины «хэ» (гармония) и «тун» (согласие, единство), сказано: «Благородные мужи при разногласии находятся в гармонии; у малых же людей гар-

монии не может быть и при согласии»²⁰. В плане мировой политики это означает, что государству необходимо иметь независимый внешнеполитический курс. Никакая страна не должна использовать свои собственные ценности и критерии при оценке жизни и деятельности других государств. И никакая страна не должна позволять навязывать себе чуждые ценности. Каждая страна должна находить точки соответствия своих интересов устремлениям других государств с целью выстраивания ситуации, «беспроигрышной» для всех вовлеченных сторон.

Во имя мирного сосуществования и совместного процветания необходимо взаимовыгодное сотрудничество государств, которое воплощается в жизнь путем конструктивных контактов, обменов, переговоров и диалогов, общих проектов для нахождения консенсуса мнений и достижения «хэ». В истории практически всех стран, народов и цивилизаций были периоды неравномерности и неоднозначности их отношений с соответствующими мировыми контрагентами. Контакты складывались то лучше, то хуже. Но когда все страны смогут выстроить между собой добрые партнерские отношения, тогда мир перейдет от этапа экономической глобализации к эпохе цивилизованного гармоничного сосуществования, которое и было идеалом Конфуция.

Председатель КНР Си Цзиньпин в докладе в парламенте Республики Конго 30 марта 2013 г. сказал, что Китай выступает за то, чтобы в международных отношениях обеспечивалось равноправие и взаимное доверие, терпимость и взаимное обучение, сотрудничество и обоюдный выигрыш, совместная защита международного равенства и справедливости. Государства должны следовать целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, подлежащим соблюдению всеми — большими и малыми, сильными или слабыми, богатыми или бедными странами, которые должны быть равноправны между собой. Государствам необходимо уважать многообразие мировых цивилизаций и путей развития, способствовать демократизации международных отношений и прогрессу человеческой цивилизации, защищать мир и стабильность и содействовать общим интересам человечества²¹.

Идея «*чжун юн*» является важной частью конфуцианства; «*чжун*» — это золотая середина, «не более, не менее»; «*юн*» — это обычность, обыденность²². Учитель сказал, что «обе крайности находятся в руках, но... надо использовать золотую середину»²³. Конфуцианство выступает против «крайностей», ищет пути их сглаживания и для успешного решения проблем поощряет поиски «золотой серединной стратегии (пути)» между противоположностями.

После образования КНР в 1949 г. и до начала 1970-х годов идея «*чжун юн*» пребывала в забвении. В это время внешняя политика Китая поддерживалась только представителями социалистического лагеря. КНР четко отличала врагов от друзей, пытаясь привить свою идеологию в странах-союзниках. Такая политика отражала одну «крайность». На мировой арене Китай противостоял капиталистическим странам, возглавляемым США, — сторонникам другой «крайности». В результате этого многие государства воздерживались от установления дипломатических отношений с КНР. В связи с «крайностями» во внешней и внутренней политике Китая развитие страны шло очень медленно. К тому же с начала 1960-х годов Китай вступил в период ухудшения отношений со многими социалистическими государствами. Все это в итоге побудило страну отказаться от «экстремальной» внешней политики. 1 января 1979 г. стал днем установления официальных китайско-американских дипломатических отношений. Это событие явилось первым свидетельством того, что во внешней политике Китай взял на вооружение идею «*чжун юн*» — «золотого серединного пути». Несмотря на то что в середине 1970-х годов в КНР развернулась непродолжительная кампания по осуждению учения Конфуция, для решения международных вопросов идея «*чжун юн*» страной по-прежнему использовалась. После окончания «холодной войны» на международной арене начался переход к многополярному мироустройству, и ныне Китай активно поддерживает эти процессы, препятствуя возвращению к «крайностям» биполярной структуры международных отношений.

Современная внешняя политика Китая стремится придерживаться баланса (равновесия): КНР старается избегать любых серьезных конфликтов с какими бы то ни было странами и ор-

ганизациями, ибо понимает, что государства и народы имеют собственную историю, а также право на свое мировоззрение и путь развития. Однако расхождения в национально-государственных интересах чрезвычайно усложняют международные отношения. В этих условиях китайская внешняя политика прилагает гигантские усилия для изыскания и поддержания компромиссных, устраивающих всех решений. Китай не становится на позиции ни одной из сторон конфликта, а стремится следовать «золотой серединной» линии между оппонентами.

Конфуций говорил: «Если вы не можете играть роль (воплощать собственный курс. — *Я.Ю.*), то должны отступить, чтобы обогатить и совершенствовать себя»²⁴. Законы человеческого бытия находят отражение в устройстве государства, а общественные законы проецируются на мировую арену. Исходя из опыта исторических событий, имевших место в Китае в 1840—1945 гг., китайская нация осознала истину, что «слабое государство не имеет дипломатии». Помня об этом, китайский лидер Дэн Сяопин (1904—1997 гг.) и его преемники заявили, что ныне, когда на международной арене нет общемировых, крупномасштабных войн, государство должно использовать это время в целях динамичного развития нового Китая и прилагать действенные усилия для поддержания стабильности окружающей КНР интернациональной среды.

После провозглашения курса на реформы и открытость (в конце 1970-х годов) энергичное развитие страны стало основной задачей китайского общества и государства. На рубеже XX и XXI вв. международная обстановка претерпела и продолжает претерпевать серьезные изменения. Ввиду окончания «холодной войны» между сверхдержавами и формирования многополярного мира, внешняя среда Китая становится более сложной, многокомпонентной и переменчивой. КНР часто сравнивает свое развитие с тем, как люди «переходят реку вброд, нащупывая камни». Это означает, что Китаю надо самостоятельно искать и находить свой путь развития. Основоположник современных китайских реформ Дэн Сяопин предложил новую концептуальную систему, названную «социализмом с китайской спецификой». Для ее иллюстрации китайский лидер использо-

вал сычуаньскую поговорку, гласящую: «Неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей».

В традиционной китайской культуре идея «дорожить хэ» была основной. Многие философские школы расценивали «хэ» как стержневой элемент их учений. Несмотря на некоторые несоответствия в своих воззрениях, все китайские традиционно-философские школы опирались на сходные фундаментальные ценности: они рассматривали Китай как центр мира, как великую страну. Они полагали, что культура Китая являлась самой передовой в мире.

Когда Китай был на подъеме своего исторического развития, он мог завоевывать колонии и тем создавать себе рынки сбыта, и поэтому для государства мирная внешняя политика не была приоритетным направлением государственной деятельности. Например, в 1405—1430 гг., во время династии Мин, по приказу императоров Чжэн Хэ (путешественник, флотоводец и дипломат) совершил семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки [в частности, в Тямпа — государство (объединение княжеств), существовавшее в VII—XVII вв. на территории современного Центрального и Южного Вьетнама; на Мальдивы; в Могадिशу — современное Сомали, и т. д.]. Минские императоры покровительствовали этим экспедициям, которые хоть и на короткий срок (несколько десятилетий), но сделали многочисленные царства Малайского полуострова, Индонезии, Шри-Ланки и Южной Индии вассалами Минской империи. Даже во времена главного покровителя Чжэн Хэ — императора Чжу Ди — экспедиции Чжэн Хэ подвергались критике со стороны многих представителей конфуцианской элиты Китая, считавших их ненужными и дорогостоящими императорскими затеями. Каждый его вояж требовал больших затрат, которые постепенно стали финансовым бременем для императорской казны. После смерти Чжэн Хэ и императора Чжу Чжаньци (внука Чжу Ди) в правительстве минского Китая изоляционистские взгляды возобладали. В результате государственные морские экспедиции были прекращены, и боль-

шинство технической информации о флоте Чжэн Хэ было уничтожено или утрачено²⁵.

Не только минский Китай, но и другие страны, например Британская империя, Испанская империя, так и не смогли навечно сохранить свои колонии в силу движения за независимость в «вассальных» землях, утраты метрополиями их былой мощи и других причин. Понимая всю неконструктивность военно-силового метода укрепления своих позиций на международной арене, современный Китай стремится строить с другими государствами мирные отношения, способствующие развитию КНР на длительную перспективу.

Когда же Китай был недостаточно сильным, он старался сохранять мирные отношения с соседними странами. Из-за военного давления со стороны династии Цзинь (1115—1234 гг.) элиты династии Южная Сун (1127—1279 гг.) разделились на партии сторонников мирных переговоров и приверженцев силового противостояния. В связи с превалированием партии «мирных переговорщиков» внешняя политика династии Южная Сун опиралась главным образом на тактику подношения подарков и задобривания, благодаря чему и удавалось предотвращать войны и сохранять мир. Экономические и культурные достижения династии Южная Сун были весьма значительны²⁶.

Когда Китай вышел из столетней войны (1840—1949 гг.), очевидным образом проявилось различие в уровнях развития Поднебесной и других государств. В связи с этим главным во внешней политике Китая стало создание и поддержание мирных условий для внутреннего развития. Будь то конфуцианские «хэ» и «чжун юн», «бездействие (неделание)» даосизма или «всеобщая терпимость» и «ненаступательность» Мо-цзы — все эти идеи использовались для обоснования необходимости мирной внешней среды для внутреннего роста. Только тогда у страны появляется энергия для решения собственных задач, когда ее внешнеполитическая деятельность не «зациклена» на проблемах напряженного межгосударственного противоборства. Только в этом случае страна может сосредоточиться на внутренних реформах для постепенного наращивания своего социально-экономического потенциала.

В эпохи Весен и осеней (Чуньцю) и Сражающихся царств (Чжаньго) войны велись на протяжении 500 лет, но когда военные действия между враждующими вассальными княжествами прекращались и наступал относительный мир, государство получало возможность проводить политические реформы и развивать экономику. Политические реформы вассальных княжеств, например таких правителей, как Ли Куй (реформа 422 г. до н.э., княжество Вэй), У Ци (386 г. до н.э., княжество Чу) и Шан Ян (356 г. до н.э., княжество Цинь), были проведены именно во время мирных «передышек».

В новейшей истории глобальное развитие не могло успешно продолжаться в периоды двух мировых войн, ибо положение и победителей, и побежденных оказывалось печально. Цена победы была весьма велика. Учитывая это, КНР ныне «держится в тени», ничем «не проявляет себя», но не остается безучастной к происходящему в мире, ибо именно в такой взвешенной линии она усматривает возможность для оптимальной ненасильственной защиты своих интересов²⁷.

31 марта 2011 г. на пресс-конференции по поводу публикации Белой книги «Национальная оборона КНР-2010» представитель Министерства обороны Китая подчеркнул, что сам путь развития КНР, основные задачи ее внешней политики и исторические и культурные традиции требуют проведения именно оборонной политики, направленной на обеспечение защиты государства. Дабы сгладить напряженность в международных отношениях и устранить у других стран ощущение угрозы, исходящей-де от стремительного роста мощи КНР, китайская сторона на различных уровнях многократно подчеркивала сугубо оборонительный характер своей внешней и военной политики. XVIII съездом КПК было подтверждено, что Китай придерживается оборонительной концепции внешней политики и что цель его оборонного строительства заключается в охране суверенитета, безопасности и территориальной целостности государства, в обеспечении мирного развития страны²⁸.

Экономический прогресс — главная задача современного Китая, нацеленная на повышение уровня жизни населения страны и поддержание благоприятной внешней среды. Через 35

лет после начала политики реформ и открытости хозяйственное развитие Китая достигло небывалых высот. Экономика КНР стала второй в мире после США. Уроки истории и приобретенный опыт показывают, что в условиях сложной и изменчивой международной ситуации Китаю необходимо как можно дольше и эффективнее проводить мирную внешнюю политику, ибо устойчивая неагрессивная международная среда является необходимой предпосылкой дальнейшего успешного развития КНР.

В заключение хотелось бы отметить, что развитым странам по обеим сторонам Атлантического океана присущи общие черты в том плане, что все эти государства на протяжении 500 лет после открытия Нового Света умели эффективно использовать особенности внешней международной среды для нужд своей исторической эволюции и экономического роста. И это стало «визитной карточкой» их дипломатической культуры. Развитие Китая также не может не опираться на опыт его истории и культуры. Разные философские школы вызревали в Китае в течение тысячи лет. Они постоянно проходили через испытания, совершенствование, обновление. В настоящее время их идеи творчески используются в комплексной дипломатии КНР: не принимаются те из них, которые не отвечают требованиям современного социально-экономического прогресса страны, но используются те положения и постулаты, которые соответствуют и способствуют задачам развития Китая. Внешнеполитические концепции КНР создаются путем интеграции сохранивших актуальность традиционных воззрений и требований современности.

Примечания

¹ См.: URL: <http://www.doc88.com/p-38161402733.html>.

² Подробнее см.: «Сто школ». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB и смежные ссылки

³ Там же.

⁴ См.: *Лао Цзы*. Дао Дэ Цзин : [Грань содержания]. Глава 30. URL: <http://lib.guru.ua/POECHIN/lao5.txt>

⁵ См.: Пять принципов мирного сосуществования. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Пять_принципов_мирного_сосуществования](http://ru.wikipedia.org/wiki/Пять_принципов_мирного_сосуществования)

⁶ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>

⁷ См.: *Лао Цзы*. Указ.соч. Глава 31.

⁸ См.: *Лао-Цзы*. Указ. соч. Приводится по: URL: <http://dialektika-eniol.org.narod.ru/bibl-all/20.html>

⁹ См.: Лао-цзы. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BE-%D1%86%D0%B7%D1%8B>

¹⁰ См.: *Лао Цзы*. Указ.соч. Глава 64. URL: <http://lib.guru.ua/POECHIN/laos5.txt>

¹¹ Мо цзы (Мо-цзы). Яньцзи. 2001. С. 48.

¹² *Dong Zhitie*. Ideal and Hankering of “Universal Love” and “Censure on War” and the Diplomatic Strategy and Practice of New China // Journal of Chongqing University of Technology (Social Science). Vol. 24. № 62010. P. 64—68.

¹³ Мо-цзы (Мо-цзы). Наньцзин, 2009. С. 51.

¹⁴ См.: *Ху Синдоу*. Го сюе пи пань: го сюе ин и мо сюе вэй хэ синь (Критика китаеведения: модизм является ядром китаеведения). URL: <http://www.chinavalue.net/Biz/Article/2008-4-13/109132.html>

¹⁵ *Цао Сун*. Цзи хай суй : [Год «цзи-хай»] // Пэн Динцю. Цюань тан сы : [Стихи Династии Тан]. Яньцзи, 2004. С. 4460.

¹⁶ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст). URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_21.htm

¹⁷ Доклад Ху Цзиньтао на 18 съезде КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>; URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023973.html>

¹⁸ *Переломов Л.С.* Конфуций. Лунь юй. М.: Восточная литература, 1998. С. 369.

¹⁹ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. — М: Памятники исторической мысли, 2008. С. 45.

²⁰ Перевод И.И. Семененко. Приводится по: *Семененко И.И.* Конфуций. Я верю в древность. М.: Республика, 1995. С. 125. О многозначности перевода на русский язык понятий 和 (хэ) и 同 (тун) см.: *Переломов Л.С.* Конфуций. Лунь юй. М.: Восточная литература, 1998. С. 396—397.

²¹ Си Цзиньпин цзай ган го гун хэ го и хуй дэ юань цзян (цюань вэн) : [Речь Си Цзиньпина в Парламенте Республики Конго (полный текст)] от

30.03.2013. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/zyjh_611308/t1026962.shtml (перевод автора).

²² *Чжоу Си*. Сы шу чжан цзой цзи чжу : [Комментирование глав «Четырехкнижия»]. Чэнду, 2002. С. 710.

²³ Чжун юн : [Золотая середина и обыденность]. Глава 6 // Чжу Си. Сы шу чжан цзой цзи чжу : [Комментирование глав «Четырехкнижия»]. Чэнду, 2002. С. 714.

²⁴ *Чжоу Юншен*. Жу цзя сы сян юй го цзи гуань си : [Конфуцианство и международные отношения] // Лян Шоудэ. 21 ши цзи: дун я вэн хуа юй го цзи гуань си : [21 век: Восточноазиатская культура и международный сообщество]. Пекин, 2002. С. 299.

²⁵ См.: Чжэн Хэ. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D1%8D%D0%BD_%D0%A5%D1%8D

²⁶ См.: Song Dynasty. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Song_Dynasty

²⁷ *Галенович Ю.М.* К вопросу о российско-китайском глобальном партнерстве / Россия и Китай — сотрудничество в условиях глобализации. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 8—9.

²⁸ См. Доклад Ху Цзиньтао на 18 съезде КПК (20). URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023972.html>

SUMMARY

Vladimir Ya. PORTYAKOV. ON CHINA'S COMPREHENSIVE NATIONAL POWER: APPROACHES TO ESTIMATION, STRUCTURE, DYNAMICS AND PROSPECTS. The article analyses the variety of approaches towards the “comprehensive national power” estimates, given by experts of different countries. The author evaluates contemporary level of China's comprehensive national power, its structure and possible evolution in the near future.

Keywords: comprehensive national power, China, USA, contemporary level, structure, future prospects.

Sergey G. LOUSIANIN. CHINA IN THE SYSTEM OF GLOBAL AND REGIONAL SECURITY. The article analyzes China's global and regional positioning in the world, Chinese-Russian relations after the May (2014) visit of Russian President V. Putin to China (Shanghai) and possibility of creating between Russia and China of so-called Big deuce to counter the US domination as well.

Keywords: China, Russia, security, global issues of Russian-Chinese strategic partnership, United States, regional cooperation.

Anatoly F. KLIMENKO. RUSSIA AND CHINA IN THE SECURITY SYSTEM OF NORTH-EAST ASIA. The article examines factors determining the increase of the North-East Asia (NEA) significance in the system of international political relations. While disclosing the situation in this sub-region of Asia Pacific (AP), the author demonstrates both: the unacceptability of the existing security system, built on bilateral military-political alliances and non-effectiveness of newly created structures combining a large number of Asian states with differing and sometimes confrontational interests as well. The article estimates challenges and threats to the interests of the Russian Federation in North-East Asia on a background of the becoming trend of the “new bipolarity” in North-East Asia which can lead to the restoration of dividing lines in the sub-region. The impact of the afore-mentioned threats and

challenges to the security of the RF, Russia's efforts to build security systems acceptable to all NEA states as well as recommendations to protect Russia's interests in this AP sub-region are also presented.

Keywords: North-East Asia, Asia-Pacific, security system, Russia's national interests, challenges and threats, “new bipolarity” in North-East Asia, U.S., Japan, China, India, Eastern Siberia and the Far East, protection of Russia's interests.

Alexander G. LARIN. ON THE ANALYSIS OF NEW FACTORS IN THE FOREIGN POLICY OF THE PRC. Activation of China's foreign policy — its “going out of the shadow” due to the increase of national power, is studied here through two cases: (1). China has considerably expanded its economic cooperation with European countries and created favorable conditions for increasing its presence in Ukraine. As a result of the Ukrainian crisis China has gained an advantage in relations with Russia. (2). In Asia-Pacific the increase of China's influence leads to the marginalization of Taiwan for whom integration with the mainland (strongly stimulated by Beijing) becomes the only possible way to survive. This induces in Taiwan the feeling of the inevitable reunification with the mainland, and in the USA — the idea that the long-term course for support of the Taiwan's status quo will be inefficient.

Keywords: drive to the West, China and Europe, China and Ukraine, mainland—Taiwan unification.

Yury V. MOROZOV. COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STRUGGLE AGAINST SEPARATIST MANIFESTATIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST AND IN CHINA. The article examines manifestations of separatism in the Russian Far East as a threat to the sovereignty and security of the RF and analyzes the experience of the struggle against the phenomenon in China. The author offers a number of recommendations for Russian authorities on the decreasing of separatism sentiments in this country with the account of relevant China's experience.

Keywords: Russia, China, Siberia, Far East, separatism, regionalism, globalization, economics.

Leonid Ye. VASILYEV. RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE STRUGGLE AGAINST TERRORISM. The article is dedicated to the assessment of the efficiency level of cooperation between Russian Federation and People's Republic of China in their joint opposition to the “three evil forces” in the area of the Shanghai Cooperation Organization and to the possible scenarios of the nearest future in Central Asia. The paper also character-

izes potential responses of two SCO major countries to the new regional security challenges.

Keywords: China, Russian Federation, USA, regional security, security challenges and threats, international terrorism, separatism, extremism, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the SCO area, anti-terrorism maneuvers, “global anti-terrorism operation”.

Vladimir Ye. PETROVSKY. PARTICIPATION IN GLOBAL GOVERNANCE INSTITUTIONS AND THEIR REFORMING: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA'S AND CHINA'S EXPERIENCE. The article deals with the comparative analysis of the participation of Russia and China in the current system of Global Governance, and also in the reformation of the latter. The author examines specificity of the two countries' participation in the system of Global Governance as part of their foreign policy strategy and, in this respect, shows common and distinctive features of conceptual and practical approaches of Moscow and Beijing towards the Global Governance, determined by factors of their history, economic development, political culture and traditions.

Based on this comparative analysis, the author speculates on future trends of the participation of the two countries in the Global Governance in the spheres of global economy and international security, and also on prospects of their policy coordination in these respective areas.

Keywords: Concept of 'Harmonious World', global economy, international security, World Trade Organization, International Monetary Fund, international security assistance, policy coordination, Shanghai Cooperation Organization, BRICS.

Andrey S. DAVYDOV. THE “NEW TYPE” CHINA-US RELATIONSHIP AND RUSSIA'S FACTOR IN GLOBAL AND REGIONAL DIMENSIONS. The author makes an attempt to describe in brief reasons which made PRC and USA to reach an agreement on the establishment of so-called new type of relationship between the two countries. The impact of the new relationship format on their policy towards Russia at global and regional levels is also considered.

Keywords: PRC, USA, Russia, new type of relationship, formation of a new “triangle”.

Sergey V. UYANAIEV. CHINA AND INDIA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES OF THE CURRENT STAGE OF RELATIONS. The article examines trends in the development of relations between China and India in the current decade. The author analyzes major achievements of bilateral

cooperation in various fields and shows a considerable number of problems that hinder further effective promotion of the countries' dialogue. The position of Russia, manifested in various aspects, including the framework of the RIC structure, is also observed. The final conclusion is that in Chinese-Indian relations positive trends prevail over problems, and that makes solid basis for further development of the bilateral cooperation.

Keywords: China, India, cooperation, partnership problems, rivalry, competition, Russia's interests.

Andrey O. VINOGRADOV. EUROPEAN VISIT OF XI JINPING: NEW CHINESE DIPLOMACY IN ACTION. The article considers the visit of Chinese President Xi Jinping to Europe in March 2014 notable for its special significance: Xi Jinping visited four countries — China's key partners in the continent, headquarters of EU and UNESCO and presented the concept of nuclear security at the summit in The Hague. The author stresses the idea that the voyage of Xi has demonstrated not only the increased activity of China in international affairs, but also its new role on the international arena as one of the leading centers of world politics.

Keywords: China, Europe, EU, Xi Jinping, world politics, international relations.

Dmitry V. GORDIENKO. CHINA'S IMMUNITY AGAINST MILITARY THREATS AND COMPARISON OF MILITARY SECURITY LEVELS OF CENTRAL AND NORTHEAST ASIA. The article is devoted to the evaluation of the military security level of the People's Republic of China. Approaches to the military security of China in current circumstances associated with the aggravation of the economic confrontation are also analyzed.

Keywords: military security, military security level, military security of a state, People's Republic of China.

Elena I. SAFRONOVA. SIGNIFICANCE OF THE SCO HUMANITARIAN COOPERATION AND RUSSIA'S RELEVANT INTERESTS. The article presents the author's definition of “humanitarian interests” of a country, analyzes parameters of humanitarian cooperation of the SCO member states, as well as factors favoring and hindering its development. The author describes Russia's humanitarian interests in the “SCO direction” and sets out a number of proposals to diversify areas of humanitarian cooperation in the SCO, as well as efforts to optimize already existing ones.

Keywords: SCO, Russia, China, humanitarian cooperation, foreign policy interests, public diplomacy, cultural ties, illegal migration, health care,

education, drug threat, environmental degradation, ecology, prevention of ethnic conflicts.

Anatoly V. BOLYATKO. CURRENT TRENDS IN THE SITUATION DEVELOPMENT IN THE EAST CHINA SEA. The article analyzes current status and prospects of the situation in the East China Sea area connected with the creation of the Chinese Air Defense Identification Zone. The stances of regional states, freedom of navigation, air traffic, military exercises also got their consideration.

Keywords: East China Sea, defense identification zone, regional security, freedom of navigation.

Alexander S. ISAIEV. CHINA AND THE "UKRAINIAN CRISIS": CHOICE OF A STRATEGY. The article analyzes main factors that have influenced the forming of China's position on the «Ukrainian crisis» (first half of 2014), taking into account the geo-economic and geo-political interests of the PRC. The author scrutinizes risks and challenges that have resulted from the crisis for Sino-US, Sino-EU, Chinese-Ukrainian and Russian-Chinese relations. Special attention is paid to Russian-Chinese relations in the circumstances of the power balance reformatting on the international arena.

Keywords: China, "Ukrainian crisis», USA, EU, China-US relations, Chinese-Ukrainian relations, Russian-Chinese relations, BRICS.

Oleg A. TIMOFEYEV. CRISIS IN UKRAINE AND ITS IMPACT ON RUSSIAN-CHINESE RELATIONS. The major economic dimension of earlier established China-Ukraine strategic relations, which have been focusing on substantial investments in South-Eastern Ukraine and leasing of farmlands in the same region, nowadays is being destabilized. Under current circumstances, China's policy would be seemingly fashioned by the factors of its geopolitical strategic partnership with Moscow, and prospective engagement in economic project of the Peninsula as well. In multilateral institutions, China on a par with BRICS nations forms ad hoc coalition to maintain amicable neutrality towards Russia.

Keywords: Ukraine, strategic partnership, farmlands leasing, Crimea, non-interference in internal affairs, United Nations, mission of good offices.

Alexander Ch. MOKRETSKY. CHINESE FACTOR IN POLITICAL CHOICE OF UKRAINE AND ARMENIA IN MODERN POLYCENTRIC WORLD. Currently, the world is influenced by contradictory trends: from one hand, by extending integration processes being stimulated by globalization, and from the other — by consequences of still burning global economic and finan-

cial crises and serious challenges to regional and global security. Under these conditions, it seems interesting the trace political choice of Ukraine and Armenia which they may make.

Keywords: China, Russia, Ukraine, Armenia, EU Eastern Partnership, USA.

Vladimir A. MATVEEV. RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN ECONOMY, TRADE, INVESTMENT, ENERGY AND TRANSPORT OF THE SCO: MODERN TRENDS. The article is devoted to modern trends in the development of Russian-Chinese cooperation in the SCO. The author also analyzes problems of industrial cooperation in the Central Asian region and potentiality of the Russian-Chinese strategic partnership in transport and energy sectors.

Keywords: integration, international cooperation, development model, Customs Union, SCO, "Silk Road economic zone (belt)" concept, energy cooperation.

Vyacheslav I. BALAKIN. PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN EXTERNAL INTEGRATION PROJECTS OF THE PRC. In recent years, China has increased the number of integration projects implemented abroad. The region of East Asia is the main destination for Chinese direct investment, which is primarily allotted to the development of the infrastructure of interested East Asian states. As the most common form of cooperation in this sphere, China prefers so-called public-private partnerships (PPP). The PPPs, as practice shows, guarantee efficiency of large-scale Chinese investments. China has already acquired considerable experience in using PPPs with participation of overseas investors in China's domestic economy. That gives Chinese companies opportunity to utilize relevant experience during the fulfillment of international projects within the East Asian integration framework.

Keywords: public-private partnership, China, East Asia, integration, investment.

Larissa N. SMIRNOVA. ON THE ADAPTATION OF CHINA'S ANTI-CORRUPTION SYSTEM TO INTERNATIONAL CHALLENGES. The main anti-corruption challenge of today is no longer corruption within a country's borders but the flight abroad of the corruption proceeds. In this case, even the threat of death penalty for corruption loses is claimed to have deterrent effect. When the suspect might face death penalty upon repatriation, some Western countries may even refuse to cooperate on extradition and asset recovery because of human rights considerations. Harsh intra-Party investigative techniques are not efficient either: its relevant bodies do not

have power to gather evidence abroad. Based on the study of the published documents, the paper proposes a forecast of possible reforms that China might intend to undertake in its anti-corruption system in order to deal effectively with modern international forms of corruption.

Keywords: China, corruption, political reform, Central Commission for Discipline Inspection of the Communist Party of China, Third Plenary Session of the 18th CPC Central Committee.

Sergey G. LOUSIANIN, Dmitry V. GORDIENKO. ON THE ESTIMATION OF THE ECONOMIC SECURITY LEVEL OF RUSSIA'S FAR EASTERN BORDER REGIONS. The article is devoted to the estimation of the economic security level of Primorsky, Khabarovsk, Amur and Sakhalin regions of the RF. Approaches to the economic security of Russia's Far Eastern border regions in current circumstances are also analyzed.

Keywords: economy, level of economic security, estimation of the economic security level, border regions of Russian Far East, Far Eastern Federal District, Russian Federation.

LI Suian. STUDIES IN THE HEILONGJIANG PROVINCE OF DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF THE USSR / RUSSIAN FEDERATION. Among all Chinese provinces Heilongjiang has closest economic and cultural ties with Far Eastern regions of Russia. Much of the border between China and Russia lies in Heilongjiang Province, which thereby earned the nickname of "Large Frontier Province." Therefore, Russian problems' study is a crucial task for scholars in Heilongjiang.

Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences is the highest scientific research institution in Heilongjiang; it pays great attention to the study of Russia. Its Institute of Russian Research specializes in the study of Russia, while some scholars of its Research Institute of History and Research Institute of North-East Asia also study issues of Russia. During a period of several decades, a number of outstanding scholars and abundant research achievements have come out of the Academy, where lots of post-graduate students were brought up. The magazine «Siberia Research» enjoys great fame in China and abroad.

Key words: China, Russia, Heilongjiang Province, the study of foreign and domestic policy of Russia, scientific publications, cultural and scientific cooperation.

Maria V. ALEXANDROVA. JAPANESE CAPITAL AND ITS ROLE IN THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF NORTHEAST CHINA (LATE XIX CENTURY — 1945). At the end of the XIX and the beginning

of the XX century, Northeast China became a field of collision of Russian and Japanese political and economic interests. The article traces the history of the penetration of Japanese capital into the region from sectoral and spatial point of view. The author characterizes and examines in detail reasons, principal factors and the very process of the regional industry's restructuring in the period of Manchukuo.

Keywords: Russian Empire, Manchuria, Manchukuo, the South Manchurian Railway, Mukden incident, heavy industry, restructuring, five-year plan, coal industry, metallurgy, chemical industry, energy.

Galina I. SARKISOVA. RUSSIA'S BOARD OF FOREIGN AFFAIRS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY: SOME ASPECTS OF THE FORMING OF THE PERSONNEL POLICY IN CHINESE DIRECTION (on archival materials). The article is devoted to some aspects of personnel policy of Russia's Board of Foreign Affairs in the Chinese direction in the second half of the XVIII century, associated with appointment of Border Commissioners and supervision over their efforts. The work is based on archival materials.

Keywords: Border Commissioner, Board (Collegium) of Foreign Affairs, Treaty of Kyakhta, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, S.F. Vlasov, A.I. Sokolov.

YANG Yuheng. HISTORICAL ROOTS OF THE CONCEPTUAL BASIS OF THE PRC'S CONTEMPORARY FOREIGN POLICY. The article is devoted to the description of historical and philosophical beliefs which have influenced the forming of the Chinese modern foreign policy conceptual basis.

Keywords: China, cultural traditions, philosophies, foreign policy, foreign policy continuity.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XIX

Ежегодное издание

Редактор *П.М. Кожин*
Корректоры *О.У. Муфаззалова, Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.09.2014.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 25,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)
Заказ № 19

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам издательской деятельности ИДВ РАН —
Отдел научных изданий,
тел.: +7-499-129-0200;
по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.